

Ирвин Уэлш

ОНИ ДЕРЬМО ЕДЯТ

«Дерьмо» — это **НИККИР** Ирвина Уэлша, возможно, лучший из его романов».

Independent

КОНСТАНТИН

«Игры — единственный способ пережить работу... Что касается меня, я тешу себя мыслью, что никто не играет в эти игры лучше меня...»

Приятно познакомиться с хорошим парнем и продажным копом Брюсом Робертсоном!

У него все хорошо.

За «крышу» платят нормальные деньги.

Халявное виски льется рекой.

Девчонки боятся сказать «нет».

Шантаж друзей и коллег процветает.

Но ничто хорошее, увы, не длится вечно... и вскоре перед Брюсом встают две проблемы.

Одна угрожает его карьере.

Вторая, черт побери, — его жизни!

Дерьмо?

Слабо сказано!

- [Ирвин Уэлш](#)

- [ПРОЛОГ](#)
- [ИГРЫ](#)
- [ПРЕСТУПЛЕНИЯ](#)
- [СТАЛЬНЫЕ КОЛЕСА](#)
- [ПРИКАЗ](#)
- [РАССЛЕДОВАНИЯ](#)
- [КЭРОЛ](#)
- [РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ](#)
- [ЖЕСТКИЙ РАЗГОВОР](#)
- [Я НЕМНОГО ГРУШУ ПО ТЕБЕ](#)
- [ДОМА С БАЕЙДСАМИ](#)
- [ВЫКЛЮЧАЮ ГАЗ](#)
- [СНОВА КЭРОЛ](#)
- [ЗАРАЖЕННЫЕ УЧАСТКИ](#)
- [ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ](#)
- [ПОД ПРИКРЫТИЕМ](#)
- [«КОК-СИТИ»](#)
- [И СНОВА КЭРОЛ](#)
- [НОЧНОЙ ДОЗОР](#)
- [СЫПЬ](#)
- [ГОЛЫ](#)
- [ПОСТПРАЗДНИЧНЫЙ БЛЮЗ](#)
- [БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ МАТЧ](#)
- [СЮРПРИЗ-ПАТИ](#)
- [И ЕЩЕ КЭРОЛ](#)
- [ЧАСТНЫЕ УРОКИ](#)
- [ВЕЧЕР С ДАМАМИ](#)
- [КЭРОЛ ВСПОМИНАЕТ АВСТРАЛИЮ](#)
- [ГЛИСТЫ И НАЗНАЧЕНИЯ](#)

- [МАСОНСКИЕ ШТУЧКИ](#)
  - [РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ](#)
  - [НЕ СПИТСЯ](#)
  - [АВТОМАГНИТОЛА СЖЕВАЛА ПЛЕНКУ МАЙКЛА БОЛТОНА](#)
  - [ЛОЖА](#)
  - [ОБЩЕСТВО ТАЙН](#)
  - [ОБЕД У СПОРТСМЕНА](#)
  - [ВЫХОД ЧАРЛИ](#)
  - [ОПЯТЬ КЭРОЛ](#)
  - [РАССКАЗЫ ЛЕНТОЧНОГО ЧЕРВЯ](#)
  - [ДОМ - ТЬМА](#)
-

Ирвин Уэлш
Дерьмо

ПРОЛОГ

Проблема таких, как он, в том, что они думают, будто могут плевать на таких, как я. Они не понимают, в каком мире мы сейчас живем; не понимают, что несчастные и запуганные требуют внимания и признания. Он был очень самоуверенным молодым человеком, таким довольным собой.

Был.

Сейчас он стонет; кровь густо вытекает из ран на голове, а желтые растерянные глаза шарят по сторонам, отчаянно стараясь обнаружить в обступившей унылой темноте хоть какую-то ясность, какое-то значение. Как же ему должно быть одиноко.

Сейчас он пытается говорить. И что же такое он тужится мне сказать?

Помогите. Полиция. Больница.

Или, может, помогите, пожалуйста, больница? В общем-то не важно - сия маленькая деталь не имеет ровным счетом никакого значения, потому что жизнь уходит из него: человеческое существование свелось к униженным мольбам о срочной помощи.

Вы оттолкнули меня, мистер. Вы отвергли меня. Отбраковали. Вы обманули меня и разлучили с моей любимой. Я уже видел нас раньше. Давно, когда вы валялись там, как сейчас валяетесь здесь. Черный, сломленный, подышающий. Я радовался тогда и рад сейчас.

Я опускаю руку в сумку и достаю молоток-гвоздодер. Обрушиваю молоток на его голову, чувствуя странную раздвоенность, как будто часть меня не здесь, а где-то еще. Он ничего не может сделать. У него нет сил сопротивляться. Его хорошо отделали, те, другие.

Два удара ничего не дают, но вместе с третьим меня охватывает эйфория - его голова раскалывается. Кровь брызжет, заливая лицо подобно маслянистому водопаду, и я уже сам не свой; я бью и бью по голове, череп трещит и разлетается, и я тычу молотком в мозг. Какая вонь. Вонь от говна, которое лезет из него, и пары этой вонии застывают в неподвижном зимнем воздухе. Я вытаскиваю молоток и отступаю, чтобы понаблюдать за его предсмертными судорогами, посмотреть, как он переходит от ужаса в неприглядное состояние человека, сознающего, что все кончено, что ему уже не подняться. Я спотыкаюсь в неудобных туфлях и едва не теряю равновесие, но удерживаюсь на ногах, поворачиваюсь и спускаюсь по старой лестнице на улицу.

Там, на тротуаре, холодно и пусто. Я смотрю на скомканную картонку с остатками жратвы. Кто-то нассал в нее, и крупинки риса плавают в маленькой замерзающей лужице мочи. Я ухожу. Холод пробрался в мои кости, и каждый шаг отдается противным дребезжанием, как будто я вот-вот расколюсь, разобьюсь на мелкие кусочки. Как будто плоть и кости существуют по отдельности. Как будто между ними пустота. Нет ни страха, ни сожаления, но нет также ни восторга, ни ощущения триумфа. Просто работа, которую нужно было сделать.

Снова утро. Проснулся - и на работу.

Работа. Она затягивает. Она вокруг; постоянно присутствующий, обволакивающий, засасывающий гель. Когда ты на работе, то и на жизнь смотришь через кривое стекло. Ну, иногда у тебя появляются крохотные зоны относительной свободы, убежища, светлые хрупкие пространства, где новое, иное, лучшее воспринимаешь как возможное.

Потом исчезают и они. Ты вдруг видишь, что таких зон больше нет. Они постоянно уменьшались. Ты знал, что так будет, знал, что однажды тебе придется что-то с этим делать. Когда это случилось? Осознание пришло не сразу, а через какое-то время. Не важно через какое: через два года, три, пять или десять. Зоны все уменьшались и уменьшались, пока и вовсе не перестали существовать, а все, что осталось, - отстой. Игры.

Игры - единственный способ пережить работу. У каждого свои маленькие тайны, каждый мнит о себе что-то. Что касается меня, я тешу себя мыслью, что никто не играет в эти игры лучше меня, Брюса Робертсона. Детектива-сержанта Брюса Робертсона, в скором времени детектива-инспектора Робертсона.

В игры играют всегда. Повторяю, всегда. Чаще всего и во всех конторах существование таких игр признавать не любят. Но они есть. Всегда. Вот и сейчас. Я сижу с больной башкой, а будет, если не попортит кому-то кровь. Я был охуенно занят, а он приказал торчать здесь, не попросил - заметьте, - а приказал. Я уже и без него знаю обо всем от Рэя Леннокса, который первым побывал на месте с какими-то олухами в форме. Да, я уже все знаю от молодого Рэя, но Тоул же не может без публики. Отстал от времени, Тоули-бой, отстал от нашего благословенного времени.

Он расхаживает взад-вперед, как какой-нибудь охуенный инспектор Морс. А на самом деле может лишь перечислить, что сделали те олухи. Потом опускает задницу на стул и принимает обиженный вид, потому что люди продолжают заходить в кабинет. Уважение и Тоул совместимы как рыба и шоколадное мороженое, что бы там ни внушали ему всякие жополизы.

Давеча я здорово набрался, так что свет режет глаза, а кишки недовольно урчат, как шлюха в конце смены. Я неслышно подпускаю шипунка и быстро перехожу в другой конец комнаты. Фишка в том, чтобы выпустить газы перед самым броском на другую позицию, иначе пердеж так и останется у тебя в штанах, и ты потащишь его за собой в следующий порт захода. Это как в футболе - чтобы оторваться, надо рассчитать время рывка. Мой сосед и приятель, профессиональный футболист и крупный спец по женской части Том Стронак, мог бы на сей счет много чего порассказать.

Хм.

Том Стронак. Так себе имечко. С таким на чудеса рассчитывать не приходится.

Кстати, о том, что все хорошо в свое время, Вот и Гас Бэйн пришел от Кроуфорда. Он раздает булочки с сосисками, а когда Тоул начинает инструктаж, растерянно оглядывается по сторонам, словно хуй, нечаянно заваливший на сходку проституток. Как обычно, с недовольной физиономией много мнящего о себе недоделка в комнату заглядывает Ниддри. Мои залп долетает до него. Есть очко! Ниддри морщит нос и картинно машет ладонью. Придурок решил, что это Тоул Испортил воздух!

Тоул встает и откашливается.

- Наша жертва - молодой черный мужчина лет тридцати с небольшим. Рабочие из муниципальной службы уборки города обнаружили его на Плейфэйр-Степс сегодня в пять утра.

Похоже, парень живет где-то в Лондоне, но никаких точных указаний на это в данный

момент не имеется. Вместе со мной в морге был детектив-сержант Леннокс.

Тоул кивает в сторону молодого Леннокса, который предусмотрительно сохраняет нейтральное выражение, не рискуя стать объектом ненависти и презрения, расползающихся по комнате вместе с подпорченным воздухом.

А ведь было время, когда мы умели не распространять ненависть и презрение друг на друга. Определенно было. Голова у меня кружится, мысли и чувства отделяются от мозгов, низвергаются потоком и изливаются во что-то вроде дырявого ведра, которое опорожняется прежде, чем я успеваю исследовать его содержимое. И тогда в меня входит высокий, пронзительно-резкий голос Тоула.

У этого мудака одна песня - хоть кол в задницу загони.

- Похоже, ночь для нашего друга оказалась неудачная. До трех утра он был на дискотеке у Джемми Джо, потом отправился домой. Один. Тогда-то его и видели живым в последний раз. Можно с изрядной долей уверенности предположить, что ему было одиноко, что он чувствовал себя чужаком, аутсайдером, лишним в незнакомом и, похоже, отвергшем его городе.

Типичная для Тоула озабоченность тем, в каком же душевном состоянии пребывал этот самый убитый разьебай. Воображает себя интеллектуалом. Как будто мы здесь для того и собрались, чтобы почесать языками о Тоуле. Все это было бы смешно, когда бы не было так охуительно трагично.

Я откусываю от булки с сосиской. Сносная жратва с кетчупом и перцем, но без того и другого - безвкусно и пресно. Пиздюк Тоул уже испоганил весь день! Одним только своим появлением.

Мои газы улетучиваются через отдушину, и я замечаю, что Ниддри тоже выходит из комнаты, заметно освежая атмосферу. Даже Тоул оживился.

- Мужчина был одет в синие джинсы, красную рубашку и черную спортивную куртку с оранжевыми полосами на рука-пах. Волосы коротко подстрижены. Аманда.

Тоул кивает этой тупой телке, Аманде Драммонд, которая делает все, на что годится, но числится как бы по канцелярской части, и та разделяет листы с описанием убитого. У Драммонд короткие крашенные кудряшки, из-за которых она похожа на зализанную пизду. Выражение лица такое, словно она чем-то потрясена - это из-за круглых, на выкате глаз. Подбородок отсутствует полностью, так что слабый, расплывающийся рот начинается прямо с шеи. На Драммонд длинная коричневая юбка, настолько толстая, что не видно даже контура трусиков, клетчатая блузка и кардиган с желтыми и коричневыми полосами. Мне случилось видеть больше мяса на кончике ножа.

И это полиция?

Ну уж на хуй!

- Спасибо, Аманда.

Тоул улыбается, и эта корова отвечает ему тем же. Она бы отсосала у него прямо здесь, у нас на глазах, если бы он только попросил. Впрочем, ей и это не поможет; скоро она покинет нас: залетит от какого-нибудь хрена, и на этом ее игра в полицейского закончится.

- Жертва покинула ночной клуб в... - продолжает Тоул, но тут его прерывает Энди Клеелланд.

- Шеф, к порядку, так сказать, ведения. Небольшое уточнение. Может быть, не следует позорить парня, навешивая на него столь унижительный термин, как жертва?

За Клеелла стоит поднять стакан - он всегда бьет в яблочко. Тоул замолкает, сбитый с толку, а Аманда Драммонд энергично кивает, совершенно не догадываясь, что Энди всего лишь хохмит.

- Можно подумать, этому раздолбаю не все равно, как его тут называют, - бормочет под нос

Даги Гиллман.

Я усмехаюсь. И Гас Бэйн тоже.

- Извините, Даги? Что случилось? Может, и с нами поделитесь?

Тоул ехидно улыбается.

- Да ничего, босс, все в порядке. Это я так.

Гиллман пожимает плечами. Короткие каштановые волосы, узкие и холодные голубые глаза, мощная челюсть, о которую можно поломать пальцы, - это наш Даги. Он примерно моего роста, пять футов восемь дюймов, зато вдвое шире.

- Тогда, джентльмены, позвольте мне продолжить, - уже другим, резким тоном говорит Тоул, пытаясь показать, что в отсутствие Ниддри главный здесь он. - По всей вероятности, потерпевший направлялся в южную часть города, где много отелей. Сейчас там работает оперативная группа. Кстати, если задуматься, странный он выбрал маршрут. Всем известно, что в каждом городе есть определенные места, которых приезжему следует избегать с наступлением темноты. - Тоул поднимает густые кустистые брови, снова напуская на себя умный вид. - Например, темные переулки, зловещая атмосфера которых способна подтолкнуть на злодеяние даже самого благоразумного человека.

Все, теперь самодовольного мудака уже не остановишь. Как будто мы кучка малолеток, готовых, разинув пасти, слушать его колыбельную.

- Одно из таких мест - лестница, которая подобно пуповине соединяет Старый Город с Новым Городом, - вещает он И делает драматическую паузу.

Пуповина, мать твою! Какая, на хер, пуповина, клоун ты долбаный! Это ж хуева лестница! Л-Е-С-Т-Н-И-Ц-А. Я-то знаю, на чем у этого недоумка крышу снесло: придурок хочет стать сценаристом. Знаю, потому что однажды, когда он вышел из кабинета ответить на звонок в приемную, я успел посмотреть на его монитор. Там был сценарий то ли телефильма, то ли еще какого-то дерьма. И этим он занимается в рабочее время! Как будто разьебаю хуеву не за что больше зарплату получать. Веселая, я вам скажу, жизнь у этого гондона.

- Возможно, поднимаясь по лестнице, потерпевший тоже подумал об этом. Знал ли он город? Вероятно, да, ведь в противном случае он бы не знал, что тот путь короче. Но знал недостаточно хорошо, иначе вряд ли рискнул бы пойти таким маршрутом поздней ночью и в одиночку. Место там опасное, темное, лестница зимой скользкая от мочи, так что ее обходят даже самые отъявленные смельчаки. Должно быть, парню стало страшно. Но он не послушался страха. А разве страх не подсказывает нам, что что-то не так? Как и боль? - рассусоливает Тоул.

Ребята нервно переминаются, и даже Аманда Драммонд выглядит смущенной и растерянной. Энди Клееланд кашляет, пряча смехок. Даги Гиллман не отводит глаз от задницы Карен Фултон - не самое плохое для них местечко.

А Тоул так завяз в собственном дерьме, что ничего уже не замечает. Ринг в его полном распоряжении, и он не собирается ломать кайф простым нокаутом.

Может быть он уверил себя, что все дело в игре воображения, может, списал страх па паранойю. Затем - голоса. Наверное он слышал какие-то звуки, потому что ночью по тем ступенькам тихо не пройдешь. Нет, Тоул явно рассчитывает, что мы выбросим полотенце. Извини, приятель, но у Брюса Робертсона другой стиль. Давай посмотрим, кто кого.

- А свидетели есть? - спрашиваю я, довольный тем, что обошелся без непременно «босс». Какой он мне босс, этот говнюк.

- Пока нет, Брюс, - коротко отвечает Тоул, расстроенный тем, что кто-то прервал его речь.

В этом весь Тоул; ему бы только подрочить на глазах у всех, а остальное, всякие там мелочи, которые могли бы помочь взять того, кто уделал черномазого, его не трогают.

- Они набросились на него и загнали в угол, где он подвергся жестокому избиению. Один

из нападавших, только один, зашел дальше других и ударил его чем-то тяжелым. По словам экспертов, обнаруженные раны могли быть оставлены, например, молотком. Нападавший ударил им жертву несколько раз, разбил черепную коробку и даже ткнул орудием убийства в мозг. Как я уже сказал, тело обнаружили наши друзья из службы уборки города.

Твои друзья из службы уборки, Тоул. У меня таких друзей нет.

- И оставили его, как кучу мусора. Гас качает головой.

- Может, он и был мусором.

Бля! Сорвалось. Не надо было это говорить. Все повернулись и смотрят на меня.

- Я имею в виду, для того, кто его уделал, он и был мусором.

- Вы предполагаете, Брюс, что мы имеем дело с преступлением на расовой почве? - осведомляется Драммонд, и ее рот медленно, словно преодолевая боль, ползет вниз.

Карен Фултон выжидающе смотрит на нее, потом на меня.

- Э... да, - говорю я.

И тогда все начинают шуметь, и никто уже не слышит, как у меня стучат зубы.

Хреново похмелье. Хренов участок. Хренова работа.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Стараюсь избавиться от неприятного запаха во рту, вызванного как перепоем, так и несвоевременным присутствием некоего мистера Тоула. День еще можно спасти, но для этого необходимо срочно слинять из управления. Рэй Леннокс, похоже, придерживается того же мнения. Тоул уж больно разошелся из-за цветного, так что самое лучшее сейчас - не попадаться ему на глаза. Дел у меня более чем достаточно, бумаги в жутком состоянии, и положение надо срочно поправлять, потому как я собираюсь взять недельку отпуска. Леннокс официально числится в отделе по наркотикам, но с учетом погоды нетрудно предположить, что Тоул включит его в группу по расследованию убийства.

Так что мы с Реем выходим и садимся в мой «вольво», надеясь просто исчезнуть из виду. Землю немного прихватило морозцем, воздух резкий и колющий. Зима берет свое, и, похоже, нас не ждет ничего хорошего. Только мы успеваем согреться, как на связь выходит придурок из дежурки. Ему, видите ли, надо знать, где мы находимся. Рэй отвечает, что мы направляемся на запад, к Крейглейту. Тогда дежурный сообщает, что от какой-то старой карги из Рэйвлстон-Дайкс поступило заявление об ограблении.

- Хочешь, чтобы мы проверили? - спрашиваю я.

- Да, и держитесь пока подальше от Тоула. Рэй просекает фишку.

- Так уж у нас заведено, приятель. Не забывай, что я рассказывал тебе об этом мудаке. Память у него, как решето, так что если не попадаться какое-то время на глаза...

- ...то этот хуй про тебя забудет! - ухмыляется Рэй.

Рэй Леннокс - хороший парень, хотя и молодой. Рост около шести футов, темные волосы с косым пробором, усы чуть длиннее, чем надо бы, к тому же неухоженные, отчего он выглядит немного туповатым. В довесок большой крючковатый нос и бегающие глазки. Крепкий парень и на работе быстро осваивается.

Вообще-то ограбление не наше дело, им могли бы заняться ребята в форме, но раз уж мы оказались поблизости, зачем тратить время попусту? Мой девиз на работе - точнее, один из них - звучит так: лучше ты потрати чужое время, чем какой-нибудь раздолбай потратит твое.

- Вызываю Фокстрот. Фокстрот. На связи Виктор Зэд 2 БР. Прием.

- Фокстрот... - трещит радио.

- Следуйте по адресу на Рэйвлстон-Дайкс. Прием.

- Понял, БР. Конец связи.

Останавливаемся возле съезда к большому дому. На улице припаркован старенький «эскаорт». Вид у него малость потрепанный для такого района, как Рэвви-Дайкс.

Дверь нам открывает старая корова с рассеянным взглядом. От нее воняет. От стариков воняет всегда. Будь ты шваль подзаборная или богатенький хрен - без разницы. Я поеживаюсь - здесь совсем не жарко. Дом большой, обогреть такой нелегко, и я чую запах старых денег. В комнатах полно всякой всячины, тех безделушек, которые люди хранят как память о прежней, хорошей жизни. На столах, на полках, на комодах - везде фотографии в серебряных рамках, как выстроившиеся в шеренгу солдатики. Ну и бойня была. Судя по ним, птичек из этого гнезда разлетелось немало, и разлетелись они далеко. На фотокарточках всевозможные дома, автомобили, наряды - отблеск нового мира. Старой перечнице давно бы все заложить и доживать деньки в уютной квартирке с центральным отоплением в каком-нибудь охраняемом жилом комплексе. Так нет же, гордость не позволяет. А что от нее толку? Дорога-то все равно в могилу, только для гордых она короче и ухабистей. Впрочем, некоторым этого не объяснишь.

Уютный старинный камин. Уголь в красивом латунном ведерке. Один кусок, или два, или

все двести тысяч? Сколько их падает рядом с тобой? Мерзкий грязный уголь и тупые ублюдки, которые долбят его. Ты рубила уголек, детка? А может, ты его рубил, брат? Я не ебусь с этим углем, и мне насрать на вшивых мудаков, которые рубят.

Оставляю Рэя со старухой, а сам прохожу дальше. Надо же осмотреться, поводить носом. Отличная старинная мебель из настоящего красного дерева. Какой-то недоумок вломился в дом через расположенное в задней части французское окно. Должно быть, работала организованная группа с большим фургоном. И наверняка их навел какой-нибудь решивший подзаработать дилер по антиквариату.

Старушка уходит, чтобы приготовить чай, а вернувшись, сразу поднимает шум.

- Мое пресс-папье, - говорит она, указывая на комод. - Исчезло... а ведь минуту назад стояло здесь.

Вообще-то мне нет до этого никакого дела. Мы и заглянули то сюда только для того, чтобы чем-то занять время. Лицо у бабули прямо-таки перекошено от изумления. Недоумевающий взгляд великого оскорбленного достоинства - так и хочется взять дубинку и въехать по зубам. Впрочем, зубов там всего ничего. Вандализм времени, увековеченный на человеческом теле... Чтоб меня - заговорил, как придурок Тоул!

- Извините, боюсь, я не совсем понимаю, - произносит Рэй.

Прием стар как мир. Однако надо признать, у этого юнца в голове кое-что есть: сохранить хладнокровие в такой ситуации не просто.

- Но оно же было здесь. Было здесь! - упрямо твердит старуха. Рэйвлстон-Дайкс. Деньги всесильны. Привыкли, что все получается по-ихнему. Мне этот тон хорошо знаком. Но я слуга закона и государства. Я креплю правопорядок. Правила для всех одинаковы.

Вздыхаю и смотрю ей прямо в глаза. Она испугана, она дрожит, она совсем одна - богатство тут не поможет. На мраморной каминной полке большая фотография мужа. Главный оловянный солдатик. Немного, правда, заржавел, так что рамка для него слишком уж хороша. На бедняге как будто написано: «рак». Последний снимок. Старуха все еще дрожит, никак не придет в себя.

- Я хочу, чтобы вы в полной мере осознали важность только что сделанного вами заявления, миссис Дорнан.

Старуха похожа на корову, которую ведут на скотобойню. Сейчас как раз тот момент, когда коровы начинают понимать: что-то не так, и это что-то не сулит ничего хорошего.

- Вы утверждаете, что пресс-папье находилось здесь после указанного ограбления, но затем исчезло, и время его исчезновения совпадает с прибытием в ваш дом оперативной группы, а именно нас двоих. Я жду от вас четкого заявления по данному вопросу.

- Ну... да, именно это я и хочу сказать. То есть...

Я подхожу к окну и выглядываю в сад. Старенький «эскорт» все еще на прежнем месте. Тот самый, выглядевший почти пустым «эскорт». Какого хрена? Что еще за почти пустой? Это же, мать ее, Джеки Трент в машине. Точно она. Я прокашливаюсь и поворачиваюсь к старой карге.

- Я хочу, чтобы вы сосредоточились, миссис Дорнан. Я хочу, чтобы вы абсолютно ясно представляли себе, что именно вы говорите, и понимали все последствия вашего заявления. Вы находитесь в состоянии сильного шока. В ваш дом вломился грабитель - в этом мало приятного. Отдаете ли вы себе отчет в том, что вы выдвигаете обвинение против офицера полиции? Если так, то наряду с расследованием ограбления будет начато также второе расследование в отношении прибывших в ваш дом полицейских. - Я прерываю лекцию и киваю в сторону Рэя, потом тычу пальцем себе в грудь. - Правила одинаковы в обоих случаях. Итак, мне необходимо знать: вы уверены, что пресс-папье не пропало при первом ограблении?

В этот момент подходит Рэй - не все же мне одному отдуваться.

- Думаю, детектив-сержант Робертсон, мы немного опережаем события.

- Видите ли, детектив-сержант Леннокс, леди обеспокоена пропажей пресс-папье и, возможно, немного путается в отношении того, что действительно пропало при ограблении.

- Да... я... - запинаясь, бормочет она.

- Миссис Дорнан, похоже, полагает, что пресс-папье пропало позднее, в ходе нашего расследования.

Я грустно улыбаюсь. Рэй по-прежнему сохраняет невозмутимое выражение.

- Я этого не говорила, - жалобно ноет старая корова.

- Думаю, самое лучшее в данной ситуации - вывернуть карманы, детектив-сержант Робертсон, - с легким оттенком нетерпения усмехается Рэй.

- Нет! Я вовсе не имела в виду... Я и не думала, что пресс-папье взяли вы. У меня и в мыслях такого не было, - смущенно бормочет старуха.

Вот тут ты заливаешь, старая кошелка.

Рэй устало качает головой - это у него отработанный прием.

- Я бы предложил...

Я не даю ему закончить. Эта сучка меня раздражает. Мне нужна чистая победа.

- Думаю, вы не вполне понимаете, о чем говорит леди, детектив-сержант Леннокс. Она утверждает, что пресс-папье исчезло после появления в доме следственной группы. - Я указываю на себя, потом на него. - Отсюда следует, что именно вышеназванные офицеры и экспроприировали указанную вещь.

Черт, не надо было употреблять слово «экспроприировать» - Здесь бы - по очевидным причинам - куда лучше подошло «украли».

- Я ничего такого не имела в виду, - извиняется старая дура. Она уже отступает, съеживается, как брошенный в огонь

пакет из-под чипсов. Еще немного, и начнет извиняться и предлагать финансовую компенсацию за оскорбление должностных лиц. Задний ход, стерва. Я ликую.

- Если позволите, - сухим, деловым тоном продолжает Рэй, - я бы предложил составить полный список пропавшего. Перечислите все, убедитесь, что ничто не упущено.

Начинает попискивать мой пейджер. Дежурный. Черт, меня разыскивает Тоул.

- Извините. - Я улыбаюсь и показываю на телефон. - Вы разрешите?

Набираю его номер. Вполуха слушаю Тоула - меня больше интересует Рэй, парень дает настоящий спектакль.

- Это Тоул.

- Это вы меня спрашиваете?

- Детектив-сержант Робертсон.

- Ну... я...

- Брюс? Очень хорошо. Вы нужны мне по этому делу об убийстве. Басби опять заболел. У нас никого больше нет.

- Пожалуйста, миссис Дорнан. Мне нужно точно знать, что именно вы имеете в виду?

- Понимаю.

- Э... я просто...

Тоул начинает наглеть. Ублюдку всегда не нравилось, что я свой среди ребят; он завидовал моему положению, а еще тому, что ему никогда не стать таким профессионалом, как я. Именно это позволяет мне быть на короткой ноге с парнями. Не какое-то там гребаное имя, не звание и не серийный номер. Суть проста - никто не указывает мне, что делать. Я слушаю жалкое бормотание Тоула, блеющего что-то о том, как уделали того черножопого, и думаю: заебись! Как поется в песенке: еще один глотает пыль. А потом начинаю думать о предстоящем отпуске, о неделе в Амстердаме, о сочных шлюшках и двух вибраторах: один в заднице, другой в пизде.

Технология любви на полную мощность. У меня встает. Ну и ну, того и гляди кончу, разговаривая с Тоулом!

- Трупам нам только и не хватало, - фыркает Тоул.

- Я понимаю, как это ужасно, миссис Дорнан. Тем более что пропала столь дорогая вам вещь.

- «Ивнинг Пост» уже пронюхал?

- Я совершенно уверена, что оно было здесь. Могу поклясться...

(Прямо туда, в ее вонючую дырку.)

- Такое часто случается, миссис Дорнан. Иногда

- Пока еще нет.

- мы не можем поверить в пропажу того, что нам особенно дорого, и мысленно видим вещь на прежнем месте. Классический случай шоковой реакции.

- Тогда в чем проблема? Что за шум из-за вшивого ниггера? Уж этого-то дерьма хватает.

- Ограбление может вызвать серьезную психологическую травму. Возможно, стоит пригласить вашего врача? Хотите, я позвоню?

- Послушайте, я не желаю слушать подобную чушь, - резко бросает Тоул. - Пусть Леннокс введет вас в курс дела. (Никакого чувства юмора. Похоже, принимает всю эту хрень насчет равенства всерьез.)

- О нет. Извините, я и так причиняю вам столько неудобств...

- А почему бы Ленноксу этим и не заняться? - шепчу я.

- Составьте список, миссис Дорнан. На мой взгляд, это самое лучшее.

- Он был первым на месте преступления.

- Да... я так и сделаю... Мне очень жаль, офицер... э?..

- Я не могу снять Рэя с расследования дела по наркотикам. Он вот-вот прижмет поставщиков в «Обществе Восход». Кроме того, у него нет вашего опыта.

- Леннокс, мэм. Детектив -сержант Леннокс.

- Похоже, вы забываете кое-что. У меня отпуск через неделю.

На том конце провода наступает недолгое молчание. Сердце у меня замирает. Такое чувство, что я слушаю его в первый раз.

- Все отпуска для сотрудников отдела тяжких преступлений временно отменены, - говорит Тоул. - Приказ будет сегодня.

Все отпуска временно отменены.

Мысли путаются, я ничего не соображаю. Что он сказал?

- Послушайте, Роббо, - продолжает Тоул. Ага, я уже Роббо. - Жертва еще не опознана, но, похоже, кое-что есть. Шеф взял меня за яйца. Мы и так на пределе, и бюджет почти исчерпан. Экономим на сверхурочных. Вы же первый начнете жаловаться, если начнут урезать и эту статью.

Я молчу.

- ...Да еще дурацкая реорганизация департамента... В общем, приказ будет сегодня. Положение трудное, произошло убийство. Нам всем приходится чем-то жертвовать, выкладываться по полной.

- Через девять дней я уйду в отпуск, брат Тоул, - говорю я.

- Послушайте, Брюс. - Теперь уже Брюс. - Не будьте вы так упрямы. Мало того что Ниддри не дает продохнуть... - Голос у него срывается - знакомый прием. - Оставьте меня в покое!

- Отпуск у меня по графику, брат Тоул, - повторяю я и кладу трубку.

Рэй все же заставил старую крысу составить опись. Я нащупываю в кармане пресс-папье. Он кивает на дверь, и мы уходим.

Чертова швабра жалостливо пищит нам вслед:

- Это пресс-папье почти ничего не стоит. Оно только с виду дорогое, а золото там низкопробное. Оно ценно лишь для меня. Джим привез его из Италии после войны. Мы были тогда бедны как церковные крысы.

Вот же чертова уродина! Устроила шум из-за какой-то пустышки!

- Мы сделаем все возможное, миссис Дорнан, чтобы вернуть похищенное, - торжественно обещает Рэй.

Я отворачиваюсь от этой разлагающейся кучи вонючего мусора и раздраженно хмыкаю. Вот же паскуда!

Можешь поцеловать мою полицейскую задницу, сучка недоебанная.

Вся проблема в том, что ее слишком долго не трахали. От неудовлетворенности у баб искажается перспектива. Социальным службам следовало бы выплачивать юным бездельникам небольшое пособие, чтобы они прочищали трубы этим одиноким кобылкам. Расходы бы вполне компенсировались за счет сокращения обращений по поводу несуществующих болезней. Каждый раз, приходя к доктору со своей сыпью и приступами беспокойства, я встречаю у него толпу этих поблядушек с их набившими оскомину жалобами. В машине достаю из кармана пресс-папье.

- Стоило напрягаться из-за такой херни. Полный облом. - Да, прижимистая попалась бабуля, - ухмыляется Рэй и,

ре резко вывернув руль, кричит вслед выскочившему прямо перед нами парню: - Ты, хрен долбаный!

- Столько развелось мудаков на дороге... - задумчиво бормочу я, вертя в руках бесполезный трофей.

Надо бы проехать за этим распиздяем, записать номер да проверить, что за хер, - зло бросает Рэй и вдруг раздражается I мечом - Недоделок. Так ты, значит, наострился в Амстердам? У тебя ж вроде бы все на мази.

- Точно. Едем вдвоем с приятелем. Блейдси. Знаешь его? Он не у нас работает. Чиновник. Начальник службы регистрации в шотландском отделе. Жалко беднягу, у него здесь никого нет.

- Кажется, знаю. Такой тип в очках? С толстыми стеклами, да?

- Точно, он.

- Мы с ним однажды крепко поддали. Неплохой парень... для англичанина.

- Точно. У нас уже все заматано, а теперь этот мудила Тоул начинает изображать из себя начальника. Получил втык из-за черножопого, вот и выделяется. Хочет отменить все отпуска. Приказ будет сегодня.

- Мать его...

- Чтобы я отказался от отпуска из-за какого-то драного негритоса? Ага, ждите. С меня хватит. Хрен вам. Всем известно, что летом я три недели провожу в Таиланде, а зимой неделю в Амстердаме. Традиция. Ебанный обычай. И никакие писаки меня не остановят. Нет, сэр, с десятого числа я защищаю честь Шотландии по ебле.

Я собираюсь поставить «Дип Перпл в роке», но потом отказываюсь от этой мысли, потому что мы обязательно поспорим с Рэем из-за того, кто сильнее как вокалист - Кавердейл или Гилан. Хотя тут и спорить не из-за чего. Ну разве может кавердейловский «Перпл» или «Уайтснэйк» сравниться с оригинальным «Дип Перпл» времен Гилана, Блэкмора, Лорда, Гловера и Пейса? Чтобы спорить, надо быть полным придурком. К тому же Гилан выдал «Дорогу к славе» и «Шок будущего» - классические хитовые сольники, а чем может похвастать Кавердейл? То-то и оно, что крыть нечем. Впрочем, разводить бодягу с Ленноксом мне не хочется, поэтому я сую в кассетник «Последний грех» Оззи Осборна.

Слушая надрывы Оза, Леннокс начинает задумчиво кивать.

- Вот что я скажу, Роббо. Тебе крупно повезло с женой. Если бы моя Мэри пронюхала, что я намылился с приятелем в Амстердам...

Птичка Рэя улетела от него. Наверное, не хватало кое-чего. Конечно, Рэй никогда не сможет дать бабе то, что ей надо. Рэй не супер, у него слабовато с синхронизацией нижнего и верхнего отделов. Seriously.

- Все дело в том, какие у кого ценности, Рэй. Давай и бери. В отношениях должен быть перчик.

Он вскидывает брови.

- Ты все-таки поосторожнее с Тоулом, Роббо. Сыграй помягче, не нарывайся, и он тебя отпустит. В любом случае дело будет закрыто через десять минут.

- Кто его знает.

- Перестань, Брюс. Какой-то недоумок пришел цветного на лестнице в центре города. Да его поймать - раз плюнуть. Вот увидишь, это какие-нибудь сопливые юнцы из тех, что зассали весь город. Для Тоула дело наверняка политическое.

Может, у ниггера богатенький папочка, который играет в гольф с какой-нибудь крупной шишкой в Лондоне. Будь это обычный лох из Брикстона, никто бы и пальцем не пошевелил. Ты же знаешь, под Тоулом и без того стул качается.

- Вот именно, Рэй. Засранец завидует мне, потому и лезет из кожи вон. Мол, у меня большой опыт по уголовной части. А где я этого опыта набрался? В гребаной Австралии. Только вот когда дело доходит до повышения, эта пиздобратия начинает воротить нос. Продвигают своих, а меня как будто и не замечают.

- Вне очереди, - согласно кивает Рэй.

- Эй, Рэй! - кричу я, замечая булочную. - Притормози-ка здесь на минутку.

Я покупаю пару булочек с беконом, Рэй берет запеченную в тесте сосиску, и мы проглатываем все это, запивая горячим липким кофе с молоком. На губах остается привкус, как будто приложился к банке после какого-нибудь гомика. Сажусь за руль, и мы едем к Лейту. Чертово пресс-папье летит в воду. Я ерзаю на сиденье. У меня сыпь на заднице и яйцах. Результат избыточного потоотделения и расчесывания, как объяснил тот кандидат в доктора. Мудак дал мне какой-то крем, но стало только хуже. Надеюсь, это ухудшение перед улучшением. Придурки хреновы. Как, скажите, работать в таких условиях?

Не могу.

Чешется невыносимо. Я переносу вес тела на одну ягодицу и вцепляюсь в задницу прямо через потертые черные штаны. Что мне нужно, так это найти хорошую прачечную. Не помогает. Терплю, пока мы не доезжаем до Хай-стрит. Останавливаю машину и иду в общественную сральню. Тут полумерами не обойтись. Сдергиваю все и вытираю влажную задницу туалетной бумагой. Потом начинаю чесаться. Жир из-под ногтей попадает на расчесанное место, но я чешусь и чешусь, находя мучительное наслаждение в освобождении от проклятого зуда. Сдираю кожу и чувствую пульсирующую под ней плоть. Вижу кровь на пальцах. Чтобы ягодицы не терлись друг о дружку, заталкиваю? между ними скомканную туалетную бумагу. С яйцами дела обстоят не так плохо. Я возвращаюсь к машине, не потрудившись вымыть руки.

- Гуляешь вечером, Брюс? Идешь в Ложу? - спрашивает Рэй, когда я сворачиваю на Ройял-Милл. Вернемся в управление через Лейт, так длиннее, убьем немного времени.

- Не... может, в четверг, погонять шары.

- Тихий вечерок с хозяйкой?

- Ага, - расплываясь от гордости, говорю я. - Сегодня Кэрол готовит что-то особенное.

- От чего-нибудь особенного я бы тоже не отказался, - бормочет Рэй, когда мы проезжаем

по Истер-роуд мимо ресторана Тинелли, куда раньше я частенько заходил с Кэрол.

- Уж не хочешь ли сказать, что тебе некуда пойти?

- Не-а, после того как мы расстались с Мэри, я так никого и не нашел, - говорит Рэй; вид у него при этом такой унылый, что дальше некуда. - Как говорится, понюхал, да не откусил.

- Может, ты слишком перед ними расстилался. Знаешь, песня «я хочу в твою норку любой ценой» результата не дает. От того, кто ее пост, за милю несет неудачником.

Леннокс задумчиво трет пальцем переносицу. Кстати о птичках, несет так несет. Машину наполняет такое зловоние, что я уже готов обрушиться на своего соседа-пердуна, но тут до меня доходит, что источником вонищи является находящийся поблизости отстойник нечистот.

- Может быть, - неуверенно соглашается Леннокс.

- Тебя надо снова свести с моей свояченицей, а, Рэй! - смеюсь я.

Он смущенно отворачивается. Не любит, когда напоминают о том, как мы вместе резвились с той телкой. У каждого распиздяя своя ахиллесова пята, и я никогда не забываю напомнить об этом своим коллегам. Чтобы не задавались. Мордой об асфальт. Сразу самомнения убавляется. Да, у меня для каждого кое-что припасено.

СТАЛЬНЫЕ КОЛЕСА

Возвращаемся в управление. В столовой только и говорят, что о приказе насчет отмены отпусков. Я молчу. В этой игре требуется хладнокровие, так что пусть поднакопят злости. Все, понятное дело, посматривают на меня, ждут, что я встану во главе недовольных, но я пока не рыпаюсь. Реорганизация департамента сулит мне повышение, поскольку появится новая должность детектива-инспектора. На кой совать голову в петлю ради каких-то недоумков, хотя, конечно, я поддерживаю их в другом мнении.

Тоул постоянно твердит об этой реорганизации. Уж и не знаю почему, пора бы и привыкнуть. Реорганизации здесь случаются каждые шесть месяцев, и каждая только вредит делу. Заканчивается обычно тем, что эти бестолочи формируют рабочую группу, которая заседает и заседает, а потом приходит к выводу, что необходима еще одна реорганизация. Хорошо только то, что грядущая перетряска ослабит позиции нашего доброго друга мистера Тоула, и когда я получу новое назначение, мы с ним будем на равных. Меня бы уже давно повысили, если бы не их гребаные правила и идиотизм Кэрл.

А сейчас руль у него, у Тоула. Он собирает нас на очередной долбаный инструктаж, и новенькая блондиночка в штатском раздает листки. До меня долетает запах ее духов. Я подмигиваю Клеллу, и он согласно кивает: ага, мол, на этой телке неплохо бы попрыгать. Лет тридцати с лишним, крепенькое тело, только-только начинающее набирать приятную тяжесть. Да, стоящая штучка.

Тоул несет какую-то чушь о журналисте, которому проломили череп на лестнице, и о его папаше-дипломате, но я не слышу ни слова, потому что блондиночка стоит у окна, и блузка у нее просвечивает, а сиськи так и лезут наружу. Да, сучка, да. Ох, и засадил бы я тебе! К счастью, инструктаж быстро заканчивается, и я спускаюсь выпить кофе с сэндвичем.

Заставляю себя просмотреть материалы по открытому Тоулом делу. Личность убитого уже установлена: некий мистер Эфан Вури. Его отец - посол Ганы. Проживал в отеле «Килмуир» на Саут-Сайд. Поселился всего пару дней назад.

Пару дней назад...

Это значит...

Не хрен было сюда приезжать. Какого ему тут понадобилось?

Журналист. Сынок дипломата и журналист. Не был...

Что он здесь забыл?

И какой еще такой журналист?

Числился в каком-нибудь сраном журнальчике для черномазых комми. Кто их читает? Или, может, крапал статейки в паршивую газетенку для футбольных фанатов.

В папке есть кое-что еще, поэтому я звоню в Лотианский Форум по Правам Чернокожих или как они там называются. Может, он заходил туда встретиться со своим черножопым эдинбургским дружкой. Занято. Мне, конечно, глубоко наплевать, а потому решаю свалить пораньше, взять тачку и заскочить к моему приятелю Гектору Фермеру, у которого водятся хорошие видеофильмы.

Вырываюсь из города на «вольво». Майкл Шенкер дает жару. Перед этой группой я в вечном долгу, потому что только они и спасли дерьмовый фестиваль в Рединге, на который я однажды завалил. Не успел оглянуться, а передо мной уже дом Гектора.

Гектор стискивает мою руку, его разгоряченное алкоголем лицо растягивается в улыбке.

- Зайдешь пропустить? - спрашивает он.

- Извини, приятель, у меня дела. Расследую убийство. Шлепнули какого-то сраного

ниггера. Шанс подзаработать на сверхурочных. Товар есть?

- Есть.

Гектор улыбается и протягивает пакет из «Теско», в котором лежат две видеокассеты формата VHS.

Мы договариваемся встретиться поближе к концу недели, и я уезжаю домой. Каждый раз, когда взгляд падает на особенно выдающуюся попку, в штанах у меня как будто распрямляется сжатая пружина.

В этот вечер я один, один дома, только это никак не касается ни Рэя Леннокса, ни кого-то еще. У меня здоровенный кусок мясного пирога. Я кладу его в микроволновку и сажусь смотреть взятые у Гектора кассеты. На первой две телки устраивают показательный сеанс мастурбации, и тут появляются два чернокожих жеребца... Нет! Я выключаю. Сыт по горло чернокожими жеребцами. Вставляю другую кассету, с двумя лесбиянками и молочником.

Кусаю пирог, и зубы пронзает боль, а по телу пробегает спазм. Черт, не пропекся, в середине холодный как лед. Ладно, съем и так. Фильм неплохой, но мне не по себе. Сердце бьется неровно, комната становится чересчур яркой, углы - резче, острее. Надо подбодриться, и я иду в кухню и отмеряю приличную дозу виски. Бутылку беру с собой. Еще стакан, и беспокойство проходит. Я не думаю о работе. Я же здесь, дома.

Еще несколько сладких глоточков, и я остаюсь в кресле-качалке. В состоянии полусна-полубодрствования думаю о Кэрл. Она скоро вернется. Вернется, потому что знает, где ей лучше.

Спустя какое-то время живот начинает болеть по-настоящему, и меня прошибает пот. Я ерзаю в кресле, которое раскачивается в размеренном тошнотворном ритме, но не могу уснуть до самого рассвета. Иногда кажется, что меня вот-вот вырвет. Я сглатываю, загоняю тошноту назад и стараюсь дышать медленно. Пот густой, вонючий. Алкогольный. С чего бы это так побрало? Наверное, от пирога. Надо будет позвонить в департамент охраны здоровья, сообщить, что за дела в этом хреновом гастрономе, хотя что с них возьмешь.

Немного погодя боль понемногу затихает, и я засыпаю.

...голодный как зверь. В животе урчит. Темно. Я лежу на кровати. Не помню, как до нее добрался. Такое со мной впервые. Ощущаю рядом пустое пространство, хватаю ее платье и крепко прижимаю к себе. Оно еще хранит ее запах. Где-то ночью я его выпустил - и в результате кошмары. И еще я сжимаю яйца - щиплет дико.

С головой творится что-то неладное, как будто ее размозжили и содержимое растеклось по подушке. Тем не менее шейные сухожилия напряжены до предела, хотя и это не помогает удерживать ее мертвый вес. Сквозь жалюзи лениво вползает первый утренний свет, и комната выглядит размытой и туманной.

Я заставляю себя подняться, умываюсь и собираюсь побриться, обнаруживаю, что лезвия кончились, и кое-как скребусь старым. Машину решаю не брать и направляюсь к автобусной остановке со странным смешанным чувством свободы и отчаяния, сознавая, что сейчас только десять двадцать, а я уже определился с вечером: пойти и нажраться.

В животе еще не улеглось, и запах тел в автобусе кажется невыносимым. Слишком много рвани. Почему они не ездят другим, тем, который идет от Колинтона в центр, не заходя в трущобы? Когда я схожу, какой-то парень протягивает мне руку. Пожимаю ее и говорю, что Иисус его любит. Вид у парня немного потрясенный. Я отхожу и бреду к дороге. В животе снова начинает урчать. Если бы не близость Рождества, я бы вернулся и забрал у парня кошелек.

Подхожу к газетному киоску и покупаю «Сан». Поглядываю и на порнографические журналы на верхней полке. Никаких извинений; на этой работе слишком много думать опасно, так что лучше направить энергию на что-то такое, о чем легко думается и от чего нет никакого

вреда. Для большинства из нас всем этим требованиям удовлетворяет секс.

Я ухожу, так и не сделав вторую покупку, огорченный бодростью продавца.

- «Сан»! - кричит он. - Очень хорошо. Тридцать пенсов.

Слышать такое неприятно, потому что я не принадлежу к разлагающейся массе плебса, которая обычно читает «Сан». Я бы скорее отнес себя к тем, кто пишет или даже редактирует. Надо понимать разницу, плебей, надо всегда понимать разницу, мать твою!

Чего мне с утра не хватало для полного счастья, так это еще одного совещания, устроенного Тоулом по поводу убийства Вури. На совещании я встречаю Гаса Бэйна, Питера Инглиса и трех констеблей: Роя, которого я знаю по Ложе, Муира, с которым работал в отделе по наркотикам, и Консидайна, с виду неплохого парня. Похоже, Тоул собирается сам возглавить оперативную группу, созданную для расследования убийства черномазого.

И тут у меня снова начинается дикая изжога - Аманда Драммонд. Какого хрена? Что здесь делает эта дура? С чего она затесалась в опергруппу? Ей же нельзя доверять даже выбор занавесок для кабинета.

Почему никто не скажет этой тупице, что она здесь больше ни к чему, что у нас есть теперь блондинка с вощеными ножками и искусственным загаром, которая и занимается бумажной работой? А вот как раз и она, появляется прямо в поле моего зрения. Фу! Передает мне какую-то бумажку.

- Спасибо, милочка.

Я улыбаюсь, а она одаряет меня тем безучастно-равнодушным и в то же время расчетливым взглядом шлюхи, которая не прочь сыграть в игру и точно знает, что именно ей нужно.

- Заебательская куколка, - слышу я голос у себя над ухом. Рэй Леннокс.

- А ты какого хрена здесь делаешь? - спрашиваю я. - У тебя же своя работа.

Что он тут делает, я и без того знаю - охотится на блондинку, вот что.

- Ухожу. Просто заскочил поздороваться.

Рэй улыбается и исчезает. Он подстриг усы, но при этом переборщил и похож теперь на гомика.

Я складываю губы в направлении подарочно упакованной в облегающую юбку задницы, однако жест, рассчитанный на внимание заинтересованной и посвященной публики, перехватывает Аманда Драммонд.

Я игнорирую презрительный взгляд Бледной Тошнотворной Худышки и толкаю в бок стоящего рядом Даги Гиллмана, который одобрительно качает головой вслед удаляющейся блондинке.

Тоул суетится, едва сдерживая так и прущее из него возбуждение.

- Как известно, мы установили личность нашей жертвы. Это Эфан Вури, журналист-фрилансер из Ганы, работавший в Лондоне. Нам неизвестно, какое дело привело Вури в Эдинбург, а его друзья говорят, что он приехал сюда отдохнуть.

Не самое лучшее время, чтобы приезжать сюда отдохнуть. Что-то у него было на уме. Что-то нехорошее. Это уж точно.

- Отдохнул, бедняга, - вздыхает Питер Инглис.

Некий инспектор Роберт Тоул представляет вино нового урожая или, если вам так больше нравится, несет обычную для себя ахинею.

- Из Лондона сообщили, что недавно Эфан Вури подвергся нападению в Хаггерстоне. Второго февраля нынешнего года он вышел из бара с двумя приятелями, и на него набросились неизвестные с бейсбольными битами, они выскочили из стоявшего неподалеку фургона. Происшествие попало в сводки, по никого не арестовали.

- Так вы полагаете, его отделали те, кому просто не нравятся чернокожие? - спрашивает

Гас.

Аманда Драммонд вздрагивает. У Тоула усталое выражение лица.

- Сказать ничего пока нельзя. Возможно, это простое совпадение. Однако случившееся в Лондоне должно было бы насторожить его, заставить как следует подумать, прежде чем подниматься к Норт-Бридж. Удивительно, что никаких выводов он, похоже, не сделал. - Тоул смотрит на нас, ожидая ответной реакции, но все молчат, будто языки проглотили. Тогда он поворачивается и обращается прямо ко мне: - Брюс, зайдите в мой кабинет через часок, хорошо?

По спине пробегает холодок. Не хочу я заниматься этим делом. Не хочу иметь к нему никакого отношения.

- Раньше чем через два не получится, босс. - Ничего не могу с собой поделать. Это жуткое слово, которое я никогда не употребляю по отношению к Тоулу, вылезает-таки из меня. Я ненавижу себя за это унижение, за то, что я сам такой... почтительный. Что б их всех!.. - У меня встреча в Лотианском Форуме по Расовому Равенству. Я подумал, что раз уж дело такое важное, общественно значимое, то будет неплохо держать с ними связь, рассеивать опасения и все такое.

- Хорошая мысль, Брюс. Это то, что нам нужно. Значит, загляните через два часа.

Меня чуть не распирает от гордости. В последнее время я не в лучшей форме, но обскакать таких, Тоул и ему подобные, сил еще хватит. Конечно, защитников джунглей и их подопечных я навещать не собираюсь. Два часа нужны мне для ленча, и это только необходимый минимум.

Я выхожу вместе с Гасом, но в дверях меня останавливает Аманда Драммонд.

- Брюс, можно вас на пару слов?

- В любое время и не только на пару слов, дорогуша, - улыбаюсь я.

Может, такой подход и пустая трата времени, когда имеешь дело с фригидной сучкой вроде Аманды, у которой вместо сердца кусок льда, однако надо помнить, что даже ледники тают, если нагревать их подольше. И если Брюс Робертсон вообще что-то знает, то именно как это делать.

Она хмурится.

- Дело в том, что я разговаривала с Аланом Маршаллом сегодня утром, и он не упомянул, что собирается встретиться с вами.

- Хм-м-м. - Я потираю подбородок. Надо бы поаккуратнее со старой бритвой. Так и порезаться недолго. - Должно быть, где-то кто-то чего-то не понял. Неувязочка вышла. Провода перепутались. Мы еще поговорим об этом, Мэнди, дорогуша, как только я вернусь.

Подмигиваю и поворачиваюсь к выходу.

- Не Мэнди, а Аманда, и никакая я вам не дорогуша, - шипит она, но уже в спину.

Я киваю Гасу и, совершенно игнорируя невнятное блеяние пустоголовой сучки, выхожу в дверь. Расслабься, девочка, ты свободна.

Мы садимся в машину и едем к Кроуфорду. В очереди замечаем двух придурков в форме: лица знакомые, а вот имен вспомнить не можем. Так и остались констеблями, никакого роста по службе. Мы с Гасом посматриваем на них снисходительно. Пока выбираем, что взять, Кроуфорд, этот наглый раздолбай, видит перед собой парней в форме и заявляет:

- Сюда все равно никто вламываться не станет. Чипшопы - самые безопасные места в Эдинбурге!

Констебли краснеют как раки. В такие моменты я всегда благодарю судьбу за то, что на мне штатская одежда. Опозоренные, они поспешно уходят, а мы с Гасом возвращаемся к машине.

- Чертова Драммонд. Что ей нужно, так это хороший хуй и прогон по полной программе, - говорю я, включая двигатель. В крови шумит тестостерон. - Ну же, крошка, давай.

Гас улыбается. Парень он неплохой. Может, немного набожный, но своего мнения никому не навязывает.

- Ты страшный человек, Брюс.

- Судя по всему, ее можно отнести к тем, что разочаровались в мужчинах. Возможно, фригидная, - размышляю я.

Мы выползаем на Рэйберн-Плейс. Пожалуй, лучше бы было взять пинту пива и мясной пирог в баре «У Берта». У них там симпатичнее, чем у говнюка Кроуфорда. С другой стороны, одна пинта потянет другую, а там и третью, а Гас не из тех, кто может забить на работу. Придется держаться.

- И все же она милая девчушка, - с легким вызовом говорит Гас.

- Да, конечно, девчушка она милая, - соглашаюсь я.

На этой стадии предпочтительнее отступить. Надо бы распустить про этих двоих подходящий слухок.

Включаю радио. На четвертом канале какая-то дурацкая викторина.

- ИТАК, МАЛКОЛЬМ, У ТЕБЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ТРИ ПОПЫТКИ ВЫИГРАТЬ ДЖЕК-ПОТ. ГОТОВ?

- ДУМАЮ, ДА.

ХОРОШО. НА КАКОМ КОНТИНЕНТЕ НАХОДИТСЯ ПАРАГВАЙ?

- Э... В ЕВРОПЕ?

- У-У-У-У-У-У... ИЗВИНИ, МАЛКОЛЬМ. ПАРАГВАЙ НАХОДИТСЯ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ. НУ ДА ЛАДНО, ПОПРОБУЕМ ЕЩЕ РАЗ. СТОЛИЦА ВЕНГРИИ, ГОРОД?..

- Э-Э-Э... А-А-А... М-М-М... ТРАНСИЛЬВАНИЯ?

- У-У-У-У-У-У... КАК ЖАЛЬ. ИЗВИНИ, МАЛКОЛЬМ. СТОЛИЦА ВЕНГРИИ БУДАПЕШТ! ТЫ ПРОСТО ДУМАЕШЬ О ВАМПИРАХ И ВСЕМ ТАКОМ ПРОЧЕМ, ВЕРНО?

- ДА, БОББИ, Я ДУМАЛ ПРО ГРАФА ДРАКУЛУ И...

- ВОЛНОВАТЬСЯ РАНО. У ТЕБЯ ЕЩЕ ОСТАЛСЯ ШАНС ВЫИГРАТЬ ДЖЕК-ПОТ. ГОТОВ?

- Э... ДА.

- О'КЕЙ. КАКОЙ КОМЕДИЙНЫЙ АКТЕР ИСПОЛНЯЕТ РОЛЬ ПЕВЦА ТОНИ ФЕРРИНО?

- О-О-О... Я ЗНАЮ... Я ДОЛЖЕН ЗНАТЬ! ЭТО... ЭТО НЕ СТИВ КУГАН?

СТИВ КУГАН - ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ! МАЛКОЛЬМ УИНТЕРС ИЗ ЛАРКХОЛЛА, ТЫ ВЫИГРАЛ НАШ ДЖЕК-ПОТ В ПЯТЬСОТ ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ!

Я выключаю этот бред и вставляю в магнитофон кассету с дебютным и для многих самым лучшим альбомом «Сэксон» - «Стальные колеса». Хотя лично мне больше по вкусу «Деним и кожа». Резиновое, кукольное лицо Гаса морщится от отвращения.

- Какой дикий шум, Брюс! Не понимаю, как ты можешь слушать!

- Это душа белого человека, Гас. Пришли, завоевали, покорили, - объясняю я.

Попадаем в управление примерно через час, когда сверху спускается не кто иной, как сам Тоул. Какого хрена, мы же договорились - через два часа. Индюк надутый, так и не дал посидеть над кроссвордом.

Тоул внизу! Какая нам выпала честь! Обычно этот недоделок не вылезает из-за стола. Я и не знал, что у него есть ноги, пока не увидел его однажды в фойе Королевского театра, куда водил на представление одну куколку. Там-то мы и наткнулись на этого мудака, который еще сделал вид, что и знать меня не знает. Помню, малышка спросила, кто он такой, а я ответил: мол, плохой дядя, которого я когда-то отправил за решетку. Как она потом смотрела на засранца!

- Роббо... сюда. - Он заходит в комнату для допросов и закрывает за нами дверь. -

Послушай, пусть это останется между нами, но, как тебе известно, положение у нас сейчас особенно трудное, и так будет до тех пор, пока не закончится реорганизация и мы не заполним новую вакансию детектива-инспектора. Так что до Нового года придется поднапрячься.

Вакансия. Новое место, конечно, займу я. Послушать Тоула, получается, он тоже хочет, чтобы один из нас встал на один уровень с ним. На самом же деле ничего такого он не хочет.

Так или иначе, получив новую должность, я поднимусь куда выше этого придурка. Я бы уже был там, если бы все не испортила Кэрол, из-за которой мы целых шесть гребаных лет проторчали в Австралии.

- В общем, я хочу, чтобы ты возглавил группу по делу Вури. Я, конечно, буду присматривать, но из-за реорганизации мне просто не продохнуть. А тут еще Басби прислал уведомление, чтобы его пока не ждали. Не знаю, что они там, наверху, себе думают. Как управлять дивизионом, если у меня не хватает инспектора? Так или иначе держи меня в курсе. Этот орешек надо расколоть побыстрее.

Воображает, что если подмажется ко мне, если поставит старшим группы и свалит на меня ответственность за результат, то я откажусь от поездки в Амстердам. Вот уж хрен ему! Если придется, я всех на уши поставлю. Правила везде одни и те же. А пока ничего не остается, как слушать его льстивые рассуждения насчет того, какой я хороший офицер. Что ж, по крайней мере это правда.

Мне позарез нужно это гребаное повышение - должность детектива-инспектора. Она моя по праву. Я ее заработал. Это вам каждый скажет. Разве я хуже любого из них? Взять хотя бы бездельника Басби, страдающего от так называемого стресса. Как на гольф, так он здоров. Да уж, умеют некоторые водить вокруг пальца идиотов из службы социального обеспечения. Лично я отправил бы пердуна-задохлика на незаслуженный отдых, и тогда у нас было бы две инспекторские вакансии, что значительно улучшило бы атмосферу в столовой. Но у меня восемь впустую потраченных лет. Чем, по их мнению, я занимался в Сиднее все это время? Шары гонял? Кто только сочинил блядские правила, по которым служба в другой стране в I чет не идет? И все из-за нее, из-за той, которая сама не знала, ЧТО ей надо. Кэрол в Эдинбурге: я хочу быть там, рядом с мамочкой. Кэрол в Сиднее: я не могу здесь устроиться, скучаю по сестричке. Ее сестра... я бы и не вспомнил ее сестру, если бы дырка у нее между ног. - С таким опытом работы по уголовным делам, - продолжает Тоул, - только тебе и возглавлять группу. Фактически ты становишься инспектором. Сейчас мы ничего сделать не можем, но если ты добьешься результата, то подашь серьезную заявку на будущее. Получишь в свое распоряжение Инглиса, Бэйна, Драммонд и какого-нибудь констебля.

Я ненавижу Тоула, но работу свою он знает. В этом ему не откажешь. Он шлепает меня по плечу, и я Только киваю. Мы выходим из комнаты.

- Ну, тогда решено, Брюс, - улыбается он.

За то короткое время, которое потребовалось, чтобы выйти из комнаты и поставить чайник, я все же успеваю понять, что хитрожопый Тоул едва не сыграл со мной фокус. Да, пиздюк действительно знает свое дело. Как бы там ни было, получу ли я повышение или хуй в жопу, я все равно махну в Амстердам.

В коридоре ошивается Аманда Драммонд, делая вид, что разговаривает с Гасом, на самом деле поджидает Тоула. Увидела нас и сразу подходит.

- Извините, Боб, можно вас на минутку? Вот как? Уже Боб?

- Конечно, - говорит Тоул и снова поворачивается ко мне. - Не забудьте, Брюс, о чем я сказал.

- Да, - мямлю я и отваливаю к Гасу, провожая взглядом удаляющиеся фигуры - коренастую Тоула и тощую Драммонд.

- Если он думает, что я стану рвать жилы, расследуя это дело, то у него не в порядке с мозгами, - говорю я Гасу.

- Я так понимаю, что это все политика. - Гас устало качает головой.

Мне нравится Гас. Пусть он похож на куклу Джима Хенсона, пусть он человек вчерашнего дня, но мне он все равно нравится. Я могу себе это позволить. Хотя он тоже мстит на повышение. Каковы шансы против? Слишком высоки, чтобы на что-то рассчитывать.

- Ты прав. Откажусь я от поездки в Амстердам, куда, как всем известно, езжу каждый год в одно и то же время, только для того чтобы выяснить, кто угрожал черного, и набрать очков для своего друга мистера Тоула? Я что, похож на идиота? Нет, мистер Тоул, спасибо. И вам, мистер Ниддри, тоже спасибо.

- Он знает, на что нас взять, Брюс. Должность инспектора после реорганизации.

- Да это совсем другое! - громко бросаю я. Слишком громко - Гас кривится. Надо быть посдержаннее. Даю задний ход. - Он не имеет ни малейшего отношения к назначению. Думаешь, Ниддри или прочие мудаки в аттестационной комиссии станут слушать этого недоделка? Что он знает? Кто он такой? Ни хуя он ничего не знает, хрен с горы. Ни хуя! У него же здесь пусто-пусто.

Я стучу себя по голове и ухожу, оставляя Гаса в глубокой задумчивости. Этот мудак действительно думает, что инспектора дадут ему. Ошибочка! Извините! Слишком рано состарился и слишком поздно поумнел. Я сажусь и берусь за кроссворд в «Сан».

По горизонтали

1. Ловушка паука
4. Продолжать заново
7. Три мудреца
8. Очевидное
9. Пятно
12. Шиллинг
14. Приспособление для смазки
15. Закрыть
16. Опр. Статья
18. Лотерея
22. Темноволосая девушка
23. Инертный
24. Насмехаться
25. Знак зодиака, Бык

По вертикали

1. Случаться
2. Пустяк
3. Мускул
4. Провода
5. Уверенный
6. Восходящий
9. Тропический фрукт
10. Отклик
11. Приветствие
12. Наблюдатель

- 13. Постепенно
- 17. Толпа
- 20. Крик овцы
- 21. Застежка

Нет, сегодня что-то не идет. Возвращаюсь к третьей странице.

- Эй, Брюс, - говорит Гас, передавая Питеру Инглису пакет с жареной картошкой, - хочешь послушать, что говорят звезды?

Ладно, валяй.

Отвлек меня от Алисии из Гулля. А фигурка у нее зашибись.

- Ты кто?

- Телец.

- Вот оно: «Вы откусили больше, чем можете проглотить, так что теперь едва сводите концы с концами...»

- А что, так оно и есть! И кто в этом виноват, мы тоже знаем!

Я указываю пальцем в потолок.

- «...Не тревожьтесь - на этой неделе солнечное затмение рассеет окружающую ваше будущее неопределенность».

- Похоже, тебе светит повышение, Брюс, - вставляет со смехом Рэй Леннокс.

- «...готовьтесь расслабиться и наслаждаться жизнью». Эй, да это же насчет зимнего отпуска, - замечает Питер.

- Не иначе как та самая поездочка в Амстердам!

Я потираю руки, и в этот момент в комнату входит блондинка. Раздает какие-то листки.

Недолго радовался. Ниддри разродился очередным распоряжением.

ПРИКАЗ

Всем дивизионным инспекторам (список прилагается)

В связи с последними событиями в Управлении выражают серьезную озабоченность по поводу подхода к рассмотрению расовых вопросов. Руководство давно сознавало необходимость принятия определенных мер и теперь, с учетом прозвучавшей критики, приняло решение провести специальный семинар, посвященный проблеме угрозы расизма. Занятия будут вести как штатные работники Управления, так и сотрудники Комитета равных возможностей. Участие в семинаре старшего персонала и офицеров, занятых расследованием задевающих расовые чувства дел, является обязательным.

Руководители семинара - Аманда Драммонд и Марианна Сан Юнь.

Старший суперинтендант Джеймс Ниддри.

Не могу поверить. Тоул и Драммонд. Я разговаривал с ним сегодня утром, и мне не сказали ни слова. Мне, второму - а фактически первому, потому что Тоул числится старшим только на бумаге - человеку в этом расследовании! Она поработала у меня за спиной. Полизала кому надо задницу и пробила-таки один из этих герл-гайдовских прожектов.

- На хрен нам это сдалось! - стонет Питер Инглис, украдкой поглядывая на меня. - Время, что ли, девать некуда?

- Вот и поглядите, кто здесь теперь главный, - говорю я. - Какая-то мокрощелка! Что она понимает в полицейской работе?

Я смотрю на Рэя Леннокса. Он же крутился вокруг этой подстилки все утро.

Вид у Леннокса слегка виноватый. Парень торопится сменить тему и, пожимая плечами, говорит:

Интересно, кто будет раскрывать убийство, если нас гоняют по семинарам.

- Бред, - соглашается Гас.

Настроение у ребят паршивое. Они поглядывают на меня, ожидая, что я что-то предложу.

- А ты как думаешь, Брюс?

- Нам ничего не остается, как подчиниться. Как ты и сказал, Рэй - я поворачиваюсь к Ленноксу и пожимаю плечами, - разговорами с тупыми телками убийство не раскроешь, но решаем

здесь не мы.

- Тоул просто хочет выпендриться перед начальством и недоделками из Форума, показать, какой он хороший, - жалуется Питер Инглис.

Ему уже за тридцать, а выглядит дохловато для полицейского. Скорее жертва СПИДа.

- Не надо суетиться, рано или поздно эти мудаки сами себе шею свернут, - киваю я.

Немного позже звоню своему дружку Блейдси. Договариваемся встретиться в Ложе. Потом иду к Кроуфорду за булочкой с яйцом. На улице подмораживает, но даже холод не может рассеять поднимающийся от моих штанов аромат. Пора бы отдать их в химчистку. Распахиваю полы пальто и принимаю - ничего особенного, обычный запашок, никак не тянущий на вонь, Пару дней поносить еще можно.

Из внутреннего кармана пальто высовывается смятый край какого-то конверта. Письмо Тони из Челмсфорда. Я таскаю его уже целый месяц. Не прокатиться ли к нему еще разок, может быть, на Новый год. Я думаю о той телке, Диане, и перед глазами встают се здоровенные голые ляжки. Чувствую знакомое шевеление в штанах. Мимо проходят женщины, и я застегиваю пальто. Нет, девочки, просто так такой товар на обозрение не выставляется. Хотите посмотреть - пожалуйста к кассе. Мысли снова возвращаются к Диане; черт, мне не терпится

вернуться туда. Да, именно благодаря таким вот моментам ты и живешь. Без них не осталось бы ничего, кроме работы. И игр.

У Кроуфорда еще одна неприятность: у них кончились яйца. Не иначе как все пожрали придурки в форме, которые, вместо того чтобы заниматься делом, шляются целыми днями по долбаным забегаловкам. Так и проебывают времечко полицейское.

Вечером повеселились в бильярдной. Играли по кругу, и я взял первое место, сломив сопротивление Леннокса и одержав победу со счетом 4-3. И это после проигранных двух первых партий! Этот хрен сразу загрустил и съебался. Не играй с большими, придурок, если не умеешь двигать кием. Леннокс точно не умеет, ни в бильярде, ни в чем-то другом.

И вот мы вываливаем на морозную улицу с дружбаном Блейдси. Это тот самый парень, который едет со мной в Амстердам. Я уже представляю, как мы с ним отрываемся. Легкий снежок. Я ловлю на ладонь снежинку и любуюсь ее совершенной формой сквозь застилающую мозги пивную пелену. Снежинка тает от тепла руки.

Снег начинает идти сильнее, и я тащу упирающегося Блейдси в вонючую пивнушку на Коутгейт, настоящую дыру, имеющую, однако, лицензию на торговлю допоздна и забитую, как обычно, студентами и прочим сбродом. Топаю, сбивая с ботинок снег, и заказываю еще пару пива. Мы пристраиваемся за столиком, и я слышу, как рядом какой-то умник толкует о футболе, в частности

о Стронаке, который, мол, был хорош когда-то, а теперь его не хватает на все девяносто минут. Раздумывая об этом - кто же спорит, тут все ясно, - я краем глаза замечаю в шумной компании студентов какого-то раздолбая в джинсах и потертой, но чистой одежде. Тем не менее сопляки ловят каждое его слово, как будто это говно что-то собой представляет.

- А это не Артур Кормак? - спрашивает Блейдси. - Ну, тот парень, что читает стихи. Его еще называют богемным поэтом.

Я смотрю на него и презрительно усмехаюсь.

- Богемный поэт? Ты хоть знаешь, что это означает? Лично для меня он шваль.

- Ну, вообще-то он опубликовал поэтический сборник, который получил награду Художественного Совета.

- В этом вся суть тех, кого называют богемой. Хочешь услышать определение? Богемный поэт - это непросыхающий алкоголик, рвань, мудака, которому удалось убедить богатых придурков в том, что он интеллект. А на самом деле - шваль! И живет в ночлежке. Можешь называть его какими хочешь словами, но для меня он - шваль!

Смотрю на порхающих вокруг этого вонючего чучела в лохмотьях пташек и чувствую, что ненавижу его еще больше.

- Ну, не знаю... возможно, если бы он жил в Париже, на Левом Берегу или где-то в таком же месте, то его причисляли бы к богеме не только у нас, - бормочет Блейдси и, сняв очки, начинает протирать стекла салфеткой.

Один глаз у него видит хуже другого, а потому и одна линза куда толще.

- Ебаные лягушатники, да что они понимают? Шваль везде шваль. - Я показываю пальцем на старпера в лохмотьях. - Ты называешь это искусством? Я его слышал. Придурок мямлил что-то, нес какой-то бред, а его и слушать никто не хотел. И что, по-твоему, теперь это называется искусством? Или возьми того недоумка, который пишет, как он сам и его дружки принимали наркоту. Конечно, теперь он уже не колет, он живет на юге этой долбаной Франции или в другом подходящем месте и втюхивает пидерам-либералам свою блевотину. Мы, мол, настоящие художники. Хуежники, а не художники! - кричу я, глядя на мудака в джинсах и сгрудившихся вокруг него педиков.

Блейдси начинает нервничать.

- Эй, Брюс, может... может, пойдем куда-нибудь еще, а?

- Все, намек понял. Здесь воняет, как на помойке, - бросаю я, глядя на студента с

негритосскими кудряшками и в тряпье, которое так любит напяливать богатенькая белая шпана.

- Пойдем ко мне.

Мы оба едва держимся на ногах.

- А твоя жена не будет против?

- Нет, она сейчас у своей матери в Авиморе. Старушка не очень хорошо себя чувствует.

Что-то с сердцем.

- О Боже... - Блейдси сочувственно смотрит на меня. При этом он становится похожим на собачонку из мультфильма... как ее там... Друпси, да, Друпси.

- Сама виновата, старая корова, - объясняю я. - Ты бы посмотрел, что они жрут. Масло, конфеты, шоколад... Да еще все жарят...

- Понимаю... понимаю... - говорит Блейдси, и по его тону ясно, что ни хрена он не понимает.

Как нос ни крути, а лучший психолог - это полицейский. Думаю о ее матери. Надо отдать старухе должное: жратвы у нее всегда хватало. А не хватало хорошего порева. Да, вот в чем проблема: никто ее толком не драл с тех самых пор, как откинулся ее старик. Для хорошей циркуляции крови нет лучше средства. Неудивительно, что у нее случилась закупорка сосуда. Кто ж виноват, что она была такая фригидная. Я сколько раз предупреждал Кэрол, что ее ждет то же самое, если она не добавит огоньку на постельном фронте.

Допиваем пиво и выходим. Я торможу тачку, мы садимся и отправляемся ко мне. Все в снегу, так что работы у недоумков из дорожной службы выше крыши. Мы, ребята из криминального отдела, всегда смотрим на них свысока, как на отстой. Таксист что-то лопочет, ошибочно полагая, что болтовней заслужит чаевые. Как бы не так! Только полный придурок даст эдинбургскому таксисту на чай. Извини, браток, но правила везде одни и те же. Прежде чем выйти, я высыпаю мелочь ему на ладонь и начинаю отсчитывать ровно столько, сколько надо. Мудак неодобрительно кривит губы.

- Эй, Блейдси, найдешь два пенса? Две по два или четыре по одному. Это все, что мне надо.

- Здесь пять, - говорит Блейдси. Беру у него пятак, кладу водиле на ладонь и забираю один пенни. - Ну вот, теперь порядок, - бодро сообщаю я. - Три фунта шестьдесят пенсов.

- Большое спасибо.

- Не за что. Это вам большое спасибо.

Я ухмыляюсь. Таксист высыпает деньги в карман и отваливает. Я открываю калитку.

- Ты ничего не дал ему сверху? - спрашивает Блейдси.

- Я бы не дал ему и дерьма из-под ног.

- В Ложе есть парни-таксисты...

- Я это прекрасно знаю, брат Блейдси. Но если я и знаю кого-то из ихней шушеры, это еще не значит, что я им обязан. Правила везде одинаковы. Чаевые? Я не даю на чай таксистам. С какой стати? Пошли они...

В кухне я наливаю себе добрую порцию двенадцатилетнего «Шивас Ригал», а Блейдси лью из пластмассовой бутылки «Теско». Виски наш национальный напиток, так что разницы ему, англичанину, все рано не понять, к тому же он и так нализался. Я мог бы нассать в стакан - он бы и не поперхнулся.

Через некоторое время на лице Блейдси появляется грустное выражение.

- Тебе так повезло с женой, - жалобно тывкает он, - она у тебя такая понимающая.

Похоже, парень готов перейти к своим отношениям с тем куском мяса, на котором он женился в прошлом году. Ее зовут Банти. Он ее боготворит, эту корову: Банти то, Банти се. Она же, конечно, воспринимает моего приятеля Клиффорда Блейдса как последнее дерьмо. По своему опыту знаю, что если женщина так относится к мужу, значит, ей нужен хороший ебарь.

Похоже, Блейдси в этом слабоват. Правила везде одинаковые.

- Это вопрос ценностей, - говорю я. - Ну... вроде того, чего ты хочешь от жизни. Имей в виду, я тут устрою хорошую уборочку перед ее возвращением. Сейчас здесь просто помойка.

- М-м-м, да уж конечно, убратся надо.

Блейдси отхлебывает виски и кривит физиономию. Не понравилось, мать его. Вот наглец.

- А дочка, Брюс? Где она учится?

- Э-э... в «Мэри Эрскин». Только недавно пошла.

- Я... мне... вообще-то у меня как-то не очень складывается с Крейгом. Банти уж слишком его оберегает. По-настоящему он меня так и не принял. Я, конечно, вовсе не навязываюсь ему в отцы... стараюсь принимать решения в зависимости от обстоятельств... А ты? У тебя никогда не было проблем с дочерью?

- Был один небольшой инцидент... я поймал ее на лжи... на глупом, мелком обмане. Ничего такого - теперь все уже позади.

Я напрягаюсь. Не стоило рассказывать этому хмырю о том, что его не касается. Лучшая форма защиты - нападение.

- Послушай, Блейдси, старый хрен, можно задать тебе личный вопрос?

- Ну... да... я...

- Это насчет тебя и Банти. Ебешь ты ее?

Блейдси смотрит на меня, потом отводит взгляд. Никого он не ебет, жалкий сукин сын. Он начинает мямлить, сначала смущенно, но без обиды - хотя мне-то наплевать.

- Ну, видишь ли... в последнее время с этим обстоит не очень...

Я решительно киваю, и Блейдси продолжает. Ни капли гордости. Этот осел думает, что мне есть до него какое-то дело. Ошибочка!

- Знаешь, я всегда был немного одиночкой... трудно заводил друзей... но на службе ребята приняли меня как-то сразу... как своего. В общем, то, что я нашел здесь работу и встретил Банти, это... ну... мне даже показалось, что я встал на ноги. Понимаешь, Брюс, я не понимаю, чего она хочет. Я на нее голоса ни разу не повысил, даже когда она вела себя уж совсем неразумно. Всегда заботился о ней, покупал...

Да, парня надо направить на верный путь, раз и навсегда.

- Послушай, дружище. Я дам тебе совет по части того, как относиться к женщине. Все, что требуется, это регулярно прочищать ей трубы. Ты понял? Еби ее почаще, и она сделает для тебя все.

- Ты действительно в это веришь?

- Конечно. И никогда не слушай недоумков из консультаций! по проблемам семьи, они ни хрена ничего не понимают.

Корни любой семейной проблемы всегда уходят в секс. Женщинам нравится, когда их трахают. И чем больше, тем лучше. Если ты не ебешь свою бабу, то образуется вакуум, пустота. А природа не терпит пустоты. Будь уверен, всегда найдется хуй, который займет твоё место. Не допускай пустоты. Заполняй ее тем, что дала природа. А если она тебя не подпускает, иди и найди другую дырку. Я знаю, что могу в любой момент выйти из дома и получить любую. Это как два пальца.

Я щелкаю перед ним пальцами, и бедняга испуганно отшатывается.

- Ты действительно думаешь, что все так легко?

- Конечно, легко. Они сами тебя найдут, кроме шуток. И в этом городе, и в любом другом. Везде, - я раскидываю руки, - во всем мире. Надо только знать, где искать, куда смотреть. Возьми, к примеру, меня. Я детектив. Полицейский. Хороший полицейский всегда знает, куда смотреть. Я - знаю, потому что я хороший полицейский. Может быть, не самый лучший, - я

делаю выразительную паузу, дожидаясь, пока Блейдси начинает кивать, а потом с абсолютной серьезностью заканчиваю, - но уж точно один из них.

Так оно, мать вашу, и есть.

- Должен сказать, мне не терпится поехать в Амстердам, - краснея от смущения, признается он.

Вот же тюфяк. Никакой уверенности в себе.

- Поездка будет волшебная, Блейдси, я не шучу. Они все будут наши. Шлюхи всех цветов, размеров и форм.

Проблема Брюса в том, что он держит все в себе. Я знаю, что на работе ему пришлось повидать немало страшного, и, что бы он там ни говорил, это сильно на него подействовало. В душе он очень тонкий, восприимчивый человек. Его напускная жесткость способна обмануть многих, но не меня. Я-то его знаю по-настоящему. Люди не понимают, какой это сложный человек. Чтобы узнать Брюса, его нужно любить, и я, конечно, знаю его.

Я знаю, например, какое впечатление Брюс производит на женщин. Знаю, что они считают его привлекательным. Я знаю это, потому что и сама произвожу такое же впечатление на мужчин. Если вы сексуальны, то всегда сознаете, как ваша сексуальность действует на других. Я бы назвала это сексуальной аурой. Она становится чем-то вроде общей валюты, неким кодом, безмолвным языком. Да, некоторых как будто окружает невидимое сияние, и я знаю, что оно окружает и Брюса.

Я трачу на себя кучу времени, потому что мне нравится всегда хорошо выглядеть - и в его глазах, и в своих. Некоторые женщины говорят, что нельзя одеваться ради мужчины, но когда кого-то любишь, то его удовольствие становится и твоим удовольствием, и ты как бы упиваешься им. Да, есть за мной такой грех и никуда от этого не денешься.

Я стою перед зеркалом и смотрю на свое обнаженное тело. Да, Кэрол, да, девочка, в тебе это есть. Мне кажется, что я теряю вес. Надеваю бюстгальтер, застегиваю его впереди, потом поворачиваю и натягиваю чашечки на груди. Достаю из шкафа шелковую кремовую блузку, надеваю, застегиваю пуговицы. Мне нравится ощущать прикосновение к коже именно этой блузки. К ней хорошо идет темно-синяя юбка. Надеваю юбку и смотрюсь в зеркало. Да, я определенно похудела - юбка сидит свободно. У меня широкий лоб, но этот недостаток легко нейтрализовать длинной челкой. Мне нравится мой большой рот с красивыми полными губами. Брюс всегда восхищается и моими губами, и моим маленьким носом, и моими большими карими глазами.

Из нижнего ящика шкафа я достаю синие, с бархатным отливом туфли. Все это время я думаю о Брюсе, о наших играх со встречами-расставаниями, о том, что эти разлуки - всего лишь дразнящий, возбуждающий, сближающий сердца флирт. Брюс нужен мне, меня влечет к нему, и я скоро вернусь. Я обнимаю себя, представляя, что мы вместе. В некотором смысле так оно и есть, потому что ничто - ни пространство, ни время - не в силах разрушить наш восхитительный союз.

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Утро оказалось безнадежно испорченным из-за того, что я никак не мог придумать, что надеть. А все Кэрол виновата; намылилась уйти, так могла бы по крайней мере договориться с прачечной. Я уже собрался было свернуть барахло, отнести и подождать, пока все будет готово, но потом обнаружил черные брюки, оказавшиеся еще вполне пригодными - надо было только стряхнуть прилипшие к подкладке шелушинки.

Вообще-то я даже рад, что так расстарался, потому что на работе меня ждут девочки. Допрашивать таких цыпочек одно удовольствие, а больше всего мне нравятся их вывернутые, блестящие от помады губки. Классные шлюшки понимают: помады и туши много не бывает. Так и снял бы показания да заполнил пару протоколов.

В штанах возникает приятное подрагивание, и я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться и сосредоточиться. Хорошо еще, что я профессионал и способен подняться выше самых животрепещущих тем.

- Итак, в ночном клубе вы не видели никого, чье поведение можно было бы охарактеризовать термином «подозрительное»? - спрашиваю я.

Девчонка та еще умелица. Зовут Эстеллой.

- Не-а, - с отсутствующим видом отвечает Эстелла, явно думая о чем-то другом.

В соседней комнате Гас разговаривает с ее приятельницей. Надо бы посмотреть, как там у него дела. Я уже собираюсь задать жару этой наглой сучке, когда вспоминаю, что здесь еще и Аманда Драммонд. Она смотрит на меня, и кончик носа у нее подергивается. Не обращаю внимания. Тогда она говорит:

- Детектив-сержант Робертсон, можно вас?

Вслед за Драммонд выхожу из комнаты. Делодохлое. Никакого продвижения. Я потратил чуть ли не все утро, опрашивая завсегдатаев клуба, но только несколько человек признались, что видели, как Вури уходил. Одного из них я узнал сразу - это Марк Уилсон, что-то вроде привратника, тот еще хрен. Он должен помнить парня, однако строит из себя идиота и не признается. Эти сучки, Сильвия Фриман и Эстелла Дэвидсон, вряд ли что-то знают, но я занялся ими не поэтому. Сейчас пусть передохнут, но потом, когда Драммонд уберется с горизонта, я загребу их снова. Ну и телки! Одна широкая, как Темза. Это Эстелла. Да и у Сильвии все при себе. Они еще придут. Они еще вернуться.

Мы выходим в коридор. Пара рабочих красят стены дешевой эмульсионкой. Один из них пялится на бесформенную костлявую задницу Драммонд.

- На сегодня надо заканчивать, Брюс. У нас семинар, - напоминает она.

Перевожу взгляд с рабочего на нее. При всем прочем одно в Аманде мне нравится: выступающие передние зубы. Такие могут создать серьезные проблемы, если доберутся до крайней плоти. Впрочем, Драммонд никогда не узнает, как найти им достойное применение.

- Я как раз старался забыть о нем, - говорю я ей.

Драммонд отворачивается и начинает рассматривать трещину на плитке пола. У нее прямо-таки талант извлекать плохие новости прямоком из воздушных волн. Ладно, в ближайшее время работы по этой части ей хватит. Кроме шуток.

Чертов семинар, на хуй он мне сдался. Но приходится подчиняться, и мы отпускаем телок и вместе с Гасом топаем в столовую. Ленч получается короче обычного. Блондинка сидит за противоположным столиком с парой таких же штатских телок. Я уже собираюсь подойти и поздороваться, но Драммонд вертится вокруг, как пеликан, и мы с Гасом понимаем, что покою она уже не даст, пока не затащит на свой гребаный семинар.

- Не вижу никакого смысла в этих занятиях. Пустая трата времени, - говорю я, запивая булочку кофе. - Может быть, прямо сейчас в Пилтоне убивают какого-нибудь бедолагу, а мы тут груши околачиваем с чокнутыми идиотками.

- Ну что ты на них набрасываешься, Роббо, - откликается Клеелланд. - Дай девчонкам шанс, мы же еще не начали.

Клеелл тот еще тип. Сморщенная физиономия пьянчуги, короткие, непонятного цвета волосы и вечно красный нос. Обвислые щеки. От него всегда несет застарелым запахом выдохшегося лосьона, скрывающего бесчисленные грехи. Я-то знаю.

- Послушай, Клеелл, подумай, сколько лет мы отдали этой службе. А теперь представь, что девчонка, у которой под юбкой ветер гуляет, идет в колледж, получает степень по какой-то гребаной социологии, проходит ускоренные курсы по подготовке управляющего персонала и начинает зарабатывать столько же, сколько и мы, тс, кто всю жизнь вставал под пули, чтобы эти недоумки не поубивали друг друга. Однако ж она составляет документ, определяющий, как должен вести себя страж порядка: «будьте внимательны и добры к черным, пидерам и таким вот дурам, как я». И все ее поддерживают! Потом приглашают эту расфуфыренную дамочку с американским акцентом сюда, чтобы она объяснила, как мы должны делать свою работу, как общаться с прессой и прочее, и прочее. А потом - сюрприз! - вот вам еще один бланк для заполнения! Отлично! Как все мило!

Кстати... Надо заполнить бланк «ОТА 1-7» по сверхурочной.

- Да уж, - говорит Гас Бэйн, - Шотландия - страна белого человека. Всегда такой была и всегда такой будет. По крайней мере таково мое мнение, а я уже слишком стар, чтобы меняться.

Он жизнерадостно усмехается. Хороший он парень, старина Гас.

- Точно, Гас. Помню, мы с Кэрл и малышкой Стейси ходили на «Отважное сердце». Много ли черных и желтых защищали тогда цвета Шотландии? То же и в «Роб Рое», и в «Брюсе».

- Верно, - соглашается Энди Клеелланд, - но это было давно, а сейчас времена другие.

- Другие... Мы построили эту гребаную страну. Черных и желтых не было ни на Баннокберне, ни на Куллодене, когда дела шли туго. Это наша кровь, наша земля, наша история. А теперь они хотят пролезть сюда бочком, пожать наши плоды да еще и пристыдить нас за прошлое! Да мы были долбаными рабами еще до того, как всю эту срань загнали на корабли и отвезли в Америку!

В зале нас встречает узкоглазая птишка Сунь Юнь, или как ее там, в деловом костюме.

- Для начала я хочу дать вам упражнение на свободные ассоциации. Говорите то первое, что придет в голову, не задумываясь.

Она поворачивается и пишет на доске: ЧТО ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ РАСИЗМ?

- Дискриминация! - кричит Клеелл.

Китаеза заметно возбуждается, кивает и быстро записывает слово на доске.

Гиллман надувает щеки - похоже, сучка ему не нравится.

- Конфликт! - резко бросает он.

Пока она снова записывает, Клеелл говорит:

- А может, и не конфликт. Может, гармония. Гиллман на него не смотрит.

- Ты подумал о лаке для волос, - подает голос Гас Бэйн. Тут встречаю я и говорю:

- Она не пользуется лаком «Гармония». Ребята смеются, даже Даги Гиллман улыбается.

Малышка поворачивается и повышает голос:

- Я думаю, Энди... вы ведь Энди? - Клеелланд кивает. - Я думаю, Энди затронул важный пункт. Мы, полицейские, в силу специфических условий нашей работы привыкли видеть общество, раздираемое конфликтами, но в реальности расовые отношения в Британии характеризуются гораздо большей гармонией, чем какие-либо другие.

- Это же брэнд, лак для волос, - говорю я.

На сей раз никто не смеется, и я чувствую себя в изоляции. По крайней мере птичка, похоже, огорчается, а мне только того и надо. Она смотрит прямо на меня и спрашивает:

- А что термин «расизм» означает для вас... - ее взгляд перемещается на бирку с моим именем, - Брюс?

- Для меня он не означает ничего. Я ко всем отношусь одинаково.

Бэйн выдвигает вперед подбородок и демонстративно хлопает в ладоши.

- Что ж, весьма похвально, - чирикает птичка, - но разве вы не замечаете расизма в других?

- Нет. Это их взгляд на мир. Человек должен нести ответственность за свое поведение, а не за поведение других, - отвечаю я.

Получилось хорошо. Эти дуры говорят на своем особом, обезличенном языке, и мне почти удалось попасть в струю. К тому же, похоже, Сунь как-ее-там и сама так считает.

И тут выскакивает Аманда Драммонд.

- Но ведь мы играем определенную социальную роль, и в этой роли, роли служителей правопорядка, обязаны принимать на себя ответственность за проблемы общества. Я бы сказала, что это не требует доказательств.

Вот же дура. И это точно не требует доказательств.

- Я выражал свою личную точку зрения. Мне казалось, вы это хотели услышать. На установочном инструктаже сказали, что мы должны реагировать как личности и не прятаться за профессиональными ролями. Разумеется, как служитель правопорядка я согласен с тем, что на нас ложится и дополнительная ответственность.

Желторожая явно смущена моим заявлением и уходит от ответа. Стандартная тактика, к которой так часто прибегают преступники. И это полиция? Ха!

- Хорошо сказано, Брюс, - покровительственно замечает она. - Кто желает добавить?

- Самая большая проблема, - начинает Гас, - и я знаю, что вам не понравится то, что я скажу, но это необходимо сказать - состоит в том, что именно черные совершают большую часть преступлений. - Он поворачивается ко мне. - Ты работал в Лондоне, Роббо. Скажи им.

- Я могу говорить только о том времени, когда я сам работал в Страуде, - с бесстрастным видом отвечаю я и смотрю на Леннокса.

Его лицо ничего не выражает, но в глазах напряжение. Держу пари, парень уже нанюхался. Ставлю четыре против одного.

- А что Страуд-Грин? - настораживается китаеза.

- Я считаю неуместным обсуждать отдельные проблемы того или иного конкретного района, - резко заявляю я.

- Хорошо, - нерешительно говорит она.

Дамочку щелкнули по носу, и ей это не понравилось. Хотя истинная проблема в общем-то не в этом. Если мы будем молчать, эти сучки не постесняются заполнить пробелы своей дерьмовой трескотней. Итак, мы слушаем нудную лекцию, ждем перерыва на кофе и потихоньку дремлем, притулившись к теплым батареям.

Наконец объявляют перерыв, однако к кофе дают только какое-то сраное печенье. Обычно я беру булочку в столовой или что-нибудь у Кроуфорда, но на сей раз все забыто и заброшено в суете дурацкого курса любви к черному брату. Им нет никакого дела до других, они озабочены только собственными проблемами. Беру кофе и отхожу к Келлу. Намеренно держусь подальше от Гаса. Неплохой парень, но у него что на уме, то и на языке. Ему не хватает осторожности, осмотрительности, а эти сучки только того и ждут. Вот Леннокс, тот понимает что к чему. Зато слишком пронырлив.

Наш юный мистер Леннокс далеко пойдет, это уж как пить дать.

Мы стоим втроем - я, Клелл и Гиллман, - и тут к нам присоединяется эта пташка с американским акцентом. Наверно, ходила в крутые школы. В разных странах. Ненавижу этих привилегированных ублюдков. Все остальные для них пустое место, если ты им и нужен, то лишь для того, чтобы подтирать за ними их же дерьмо, и чаще всего они правы. Одного они не знают: ты всегда крадешься в темноте. Возможность нанести удар, вероятно, и не представится, но ты всегда там, всегда наготове. На всякий случай.

Рот у чертовой суки не закрывается, она треплется и треплется. Стандартная тактика: хочет расположить нас к себе, разговорить, заставить открыться. Но мы держимся твердо. Клелл, правда, еще отвечает, говоря то, что она хочет услышать, но воли языку не дает, побаивается. При этом он вызывающе поглядывает на нас с Гасом. Когда имеешь дело с такими вот сучками, то лучше всего прикинуться деревом. Самые умные из уголовников хорошо это знают: просто посылают всех и рот па замок. В общем, она трещит, а я киваю, глядя ей в глаза и наблюдая за тем, как шевелятся ее губы, и постепенно начинаю думать о том, что у нее под юбкой. Ничего такого в ней нет, но тело аккуратное. Задница фигуристая, с выгибом. У меня свой девиз: не смотри на каминную полку, когда ворочаешь уголья. И, скажу откровенно, он не раз служил мне верную службу. Правила везде одни и те же.

Словно прочитав мои мысли, она краснеет и смотрит на часы.

- Что ж, пора двигаться дальше...

Подожди еще минутку, сучка, и мы с тобой задвигаемся по-другому. Сыграем в мою игру. Ты же не прочь...

Леннокс разговаривает с Амандой Драммонд. Не иначе как хочет помочить конец, грязный ублюдок. Хотя какой там у Леннокса конец. Прыщик. Драммонд замечает, что я смотрю на них, и отворачивается. Я бы ей тоже вставил, ну хотя бы потехи ради. Например, в сортире, если бы выпала свободная минутка между кроссвордом и перерывом. Леннокс возит указательным пальцем по клюву. Хладнокровный ублюдок, но ведь за всем не уследишь, и этот жест выдает, что за внешним спокойствием он комок нервов.

Да, Леннокс, да, пизденьш, ты еще узнаешь.

Мы возвращаемся в зал. Клелл разыгрывает из себя милого парня, Гас поддакивает, а я изображаю тупой угол. Жарко, и меня начинает немного мутить. В животе появляется неприятное чувство и ощущение тяжести. Как будто во мне что-то есть, и оно растет, крепнет, набирает силу. Может быть, опухоль вроде той, от которой умерла моя мать. Наша семья предрасположена к этой чертовщине. Но она была... Я начинаю потеть. Пот. Густой обильный пот. За ним всегда приходит приступ паники.

Пиздец!

Мать вашу!

Я не Басби и не какой-нибудь слабак, который не в состоянии справиться со стрессом. Эти мудаки никогда ничего не узнают, никогда ничего не поймут, потому что я лучший, я лучше их всех, я сильнее всей этой гребаной компании вместе взятой.

Я извиняюсь и иду в туалет. Меня трясет, зубы стучат. Сажусь на крышку унитаза. Как чешется задница. Надо чем-то простерилизовать ее; горячей водой или острой болью. Туалетная бумага оказывается достаточно жесткой. Вот же скоты! И как, по их мнению, можно работать...

Чешусь как проклятый, пока глаза не начинают слезиться. Фокусируюсь на боли. Дыхание постепенно приходит в норму, дрожь проходит. Пытаюсь сгонять всухую, воображая то узкоглазую пташку, то Аманду Драммонд, без всего, но ничего не получается. Надо было прихватить с собой газету. На третьей странице была какая-то новенькая шлюшка; по крайней мере я ее раньше не видел.

Возвращаюсь, так до конца и не придя в себя. Все поворачиваются и смотрят на меня.

- Брюс, вы в порядке? - спрашивает Аманда Драммонд. - Выглядите вы не очень. Как самочувствие?

Нападение - лучшая форма защиты. Я смотрю ей в глаза.

- Мне было бы намного лучше, если бы я понимал, что здесь делаю. Как и некоторые из моих коллег, я занят расследованием убийства. Я пытаюсь раскрыть преступление, совершенное в отношении представителя группы этнического меньшинства. Меня отвлекли от работы, чтобы убивать время здесь. - Все это я говорю таким тоном, чтобы Драммонд стало ясно: я не считаю ее членом опергруппы. - Ответьте мне, если сможете, на такой вопрос: что больше способствует расовой гармонии, этот семинар или раскрытие убийства? Потому что протирая штаны здесь, сестренка, мы уж точно не найдем преступника.

- Вот-вот! - поддакивает Гас и начинает хлопать. Некоторые из ребят присоединяются к нему. Питер Инглис свистит.

Китаеза в полной растерянности.

- Вопрос не стоит «или-или», нам нужно и одно, и другое, - вяло лепечет Драммонд и с чуть большим воодушевлением добавляет: - Это же ясно следует и из документа, определяющего нашу стратегию.

О, мы уже заговорили о стратегии? А я-то думал, когда же мы дойдем до этой конкретной кучи дерьма. Что ж, сучонка, спасибо большое, я с домашним заданием справился.

- Рад, что вы упомянули об этом, и с вашего позволения процитирую отрывок из циркуляра, имеющий прямое отношение к названному вами документу. «В современной организации, каковой являются полицейские силы, не существует священных коров. Все имеет первостепенное значение, все является общим достоянием».

- Вот именно. И тот факт, что вы находитесь здесь, показывает, где именно ваш приоритет, - заносчиво бросает она.

- Как верно и противное. Тот факт, что вы здесь, а не там, где занимаются расследованием убийства молодого человека, демонстрирует ваш приоритет.

- Так, так! - кричит Даги Гиллман.

Вульгарный тип, этот Даги, но допрос вести умеет. Один из немногих, кто может стать грозным противником. К тому же не раскатывает губу на должность инспектора. Уважает иерархию.

- Мы все так считаем! - рявкает Гас.

Не все у этих двух дур идет по их сценарию, это уж точно. К концу дня вид у них не лучше, чем у пары шлюх, отработавших на спинке полную смену. Серьезно.

Ближе к финишу замечаю, что Рэй Леннокс весело обсуждает что-то с Гасом. Похоже, эти двое спелись. Ладно, придется заняться ими прямо сейчас.

Задумываюсь над своими шансами на повышение. Сильной конкуренции на этом поле не замечается.

ГАС БЭЙН

Слишком стар и глуп.

КЕН АРНОТТ

Из подразделения «В».

Прямой, как

телеграфный столб. Туповат. Друзей

нет, только приятели по работе.

Представлял бы серьезную опасность,

если бы имел что-то в голове.

ПИТЕР ИНГЛИС

Имеет наглость нацеливаться на ту же должность, что и я. Неудачник.

И вообще в этом унылом одиночке есть что-то чертовски странное.

Возвращаюсь на свое рабочее место. Сообщение. Оказывается, меня искала какая-то женщина. Имени не назвала. Это Кэрол, точно она. Поняла, что вела себя неправильно. Одна. Приближается Рождество. Вот и рассопливилась. Ну, это ее проблема. Я должен идти. Мне назначено.

Еду через город. Эти придурки отказались от одностороннего движения, так что теперь хрен в чем разберешься. Проехать из одного конца города в другой - целая проблема. Будь моя воля, запретил бы автобусы, вырубил большую часть этих дурацких садилов и проложил новые линии по Принсис-стрит.

Жду двенадцать минут в приемной доктора Росси. Мне назначено на 5.30, я приехал в 5.25, но в кабинет попадаю только в 5.42, наверно, благодаря вонючей старой гримзе, готовой тратить денежки налогоплательщиков на пустую болтовню с доктором - единственным человеком, приближающимся к ней, несмотря на вонючку.

Все в порядке, старый жмот. Я всего лишь расследую убийство. Пожалуйста, продолжайте, не обращайтесь на меня внимания. Мне спешить некуда.

Когда я наконец попадаю в кабинет, доктор Росси не произносит и слова извинения за задержку. Вместо этого он просит меня спустить штаны.

- Что ж, мистер Робертсон, - говорит он, рассматривая мои гениталии и прилегающие участки, - похоже, у вас экзема.

- Экзема! Но в таком... я хочу сказать, что обычно экзема бывает на спине, руках или на лице, но... но не здесь же...

Глаза доктора Росси наполняются злостью, к которой явно добавлена порция отвращения.

- Экзема может быть в любом месте. Нет никаких свидетельств того, что у вас что-то другое. И это наверняка не венерическое заболевание.

Вот так. Я, можно сказать, в полной растерянности, едва ли не в отчаянии, а этот мудака делает вид, что ничего особенного не случилось.

- У меня никогда такого не было. Даже когда... в общем, у меня такого не было.

- А у ваших родителей? Знаете, это может быть наследственным.

- Нет.

Какие, на хуй, родители! Они тут ни при чем.

- Мы имеем дело с неким обострившимся кожным расстройством, возможно, одной из форм экземы. Нечего и говорить о том, как важно соблюдать гигиену. Я выпишу вам крем.

Я делаю глубокий вдох, и стерильный воздух кабинета заполняет легкие. Стараюсь сфокусироваться на докторе Росси, не вступая в зрительный контакт. Надо смотреть на брови. Есть такой старый прием: смотреть не в глаза полицейскому, а на его брови. Уголовники часто пользуются такой уловкой. Зрительный контакт без зрительного контакта. С полицейскими фокус проходит почти всегда. Уже одно это - определение стратегии и переключение в режим игры - придает мне сил.

- Чем оно может быть вызвано? - четко спрашиваю я. Росси немного сдает. Тон у него уже не такой надменный.

В конце концов мы всего лишь два профессионала, дружески обсуждающие диагноз. Наше дело идентифицировать проблему и предложить возможные пути решения.

- М-м-м, не исключено, что у вас аллергия на некоторые пищевые продукты. Допускаю, что причиной является стресс и те условия постоянного беспокойства, в которых вы работаете.

Стресс. Так оно и есть. Хуева работа! Это все из-за Тоула! Он сломал Басби и думает, что ломает меня. Ошибочка!

Я беру у Росси кремы и отправляюсь домой. Дом для меня не самое лучшее место и никогда им не был. Я всегда, когда выпадает возможность, работаю сверхурочно. Ребята вроде Гаса берутся за сверхурочную, чтобы поднакопить отгулы к лету и иметь побольше времени на гольф. Что до меня, то я могу спать только днем. Ночью мне нравится бодрствовать.

Отправляюсь домой, чтобы провести спокойный вечерок у телевизора, дроча под один из взятых у Гектора видеофильмов. Пробегаю глазами «Ивнинг ньюс». Очередная статья какого-то хуя, называющего себя «главным криминальным репортером». После ее чтения у каждого любителя черномазых появится еще один повод покритиковать власти. Потом иду на дискотеку к Джемми Джо: неплохая возможность совместить удовольствие с делом. С парковкой в долбанном городе вечная проблема, поэтому скоро начинаю жалеть, что не оставил машину дома. Тем не менее набираться не планирую; хочу подцепить шлюху, отвезти ее домой и наебаться до посинения, чтобы уже потом, может быть, немного поспать.

На входе снова тот парень, Марк Уилсон, хитрожопый придурок. При виде меня он заметно нервничает.

(есть все время ...расту ...корми меня Хозяин ...путешествую внутри этого сосуда и расту, наполняя собой его пустоты, осваивая свободное пространство. Спасибо, что дал мне приют. Спасибо, тебе Хозяин. Спасибо за жизнь. ...есть есть есть есть есть)

Если прошлый вечер я искал возможности обмакнуть конец, то сегодня меня ждет Ложа. Это, наверное, единственное место, где не бывает полицейских. Здесь все иначе, чем в Англии. Попадают, конечно, такие, кому некуда деньги девать, встречаются, как и на юге, так называемые люди свободных профессий, но большинство в Ложе составляют торговцы. Как и в гольфе: в Шотландии тоже есть гольф-клубы вроде «Сильверноуза». Но попробуйте, если вы торговец, попасть в гольф-клуб в Англии - хуй вам!

Лично я считаю, что фартук - это для бабы, которая крутится на кухне, но никак не для взрослого мужчины, решившего провести вечерок вне дома. Тем не менее в ритуалах есть своя польза; меня они, например, заставляют быть сексуально изобретательнее. В играх это помогает.

Делаю себе тост на гриле, но первый сгорает и попытку приходится повторять. Чтобы избавиться от запаха гари, открываю заднюю дверь. Во дворе вижу велосипед Стейси. Никто так и не подумал поставить его в гараж. И никому нет дела, что он заржавеет. Завожу велосипед и прохожу дальше во двор, притворяясь, что просто прогуливаюсь. На самом же деле мне хочется посмотреть, что там делается дома у Стронака. Он должен быть на тренировке, так что, может, удастся увидеть его птичку. Интересно, чем она там занимается. Однако ее, похоже, дома нет, а болтаться просто так холодно.

Вторая партия тостов получилась что надо. Уже почти полдень. Заполняю бланк учета сверхурочного времени - посещение заведения Джемми Джо - и отправляюсь в управление на машине. Слушаю дебютный альбом «Айрон Мэйдэн», тот, на котором у микрофона по большей части Пол ДиАнно, а не Брюс Дикинсон.

Только что выпавший снег уже успело прихватить морозцем. На дорогах, разумеется, хаос и недоделки из дорожной службы ничего не могут с этим поделать. Как будто плохая погода стала для них сюрпризом, застала врасплох и они не успели к ней привыкнуть. Машины стоят от Колинтона и, на-

верное, до самого Абердина. И ТАКОЕ ВОТ БЛЯДСТВО СЛУЧАЕТСЯ КАЖДЫЙ ГОД. Так и подмывает вылезти из салона и свернуть шею первому попавшему под руку хрену. Впрочем, в таком случае пострадавших оказалось бы слишком много. Долбаная полиция...

Долбаная аварийная служба!

Мудачье!

Ебать вас некому!

Припарковываюсь около магазинов напротив колледжа Напьера. Теперь это так называемый университет, но каждый хрен знает, что никакой это не университет, а колледж Напьера. Настоящий университет сразу виден, стоит только на него посмотреть, и эта богадельня, где учат плести корзиночки, никак на него не похожа. Правила везде одни и те же. Зато здесь есть приличная булочная, так что я связываюсь с дежурным, говорю, что попал в «пробку» и приеду, когда приеду.

Добравшись до работы, первым делом просматриваю бумаги по убийству Вури. От дел отрывает звонок Гаса Бэйна из Канцелярии. Не знай я этого мудака лучше, подумал бы, что он ошибается возле новенькой - той грудастой блондинки. Но нет, Гас женат на одной и той же старой вешалке, женат вот

семьдесят тысяч световых лет.

Брюс, это Гас. Почту еще не смотрел? Свежий подарочек от нашего пидера сверху.

Я вскрываю один из лежащих на столе запечатанных конвертов, на котором значится имя Ниддри.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

Детективам-сержантам Гиллману, Старку, Робертсону, Макиналли, Томасу, Инглису, Клелланду, Ноблу, Филлипсу, Ленноксу и Бэйну.

Дата: 3 декабря 1997 г.

Руководители проводимого в управлении семинара обратили наше внимание на случаи неподобающего поведения некоторых из сто участников. Учитывая это, решено провести индивидуальные собеседования с каждым из участников, а также с руководителями курса.

С учетом вышеизложенного предлагаю вам прибыть в мой кабинет в пятницу, 4 декабря, в 14.15 для личного собеседования.

Старший суперинтендант Ниддри.

Переваривая прочитанное, достаю еще один батончик «Кит-Кэт». Появляются стонущие Инглис и Гиллман.

- Вот тебе и утречко, - фыркает Гиллман. - Что это еще за херня?

Начальство, должно быть, прищемило Ниддри задницу. Это дело с рук не сбросишь, а жаль. Ребята продолжают обсуждать новость, и тут появляется Гас, который только добавляет жару.

- Вот что я вам скажу, - объявляет он и, улыбаясь, смотрит на меня, - я никуда не пойду без федерального представителя.

Абсолютно ясно: старый козел хочет столкнуть меня с Ниддри и Тоулом и таким образом выбить из числа претендентов на должность детектива-инспектора. Какой же предсказуемый этот недоумок. Пожалуй, есть смысл подыграть.

- Ты прав, Гас. Какого хуя? Что еще за дерьмо? Я сейчас же позвоню Ниддри. Собери остальных ребят и скажи: ни хрена никуда не пойдём без федерального представителя. Они просто хотят найти крайнего. Им надо наказать кого-то для примера, потому из-за этих чертовых бумаг и сладкоголосых сучек дело об убийстве черномазого так ни хера и не движется.

- Верно, - говорит Гас.

Я сажусь и стараюсь собраться с мыслями. Потом снимаю трубку и звоню этому хрену Маршаллу из гребаного Форума по правам черножопых или как их там. Как же он меня достал!

- Здравствуйте, мистер Маршалл? Это детектив-сержант Робертсон.

- Я никак не могу связаться с вами, чтобы договориться о встрече...

- Да, похоже, мы с вами как корабли в ночи. Два часа пополудни вас устроят?

- Да, вполне. Мне приехать к вам?

Нет, это вовсе не обязательно. Я заставил вас ждать, так что я к вам и приеду.

Довольный собой, кладу трубку. Потом звоню Ниддри и делаю знак Гасу, чтобы поставил чайник.

Детектив-сержант Робертсон. По поводу вашего распоряжения. Меня не устраивает назначенное время. Я договорился о встрече и не могу ее отменить.

- Отмените. Порядок есть порядок, - резко говорит Ниддри. Он просто бесится, когда я звоню непосредственно ему. Все

должно идти через Тоула. Ниддри твердо верит в незыблемые принципы иерархической структуры организации. Жесткая вертикаль. Никаких обращений через голову. Перед новичками распинается о том, что «моя дверь всегда открыта», но горе тому, кто ПО глупости попытается переступить его порог.

Но против Ниддри у меня есть верная карта. Я знаю, что хуеплеты из новых лейбористов, получившие большинство в городском управлении, еще никак не опомнятся после своей победы и мнят из себя хрен знает кого. У них зуб на Ниддри и компанию, и один из этих павлинов спит и видит себя на его месте.

- Я встречаюсь с людьми из Форума по расовому равенству и межобщинным отношениям. На другом конце провода повисает тишина.

- Черт... послушайте... вам надо туда пойти. Перенесем собеседование на четверг. В три тридцать.

Ниддри кладет трубку. Я же продолжаю держать свою у уха и незаметно для Гаса, который возится с кофе, набираю номер Тоула.

- Брюс Робертсон, - шепчу я. - Ниддри назначил мне другое время для собеседования. Я собираюсь на встречу с людьми из Форума. Ставлю вас в известность как своего прямого начальника. - Я повышаю голос, чтобы слышал Гас. - Пойду, но захвачу с собой федерального представителя, Драйсдейла из южного отдела.

Гас поднимает брови и ставит передо мной чашку с эмблемой «Хартс». Чашка не моя, а Инглиса. Хотя что то оторвал от этого мудака.

Думаю, Роббо, вы неправильно поняли распоряжение, - говорит Тоул.

- То есть?

- Это обычное собеседование. Речь в данный момент не идет о каких-то дисциплинарных мерах в отношении отдельных лиц.

- То есть вы хотите сказать, что дисциплинарные меры могут последовать?

- Нет... не обязательно. Речь идет об открытой дискуссии без каких-либо выводов.

- Значит, это консультативное мероприятие?

- Э... да... но это консультативное мероприятие может иметь отношение и к дисциплинарной системе Эдинбурга.

- Мое присутствие обязательно?

- Присутствовать должен каждый.

- Это приказ или пожелание?

- Роббо, все, чего я жду от вас, это добровольного сотрудничества. Если не получится, тогда мне придется ввести в действие дисциплинарный элемент.

- Понятно...

Намеренно затягиваю паузу. Наконец Тоул не выдерживает.

- У меня нет времени на такую ерунду. Увидимся в кабинете Ниддри в назначенное время. Все прочее отмените.

Разговор окончен. Итак, Тоул повесил все на меня! Кем он, мать его, себя возомнил?

Мальчиком на посылках для Ниддри, вот кем.

- У меня нет времени на всю эту чушь, Ниддри! - кричу я в трубку. - У нас на шее убийство! Я швыряю трубку на рычаг. Гас поднимает брови.

- Ну, Роббо, ты и задал Ниддри жару!

- С этими разъебаями только так и надо, - говорю я. - По-другому они не понимают. - Поворачиваюсь и вижу, что в комнату входит Соня, одна из тех штатских, что работают в канцелярии. - Извини, Соня. Производственный жаргон.

- Ничего, все в порядке, - бормочет Соня. - Но я Хейзел.

- Конечно... конечно... Хейзел.

Уверен, она принимает во все дырки. Немного молода для меня. Хотя, если у нее уже течет...

- Думаю, Хейзел слышала и кое-что похлеще, - смеется Гас. Смех у него неприятный, с хрипотцой, и девчонка нервно улыбается.

- Вот что, Хейзел, ты можешь кое-что для меня сделать. Позвони в Форум. Я договорился о встрече завтра в два. Скажи, что я не могу, но заеду к ним в другое время.

- Хорошо... я... Вам кто-то звонил, когда вас не было, - говорит она. - Какая-то женщина.

- Ого! - со смехом восклицает Гас. - Да ты становишься популярным!

- Мне? Что?

- Она не назвалась и номера телефона тоже не оставила. Сказала, что вы знаете.

- Точно...

Твою же мать! Наверняка это Кэрол. Поняла, что надо вернуться. Вечером оставлю сообщение на автоответчике.

Тоул и Ниддри, козлы, испортили мне праздник. Из-за них я пропускаю все важные звонки. Чертовка Кэрол. Уж лучше бы я остался в Австралии. Что бы сейчас делали эти недоумки? Или можно было бы не уезжать из Лондона. Был бы уже старшим констеблем. Снова начинает чесаться задница. Труссы сбились и натирают расчесанное место. Так потеть нельзя. Стресс, как сказал доктор Росси, вся причина в стрессе. А стресс из-за недоделков, которые ни хрена не соображают в полицейской работе. Все, что они умеют, это сосать собственные хуи да облизывать задницы.

Решаю сходить в столовую на ленч. Хотя нет, до обеда еще далеко. Слишком поздно для завтрака и слишком рано для ленча. Я называю это время временем Брюса Робертсона. Айна даст мне бутерброды с беконом, и тут я слышу за спиной вкрадчивые голоса. Оборачиваюсь - какие-то мудаки в костюмах, и один из них тот наглец Конрад Доналдсон, адвокат, тратящий денежки налогоплательщиков на то, чтобы защищать ту самую шваль, которую мы с риском для жизни пытаемся убрать за решетку: насильников, убийц, педофилов и всяких прочих.

- Практикуете каннибализм, Брюс?

Он кивает на тарелку и улыбается.

Я твердо смотрю ему в глаза. С каким удовольствием я бы поимел этого ублюдка. Все, что мне нужно, это двадцать минут наедине с ним в комнате для допросов.

- Привет, Конрад.

Я вымученно улыбаюсь.

Мне хочется смять его физиономию, бросить его на пол и втоптать эту наглую, жирную, самодовольную харю в землю. Я бы бил по ней каблуком, бил до тех пор, пока череп не треснул и содержимое не расплылось по линолеуму. А потом я бы съел обед и даже не поперхнулся. Серьезно.

Он улыбается и поворачивается к своим приятелям.

- Позвольте представить: детектив-сержант Брюс Роберт-сон. Один из главных реакционеров в полицейских силах. Насколько я знаю, из шахтерской семьи.

- Плохо знаете, - мягко говорю я, твердо глядя ему в глаза. - Должно быть, спутали меня с кем-то.

- Хм, - бормочет Доналдсон, поднимая брови.

Я отхожу, сжимая поднос побелевшими от напряжения пальцами. Сквозь звон в ушах до меня доносится миролюбивый голос Доналдсона. Меня тошнит, у меня кружится голова. Я сажусь в углу и остервенело поедаю бутерброды, разрывая жилистое мясо острыми зубами, представляя, что это костлявая шея мерзкого адвоката. Восходящая звезда новых лейбористов, Конрад Доналдсон.

Наверх я возвращаюсь уже почти успокоившись, но стоит только подумать о Доналдсоне и ему подобным, как грудь распирает от дикой ярости. В какой-то момент меня даже начинает колотить. Зубы стучат. Надо выпить, и я ухожу пораньше. Отправляюсь в расположенный внизу клуб. Уже одно ощущение толстого ковра под ногами действует успокаивающе. Приятная перемена после служебных помещений с их дешевым тонким ковролином. Сам бар ничем особым не поражает. Не то что раньше. Когда он только открылся, здесь было до хрена всякой всячины вроде недешевых безделушек и античных ваз, но вещи постоянно пропадали, так что пришлось менять декор на более функциональный. Пара сопляков играют в бильярд, но я замечаю Боба Херли.

- Вижу, как раз вовремя, - улыбаюсь я.

- Ладно, Роббо. - Он поворачивается к бармену. - Еще пииту легкого и немного бренди.

- Давай уж побольше и того и другого, раз этот хуй английский угощает.

Я подмигиваю бармену. Херли немного бледнеет. Расовая принадлежность - всего лишь одна из карт в колоде, и если играешь всерьез, то пользуйся всей колодой как и когда сочтешь нужным. Я всего лишь напомнил Херли о том, кто он здесь: гость, которого лишь терпят, и не только в этой стране, но и в этой жизни.

Мы с Херли плотно садимся в уголке. Спустя какое-то время заявляется - надо же! - Тоул, но я делаю вид, что не замечаю мудака. Он устраивается в соседней кабинке и разворачивает «Ивнинг ньюс». Жалкий засранец, ни друзей, ни повеселиться. Только пытается заигрывать с ребятами, когда ему что-то от них надо. Меня больше интересует Херли.

Он разосрался с женой и все еще пребывает в меланхолии.

- Мы с Крисси разошлись из-за ее семьи. Ты же знаешь, каково это: быть полицейским.

Голос у придурка жалобный, как у Тони Ньюли, и слово полиция» звучит у него смешно. Это он-то полицейский? Тупица.

- Ты рассказываешь им все, ее друзьям, родственникам, соседям. Рассказываешь, чем зарабатываешь на жизнь, а они начинают относиться к тебе, как к прокаженному. Сидят у тебя в доме и молчат, как будто попали на допрос. Разговора не получается, постоянно возникают какие-то паузы, а родственнички цепляются за любой повод, чтобы поскорее уйти. Приглашаешь - не приходят. С тобой обращаются... - Он вздыхает, резко, как от боли, и повторяет: - С тобой обращаются, как с прокаженным.

- Точно.

Херли прочищает пальцем ухо и вытирает его о нижний край сиденья.

- Одно время я даже рассказывал всем, что работаю сантехником или продаю страховки. Вот тогда они готовы были выложить о себе все. Ты вроде как признаешься, что делаешь что-то незаконное. Они все в это замешаны. Все. - Он гневно повышает голос. - Каждый из них - долбаная Джеки Трент. Они все, все - Джеки Трент.

Краем глаза замечаю, что Тоул встает и уходит. Мудак.

- Вот именно, - говорю я. - А ведь ты служитель закона.

- Точно. И именно она не в состоянии понять. Когда действуешь так, как должен действовать служитель закона, когда достаешь свисток и останавливаешь этих ублюдков, она поворачивается и говорит: «Это моя семья. Я ухожу».

- Таковы женщины, - замечаю я, опрокидывая виски.

Если пьешь виски - никакие глисты не заведутся.

Ничего в ней особенного, в этой Крисси. Перед видеокамерой не смущалась, но когда я достал вибратор, немного завелась. Пришлось плести всякую любовную чушь, чтобы удержать тупую корову от истерики.

- Мне иногда трудно переключиться. Все дело в том, что, будучи полицейским, привыкаешь видеть вещи под определенным углом: выискиваешь то, что не так, обращаешь внимание на то, как люди себя ведут, становишься подозрительным. Ничего не могу с собой поделать, меня так и тянет устроить им проверку. Вот это ее и задевало: то, что я задавал вопросы ее родственникам. А получалось как-то само по себе, я и сам не замечал, что проверяю их. Не в силах выйти из роли, не в силах переключиться. Ты просто не можешь по-другому, вот в чем загвоздка, Роббо.

- Тут уж либо да, либо нет, приятель, - с улыбкой говорю я. И не сомневайся, придурок, с твоей женой у меня всегда будет «да».

- Верно. - Он снова вздыхает на манер Тони Ньюли. - Вот она и ушла. Все кончено. На этот раз навсегда.

- Ты женился на службе, приятель. Да пребудет с тобой сила, ибо эта сучка уже не вернется.

- Ты у нас счастливчик, Роббо, - говорит он таким тоном, словно обвиняет меня в чем-то.

- Это точно, у нас с Кэрл все в порядке. Она особенная. Таких мало. Представь, сегодня в меню стейк!

- Она еще и готовит! - Херли качает головой. - Есть ли на свете что-то, чего не умеет эта женщина?

Ишь, на сладкое потянуло. Хочет, чтобы я рассказал, как у нас с Кэрл в постели. Неудивительно, что его жена подставляет каждому встречному. Хуй разговорами не заменишь.

- Это вопрос ценностей, - говорю я, допивая виски. Заваливает Гас Бэйн, и мы делаем новый заход. Я стараюсь

держаться в рамках, но старый хрыч любит приложиться к стакану после работы. Херли отваливает, возвращается к своим ста несчастьям. В полиции его недолюбливают, я уж не знаю почему. В этом недоделке есть что-то такое, что вызывает отвращение, что-то, что заставляет смаковать его неудачи, которым несть конца. В нашей игре быстро распознаешь неудачника. Самые худшие из них те, которые считают себя фаворитами, и им приходится напоминать об обратном. К таковым, например, относится юный джентльмен по имени Рэй Леннокс.

- Молодой Леннокс не очень-то открывал рот на семинаре, - говорю я Гасу.

- Да, в тихом омуте...

Гас добродушно улыбается.

- Послушай, Гас. - Я понижаю голос. - Не пойми меня неправильно, но я бы посоветовал тебе поменьше трепаться, когда рядом Рэй. Заметь, сам я против парня ничего не имею. Он мне даже нравится. Только не болтай лишнего.

- Что ты имеешь в виду, Роббо? - встревоженно спрашивает Гас.

- А ты разве не знаешь, какие они сейчас, эти молодые? Готовы сдать тебя не задумываясь, если только им есть от этого какая-то польза. Все они такие; без году неделя в полиции, а уже

хотят быть старшими констеблями. И Рэй такой же. Думает, что все знает. Эти молодые, они совершенно безжалостны и готовы воткнуть нож тебе в спину, чтобы получить свое.

- Нет, Рэй на такое не способен... хороший парень... - неуверенно бормочет Гас.

В его возражении я чувствую сомнение. Значит, пора нажать покрепче.

- Послушай, Гас, где сейчас Рэй Леннокс? Его же нет здесь, с нами, верно? Нет. Ставлю три к одному, нет, четыре к одному, что он пьет с этими сучками в каком-нибудь баре в городе. Как тогда, после семинара.

- Но это же его дело... они молодые, какая им радость торчать тут со стариками.

- Все верно, Гас. Я и сам ничего не имею против. Ветер ему в парус. Надеюсь, он выебет обеих, сделает из них бутербродец. Беленькая снизу, желтая сверху, а наш молодчик посередке.

- Ты страшный человек, Брюс, - ухмыляется Гас.

- Дело-то в другом. Как думаешь, о чем идет речь в их миленькой компании? О нас с тобой. А потом эти разговорчики против нас же и обернутся.

- Хм-м-м, - задумчиво тянет Гас. - Я понимаю, к чему ты клонишь. По-твоему, юный мистер Леннокс играет на две стороны? И нашим, и вашим?

- По большей части не нашим, и так будет до тех пор, пока он не перестанет трепать лишнее.

- Буду за ним присматривать, - кивает Гас, дотрагиваясь пальцем до глаза.

Хорошо хоть в Ложе сегодня большая ночь. Мы допиваем что осталось и отправляемся к Стокбриджу. К вечеру подморозило, на дорогах скользко. Едва ползущее такси безуспешно пытается свернуть в переулок, соскальзывает к тротуару и натывается боком на фонарный столб. Машина останавливается, из нее вылезает недовольный водитель и начинает прикидывать, на сколько он влетел.

- Мать твою!.. - бросает он и резко распахивает дверцу. Я киваю Гасу. Из такси выползают две шлюшки. Вот этот

козел и подбросит нас до Шрабхилла.

Первой выходит молоденькая киска. Точнее, пытается выйти. У водилы перекошенная физиономия, и ему не до пассажиров. Он просто придерживает дверцу и нетерпеливо спрашивает, все ли в порядке. У девчонки нога в гипсе, костыли елозят по льду, и встать у нее никак не получается.

Как будто... а, хуй с ними...

Я быстро подхожу и беру девицу за руку.

- Держитесь... вот так. Сможете встать?

- Спасибо...

Помогаю ей выйти из машины, Гас подбирает костыли. Чувствую аромат духов. Стою рядом с девицей и ощущаю ее тепло. Я могу стоять так вечно...

Боже, я вспоминаю... как давно это было...

А потом... В моих штанах распрямляется пружина, и приходится согнуться, как танцору перед последним танцем, чтобы скрыть предательскую выпуклость.

- Вам далеко? На тротуаре так скользко...

- Нет, мне бы только до подъезда. - Девица кивает на ближайшую дверь.

- Я помогу подняться по ступенькам, - улыбаюсь я и беру ее за руку.

- Большое спасибо, вы очень добры, - говорит она, когда мы доходим до двери.

- Не за что. Вы уверены, что сможете идти по лестнице? Я хочу, чтобы она сказала «нет», хочу, чтобы пригласила

меня подняться вместе с ней, предложила кофе. К черту старикашку Гаса с его сморщенной рожей и дурацким масонским дерьмом, пойдем со мной, обними меня, как когда-то... ...Хрен

там. Времена теперь другие.

- Спасибо, все хорошо. Честно. Еще раз спасибо. Она улыбается.

- Ну что ж...

Это не она. Это и не могла быть она. Но мне так хотелось, чтобы это была она. Ха!

Чушь! Дерьмо собачье! Чего мне хотелось, так это опрокинуть еще пинту пива!

- Пошли, Гас, нам пора. Хватит и того, что мы помогаем всяким недоумкам в рабочее время.

Я вваливаюсь в такси.

- Ты в порядке, Брюс? Чем-то расстроен? Гас садится рядом и заглядывает мне в глаза.

- Буду в порядке, когда мы доберемся туда, где должны быть. Эдинбургский масонский клуб, - кричу я водиле. - Гони на Шрабхилл. Рядом с автопарком.

Мы молча мчимся по обледенелым улицам.

ЖЕСТКИЙ РАЗГОВОР

Ребята в клубе тужатся показать, какой у них сегодня великий день. День посвящения. Новобранцы заметно нервничают, как и положено. Парочка юнцов из полиции, других я не знаю.

Чувствую себя хреново - как-никак целый день не ел, - поэтому решаю немного переждать, пока закончится вся эта нудная хрень, а уж потом подзаряжусь, когда начнется главное.

(есть, есть, я ем. есть. есть. есть я ем. Ем через кожу и удерживаюсь челюстями, Медленно очень медленно я поглощаю окружающую меня материю. Перевариваю и вывожу экскременты через свое тело. Я должен есть, чтобы двигаться, поглощать, чтобы жить, есть, чтобы расти. Я чувствую, как расту. Есть. Есть. Есть. Есть. есть есть есть это поглощение, все это пережевывание, оно служит доказательством моего существования. Оно, а не мысли. Это единственный способ интерактивной связи с окружающей средой. Моя проблема в том, что я слишком простая биологическая структура, не имеющая механизма трансференции всех моих великих и благородных мыслей в дела. О, да, я могу воспринимать свое тело как простую структуру: ввод, переработка, вывод. Есть, переваривать и испражняться. Прямо через кожу. Все просто но я знаю наверняка, что сложность моей души даже не начала приближаться к тому базовому организму, которым является мое тело, Я просто знаю это, потому что чувствую, чувствую в своем естестве, которому доверяю так же, как ограниченной информации, получаемой из окружающей среды. Тогда как мне себя называть? Только Я, если уж быть точным. Но во всей этой загадке должно быть что-то еще, кроме моего прекрасного Я. Неким образом я понимаю, что живу внутри другого организма. Окружающая среда является другим существом, хозяином. Я так и буду называть его - Хозяин. Интересно, ощущает ли Хозяин меня, и если ощущает, то какие чувства испытывает ко мне. Я думаю, что Хозяин ввиду своей неизмеримо большей сложности является, вероятно, эмпириком, а следовательно, считает, что разум можно вывести только из поведения, что, как я знаю, является ложной посылкой. Я знаю это, так как то, что я чувствую в душе, не согласуется ограничениями, наложенными на меня физической формой. Но тогда, если Хозяин знает о моем присутствии и рассматривает оное как нежелательное, что он может сделать? Это ужасно меня тревожит. Будучи простым организмом, я полагаю, что мне не следует обременять себя такими заботами. Однако же, полагаю, всех нас должен волновать вопрос выживания.)

То, что мы устроили прошлым вечером в масонском клубе, можно назвать сумасшедшей вечеринкой. Особенно отличился бедолага Блейдси. Утром будет помирать со стыда. В животе война, отрыгается чем-то острым, а изжога свидетельствует о том, что внутрь попало нечто, приправленное карри.

Я перебираю бумаги на столе, еще раз просматриваю показания свидетелей. Конечно, они все видели. Сильвия Фриман и Эстелла Дэвидсон. Две потаскушки, которых мы допрашивали в связи с убийством ниггера. Они были в тот вечер в клубе. Вот здорово, если выяснится, что эти бляди ошивались там и в другой вечерок. Досадно: не могу вспомнить, как именно они выглядят. Проблема в том, что когда пытаешься представить себе какую-нибудь птичку, то в первую очередь в голову лезет одежда - обычно платье, топ или что-то в этом роде, когда тебе надо совсем другое: задница, сиськи, глаза, рот, волосы и вес такое. То есть, я хочу сказать, ты же не припираешься в «Челси герл», «Некст» или «Ривер айленд» только для того, чтобы подрочить на пару брюк, топ или юбку на вешалке, верно? По крайней мере если ты не полный

мудак вроде моего приятеля Блейдси. Так или иначе, я вызову этих подстилок и устрою им спецдопрос имени Брюса Робертсона. Если б соловей моооог пеееет как тыыыы... Ну и тощища.

Я еще некоторое время вожусь с бумажками, но образы Сильвии и Эстеллы упорно не желают обретать сколь-либо реальные очертания, поэтому я звоню Блейдси.

- Дополнительный четыре-ноль-один-семь, Клифф Блейдс. Чем могу быть полезен?

- Прежде всего избавься от своего педерастического английского акцента.

- О, Брюс, привет. Как ты?

- Лучше не бывает, малыш, - отвечаю я, и в этот самый момент волна тошноты сотрясает тело, а руки начинают дрожать так, что трубка едва не вываливается из пальцев. Я хочу домой. Я хочу в постель. - Выбить из колеи старину Брюса Робертсона не так-то просто. Несколькими стаканчиками тут не обойтись. Серьезно, дружище.

- А я, должен признаться, совсем разбит. С утра было так плохо, что уже хотел позвонить и сказать, что не выйду на работу. Вообще-то я бы, наверное, так и сделал, если бы не Банти. Она сегодня дома. Короче, я подумал, что уж лучше пойти на работу, чем предстать перед ней в таком состоянии.

- Как насчет вечера? Что, если мы с тобой повторим попытку, а? Никаких уступок ИРА!

- Э... даже и не знаю, Роббо. Вообще-то мне надо...

- Перестань, Блейдси! «Блейзер»! Сегодня!

- Ну, видишь ли, Банти... Она немного...

- Вот что я тебе скажу, Блейдси. Она тебя в грош не ставит, поэтому и обращается как с дерьмом. Ты сам ей это позволяешь: вытирать о себя ноги. Итак, «Блейзер»?

- Ну ладно. Только ненадолго. Пропустим по парочке и все.

- Вот это молодец! Пропустим по маленькой, брат Блейдси. Ровно в девять в «Блейзере».

- Ладно...

- А ты вчера был в ударе, - говорю я.

- Да? Боюсь, не помню, как все...

- Очень удобно, мистер Блейдс, очень удобно.

- Послушай, я там ничего такого?..

- Расскажу в «Блейзере». Мне пора.

- Но...

- Пока, Блейдси.

Я бросаю трубку. Херли прав. Проблема в том, что если ты полицейский, то и на людей поневоле смотришь либо как на потенциальных преступников, либо как на возможных жертв. Поэтому каждый, кто не такой, как ты, то есть не полицейский, вызывает либо ненависть, либо презрение. Все мои приятели полицейские за исключением Блейдси и Тома Стронака, соседа-футболиста, которого я считаю в некотором роде приятелем. Но в общем только Блейдси. И надо сильно постараться, чтобы он не заметил, как я его презираю.

Смотрю на страницу три. Сегодня у нас Кэтлин Майерс. Та еще блядь. Громадные буфера и фантастическая задница. Жаль, на снимке мало что видно. А глазки как будто говорят: ну же, Брюс, пойдем в кроватку.

Набираю домашний номер Блейдси. Слава Богу, у них еще не установили определитель. Если так пойдет дальше, то скоро придется быть полицейским только для того, чтобы играть в такие вот простенькие игры.

- Здравствуйте, три-три-шесть-два-девять-четыре-шесть. Голос Банти. Я еще ни разу с ней не встречался. Отвечаю не сразу.

- Алло? Кто говорит?

Стараюсь представить, как она выглядит. Думаю о Блейдси. Он напоминает мне Фрэнка Сайдботтома, комика с большой фальшивой головой. Манчестерский акцент? Ну, для этого нужно только зажать нос.

- Привет.

- Кто это?

- Мне дал этот номер один друг.

- Кто вы? Что вам нужно?

- Скажем так, я слышал о вас все. И знаю об услугах, которые вы предоставляете.

- Послушайте, вы, наверное, ошиблись номером...

- Это три-три-шесть-два-девять-четыре-шесть?

- Да...

- Тогда я, выходит, не ошибся, верно?

- Кто дал вам этот номер?

- Некто, отзывавшийся о вас очень хорошо. Он мне все про вас рассказал. Сказал, что даете вы первоклассно...

Мой петушок поднимает головку - я вижу перед собой лицо Кэтлин и слышу молчание Банти. Потом гудки.

Проблема с игрой в том, что мы не мыслители. Мы действуем. Надо постоянно что-то делать, постоянно отыскивать что-то новое.

Мы охраняем порядок в обществе. Я часто думаю о том, что это значит. А значит это то, что нам платят за работу, которую мы не в состоянии делать хорошо из-за подлых говнюков: политиков, адвокатов, судей, журналистов, социальных работников и им подобных. Возьмите, к примеру, городской совет Эдинбурга. Дайте мне власть, и я покопаюсь в маленькой черной адресной книжке, которая лежит в тумбочке у кровати. Сделаю несколько звонков, намекну на то-другое, и вы увидите, как посыплются все эти криминальные фигурки.

Решение вопроса по Робертсону.

Никакой пощады. Уровень терпимости - 0.

Теперь уже звонит мой телефон.

Тоул.

- Поднимитесь ко мне, Роббо, - говорит он и, не дожидаясь ответа, кладет трубку.

Вот сука. Думает, я вот так возьму, все брошу и помчусь наверх по первому его требованию. Как будто мне заняться больше нечем. Блядская работа. Такую работу не понять всяким недоумкам. Мудак Тоул, видать, уже сросся со своим хреновым креслом. Не иначе как ждет еще одного отчета с донесением об успехах. Надеюсь, это не затянется надолго, потому что у меня в планах есть кое-что поинтереснее. Поцелуй меня в жопу, мудила. В мою пахнущую беконом полицейскую жопу.

Поднимаюсь наверх и делаю заход в административный отдел с надеждой увидеть ту соблазнительную блондинку. Хрен вам. Этот раздолбай Леннокс уже крутился вокруг нее в столовой.

Тоул выглядит не лучшим образом, весь какой-то напряженный. Я сажусь к столу. Вообще-то живчиком он никогда не был, наш братец Тоул, но и у него есть один характерный жест: поджигает губки. Платочек на голову - вылитая старушка.

- Есть о чем подумать, Роббо, - решительно говорит Тоул, и вся его плотная фигура как будто излучает этот решительный настрой. - Нашли молоток. Лежал в земле под кустом в самом конце Принсис-стрит-Гарденс. Эксперты обнаружили микрочастицы крови и ткани, совпадающие с образцами, взятыми у жертвы. Как я уже сказал, валялся под кустами.

Кусты. Густые темные кусты. Пожеванные губки из Амстердама. Если бы у меня был молоток. Молоток из дома ужасов.

- Отпечатков, полагаю, нет? - механически спрашиваю я.

- Нет, его вытерли, если, конечно, убийца не надевал перчатки. Как тебе известно, парень - сын дипломата, - говорит Тоул, понижая голос и поднимая глаза кверху, как будто ждет, что я откликнусь чем-то вроде «вау!» или «клево!».

Но мне-то на все насрать.

- Понятно. Что за молоток?

- Обычный стальной гвоздодер с резиновой насадкой на рукоятке. Стандартная модель, такой можно купить в любой скобяной лавке. Серийный номер спилен. Тот парень знал, на что шел.

- Ладно, отправлю кого-нибудь проверить магазины. Пусть постараются выяснить, кто покупал молоток в последние месяцы.

В любом случае этой херней будет заниматься кто-то другой. Какой-нибудь мудака в фуражке.

Про себя я думаю о том, что если пара недоносков зашибли черномазого, которому, насколько я знаю, делать в нашем городе было нечего, то и хуй с ним. Кому он нужен? Стоит ли из-за него рвать жилы? Ответ: стоит. Это нужно мне. Скоро реорганизация и вместе с ней новая должность. Мне нужна эта должность, и я буду рыть землю, чтобы найти гребаного подонка, ни за что ни про что уделавшего нашего цветного кузена. Это, если называть одним словом, профессионализм, а я самый что ни на есть настоящий, мать вашу, профессионал, чего никогда не поймут здешние недоумки. Правила везде одинаковые.

Только вот Тоул продолжает нести свое.

- Чертовски странно, Роббо. Мы ничего не нашли, хотя и проверили вроде бы всех.

Всех, да не всех. Ничего, вот сейчас я займусь этими сучками, Сильвией и Эстеллой.

- Может, какие-нибудь фашиствующие подонки, - говорю я. - Футбольные фанаты или молокососы из нацистов. Может, стоит поискать среди них. Я бы постарался выжать побольше из девчушек, что были в клубе. Они прикрывают ребят, это их дружки. Тут уж ничего не поделаешь.

- Сомневаюсь, Роббо. Я сыт по горло сказками про молодых парней, на которых списывают все происходящие в городе преступления. За этим скрывается плохая работа полиции, вот что я скажу. Надо меньше лениться.

Он обвиняет меня в плохой работе? Это я, что ли, ленюсь? А он, он-то хоть раз вылез из-за своего гребаного стола?

- Ладно, пусть будет по-вашему. Но я знаю этих парней. Некоторые из них вовсе не так уж безобидны и дерутся они не только на футболе. Когда они начинают верить своей собственной пропаганде, тогда берегись. Это то, что называется самоисполняющимся пророчеством. Не убежден, что они ни в чем не виноваты.

Тоул вскидывает брови.

- Ты только держи меня в курсе, - говорит он.

Тоул либо ни хрена не понимает в полицейской работе, либо скрывает от меня какую-то информацию по делу. Какой вариант более вероятен? Впрочем, шел бы он. Пусть говорит, что хочет, но начать надо с тех волчар. Прижать ублюдков к ногтю, а виноваты они в чем или нет, это уже несущественно - в любом случае без них на улицах будет меньше вони. Пора припугнуть кое-кого, дать кое-кому просрать. Надоело копаться в бумажках.

Первым будет Окки. Слабейшее звено во всей цепи. Отирается возле больших шишек, которым по вкусу его мерзкое остроумие. Ха! Он уже несколько лет сливает нам информацию о

своих клиентах. Конечно, мы пока позволяем им вести их грязный бизнес. Их шалости - это заголовки в газетах, это сверхурочная работа, это общее требование выделить полиции дополнительные ресурсы. Так уж работает система. Стой в стороне и наблюдай, как они мутузят друг друга, но будь готов ударить, как только появится угроза делу.

Возвращаюсь к себе через тот же административный отдел. Блондинки по-прежнему не видно. Внизу, в туалете, становлюсь на весы. Все без изменений. То есть я теряю вес. Надеюсь, это не СПИД и не другая зараза, которой меня наградила какая-нибудь блядь. Просто надо больше есть. Быстрый обмен веществ, не то что у большинства из тех, кто здесь работает. Будь моя власть, я бы каждый год взвешивал каждого мудака и давал пинок под толстый зад тем, кто не укладывается в рамки.

Вот и из столовой чем-то потянуло. Надо выяснить. Захожу и вижу вполне съедобный на вид рыбный пирог.

- Все в порядке, Айна? - спрашиваю я старушку на кассе.

- Ты сегодня рано, Брюс, - говорит она.

- Приплыл на рыбный пирог.

- С жареной картошкой?

- Ты просто волшебница, Айна. И положи горошка, - говорю я, наслаждаясь видом огромных, роскошных, колышущихся под тканью одежды грудей.

Впрочем, рыбный пирог ничем не хуже. Сажусь и спокойно ем. Заходит Рэй Леннокс и тут же подваливает ко мне.

- Все нормально, Брюс? Прессу читал?

Он бросает мне газету. Еще один заголовок. Местные черные критикуют полицию. Один из них, мудака Маршалл из Форума, выступает здесь уже в другом качестве. Слишком много они себе забрали власти, эти говнюки.

- Дерьмо. Цветные составляют ноль целых одну десятую процента населения, а глотку дерут. И газетенку давно бы надо было назвать «Черные, педерастические, блядские и коммунистические новости». Я читаю ее только ради футбола и Эндрю Уилсона. Он там единственный, в этой сраной газетенке, у кого в голове что-то есть. Хотя тоже ублюдок.

- Мне это действует на нервы, - говорит Рэй, качая головой. Глаза у него смотрят в одну точку, как у маньяка.

- Послушай, Рэй, я хотел поговорить с тобой кое о чем. Знаю, официально ты в расследовании не участвуешь, но думаю, не мешало бы нам с тобой нанести визит нашему приятелю Окки. Утром в пятницу. Было бы неплохо испортить этому поганцу уик-энд, а заодно выяснить, что он знает по нашему делу. А если растрясем его как надо, то, может, и ты кое-какую информацию подберешь. Рождество на носу, а они всегда стараются разгрести свои запасы к празднику.

- Сучонок в последнее время немного разбаловался. Забыл, кто его настоящие друзья. А они здесь, по эту сторону.

Рэй улыбается.

О Рэе Ленноксе можно говорить что угодно, но он полицейский до мозга костей.

- Пора напомнить, - улыбаюсь я. - А что нового у тебя, юный Раймондо?

- Обычная хуйня. Слежу за мудаками из «Общества Восход». Они вроде бы занимаются поставками марихуаны. Напрасная трата времени, но что я могу сделать?

Для этого раздолбая все, кроме наркоты, напрасная трата времени. С другой стороны, я его понимаю. Какой смысл быть детективом, если не получаешь доступа к приличным «колесам»?

- Послушай, Роббо, - шепчет он, - я сижу на бензедрине. Сейчас бизнес делают на нем. Помогает пережить трудные времена. Хочешь парочку?

- Ага, - говорю я.

Он протягивает пластиковый пакетик с таблетками.

- Прихватил при аресте. К вечеру будет еще кое-что.

- Хорошо.

Я с улыбкой кладу пакетик в карман.

- Что там насчет инструктажа? - спрашивает Рэй.

- Вряд ли займет больше часа, - говорю я и вздрагиваю - мимо проплывает блондинка из административного отдела. Я подмигиваю ей, но она не покупается. Наверное, лесбийские наклонности. - Поимел ее, а, Рэй?

- Не-а.

- Что так? Я же видел, как ты крутился вокруг нее в столовой утром.

- Она дает только по рекомендации. Я слышал, что сучка западает на ребят с большим прибором. Узнает у других, например у Карен Фултон и прочих из этой же компании, кто из парней лучше укомплектован, и дает только им.

- Ну, тогда ты вне игры, верно?

Я смеюсь, вспоминая, как мы веселились с моей свояченицей Ширли.

- Наглая сучка, - говорит Рэй, слегка нахмурившись. - Слушай, надо идти на инструктаж.

- Пошли.

В данном случае инструктаж отнимает у нас всего полчаса. Я даже получаю очко от Ниддри, когда, к сильному неудовольствию Аманды Драммонд, отпускаю замечание по поводу политики.

- Равенство - это полная чушь, - говорю я, подбрасывая наживку для Драммонд, которая только того и ждет, что я сейчас проколюсь, ляпнув что-нибудь насчет неравенства между черными и белыми.

Ошибочка.

- Как вы можете говорить такое?

- Легко. Это философский вопрос. Я верю в оправданное неравенство. Пример: весь тот мусор, который мы убираем. Преступники. Педофилы. Они не равны мне. Ни в коем случае, - спокойно и бесстрастно говорю я.

Ниддри такого же мнения. Он, конечно, и виду не подает, но я-то знаю, что думает он так же.

В общем, все заканчивается довольно рано, так что у нас с Рэем еще остается время сходить в столовую и распределить роли, прежде чем отправляться на разборку с Окки. В коридоре нас перехватывает Драммонд и говорит, что намерена побеседовать с Эстеллой и Сильвией и не хочу ли я присоединиться к ней. Меня раздражает, что эта корова притащила девок, даже не проконсультировавшись со мной; с другой стороны, появляется перспектива приложить к тем подстилкам рожи, задницы и буфера.

- Конечно... - Я поворачиваюсь к Рэю и поднимаю брови. - Подождешь полчасика, приятель?

- Заметано, - кивает Рэй, - увидимся в общей.

Надо будет выговорить Ленноксу насчет всех этих «заметано», «клево» и прочего. У нас же здесь не молодежный клуб.

Я захожу в комнату для допросов, а Драммонд приводит двух телок. Вместе. Сразу видна ее полная некомпетентность как полицейского. Никогда не допрашивай двоих, разделяй их с самого начала. Этому учат в первую очередь. Впрочем, я не жалуюсь. Передо мной две бляди, так что все зашибись. Таблетки уже действуют, надо следить за языком. И за задницей! Дерьмо так и прет из всех дырок! Спокойно, Брюс, спокойно. Эстелла. Сильвия. Странно, когда я в

последний раз разговаривал с ними, мне показалось, что Эстелла посматривает на меня как-то странно. Теперь я в этом уверен.

- Я точно видела вас раньше, - говорит она.

Твердый орешек, с такой держи ухо востро. Но эта свисающая на лоб челка, подведенные глаза, ярко-красная помада... Да, сучка, да, я бы...

Замечаю, что она пялится на меня, а Драммонд, похоже, перехватила мою ухмылку и... Нет, эта дура так и впиалась взглядом в Эстеллу. Может, тоже представляет, как они с ней занимаются коверными играми...

- Точно, я вас раньше видела, - повторяет Эстелла.

- Ничего удивительного, вы же уже были здесь, и мы с вами беседовали, так что весьма возможно, - говорю я.

- Нет, я видела вас раньше.

- Уверен, я бы запомнил такую милую юную леди. Драммонд причмокивает. Есть! Имитация жеста Тоула! Она

ему подражает! Своему херову сенсею. Неудивительно, что у нее все через жопу! Она кладет на стол несколько фотографий, среди которых есть и фотографии двух говнюков, известных как Сеттерингтон и Горман.

- Видели ли вы кого-либо из этих людей в клубе?

Обеим, похоже, не по себе, особенно Сильвии. Я бы расколол ее в одну минуту. Кажется, натуральная блондинка. Ну же, малышка, поговори с Брюси.

- Нет, - отвечает она.

Слишком быстро. Это замечает даже Драммонд.

- Вы знаете этих мужчин? - спрашивает она. Они слишком умны, чтобы врать.

- Видели несколько раз, - кивает Эстелла.

- Кто они?

- Не знаю. Просто ребята, которые болтаются в клубе, вот и все.

Эстелла заметно покрепче своей подружки. Тертая подстилка. Эти следы красной помады на окурке...

- Значит, их имен вы не знаете? - спрашивает наудачу Драммонд.

Я бы тоже попытал удачи с этой классной штучкой...

- Нет.

- Хотите еще что-нибудь рассказать нам о том вечере? - не унимается Драммонд.

Эстелла смотрит на Сильвию, потом на Драммонд. Меня как будто и нет. Меня игнорируют. И кто? Мне это совсем не нравится. Я барабаню по столу - ноль внимания. Как будто я стал невидимкой.

- Там, в клубе, была одна какая-то странная женщина, - начинает Эстелла. - Может, ничего такого в этом и нет, но она выглядела как-то чудно. Поговорила немного с тем цветным парнем, но он от нее ушел, как будто они поругались. Я потому ее запомнила, что чуть раньше видела в туалете, она там брови подкрашивала рядом со мной.

- И что в ней такого странного? - спрашивает Драммонд. Как меня заебал флюоресцентный свет! Все это дерьмо говняных семидесятых. Нет даже приличного кабинета...

Лондон...

Сидней... приличный кабинет... Но то был Новый Южный Уэльс...

- Не знаю...

Ни хуя ты не знаешь, и мы ни хуя не знаем, вот в чем проблема, ты, тупая, безмозглая сучка. Ты ни хуя не знаешь. Ни...

- Какая она была? Молодая, старая, большая, маленькая, темная, светлая...

- В ней было что-то... собачье, - говорит Эстелла.

Я только время теряю с этими сосками. Ничего они не знают. Безмозглая Роджер Мур Драммонд должна это понять. Правила везде одинаковы. Полиция... Это она полиция? Не смешите меня!

Я встаю и выхожу из комнаты.

Драммонд выскакивает вслед за мной в коридор.

- Брюс, нам надо...

- Да, - я повышаю голос, чтобы не дать ей закончить, - да, нам надо заниматься этим делом, но у меня есть и другие дела, и я уже опаздываю.

- Может, я чего-то не знаю?

Раздраженный голос Драммонд действует на меня успокаивающе. Как и я, она в полной заднице. А ответ на ее вопрос, по-моему, очевиден: идиотка должна понять, что в полиции ей нечего делать.

Я отступаю на шаг, тычу ей в лицо пальцем и улыбаюсь.

- Да, Мэнди, да дорогуша, нам надо поговорить. Но только позже. Я введу тебя в курс дела. Чао.

Оставляю ее в полном недоумении и поднимаюсь наверх, где меня ждет Рэй.

В кабинете вижу Клелла с бутылкой шампанского. Он наливает в бумажный стаканчик и протягивает мне.

- По какому случаю праздник?

- Я получил самый лучший рождественский подарок, Брюс. Лучшего и желать нечего. Меня переводят из отдела по тяжким в дорожный.

Словно предвидя, что я сейчас скажу, он продолжает:

- Да, я буду бумагомаракой, да, это скучная, однообразная работа... но я жду не дождусь, когда же меня переведут. Все, Брюс, хватит. Я не поклонник «Суини» и не ковбой в отличие от вас. Пришло время расстаться с дубинкой и наручниками и подружиться вот с этим малышом.

- Он улыбается и поднимает со стола карандаш.

- Если тебе нужно именно это, тогда порядок. - Меня так и воротит от его тупого самодовольства. Я выпиваю шампанское и поворачиваюсь к Ленноксу. - Ты готов, Рэй?

- А то, - говорит Леннокс.

На меня накатывает сильнейший приступ беспокойства. Я должен уйти отсюда. Немедленно. Быстро спускаюсь по лестнице и направляюсь к стоянке. Рэй едва поспевает за мной.

Я НЕМНОГО ГРУШУ ПО ТЕБЕ

Отъезжаем. Мне уже легче. Стоит только убратся из этого дурдома, как сразу начинаешь смотреть на жизнь иначе. Мы неторопливо катим по Лейт-Уок. Спорить с Рэем из-за рока не хочется, поэтому я включаю радио. В музыке он педант, к тому же ни хрена в ней не смыслит. Лин Пол из «Нью Сикерз» распевает свою «Я немного грушу по тебе». По большому счету сольная карьера Лина так и не сложилась. Некоторое время раздумываю над тем, стоит ли поделиться этим наблюдением с Рэем, но в конце концов решаю, что не стоит. А зачем? Чувствую я себя лучше, сосредоточеннее. Беспокойство улеглось, как бывает почти всегда, когда нос чует добычу.

Останавливаемся возле квартиры Окки, я выхожу и нажимаю на кнопку звонка. Тишина. Надеюсь, мы не упустили его из-за идиотки Драммонд и ее гребаных подружек. Сажусь в машину, будем ждать. Рэй идет в булочную на углу и возвращается с бутербродами, ванильным рулетом на десерт и крепким кофе в пенопластовых стаканчиках. Жратва помогает избавиться от вкуса дешевого шампанского, которым угощал Клеелл, и неприятного, тошнотворно-кислого осадка, выпавшего на дне желудка после таблеток Леннокса. Я рыгаю.

- Похоже, Роббо, мы-таки возьмем эту шпану за задницу. Я имею в виду долбаное «Общество Восход» или как там они себя называют, - говорит Рэй.

- Самое время, Рэй. Эти притоны появляются повсюду и угрожают великому британскому образу жизни, а потому их надо остановить, пока они еще не укоренились. Придурки полагают, что могут жить, просто заботясь друг о друге и танцуя под свою долбаную музыку. Все, что им надо, - задурить соплякам мозги бесплатными вечеринками и посадить их на иглу. У них там на ферме даже телевизора нет. Представляешь, они могут позволить себе шикарную стереосистему, но жмутся купить телик!

- Пидеры, - качает головой Рэй.

- Но надо отдать должное, порядок они у себя навели. До них на той ферме было полное запустение. Хорошо бы заставить этих мудаков прибраться у меня дома!

- Ничего, скоро там снова будет запустение. Есть один парень, Колин Мосс. Белый, шестьдесят первого года, жидкие грязные волосы, плохая кожа, зеленый китель, рваные джинсы и сапоги. Так вот, он частенько появляется в квартирах на Лейте. Там, где живут Аллан и Ричардсы. Мы их возьмем. Сначала перевернем квартиры, потом ферму. Если там и нет никакой дури, то не сомневайся, появится.

- Дай мне знать, когда это случится, - говорю я. - Хотелось бы поучаствовать.

Что ни говори, иногда работа может приносить удовольствие.

Я как раз допиваю кофе, когда в зеркале заднего вида замечаю Окки, который приближается к своей квартире с какой-то пташкой. Она просто виснет на нем. Грязный ублюдок. На мистере Оккендене синяя вельветовая куртка и светлые джинсы. Ростом он пять футов и десять-двенадцать дюймов, волосы блондинистые, черты слегка девичьи. Его подружка - тоненькая, хрупкая, пять и шесть ростом, с точно такими же блондинистыми волосами. Вдвоем они как брат и сестра. Вообще-то я не удивлюсь, если этот подонок дерет собственную сестричку!

- Какая милашка, - говорит Рэй, наблюдая за парочкой. Таблетки на него вроде и не действуют - держится как ни

в чем не бывало. Пока.

- Она несовершеннолетняя. Возьмем Окки на этом. Сечешь?

Рэй прищурившись смотрит на девчонку и чмокает губами.

- Трудно сказать. Задница фигуристая... - замечает он, когда парочка проходит мимо.
- На хрен задницу, ты ее физиономию видел? Она ж еще ребенок.
- Возможно, - соглашается Рэй. - Но так сразу не определишь.
- Без вопросов. Сорок фунтов, пять к одному, - настаиваю я.
- Ну, может, ты и прав, - уступает он.

Еще как прав. Когда дело доходит до денег, Рэй всегда дает задний ход. Не доверяет своим инстинктам, вот в чем проблема, хотя и смысленный малый. Нет, Ленноксам этого мира никогда не обойти Робертсонов.

- Что ты хочешь делать? - спрашивает он.

- Возьмем ублюдка на испуг. Устроим налет, Рэй, - говорю я. - Применим их же тактику. Мы самая крутая контора в городе, и пришло время показать этим мудакам, что дело обстоит именно так.

- Поосторожней, Роббо... - начинает канючить Рэй.

- Чушь. Правила везде одинаковые. Пошли. Применим испытанную тактику. Припугнем сукина сына Чудовищем.

Я знаю игру наизусть. Да и почему бы мне ее не знать.

- Да...

Рэй с сомнением поднимает брови, но все же выходит вместе со мной из машины. Мы подходим к лестнице, и я вижу, что он уже завелся, адреналин несет его вперед, Рэй прыгает через три ступеньки, едва не раздавив выскочившего из-под ног очумелого кота. Так ему и надо, котяре жирному. Всю лестницу зассал.

Останавливаемся у двери - перевести дух.

- Как думаешь, он ее уже дрючит? - спрашиваю я.

- Думаю, да. Им же обоим не терпелось, едва на лестнице не начали. - Леннокс смотрит на меня и нерешительно спрашивает: - Хочешь ширнуться?

- Давай.

Я киваю и оглядываюсь. Рэй насыпает порошка на уголок кредитной карточки.

Не очень-то хочется портить нос всякой дрянью.

- Не трусь. Бьет конкретно. Охуенная дурь, - говорит Рэй и втягивает порошок носом.

Глаза у него слезятся.

Я следую его примеру. Да, идет хорошо. Сладковатый запах зполняет голову, лицо немеет, я ощущаю приток силы. Пора действовать.

Стучу в дверь. Раз, два, три. Слышу недовольный голос.

- Ну все, все! Уже иду.

Окки, он же Брайан Оккенден, он же маленький противный червяк со слишком большой пастью, открывает дверь. На нем футболка и трусы. При виде нас у него отпадает челюсть.

- Мистер Оккенден. Привет.

Я оттираю его в сторону и прохожу в коридор.

- Вы не имеете права...

- ЗАТКНИ ЕБАЛО! - орет ему в лицо Рэй.

Окки в страхе отшатывается. Леннокс как будто раздулся. Он нависает над испуганно съежившимся Окки.

- Будешь открывать пасть, когда разрешат, или я тебе покажу права! Усек?

Этот недоносок смотрит на него, пытаясь собрать остатки гордости.

- Я СПРОСИЛ, ТЫ УСЕК, МАТЬ ТВОЮ? - ревет Рэй, и Окки пригибается еще ниже.

- Да... остынь, приятель. Я не сделал ничего такого... - бормочет он.

- У тебя серьезные проблемы, парень, - говорит Рэй, закрывая за собой дверь и

неприязненно качая головой.

- Успокойся, Рэй. - Я покровительственно кладу руку на плечо Окки. - Побудь здесь минутку. Где спальня? - шепотом спрашиваю я.

- Там... - Он бросает взгляд в сторону, - но там кое-кто есть...

- Все в порядке.

Я успокаиваю его дружеской усмешкой. Открываю дверь спальни - девчонка сидит на кровати в одной тенниске. Вхожу и захлопываю дверь.

- Что происходит? - спрашивает она. - Кто вы такой?

- Полиция. - Я показываю ей значок. - Не пытайтесь покинуть это помещение. Вы меня понимаете? Ваше имя?

- Я не обязана ничего вам говорить...

Какая сладкая куколка. И эти очаровательные веснушки.

- Успокойся, цыпочка, и не осложняй себе жизнь, - советую я и уже с большей настойчивостью спрашиваю: - Сколько тебе лет?

- Шестнадцать. Вранье.

- Есть удостоверение личности?

Я перевожу взгляд на сумочку, которая лежит на тумбочке. От всего ее хладнокровия не остается и следа. Глаза - как спутниковые «тарелки» на стене дома Тома Стронака.

- Пятнадцать... в сентябре будет шестнадцать, - поспешно добавляет она.

Слишком поспешно. Слишком быстро, чтобы принять это в качестве ответа. Интересно, почему она не хочет, чтобы я заглянул в сумочку?

- Твой дружок нарушил закон, если вступил с тобой в сексуальные отношения. Было? - спрашиваю я и подхожу ближе, чтобы рассмотреть груди под тенниской.

Небольшие, но определенно достаточно твердые. Йо-хо-хо и бочонок кайфа!

Девчонка отодвигается к самой спинке и натягивает на грудь покрывало. Лицо у нее вдруг становится почти белым, когда я протягиваю руку, хватаю сумочку и высыпаю содержимое на кровать. Среди прочего обнаруживается и маленький пластиковый пакетик с таблетками, по-видимому, «экстази».

- Я... я не... - запинаясь, бормочет она. Все, приплыли.

- Детектив-сержант Леннокс! - кричу я, и в комнату входит Рэй. Протягиваю ему пакетик. - По-моему, здесь таблетки МДМА. Обратите внимание, что они были обнаружены у этой вот девушки. По меньшей мере шестьсот миллиграммов. Обратите также внимание на то, что девушка несовершеннолетняя.

- Проверим, - возбужденно откликается Рэй.

- Оставайтесь здесь, - говорю я, убирая пакетик в карман. - У вас очень серьезные неприятности. Как, вы сказали, вас зовут?

- Стефани... - застенчиво шепчет девчонка, подтягивая колени к груди и утыкаясь в них подбородком.

Волосы падают на лицо. Она отводит одну прядь и убирает ее за ухо.

- Стефани... а дальше?

- Стефани Доналдсон...

- Так вот, Стефани Доналдсон, я выйду, а вы подумайте, как глупо себя вели. Придется вам оказать нам небольшое содействие.

Небольшое? Как бы не так. Ты у меня поработаешь, Стефани Доналдсон. Хм-м-м.

Девчонка застывает в напряженной позе, а я выхожу посмотреть, как дела у Рэя. Он уже перетащил Окки в гостиную.

- Судьи не дают снисхождения совратителям несовершеннолетних, - говорит Рэй.

- Я думал, что ей шестнадцать. Она сама так сказала, - протестует Окки и улыбается мне - мол, мы все понимаем.

Я отвечаю ему улыбкой палача. Потом пробегаю пальцами по горлу и издаю хриплый стон.

- Извини, приятель, но, как говорит Рэй, сейчас не самое лучшее время для любителей малолеток. В газетах только и пишут о педофилии. Судьи вышли на тропу войны. Тебе повезло, что за это много не дают. Получишь год или около того, отсидишь шесть месяцев. Так что волноваться не из-за чего. Да, забыл про «колеса». Накинь еще годик. В общем, год за решеткой.

Вид у Окки не слишком счастливый.

- Да ладно, - вставляет Рэй, - для Окки двенадцать месяцев - ерунда. В конце концов, в тюрьме таких любят. Немного припудриться, подкраситься, и все горячие парни Соутон выстроятся к тебе в очередь. - Рэй ухмыляется. Ухмылка у него холодная, мерзкая. - Их там все интересуется, особенно эти малолетние шлюшки. Какая она была из себя? Большие ли у нее сиськи? Носила ли школьную форму? - Леннокс смеется, получается что-то вроде сухого кашля. Потом вытягивает из клюва длинную соплю и внимательно смотрит, не попал ли в слиз порошок. Убедившись, что все в порядке, раскатывает соплю между пальцами и стряхивает комочек на ковер. - Шесть месяцев за какую-то мокрощелку... - Рэй смотрит на Окки и качает головой. - Приятного мало. Надеюсь, она хоть того стоила, а, приятель? Следующая будет не так скоро.

- Не обязательно, - встречаю я. - Конечно, совратителей там все любят, но многое зависит от возраста девчонки.

- Дело в том, - говорит Рэй, - что если кто-то из полиции шепнет такому начальнику тюрьмы, как Ронни Макартур, твердому масону и верному семьянину, что девчонке было одиннадцать... или десять... или даже восемь...

- Я понимаю, что ты хочешь сказать: Макартур сделает так, что засранцу и жить не захочется. В Соутоне есть такое крыло, крыло Чудовища... Но я не знаю ни одного полицейского, ни одного профессионала, который был бы способен на такую низость, - говорю я, разводя руками и оглядываясь по сторонам.

- Однако давай предположим, - продолжает Рэй, - что наш совратитель несовершеннолетних имеет доступ к определенной информации и может оказать помощь полиции в важном расследовании, но отказывается это сделать... вы ведь с Ронни в хороших отношениях, а, Роббо?

- По службе - да, - киваю я, бросая взгляд на Окки. Мудак только что не дрищет со страху. Ладно, пусть еще

попотеет, он не знает, что у меня для него припасено.

- Ну перестаньте, ребята, - жалобно просит он.

- Видишь ли, Окки, в Соутоне есть один парень. В том самом крыле. Скотов там хватает, но во всей тюремной системе Шотландии лишь его одного называют Чудовищем. Сечешь?

Пробрало. Вид у Окки такой, словно ему прокрутили всю его жизнь, оставив в ней только самые дерьмовые куски. Это примерно то же самое, что смотреть на видео «Историю Тома Стронака», если бы нашелся придурок, который совершил бы коммерческое и эстетическое самоубийство, создав такой фильм.

- Да, старик, Чудовище не тот парень, с которым хочется разделить камеру. Но Ронни придется это сделать, если пойдет слух, что твоей крошке было восемь или около того.

- Вроде как ради твоей же собственной безопасности, - говорит Рэй.

- Да уж, хороша безопасность, - смеюсь я. - Этот придурок, он же псих. Больные в тюрьме сидеть не должны. Но уж такова наша гребаная система. Его поместили в Карстерс, так он оттуда сбежал.

- Вот смеху-то было, а?

Рэй снова смеется, а может, просто отхаркивается и сплевывает на ковер. Принял он неслабо, видно, не одну дозу. Ну да ладно, лишь бы не петушился здесь перед стариной Брюсом, своим наставником.

- И не говори. Хорошо еще, что между ним и городом оказалось несколько полей. Так что всю свою злость этот зверь выместил на тамошних буренках. Так отделал бедняг, что четырех пришлось зарезать. Хватило ветеринарам работы. Питер Сэвидж из Стрэтклайда рассказывал, что ничего подобного за все годы службы не видел. Так что им ничего не оставалось, как вернуть Чудовище в тюрьму. А чтобы не бушевал, ему каждые несколько недель подкидывают в камеру свежую модель.

Смотрю на нашего придурка Окки. Из горла у него вырывается какой-то невнятный звук. Тужится что-то сказать. Рэй откашливается.

- Модели...

Дальнейшие слова теряются в кашле.

- Что, Рэй?

- Ты говорил о каких-то моделях. Это что еще за хрень?

- Так называют ребят, которых отправляют ему в камеру. Обычно молодых, красавчиков лет двадцати с небольшим... ну, вроде того. - Я поворачиваюсь и показываю на Окки. Прежний умник превратился в дрожащего червяка. - Ты ему подойдешь. Видишь ли, парни, которых сажают в крыло Чудовища, чаще всего не развратники, а насильники. Они немножко упертые и не терпят, когда девушка говорит «нет». Так вот с Чудовищем у них появляется прекрасная возможность попрактиковаться в этом слове, постичь все его формы и оттенки, потренироваться в произношении. А тот скот? Он как будто и не слышит. Бывает такая избирательная глухота.

Рэй улыбается нашему юному другу.

- Бьюсь об заклад, ему нравится, когда сопротивляются. Нравится видеть, как эти ребята пытаются бороться.

- Шесть футов четыре дюйма сплошных мышц. Жеребец. О нем ходят легенды. Первый раз мало кто выдерживает. Даже парни из Кэлтон-Хилла, а уж они-то ко всему привычные.

- Фу! Даже подумать страшно! - ахает Рэй.

- А уж как надзиратели стараются ему угодить. У них там целая коллекция париков, платьев и макияжа, так что он может одевать моделей на свой вкус. Он и имена им дает другие, обычно на французский манер: Джульетта, Жюстина, Селестина, Моника и все такое. - Я смотрю на Окки и задумчиво шевелю губами. - Этого, думаю, назовет Кристиной.

- Почему?

Рэй смотрит на меня, по-идиотски разинув рот, и я ловлю себя на том, что тоже получаю удовольствие от извращенной, но неоспоримой сексуальности, которая является неотъемлемой частью полного господства одного человеческого существа над другим. Это один из тех моментов, благодаря которым работа в полиции может приносить удовлетворение.

- Блондин, - медленно и негромко говорю я.

- А, да, - подхватывает Рэй, - я тоже об этом слышал. Когда к нему помещают блондина, он всегда называет его Кристиной. Говорят, так звали его жену. И еще говорят, что к блондинам у него особая страсть.

- Непорядок, конечно, но такова система.

- А у системы свои проблемы, Роббо. Это же помойная яма общества, куда сваливают все, с чем система не может или не хочет справиться. С другой стороны, в такой ситуации человек многое узнает о себе самом. Провести ночь с Чудовищем. Фу!

- Да, худшую участь и представить себе трудно.

- Но ты можешь узнать о себе такое, чего никогда бы не узнал, - мрачно замечает Рэй.

Окки готов, мы сломали его. Осталось только немного закрепить урок, повозить объект мордой по столу, а уже потом собрать его заново с некоторыми модификациями в психических параметрах, чтобы он делал то, что нужно нам.

- Одно можно сказать точно: ты выйдешь оттуда совсем другим человеком, - улыбаюсь я.

Только в том случае, если вообще выйдешь. Говорят, у НИХ за последние годы зарегистрировано несколько самоубийств.

- Верно, а еще один парень взял и повесился через несколько месяцев после того, как вышел. Опыт меняет людей - бросаю я затерроризированному недоделку, который вздрагивает и переносится из кошмара будущего в кошмар нынешний.

- А может, парень и так покончил бы с собой; срань, обычный уголовник. Кто знает?

- Мы же не ведаем, что там происходит у них в голове, сразу или не сразу сбиваются колесики. Может, на это требуется какое-то время. Как думаешь, Окки? «Помогите! Помогите!» - кричат они надзирателям, но кто им поможет? Никто.

- Я слышал об этом, Роббо, - ухмыляется Рэй. Гаденьш весь дрожит. Он наш. Он всегда был наш.

- Говорят, у него СПИД. И почему только ублюдка не изолируют? - риторически вопрошаю я.

- Им это на хер не нужно, - отвечает Рэй.

- Да, метод эффективный. Для любого, кто попадает к Чудовищу, это смертный приговор.

- Эффективный, верно. На то все и рассчитано, - пожимает плечами Рэй.

- Знаю, звучит мрачно, но другого выхода у тебя нет, мерно, Окки? Такие вот у нас инструменты, мой милый, милый друг, - нежно говорю я, глядя на перепуганную физиономию нашего придурка. - Знаю, перед тобой промелькнула сейчас вся жизнь, но это худший вариант сценария. - Я поворачиваю голову ублюдка так, чтобы он видел улыбающегося, будто магазинный Санта Клаус, Рэя Леннокса. - Дядя Рэй скажет, что тебе делать, чтобы не попасть в жадные лапы Чудовища. Считай его своим рыцарем в сияющих доспехах.

Рэй подмигивает, щелкает пальцами и начинает напевать:

- Чувствую песню, она уже близко...

Я же чувствую другое; меня влечет зов рога. Стефани Доналдсон. Сте-фа-ни До-налд-сон.

- А мне еще нужно проверить эту торговку наркотиками, шлюху и твою подружку, Окки. Ну и компанию ты себе выбрал. Имей в виду, не ты первый, кто клюнул на ее приманку.

Ушлая стерва. Будь повнимательнее и не суй хуй куда попало. Всегда во что-нибудь вляпаешься.

Я подмигиваю и возвращаюсь в спальню.

Девчонка уже встала, оделась и сидит на кровати.

- Ну-ну, мисс, мы подумали о том, в каком положении оказались? - интересуюсь я.

Сейчас покажу этой сучке несколько позиций. Начнем с положения по-собачьи.

- Пожалуйста, никому не говорите... Я не хочу, чтобы об этом узнал мой отец. Он не должен знать, - умоляет она.

- Я вынужден предъявить вам обвинение в хранении с целью сбыта. Конечно, как несовершеннолетняя в тюрьму вы вряд ли попадете, но дать показания в суде придется. В какую школу вы ходите?

- Джона Гилзена, - жалобно блеет она.

- Что ж, уверен, столь почтенное учебное заведение примет дисциплинарные меры. Я, конечно, должен проинформировать их о случившемся, а также поставить в известность ваших родителей. «Экстази» - очень опасный наркотик.

- Пожалуйста, не говорите папе... пожалуйста... Он адвокат. Для нас это будет ужасный удар.

Доналдсон. Ну конечно!

- Ваш отец случайно не Конрад Доналдсон?

Мой дух устремляется к небесам, а в штанах ворочается прямо-таки Большой Змей.

- Да, - говорит девчонка, и в ее глазах вспыхивает надежда. Ни хрена себе! Сам Мистер Гребаный Нос Кверху! Есть!

Его дочурка прямо здесь, на тарелочке перед Брюсом Робертсоном! Мир тесен и город тоже невелик. Господь да благословит Эдину! Я откашливаюсь; горло пересохло от желания и жажды мщения.

- Послушай, куколка, я должен рассказать ему. Расскажу или нет, зависит, в конце концов, уже от тебя, но сейчас я настроен рассказать.

- Пожалуйста, я сделаю для вас, что хотите... только не говорите ему! - пищит девчонка.

- Ладно, я объясню, как у нас с тобой будет. Ты меня слушаешь? Повторять не буду. О'кей?

Она поднимает голову и медленно кивает. От Доналдсона в ней почти ничего. Не знаю, плохо это или хорошо.

- Отсосешь мне, и мы квиты. Но отсосешь как надо. Поняла?

Она опускает глаза и смотрит на пол. Плечи у нее дрожат.

- Ладно, сделка не состоялась. Стефани Доналдсон, вы обвиняетесь в хранении наркотического вещества с целью его сбыта. У вас есть право...

- Нет! Нет! Пожалуйста... Я улыбаюсь ей сверху вниз.

- Ну все, крошка. Покончим с этим кошмаром. Покончим с ним по-доброму, хорошей работой язычком. Твой гребаный приятель сказал мне, что ты уже проделывала это с ним. Сосала один, пососешь и другой. Всего несколько минут, и кошмар закончится. Ты уйдешь отсюда. Мы в расчете. Подумай хорошенько. Что будет, если обо всем узнает папочка? А в школе?

Шахтерская семья. Ха! Я пришел из куда более грязных и мерзких мест, чем хренов забой, и эта маленькая блядь скоро узнает откуда.

- Хорошо, - говорит она, скрепляя контракт. Устного согласия вполне достаточно. Оно может не стоить

бумаги, на которой все расписано, а вот что сделано, того уже не воротишь.

- Хорошая девочка. Честный обмен - это не грабеж. Зачем нам втягивать государство? К чему бумажки? - Я улыбаюсь и расстегиваю зиппер. Мой зверь выпрыгивает из ширинки, как чертик из шкатулки. - Отсоси мне, малышка... - шепчу я. - Отсоси Роббо и сделай это по-настоящему хорошо.

Она смотрит на мой хуй, потом поднимает на меня большие, умоляющие глаза, но я держу в руке пакетик с таблетками.

- Соси. Или мне придется прийти с ними в твою школу. Уверен, папочке Конраду захочется услышать всю историю. Соси.

Яйца у меня как будто покрыты чешуей, даже коркой. От них отшелушиваются частички кожи. Чертова экзема. Слишком много грязных мыслей. Слишком много темных мест. Но не сейчас. Какой у нее миленький ротик.

Она медленно дотрагивается до хуя губами и моргает.

- Так, малышка, так. Отсоси мне, как отсасывала своему дружку... поработай язычком... ты такая красивая девочка, тебе об этом говорили? Потрогай мои яйца. Возьми мои гребаные яйца! Руками!

Папочкина дочка.

- Сожми их... сильнее... ну же, крошка... сожми мои, блядь, яйца!

Девчонка задыхается, выворачивается, крутит головой, но я уже крепко держу ее за волосы. Она моя. Папочкина сучка. Канныбализм, говоришь, урод? Что ж, теперь твоя дочурка попробует его на вкус, ей понравится это мясо, она примет его во все свое гребаное горло...

- Соси, блядь, не то твой старик узнает, что ты трахаешься с ебаным наркодилером!

Да да да да.

Сосет, сосет как надо... старается... ангелочек... а... ааа... аааааааа...

- Да... глотай!

Из меня прет газ, даже в глазах першит. Вот это мощь!

Она сосет и глотает, не сплевывает. Я вот-вот вырублюсь, но продолжаю накачивать. Где-то в районе затылка нарастает напряжение, кровь тяжело стучит, как будто кто-то бьет в основание черепа лопатой, но конец уже близко, и мой хуй упирается в стенку ее горла. Она хрипит, но я крепко держу ее голову, пока не выплескиваю все. Вынимаю, убираю инструмент в штаны, застегиваю ширинку и отступаю, оставляя ее наедине со слезами.

- Вот теперь мы в расчете, цыпочка, до следующего раза. Держись подальше от этой дряни.

- Я улыбаюсь, помахиваю перед ней пакетиком с «экстази» и убираю его в карман. - И передай папаше привет от Брюса Робертсона.

Я подмигиваю и стряхиваю с ее плеч чешуйки омертвелой кожи.

Мне был нужен он, а поимел я тебя, куколка.

Выхожу в коридор - пусть девочка как следует пропитается запахом карри, «гиннеса» и спермы. Рэй Леннокс предупреждает Окки, что тот должен сообщать нам о маневрах паршивцев вроде Алекса Сеттерингтона и Упыря Гормана. Бедняга Окки. Такой громадный молот упал на такой маленький орешек, но спорт есть спорт, в удовольствии себе не откажешь, да и время скоротали.

Мы уже собираемся уходить, когда Рэй поворачивается к

Окки.

- И оставь себе эти таблетки. Мне они ни к чему. Попробовал разок, но эффекта никакого. Слишком расслабляют, хочется всем улыбаться. В моей игре такие не годятся. Хотя тоже наркотик.

Он смеется.

Окки испуганно кивает.

- Тебе надо поучить ее работать языком, - смеюсь я и киваю в сторону спальни.

Качая головами и хохоча, мы уходим. За дверью бьем друг друга по рукам.

Прикольный парень этот Рэй. Если бы все в полиции были вроде него, работать стало бы куда легче.

Уик-энд! Ухожу пораньше; не возвращаться же в управление, где Драммонд начнет нести чушь насчет двух телок, которые отлично знают, что Сеттерингтон и Горман были с компанией в клубе, но пытаются выгородить их, подкидывая всякие небылицы и стараясь увести следствие в сторону.

Я дома. И не один, а в обществе Фредди Меркьюри и Кайли Миног. Кайли Миноуг. Можно говорить что угодно о том, как она пост и как держится на сцене, но она - куколка. Вот бы в полиции работали такие птички, как Кайли, а не овчарки вроде Драммонд. Или уж хотя бы тс пташки, которые нравятся Стейси; они бы тоже сошли.

Скажи, кто тебе действительно нравится? Кто твои любимые? Кэрл поворачивается и саркастически смотрит на нас: глупый вопрос.

Немного отрабатываю манкунианский акцент Фрэнка, потом делаю контрольный звонок Блейдси, проверяю, на работе ли он. Бедняга на работе и сообщает, что как только освободится,

так сразу отправится в паб. Горит на службе наш брат Блейдс. Верный признак того, что ты либо трахаешь кого не должен, либо, как в случае с Блейдси, не трахаешь того, кого должен.

Затем звоню Банти.

- Привет, Банти. Вас ведь так зовут?

- Да. А вы кто?

- Держу пари, у вас волосатая задница. Когда вы в последний раз занимались любовью, Банти?

- Это не ваше дело... и вообще мне вас жалко. Ваша жизнь, должно быть, ужасно скучна, если вы так интересуетесь чужой. Вы неудачник.

Ну и ну. Какое унижение. Как пережить столь сокрушительный удар по моему самолюбию? Ох, ох, мне уже не подняться.

- Ну спасибо. А как быть с вашей жизнью, Банти? Разве она не скучна и однообразна?

- Не ваше дело. Кто вы? Что вам нужно? Как вас зовут? Вопросы и ответы, правда и ложь...

- Вообще-то меня зовут Фрэнк.

- Так вот, Фрэнк, вы жалкое подобие человеческого существа.

Неужели, дорогуша? Как интересно, что вы это заметили. А все папочка. Я виню его. Плохой был человек. Но как быть с вами, моя сладкая, с вами, состоящей в браке с неким Клиффордом Блейдси?

- Мне сказали, что вы принимаете сзади, Банти. Это так?

- Боже, какой вы жалкий человечишка. Кто понарассказал вам всю эту чушь?

- Кто? Кто?.. Мне сказал... маленький Фрэнк.

- А он кто такой?

- Он... он... Я не буду с вами больше разговаривать, - пишу я.

Да, та еще сука. Крута. Неудивительно, что старина Блейдси по большей части гоняет вручную со свежим газетным номером. Чем они круче, тем с ними труднее. Вот он, настоящий вызов. Мы решаем временно отступить.

- Скажите, кто этот Маленький Фрэнк? - настаивает она.

- Упс... извините, Банти, меня зовет мамочка, я должен идти. Из-за вас у меня будут неприятности. Иду, мам... Нет, я не звоню никаким грязным проституткам...

Бросаю трубку. Да, эта может принять палку. Хорошо. Ей срочно требуется крепкая оттяжка. Приятное чувство в штанах подсказывает, что сейчас самое время провести сеанс с материалом Гектора Фермера. Подрочить на какую-нибудь сисястую, а потом постараться отправить в следующую жизнь то, что остаюсь от прошлой ночи с Руби Мюррей. К яйцам все еще больно притронуться, а возбуждение нарастает при мысли о губках Стефани.

Через какое-то время терпеть становится невозможно, так что я отправляюсь в сауну Мэйзи, более известную как «Рыбзавод». Сама Мэйзи на болтовню не настроена и дать профессиональный совет не может, но я нахожу одну молоденькую шлюшку и веду ее в гольф-клуб «B&B», которым заведует один мой старый знакомый, за которым числится небольшой должок. Пытаюсь трахнуть ее, но у меня элементарно не встает - конечно, из-за экземы, - так что я пускаю в ход палец и заставляю ее отсосать. Она желания не проявляет, но я говорю, что разнесу их гребаный бордель, если не получу своего, и у нее нет выбора. Когда ее запах становится невыносимым, посылаю шлюху куда подальше, чтобы не поддаваться соблазну сломать суке челюсть.

Засыпаю примерно на час и просыпаюсь с новым приступом беспокойства. Я не знаю, где нахожусь. Открываю окно и долго смотрю на темное поле для гольфа. Уже без четверти девять, так что надо спешить, чтобы не опоздать на встречу с Блейдси. Ловлю такси, за рулем которого сидит парень, немного знакомый мне

(есть , есть, есть моего , Хозяина есть ради моего друга и меня , да, да, вопрос выживания, есть, мой Хозяин ест ради себя ,есть,есть, спасибо тебе от меня,есть)

Думаю, в этих «колесах» высокое содержание бикарбоната, но тоже не помогает. Сегодня я не работаю. Пообещал нанести визит моим друзьям Блейдсам.

ДОМА С БАЕЙДСАМИ

Может, такой орешек, как Банти, и трудноато разгрызть по телефону, однако Блейдси сказал, что ее эти звонки достают. Так и задумано. В данный момент в штанах у меня тугой комок, а в крови ощущение власти над ней. Пора, как я и обещал Блейдси, встретиться с этой телкой.

Судя по всему, скоро снова пойдет снег. И, чувствуется, его будет много. По всему городу зажигают предпраздничные огни. Того парня, Вури, наконец-то предали земле в Лондоне. Накануне этому посвятили пару минут в вечернем выпуске новостей, и, как и следовало ожидать, прозвучало немало критических слов в адрес следствия. Пошли они! Парень упокоился, и самое главное теперь то, что дороги стали чище, и я без проблем добираюсь до Каррик-Ноу.

Блейдси перепуган до усрачки. И не без причины. Вид у Банти довольно суровый, а он вчера нажрался как свинья. Я сам об этом позабылся. Женщина она, конечно, крупная и здоровая, но стоит только нажать нужную кнопку, и эта шлюха заткнется, как будильник, у которого кончился завод. Мне знаком этот тип. Правила везде одни и те же. Строгая, дальше некуда - здесь не забалуешь. В квартире полный порядок: ни пылинки, ни пятнышка. Хорошая была бы жена для полицейского. Впрочем, ебать ее и так можно. При росте пять и пять и весе за одиннадцать стоунов, причем лишние фунты как раз в тех местах, где и нужно. Волосы черные, завитые колечками - такие подошли бы телке помоложе (Банти где-то между тридцатью и сорока), - и довольно много ярких украшений: ожерелье, сережки, браслеты. Тон заносчиво-высокомерный, но тяга к дешевому блеску все равно выдает тайную блядь.

В общем, вывод из уравнения, которое представляет собой Банти, короток и ясен: слишком много женщины для брата Клиффорда Блейдса. Он, заикаясь, бормочет:

- Это Брюс, мой друг, о котором я тебе говорил. Э... вообще-то это я с ним собираюсь на масонский фестиваль в Скарборо.

Я едва сдерживаю смех. Скарборо. Ха. На хрен мне сдался этот плебейский курортишко. Нет-нет, мой милый, милый друг.

- Рад с вами познакомиться, Банти.

Я улыбаюсь, протягиваю руку и не сразу выпускаю ее ладонь из своей.

Она отвечает улыбкой.

- Значит, Брюс, да?

Да, жирная грудастая корова, да.

- Да... - начинаю я.

- Клифф мне о вас рассказывал, - с легким намеком сообщает она.

- Надеюсь, ничего такого, чего бы стоило стыдиться... - Я поворачиваюсь к Блейдси. - Или мне связаться с твоим адвокатом?

- Нет-нет, что вы. Совсем напротив, - спешит ему на помощь эта блядища с громадными сережками.

Ухватись за такие, потяни, и ей ничего не останется, как рухнуть на тебя всей массой. Только вот на такой жопе размером с Мюррейфилдский каток и замерзнуть недолго. А может, и нет, потому что такие вот сучки уважают силу. Знакомый тип.

Переключаюсь в профессиональный режим.

- Понимаю, насколько это все может быть неприятно, Банти, но постарайтесь не беспокоиться понапрасну. Мне уже приходилось иметь дело с такими мерзавцами. Большинство из них - прошу извинить за такое выражение - сильны на словак, однако слабы по

мужской части. Прерывая разговор, бросая трубку, вы лишь демонстрируете им свой страх. Они же этим страхом и подпитываются. Сохраняйте по возможности хладнокровие, говорите с ним. Вот тогда-то они обычно и начинают совершать ошибки. Теряют бдительность, слишком много болтают.

- Но ваш офицер сказал, чтобы я не вступала ни в какие разговоры, - с некоторым недоумением говорит она.

- Да, обычно мы именно такие инструкции даем нашим молодым и еще неопытным сотрудникам. И да, такая тактика срабатывает, если вы хотите, чтобы он перестал звонить. Но если же вы хотите поймать ублюдка - еще раз простите за грубость, - то действовать нужно иначе.

- О, я, конечно, хочу, чтобы его поймали, об этом не беспокойтесь, - чуть ли не рычит Банти. - Я хочу, чтобы он получил свое.

От того, с каким выражением эта шкурка произносит слово «получил свое», у меня встает. Фу!

- Что ж, Банти, - тяжело, с присвистом, говорю я. - Хм-м-м... э-э-э... извините, горло... - Я откашливаюсь. - Самое лучшее, что вы можете ему предложить, это как бы немного приоткрыться.

- Что вы имеете в виду? Как это... приоткрыться? - вызывающе спрашивает она и, убрав с глаз темную челку, подается вперед.

Хочешь? Получишь. Ты еще свое получишь. За счастье будет удовлетворить такую телку.

- Расскажите ему что-нибудь о себе. Подыграйте ему. Добавьте огоньку. Поднимите ставки. Вот как это делается. Не надо ничего придумывать - он может вас раскусить. Просто втяните его в игру. Таким образом вы получите контроль над ним. Он становится жертвой. Заставьте его посмотреть в лицо самому себе. Пусть увидит то, что видите вы. Пусть охотник превратится, так сказать, в добычу.

Банти с мрачным энтузиазмом кивает, и в какой-то момент наши взгляды переплетаются. Между нами словно пробегает электрическая искра. Я удерживаю ее взгляд чуть дольше обычного и, как только на ее лице появляется легкая тревога, поворачиваюсь к Блейдси.

- Мы прищучим этого подонка, Клифф. Опасности никакой нет. - Я снова поворачиваюсь к ней. - Мы возьмем его,

Банти. Клифф, - продолжаю я, не глядя на него, - я хочу, чтобы ты хорошенько заботился об этой очень, очень отважной леди.

Наши взгляды снова цепляются друг за друга, и две пары зрачков выпускают по лазерному лучу сексуальной энергии.

- О, конечно, я о ней позабочусь, - послушно говорит он, и, поворачиваясь к Блейдси, я ловлю в ее глазах презрение, но делаю вид, что ничего не замечаю.

Вступать с ней в заговор пока еще рано.

- Теперь я чувствую себя намного увереннее. Спасибо вам огромное, Брюс, - улыбается она. Потом поднимается и уходит на кухню, позволяя мне оценить достоинства товара. Под черными леггинсами колышутся внушительные ляжки, а груди у нее такие, что в них можно играть в прятки.

- Не за что. Скажите спасибо вашему мужу, моему доброму приятелю Клиффу. Маленькие друзья в высоких кабинетах, что бы мы без них делали, а, Блейдси?

- Ты прав, Брюс, очень верно сказано.

Блейдси пытается произнести это с видом мудреца, но получается бледно, вяло и пресно. Я смотрю в окно мимо этого жалкого, ничего собой не представляющего мудака и вижу, что не ошибся: снег действительно пошел сильнее.

Извиняюсь и ухожу. Сегодня суббота, но «Хартс» играет на выезде, так что я решаю пойти в управление и поработать сверхурочно. Заглядываю в ежедневник и вижу, что вообще-то я сам назначил своей следственной группе оперативное собрание. Спрашивается, зачем? Наверное, дело в том, что я подслушал, как Драммонд говорила Карен Фултон, что планирует на сегодня покупки рождественских подарков. Извини, не получится!

ВЫКЛЮЧАЮ ГАЗ

Визит в управление - время на ветер. До совещания иду в столовую и без всякого удовольствия вливаю в себя две чашки черного кофе. Тоули, сучара, испортил праздник, включив в мою бригаду облезлую мымру Аманду, что б ее, Драммонд. Пытаюсь направить придурков на нужный путь, а в ответ слышу недовольный скулеж - как будто ей задницу прищемили, вызвав на работу именно сегодня.

- Итак, ситуация выглядит следующим образом: в ночь убийства Эфана Вури в районе дискотеки «Джемми Джо» видели Гормана и Сеттерингтона, двух громил, уже задерживавшихся по обвинению в организованном - я подчеркиваю, в организованном - насилии. На самой дискотеке их, понятно, не было, но это и не имеет значения. Вам известно, как эти два подонка терроризируют наш город. Сейчас нам важно держать их под наблюдением, чтобы быть в курсе того, что они замышляют. Знать их модус операнди.

Итак, что изменилось в их поведении? С кем они встречаются? Нам также следует добиться более детальных показаний от свидетелей: Марка Уилсона, дежурящего на входе, Фила Александера, владельца заведения, и двух девушек, Сильвии и Эстеллы...

- Не согласна, - подает голос Драммонд.

Кому, мать твою, интересно, согласна ты или не согласна, кошка драная.

- Вот как? Позвольте спросить почему? - улыбаюсь я.

- Ну, помню, у нас в Тэйсайте... - говорит она и начинает нести какой-то не имеющий отношения к расследованию бессвязный бред, ахинею про то, что случилось когда-то в этом тухлом Тэйсайте.

Тэйсайд. Да что там могло вообще случиться? Ну, может, опечку отодрали или вроде того. Там такое считается серьезным преступлением. Да и сколько она там прослужила? Побывала десять минут в роли мальчика на побегушках. Сходи туда, принеси то. А сейчас распинается насчет того, что вот, мол, это убийство дает идеальную возможность установить тесные связи с черножопой общиной. Я бы установил связи. Заставил бы этих пиздюков сплести лодки из банановых шкурок да и отправил бы всех восвояси. Нет, такой бред я терпеть не собираюсь.

- Повторяю, верный подход к расследованию... - начинаю я.

- При всем уважении, Брюс, ваш верный подход не дал пока никаких результатов, - заявляет нахалка.

- Спасибо за очень ценное замечание. Однако ответственность за расследование возложена на меня. И пока я остаюсь во главе группы, мы будем делать так, как я скажу, - холодно сообщаю я.

Надо же, какая наглость. За стервой нужен глаз да глаз.

Тем не менее она не унимается и продолжает жевать свое. В конце концов мы договариваемся, что установлением связей с общиной черножопых займется как раз она сама. Что устраивает меня как нельзя лучше - нет ни малейшего желания выслушивать чириканье этих пташек из джунглей. Спускаюсь вниз с намерением позвонить Банти, но тут меня перехватывает Гас.

- Брюс, только что приняли анонимный звонок. Звонил молодой мужчина. Сказал, что в ту ночь Сеттерингтон, Горман, Лидделл и прочая компания были в клубе.

Я это и без тебя знаю, кукла ты резиновая. Звонил, конечно, Окки, наш наложивший в штаны крысеньш. Толку от такого звонка никакого, если он только не выступит в суде, а выступать Окки не станет, потому что тогда его жалкой жизни придет полный пиздец.

- Хорошо, Гас.

- Что ты собираешься делать?

- Старая история, верно, Гас? Никто их не видел. Никто не встанет в суде и не скажет, что они там были. Думаю, надо поплотнее заняться этой курочкой, которая работает в цветочном магазине, Эстеллой Дэвидсон. Она, конечно, упирается, но больше у нас никого нет. У меня такое впечатление, что Сильвия мало что знает. Драммонд слишком мягко с ними работает. В конце концов у нас тут не общество по защите женщин - мы убийство расследуем.

Да, так я и сделаю, а потом мы с Рэем побеседуем с Окки. Только сначала надо провести сортир да не забыть прихватить «Сан».

На третьей странице потрясная красotka, чем-то напоминающая ту цыпочку, Стефани Доналдсон, с которой мы так подружились. Эйприл из Ньюкасла. Я слышал что-то про уголь, который таскают в Ньюкасл, но какой смысл возить туда всяких сучек, если там есть такие кобылки.

А вот и сегодняшнее граффити:

КАРЕН ФУЛТОН ДАЕТ В ЖОПУ

Почерк никто не узнает.

Ну же, малышка... Это я, Брюс.

Тебя ждет большая ночь... вот так... давай... Я вытаскиваю напрягшийся, покрытый шелухой хуй. Оттягиваю бледную кожу, под которой пульсирует багровая шишка. Запашок пошел. Бля, как чешутся яйца... Так, давай, детка... этот хуесос доктор с его дерьмовым кремом...

Не думай об этом

...уф... йес... так, так, хорошо... ооо... ооооо... ООО... Эйприл из Ньюкасла... ооооо... так, милашка... оо... уже... уже... ЙЙЙЙЙЕЕЕЕЕСССССТЬ!

Ооооо... ооо... фу... Сперма стекает по бедрам. Ну и пусть. Это же алкалин. Может, как-то подействует на сыпь. В любом случае хуже от нее не будет. Не то что от этих дерьмовых кремов. Я бы некомпетентных докторов гнал в шею. Коленкой под зад. Если у полицейских что-то не получается, их сажают в дерьмо, а врачам и убийство сходит с рук. А ведь правила для всех должны быть одни.

Обнюхиваю свои черные штаны. От них несет глубоко въевшимся потом, местами проскакивает резкая нотка мочи. Много бы я отдал за хорошую прачку. Да, сейчас мне нужна пташка, которая умела бы готовить и прибираться, а не сосать и подмахивать. Конечно, если уж мечтать, то о такой, у которой порядок со всем. Да, мне нужна замена для Кэрол. До тех пор, пока та не начнет понимать, что к чему, а это случится уже скоро. До нее всегда доходит быстро.

Карен Фултон дает в жопу. Хм-м. Никогда не трахал ее в задницу. Вообще-то драл немало, но хвастать тут нечем - ее пизда не эксклюзивный клуб. Последний раз я отымел Карен после похорон принцессы Дианы. Напоил в дымину и отымел. Все в этом граффити вроде бы в порядке, но мне почему-то видится в нем нечто вроде благого пожелания, нечто такое, что мог бы написать какой-нибудь извращенец типа Тоула.

Я зачеркиваю КАРЕН ФУЛТОН и пишу БОБ ТОУЛ. Смотрю на творение рук своих, и меня вдруг начинает душить смех. Да что смех - слезы текут из глаз.

Выхожу из кабинки и мою руки, но ногти все равно грязные. Смотрю на себя в зеркало, трогаю щетину. Надо как следует **(есть, есть Хозяина, есть, есть, есть, есть, есть, есть, есть, есть, мне необходимо питаться, есть, есть, есть, есть)** Простые удовольствия. Тепловентилятор под столом гонит на мою ногу волны горячего воздуха. Я постепенно прихожу в себя, как будто только что вылез из танка «шерман», попивая горячий кофе и закусывая «Кит-Кэтом» и пончиком от Кроуфорда. Блаженство прерывает дребезжание телефона. Звонят из города. Это не она. Не Кэрол.

Это она.

Я же велел ей никогда не звонить сюда. Никогда.

- Тебе же велено никогда сюда не звонить, - бросаю я. - У меня серьезное расследование.

- Извини... Мне надо поговорить с тобой. Насчет того, что ты сказал пару недель назад. Ты ведь не шутил?

О чем эта дура толкует?

- Что? О чем ты?

- На прошлой неделе, Брюс... ты сказал, что любишь меня? Помнишь? - Голос падает на октаву. - Или ты просто все придумал, потому что посчитал, что я хотела это услышать?

Почему я это сказал? Да потому что хуй стоял, а он, как известно, стыда не имеет. А уж если этот хуй приделан к Брюсу Робертсону, то тут вообще о совести какой разговор. В этой жизни простой парень не может позволить себе иметь совесть; эта роскошь для богатых, а для остальных - кандалы на ногах да ядро на цепи. Да и захоти я вдруг ее обрести - чего я не хочу, - где взять-то? Не в баре же у Вули?

И все же любопытно, у этой стервы прорезались опасные ростки интеллекта. Что ж, придется преподать тупой телке урок.

- Не думаю, что я так сказал. Я сказал, если ты помнишь, что могу легко полюбить тебя. Но я также сказал, что если дам тебе свою любовь, духовную любовь, то тебе придется собрать все силы, чтобы принять ее. Помнишь?

Следует долгое молчание. Наконец она выдавливает из себя:

- Помню...

Ни хуя она не помнит. Накачается «прозаком» или чем там еще, что дает ей Росси якобы для успокоения нервов.

- Я сказал, чтобы ты ушла и не возвращалась, пока не поймешь, что достаточно сильна для моей любви. Да, ты получишь мою любовь. Ты получишь всю любовь, что только есть в мире. Ты даже представить не можешь, сколько этой любви свалится на тебя...

Как же, черт, ее зовут, женушку Херли... Бригитта... Сара... Крисси... Крисси!

- Крисси... о Крисси, послушай... тебе придется быть сильной, очень сильной, чтобы принять ее... - Я подпускаю в голос немного дрожи. - Потому что если я дам ее тебе и не получу назад, то она просто разорвет меня пополам...

Входит Гас. Подгребают к моему столу, берет мою почти пустую кружку с эмблемой «Хартс» и показывает на чайник. Я поднимаю вверх большой палец. Ладно хоть на этот раз взял нужную кружку.

В трубке слышится странный приглушенный звук, после которого Крисси начинает жалобно лепетать:

- Брюс, мне так жаль... мне только нужно знать, как у нас с тобой. Потому что вы... ты и Боб... и как насчет Кэрол?

- Кэрол здесь ни при чем. До тех пор, пока есть ты и я, в реальном смысле, до тех пор Кэрол - моя и только моя проблема.

Наступает пауза. Чертова лампа опять мигает. Неудивительно, что меня здесь тошнит. Неужели эти жмоты не могут сделать так, чтобы все нормально работало?

Снова подходит Гас и ставит передо мной полную чашку кофе.

- Брюс, мне нужно повидать тебя. Мне так одиноко... после того как я ушла от Боба. Может, мне вернуться к нему... Ты сказал, что Кэрол уехала... Прийти к тебе сегодня вечером? Пожалуйста...

Выдвигаю ящик стола и достаю еще одну «Кит-Кэт». Их там восемь штук в целлофановой упаковке. Этот мудака, что придумал «Кит-Кэт», его стоило бы посвятить в рыцари. Сколько я их

уже съел. Только вот веса почему-то не набираю. Такой уж обмен веществ - все сгорает.

- Ладно. Вот что я тебе скажу, Крисси. Я не в том настроении, чтобы играть в игры, повторяю, не в том настроении. Я не позволю эксплуатировать меня только потому, что я достаточно ясно выразил тебе свои чувства. Я буду держать эти чувства в узде, пока не получу ответной духовной поддержки.

Духовная поддержка, духовная любовь, духовные узы...

Разыгрывать духовную карту одно удовольствие. Они все западают на духовную муть, просто ничего не могут с собой поделаться. Слышу вздох.

- Мне нужно поговорить с тобой, глаза в глаза. Я приду вечером. Во сколько тебя устроит?

- В восемь, - говорю я, нажимаю на рычаг и кладу трубку. - Покатаемся сегодня, покатаемся, - напеваю я себе под нос и беззаботно машу рукой появившимся в комнате Гиллману и Инглису.

Гиллман сдержанно кивает - этот козел никогда не проявляет эмоций, - а вот Инглис машет в ответ, и жест его как будто служит сигналом для притаившейся у меня в животе тошноты.

Итак, на сегодняшний вечер у меня Крисси. Ну что ж, по крайней мере одну проблему я решил. Хотя еще неизвестно, что из этого выйдет. Надеюсь, получится лучше, чем в прошлый раз. Все шло нормально, камера ее даже возбуждала, но потом, когда я достал вибратор, она снова завела бодягу о Бобе и о том, что все в жизни так перепуталось. Некоторым не угодишь.

Смотрю на календарь Скотленд-Ярда. Пятое декабря. Не так уж далеко до Рождества, но на хрен эту муть - на первом месте зимний отпуск и поездка в Амстердам. И календарь какой-то скучный. Вот в прошлом году у меня был календарь с моделями, но потом пришло распоряжение, инициированное, несомненно, какой-нибудь стервой вроде Драммонд, и в нем запрещалось присутствие на рабочем месте любых плакатов с красотками. Запрет, понятное дело, сопровождался обычным пиздежем о негативном влиянии и т.д. и т.п. Но если заебательская киска в коже - «негативный образ женщины», то кто тогда позитивный? Может, драная кошелка Драммонд в полицейской форме? Думаю, что нет. Правила ведь везде одни и те же.

Тошнота не проходит, надо уйти пораньше. Рэй Леннокс ведет слежку за хиппарями-ебарями из коммуны «Восход» в Пеникуике, так что оторваться совсем не с кем. Гиллману я не доверяю, а Клелл потерял интерес к приключениям после того, как решил податься в дорожную службу. Решаю просто немного прогуляться по городу. Везде толпы народу, все спешат купить подарки к Рождеству и ищут, где бы ухватить подешевле.

Жадность прямо-таки висит в воздухе, ею можно дышать. Темнеет рано, и зажигающиеся огни кажутся неуместными и зловещими.

Место преступления. Поднимаюсь по ступенькам Плей-фэйр-Степс. Какой-то юный сопляк в грязной изодранной одежде и тренировочных штанах, присосавшись к фиолетовой жестянке, с надеждой протягивает мне пластмассовую кружку.

- Центр занятости там, - говорю я, указывая в сторону Вест-Энда.

- С Рождеством вас, - отвечает он.

- И тебе всего, приятель, - улыбаюсь я. - Здесь, наверно, немного прохладно. Я бы на твоём месте па несколько неделек перебрался туда. - Показываю на роскошный фасад отеля «Балморал». - Пусть попотеют ребята из обслуживания номеров. Расслабься, сбрось напряжение. Знаешь, в этом есть смысл.

Мудак бросает на меня злой взгляд, но я уже вижу в его глазах страх перед наступающими холодами и перспективой провести на улице всю долгую зиму, которая, вполне возможно, положит конец его жалкому существованию. Впрочем, если залить в себя еще пару банок, то и не заметишь, как тебя заберет дедушка Мороз.

Беру курс на Саут-Сайд, думаю, не заглянуть ли в пивнушку Алана Андерсона на Инфермари-стрит. Интересно, что сейчас поделявает старина Алан? Один из наших типичных сереньких игроков семидесятых; тогда таких было пруд пруди, как будто их на фабрике штамповали. Кругом суета: наркоманы покупают всякую дешевую туфту в лавчонках у цветных, школьники, пользуясь переменной, водят носом в музыкальных магазинчиках, торгующих залежалым товаром.

Всматриваюсь в витрину телемагазина, пытаюсь разобрать счет. В Англии «Манчестер Юнайтед», «Арсенал», «Ньюкасл», «Челси» и «Ливерпуль» - все победили. Жду результатов первенства Шотландии, и тут холодный воздух прорезает дикий крик, от которого у меня волосы встают дыбом. Поворачиваюсь и вижу, как на дороге образуется толпа. Подхожу посмотреть, в чем дело, отталкиваю застывших с открытыми ртами придурков и вижу на земле бьющегося в судорогах хорошо одетого мужика лет сорока с лишним. Одной рукой бедняга вцепился в грудь.

Мужик быстро синееет, а стоящая рядом женщина истошно орет:

- КОЛИН! КОЛИН! ПОЖАЛУЙСТА! ПОМОГИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Плюхаюсь на колени возле распростертой фигуры.

- Что случилось? - кричу ей. Парень, похоже, не дышит. К тому же он еще и обоссался - на брюках медленно расплывается черное пятно.

- Сердце... это, должно быть, сердце... у него большое сердце... о, Колин... ооо, нет... КОЛИН, НЕТ! О ГОСПОДИ, НЕТ!

Опускаю его голову на землю и начинаю делать искусственное дыхание рот-в-рот. Ну же, давай... дыши...

Я чувствую, как жизнь уходит из него, как тепло оставляет тело, и пытаюсь вернуть ее в него, но ответа нет. Лицо у него белое, он похож на манекен. Поворачиваюсь к женщине. Она тоже белая, и слова, выползающие из ее рта, кажутся мне бессмысленным бормотанием.

- Что?

- Сделайте что-нибудь... пожалуйста... - выдавливает она.

- Ну же, приятель, - кричу я мужику, - ты не можешь вот так взять и помереть... - Поворачиваюсь к глазающей на нас толпе. - Вызовите «скорую помощь»! И УБЕРИТЕСЬ НА ХУЙ С ДОРОГИ!

Нажимаю ему на грудь, колочу по этой чертовой груди, но он не реагирует, и во мне нарастает злоба. Щупаю запястье. Пульса нет.

ЖИВИ

ЖИВИ

ЖИВИ

- Ты должен жить, - тихо говорю я. Глаза у него уже закатились.

Прямо над ухом кричит женщина:

- КОЛИН... О БОЖЕ, НЕТ...

Не знаю, сколько проходит времени. Я сижу рядом с этой бесформенной вещью, лежащей в зловонии собственных экскрементов, и держу в своей руке руку женщины. Слышу вой сирены. Чувствую чью-то руку на своем плече.

- Все в порядке, приятель. Ты сделал все, что мог. Его уже не вернешь.

Поднимаю голову и вижу парня с торчащими из носа рыжими волосками. На нем блестящий зеленый плащ.

С ним возятся санитары. Внезапно женщина обнимает меня. Ее приятный сладковатый аромат уже смешался со зловонием мертвеца.

- Почему... он был хорошим человеком... он был хорошим человеком... почему?

Поначалу мне не по себе от ее навязчивой, неуклюжей близости, но потом наши тела сами собой приспособляются друг к другу, как рука к перчатке.

- Да? Да?

Я киваю, чувствую, как по щеке ползут слезы, и вытираю лицо. Женщина застывает в моих объятиях, ее голова на моей груди. Я бы хотел держать ее вот так вечно. Держать и не отпускать.

«Скорая» собирается отъезжать, мы отстраняемся друг от друга, и я чувствую холодную пустоту одиночества, заполняющую то пространство, где только что была она. Встаю и поворачиваюсь к зевакам. Одни и те же лица. Все время одни и те же лица. Как в том тупом фильме, где все собираются поглазеть на трагедию.

- Что уставились? Какого хера ждете? Идите, делайте свои гребаные покупки! Все! - Я достаю полицейский значок. - Полиция! Разойтись!

Мертвец лежит на каталке, женщина плачет на его груди. Вот что надо всем этим мудакам. Так было и на похоронах принцессы Дианы. Они приходили туда, чтобы взглядеться в глаза тех, кто действительно ее знал, чтобы упиться горем с их лиц.

Кто-то трогает меня за рукав.

- Кто вы?

- Брюс Робертсон. Детектив-сержант Брюс Робертсон! - кричу я. - Лотианская полиция.

- Что здесь случилось?

Я смотрю на задающего вопросы парня.

- Пытался спасти его... но... он все равно умер. Взял и умер... я пытался его спасти...

- Что вы при этом чувствовали?

- А? Что? Какого хера...

- Брайан Скаллион, «Ивнинг ньюс». Я наблюдал за вами. Вы отлично поработали, детектив-сержант Робертсон. Что вы почувствовали, когда ничего не получилось? Как оно...

Я отворачиваюсь от недоумка и ухожу, проталкиваясь через толпу. Спускаюсь на Инфермари-стрит и бреду, ничего не видя вокруг, к пивнушке Андерсона.

Парень не должен был умирать. Та женщина, она любила его.

Мне зябко. Холодно.

Лучшее средство от холода - двойная порция виски. Потом переключаюсь на водку - у нее другой запах, который еще не все научились распознавать. Повторяю. И еще. Думаю о том парне. Когда я пытался вернуть в него жизнь, то как будто наталкивался на какую-то противостоящую мне силу. Как будто пытался наполнить ванну без затычки, а вода все уходила и уходила.

К черту бар. Сажусь в машину. Прыскаю в рот какой-то гадостью, прополаскиваю и сплевываю на белый снег. Голубой раствор проседает на белом. Даю газ и с ревом сворачиваю за угол. Какой-то недоумок пытается сигналить, но мне не до него.

К работе, однако, меня уже не тянет; впрочем, если на то пошло, меня не тянуло к ней никогда. Для виду оставляю машину на служебной стоянке, а сам сматываюсь пораньше. Какое-то время тащусь пешком под снегом, потом останавливаю такси. Дома включаю телевизор и просматриваю по телетексту результаты матчей. «Хартс» играл в Рэгби-парке и продул со счетом ноль-три.

Предпринимаю попытку прибраться и даже выбрасываю несколько тарелок с объедками и пару упаковок с китайской жратвой. Крисси приходит рано, что всегда меня раздражает, потому что в доме полный бардак. Зато в глазах у этой подстилki возбуждающая смесь желания и преданности. Рост у нес пять и четыре. Вес никогда не переходил за шесть стоунов. Выглядит Крисси далеко не блестяще в чересчур яркой желтой блузке и черной, выше колен юбке,

пошитой, похоже, из того же материала, что и мои штаны. В общем, ей место в хосписе, а не в героиновых грезах.

Ждет, что я что-то скажу. Ошибочка! Так не получится. Молчание - золото, и порой за него приходится бороться. Вам это любой торчок скажет.

- Брюс... ты действительно имел в виду... ну, когда говорил, что сможешь полюбить меня? - спрашивает Крисси.

Я пристально смотрю на нее и вижу лопнувший на носу кровеносный сосуд. Вашу мать! Бесплезно, думаю я. Ни малейшего шанса.

- Конечно, смогу. И ты знаешь это не хуже меня. Не надо изображать передо мной недотрогу. Садись.

Крисси снимает пальто, опускается на диван и закуривает. Она такая же, как те упыри, что стояли и смотрели, как я пытался вернуть к жизни того парня. Тошнотворные, пассивные, праздные, сострадательные упыри.

И как вы себя при этом чувствовали?

- Я так запуталась, Брюс. Мне так трудно, - говорит Крисси.

Я подсаживаюсь на диван, поближе к ней. Она узнает, как чувствует себя тот, кто не дышит.

- Послушай, тебе необходимо знать кое-что... знать, как я... Я расстегиваю пуговицу на блузке и запускаю под нее руку.

Ужас. Как будто только что из концлагеря. Кожа да кости. Глаза большие, под ними темные тени. Смотрю в зрачки и вижу, как они расширяются, будто чувствуя шевеление у меня в штанах. Забираю у нее сигарету и давлЮ в пепельнице. Крисси нервно вздрагивает со странной улыбкой и смотрит на меня.

- Брюс... - говорит она, поглядывая на дымящийся окурок.

- Ты разве не знаешь, как опасны сигареты? - спрашиваю я, указывая на пепельницу свободной рукой и одновременно просовывая другую под лифчик и грубо сжимая сосок.

Крисси закрывает глаза и едва слышно ахает. - От них бывает приступ удушья. Перекрывается доступ кислорода к мозгу. Это вроде наркотического опьянения.

Я постукиваю ее по голове. Вытаскиваю руку и расстегиваю остальные пуговицы на блузке, медленно, одну за другой. Потом расстегиваю пуговицу и замок на юбке. Встаю, поднимаю ее, и юбка соскальзывает на пол, как кусок говядины с шампура. Притягиваю ближе, просовываю руку под трусики, обхватываю ягодицы и прижимаю к себе. Утыкаюсь носом в ее ухо, втягиваю запах дешевых духов.

- Вот что я тебе скажу, оно, это кислородное голодание, крутая вещь, добавляет остроты ощущениям. Вы с Бобом когда-нибудь так делали?

- Я... я не знаю... мы никогда...

- Не выключали друг другу газ, а? - негромко спрашиваю я. - Ш-ш-ш-ш-ш...

- Мы... нет... никогда...

- Не хочешь попробовать? Поиграть в отключение газа? Я отключу тебе, а ты мне, а?

Смотрю на черные корни се тошнотворно-желтых волос, похожих на грязную солому. Надо ж так все испоганить дешевой краской. Кофе, сигареты и шлюхи. Наверное, где-то есть фабрика, где их штампуют. Где-то неподалеку от Бульвара Разбитых Грез.

- Я не знаю... - ноет Крисси.

Перед ней обрыв, и она не видит за ним ничего, потому что ослеплена отчаянием и лекарствами.

- Это маленькое приключение. Маленькое путешествие в неведомое. А в путешествии не обойтись без опытного проводника. Позволь мне быть твоим проводником. Доверься мне. Я не

сделаю тебе ничего плохого.

Стаскиваю с нее трусики, обнажая густые черные заросли, резко контрастирующие с теми жидкими рвотно-желтыми волосьями. Кожа звенит, как будто в нее воткнулись сотни крохотных иголок, стены и мебель обретают новый, яркий цвет. Я укладываю ее на диван. Расстегиваю ремень, не обращая внимания на ядовитые испарения, и брюки сползают к коленям. Да, худею. У меня наготове два пояса, которые я достаю из-под дивана.

Один на шею ей, второй - мне. Запускаю палец в дырку - там уже лужа. Какая горячая. Клитор торчит, как шишка у Рэя Леннокса. Развожу ей ноги и забиваю клин. Мудохаться с резинкой смысла нет - она сказала, что в последние годы ни с кем, кроме Херли, не трахалась, а это почти то же самое, что остаться целкой. Продвигаюсь глубже и затягиваю ремень на ее тощей шее. Поршень ловит такт. Сейчас ты узнаешь настоящий стиль. Она приподнимается - как раз то, что надо.

- Ремень, - кричу я, добавляя ходу, - затяни мой ремень! Отключи мне газ!

Она тянет конец, но как-то слабо, а тем временем ее лицо наливается кровью, багровеет и искажается, будто в недовольной гримасе. Я продолжаю качать, и из нее вырывается крик:

- Ты... кх... кх-х-х... кхе-ех-х-х... ты меня... кхех-х-х... задушишь... кхых-х-х...

Хрипит и кхекает как старый драндулет, который никак не желает заводиться, что, если подумать, вполне соответствует действительности.

Насколько далеко надо зайти, чтобы стать таким, как тот парень с Саут-Сайд? Наступает ли в этой борьбе, борьбе за жизнь и вдох, такой момент, когда ты отчетливо осознаешь, что все, пиздец, что назад уже не вернуться? Что ты чувствуешь при этом?

- НУ ТАК ЗАДУШИ МЕНЯ НА ХУЙ! - ору я, задыхаясь и продолжая гонку, и в конце концов хватаю свой собственный ремень и отключаю газ себе, чтобы попасть туда, но она дергает тоже, и мне уже не хочется ничего, как только продолжать, усиливать давление, и она видит это в моих глазах, а я вижу в ее панику и добавляю, добавляю, добавляю...

Все. Отпускаю ремень, и она стягивает с шеи свой. Я вижу отметину на ее коже, вижу лопнувшие сосуды на веках. Она пытается вдохнуть, наполнить сухие, омертвевшие легкие воздухом; она плачет и смеется. Ей это нравится, нравится все, до последней капли и последней секунды. Так высоко она еще не взлетала, но и так далеко, как тот парень, не зашла. Он зашел слишком далеко, за горизонт. Я не смог его вернуть, как ни старался.

И как оно там?

Наше дыхание постепенно приходит в норму, мы ненадолго засыпаем. Проснувшись, я ощущаю в себе непреодолимое желание быть жестоким, которое, если не удовлетворить его вербально, приведет к тому, что я просто сломаю этой сучке челюсть.

- Ты корова, - холодно заявляю я, садясь и закуривая ее сигарету. - Ты корова, потому что я ебал тебя, потому что мы перекрывали друг другу кислород и потому что ты жена моего товарища. Знаешь, как это по-моему называется? Корова. К-О-Р-О-В-А.

Я произношу слово по буквам.

Она смотрит на меня умоляющими глазами, будто раненый олень, но меня этим не проймешь.

- Не говори так... почему ты... такой... почему... Почему? Потому что пришло время игры.

- Знаешь, почему ты корова? Знаешь почему? Потому что ты впускаешь нас сюда... - я показываю на черный кустик, - и сюда, - показываю на ее пустую голову, - и сюда, - показываю ей на грудь, - потому что это любовь. То, что было сейчас, это ерунда, игра. - Я качаю головой. - Небольшая проверочка, тест, и ты его не прошла. Провалила. По всем статьям...

Я беру прядь ее замасленных соломенных волос. Рот у нее растягивается вширь, и лицо как будто распухает, раздувается.

- Если ты так говоришь, - кричит она, - то как же мы будем дальше?

- Я хочу сказать, что тебе надо идти и хорошенько подумать о своих истинных чувствах. В противном случае... Буду откровенен, в этом ни хрена никакого смысла. Правила везде одинаковы. Ты сделаешь это, Крисси? Сделаешь это для меня? Потому что я не могу прочистить тебе голову. Только ты можешь сделать это, слушая, что говорит твое сердце. Хочешь просто потрахаться, - я похлопываю ладонью по ее животу, - нет проблем. Приходи - за мной не заржавеет. Но для меня в этом есть что-то низкое, что-то грязное, потому что я чувствую, что мы способны на большее.

- Я просто запуталась... ты меня запутал... - бормочет она.

Я медленно и печально качаю головой.

- Мы все запутались. А сейчас, я думаю, тебе надо уйти.

- Я хочу остаться с тобой, Брюс. Нам нужно поговорить! Я решительно качаю головой. У меня другие планы: поход

в клуб. Выпить пивка для расслабления, отдохнуть по-человечески. Пообщаться в цивилизованных рамках.

- Крисси, я сегодня работаю. Ночная смена. Я расследую убийство. У-Б-И-Й-С-Т-В-О. Для меня это серьезное дело. - Вижу, она ни хрена не понимает. Похоже, монетка не проскочила. - СЕРЬЕЗНОЕ. А это означает, что мне надо шевелиться. Не просиживать задницу на диване. РАБОТАТЬ. Вот так-то. Пора запить все доброй пинтой пива. Иду в «Ройял Скот», заказываю пинту, потом вызываю такси, чтобы ехать в клуб. Когда появится закон, запрещающий все это, вот тогда мы и поймем, что цивилизации пришел пиздец.

Мне нравится выходить из дому, гулять, бывать на людях. Я совсем не против того, чтобы посидеть с мамой, но иногда она бывает уж очень требовательной. Что ж, у каждого свой крест. Настоящая большая проблема в том, что мама так никогда и не приняла Брюса. Она временами такая странная. Может быть, не стоит так говорить о собственной матери, но что есть, то есть. Мне не по душе жить здесь, но от этого наше предстоящее воссоединение с Брюсом кажется только еще более волнующим.

И еще меня беспокоит Стейси. Она сейчас в таком возрасте...

Помню, как мы познакомились с Брюсом. Моя сестра Ширли встречалась с парнем из полиции. Если не ошибаюсь, его звали Дон. Однажды мы зашли в паб в Вест-Энде, и он познакомил нас с парнем, который приехал из Лондона. Мы с Брюсом, каждый из нас, только что пережили разрыв прежних отношений, а потому держались немного настороженно. Однако, даже увидев его впервые, я подумала: м-м-м-м... хм-м-м... Мы немного перебрали и в конце концов оказались у Дона. В такси Брюс смотрел на меня как-то странно, и я чувствовала: что-то происходит, чувствовала, что мы станем любовниками. Когда он заговаривал со мной, глаза у него горели... я была словно... Боже, я и сейчас, когда думаю об этом, не верю, что такое бывает. Мне хочется ласкать себя...

Но нет. Я сдерживаюсь и решаю прогуляться.

Улицы серы и пустынные, как и многие другие улицы в других городах этой страны. Ветер проходит через тебя, оставляя в тебе

часть своего холода, и в конце концов ты так немеешь, что даже перестаешь сознавать, что тебе плохо и неудобно. И люди: любопытные, сующие свой нос куда не надо, хищные, всегда готовые получить удовольствие от несчастья других. Один мужчина смотрит на меня. Я знаю этот тип. Мерзкий, уже немолодой, из тех, кто уже не делает этого со своей женой.

Забитые, подавленные люди. Они вызывают жалость. Их и нужно жалеть больше, чем кого-либо еще. Я знаю, потому что и сама была такой до встречи с Брюсом. Во многих отношениях я такой и осталась, хотя он и потрудился надо мной. Брюс понял, что я должна преодолеть себя, выйти из себя прежней. Именно этому и был посвящен наш секс-клуб.

Брюс знает, что все эти мелкие игры и флирт служат только одной цели: укрепляют настоящую любовь, заставляют познать ее истинную природу и постичь ее глубину и высоту.

Он сделал это ради меня, и у него получилось.

Теперь я другой человек.

Я лучше, чем была.

ЗАРАЖЕННЫЕ УЧАСТКИ

Ленивый уик-энд. В субботу вечером я изрядно набрался с Рэем Ленноксом, который отобрал у попрошайки чашку, выбросил ее в канаву и рассыпал подавание по тротуару. Ну и повеселились мы, глядя, как недоделок ползает, пытаясь собрать свои жалкие монетки. После этого я подал ему пару фунтов, просто так, нарочно, чтобы позлить Рэя. Ничего из этого не получилось, так что я быстро пожалел о выброшенных на ветер денежках. Пить я, однако, больше не стал, а потому и воскресное утро встретил без больной головы.

Воскресенье - день тихий.

Много размышлял о Кэрол. Я знаю, что она задумала. Она ведет очень, очень опасную игру и даже не понимает, во что влезла.

Будем надеяться, что она скоро образумится. Тогда всем будет лучше.

Просматриваю «Дейли Мейл» и вздрагиваю, увидев на фотографии кого-то знакомого. Снимок черно-бел...

Мать вашу!

Меня трясет от внезапно налетевшего приступа паники. Я чувствую себя так, словно некая психическая пружина в моем теле сначала сжалась до крайнего предела, а потом распрямилась, и вся моя жизненная сила устремляется к звездам. Она достигает края, стабилизируется. Я перевожу дыхание и снова смотрю в газету, пытаюсь различить хоть что-то в серой расплывчатости.

Успокаиваюсь - это не тот, кто я думал.

Это - я.

Старая фотография.

Старая фотография и новый заголовок.

ГЕРОЙСКИЙ ПОСТУПОК КОПА Брайан Скаллион

Мужчина, делавший рождественские покупки, трагически умер вчера на руках у своей жены, несмотря на отчаянные попытки спасти его, предпринятые случайно оказавшимся рядом полицейским.

ПОТЯСЕНЫ

Покупатели на Саут-Бридж были потрясены, когда менеджер по торговле Колин Сим (41 год) - давно имевший серьезные проблемы с сердцем - внезапно упал на городской улице. «Мы были в шоке. Он просто рухнул, - говорит миссис Джесси Ньюбиггин (67 лет). - Я как раз искала что-нибудь для внучки. Не могу поверить. Он был совсем еще молодым человеком». Ее дочь, Джун Пейтон (37 лет), проживающая в Армадейле, добавляет: «Ужасно, когда такое случается. Особенно перед Рождеством. Наводит на всякие мысли».

ГЕРОЙ

Пока Хизер Сим утешала своего умирающего супруга, один из находившихся в толпе людей предпринял драматическую, хотя и обреченную на неудачу попытку спасти умирающего - кстати, отца восьмилетнего мальчика - с помощью искусственного дыхания и непрямого массажа сердца.

«Этот парень настоящий герой, он сделал все возможное, - сказал Билли Гибсон (21 год). И добавил: - У меня не самое лучшее настроение, потому что я бездомный и мне приходится спать где попало, но увидев такое, начинаешь понимать, как тебе повезло. Теперь у меня будет счастливое Рождество».

ШОК

Мистер Сим умер на месте. В больнице мне сказали: «Это был

острый приступ. Никто бы ничего не смог сделать».

А вот что сказал герой-полицейский, детектив-сержант Брюс Робертсон:

«Я сделал, что смог, но он ушел от нас». Студентка Джанет Онслоу (19 лет) добавила:

«Думаю, мы все были потрясены. Только что ты здесь, а в следующий миг тебя уже нет».

И каково оно?

Лично мне после этого захотелось посмотреть порнушку, одну из тех, что дал Гектор Фермер. Потом я сходил на ленч и заглянул в бар «Ройял Скот», где хлебнул пивка и перечитал остальные газеты.

Что хорошо в «Ройял Скот», так это замечательный, дающий сухое тепло камин. После ростбифа и картофельного пюре с зеленью и соусом кислород уходит из мозгов, а звон посуды и жар огня действуют самым гипнотическим образом. В огне я вижу их, демонов; они насмешливо вьются в призрачном танце. Подношу кружку к губам, и иллюзия исчезает. Я опускаю кружку.

Вернувшись домой, принимаю несколько таблеток снотворного и через какой-то промежуток беспмятства - мне показалось, что прошло не более получаса - уже встречаю понедельник.

Снова понедельник. Из отупляющего сна меня выдергивает телефонный звонок. Звонит Гас. Хочет начать пораньше. Набирает побольше отгулов зимой, чтобы потом использовать их, когда погода позволит играть в гольф.

На автоответчике несколько сообщений от тех, кто успел прочитать «Мэйл».

- Это Крисси. Поздравляю, Брюс. Если понимаешь, о чем я. Позвони. Крисси.

- Молодец, Брюс... должно быть, тебе пришлось несладко. Блейдси.

- Брюс. Это Боб Тоул. Мне очень жаль, но ты все равно молодец.

- Горжусь тобой. Позвони. Ширли.

Что бы ни случилось, из всех героев... - напевает обкуренная Леннокс.

Иду в туалет и хорошенько мою и тру руки. Так трудно избавиться от всего этого дерьма. Даю моим черным брючатам возможность проветриться и надеваю коричневые. На них, правда, пятно от карри, но мне почти удастся оттереть его косметической салфеткой Стейси.

Выхожу. Надо почистить от снега ветровое стекло. В окне соседнего дома вижу Джули Стронак, которая пытается повесить игрушку на только что поставленную елку. Ее я бы тоже поставил! Зашла бы к соседу, и мы бы отлично потренировались. Я отлично вижу полные груди под обтягивающей белой тенниской. Джули замечает меня, я по-соседски приветливо машу рукой и показываю на бутылку с дефростером. Джули сочувственно улыбается.

Залезаю в машину, врубаю «Цеппелинов» и отправляюсь в управление на randevу с Гасом, который как раз выходит из своей тачки на служебной стоянке. Машу ему, и он садится рядом. Нос у Гаса красный от холода.

- Ты молодчина, Брюс. Наверное, это было ужасно.

- Парню не повезло больше.

Едем к Лейту и останавливаемся напротив цветочного магазинчика, в котором работает Эстелла. Разговариваем о том умершем парне, когда в магазин заходит - кто бы вы думали! - Горман.

- Вижу чужих, - с улыбкой сообщаю я Гасу.

Гас решает, что пока я веду наблюдение, он слетает к Кроуфорду.

- Две булочки с сосиской, одну с маслом, чипсы, ванильное пирожное и кофе.

Начинаю думать о граффити в туалете. Возвращается с добычей Гас, и мы сидим, ждем, пока выйдет Горман.

- Видишь ли, Гас, эта Карен Фултон с самого начала была не прочь порезвиться. В Саут-

Сайде ее называли форсированным движком. Эти сучки любят пораспинаться насчет равенства. Знаешь, как она вылезла из формы? Я тебе скажу: дала Тоулу. И сейчас ей все по херу, сидит там в административном отделе, где каждая вторая - лесбиянка. Подставила передок - получи повышение. А нам за то же самое - выговор. И это называется равенством?

Гас смеется.

- Вообще-то, Брюс, ты прав.

Мудак никогда не получит повышение - все ему надо разжевывать.

- Ты только не подумай, что я собираюсь подставить задницу Тоулу, - усмехаюсь я, - слишком дорого за шаг вверх, но принцип тот же. Возьми, к примеру, ту же Фултон. Эта заносчивая стерва теперь и знать не желает таких, как мы. Дает только начальству. А ведь были времена, когда стоило только подмигнуть, и она уже разводила ножки.

- Ты страшный человек, Брюс, - закашливается от смеха Гас.

Неплохой парень, но чуток туповат. У меня вдруг появляется неприятное чувство. Зря я упомянул при нем о Фултон и Тоуле. Может, он уже видел надпись в туалете. Если да, то я главный подозреваемый. К счастью, с соображалкой у Гаса не все в порядке, даже в узком полицейском смысле.

Надо отдать должное разьебаю Горману. Долбаному альбиносу хватило ума выйти из магазина через двадцать минут после того, как мы перекусили, и без всяких цветов.

- Никогда бы не подумал, что этот козел такой романтик, - с улыбкой говорю я.

- Бинго, - тихо шепчет старина Гас, в котором проснулся инстинкт полицейского.

Да, он, может, и не очень сообразительный, но зверя чует. Что есть, то не потеряешь.

Если наша работа чем и хороша, то вот этим: запахом крови. А еще лучше, когда добыча предстает в виде классной телки. Тогда одним ударом убиваешь двух зайцев.

Дожидаюсь, пока Горман отходит подальше, заваливаю в магазин и начинаю рассматривать цветочки, самый милый из которых тот, что за прилавком.

- Привет, Эстелла, - улыбаюсь я.

В магазине торчит еще какая-то старая гримза. Она вызывающе смотрит на Эстеллу, которая явно растерялась и даже слегка побледнела. Грымза поднимает брови и уходит в комнатку сзади.

- Как дела?

- Нормально, - говорит она, нервным жестом убирая с лица прядь волос.

- Странно, а я только что видел, как отсюда вышел какой-то парень. С пустыми руками. Что, ничего не нашел на свой вкус?

- Нет... - нерешительно роняет Эстелла, упорно избегая смотреть мне в глаза и делая вид, что занята уборкой.

- Кто это был?

- Не знаю, просто зашел... хотел взять букет... но передумал...

Тут из задней комнаты как по сигналу появляется гримза.

- Если собираешься весь день болтать со своими друзьями, то иди на улицу и не рассчитывай, что я оплачу тебе это время!

Эстелла, похоже, тоже предпочитает разговаривать не здесь, а в другом месте.

- Послушай, думаю, нам надо немного потолковать. Зайдем к Кроуфорду? Или поедем в управление? Так что?

- Ладно, - говорит она, выходит со мной и ежится, как будто ей холодно в комбинезоне.

Идем к Кроуфорду, и я на ходу подмигиваю Гасу, который все еще сидит в машине. Садимся.

- Угостить? - предлагаю я.

- Нет.

Она закуривает.

- Я ничего такого не сделала. Так, значит? Хорошо.

- Тратишь наше время, утаиваешь информацию, возможно, прикрываешь подозреваемого.

Так вот, слушай меня хорошенько. - Я тычу в нее пальцем. - Либо рассказываешь все, что знаешь, либо пойдешь под суд. Решать тебе. Если не хочешь шить мягкие игрушки в Корнтон-Вейл весь следующий год, то не играй в молчанку. У меня на тебя времени нет.

Похоже, дошло. Вижу. Девочка склоняет голову.

- Будешь сотрудничать?

- Послушайте, я знаю этого парня... по клубу. Его называют Упырем. Он был на одной из тех фотографий, что вы нам показывали в полиции. Заходит иногда потрепаться о том о сем. О клубе, о музыке.

- Такое вот общество любителей музыки, да? Мило. Она поднимает голову и в упор смотрит на меня.

- Нет, не так. Я знаю многих, и они просто приходят поговорить.

- И как часто тебя навещает этот?

- Ну, может, раз в две недели... по обстоятельствам. Да, эту сучку так просто не расколешь.

- Он был на дискотеке Джемми Джо в ночь убийства мистера Вури?

- Я не знаю... послушайте, я же не хожу туда каждый вечер. И не знаю, кто там бывает, а кто нет.

- Ведешь активную общественную жизнь. В этом цветочном магазине, должно быть, хорошо платят.

- Не ваше дело, - говорит она. Быстро же стерва пришла в себя. Тяжелый случай с этой куколкой. Она пристально смотрит на меня. - Я точно вас знаю... только не помню, где видела.

Ее голос звучит почти обвиняюще.

- Скоро узнаешь получше, это я тебе точно говорю. Мы с тебя глаз не спустим, Эстелла. С тебя и с твоего приятеля.

- Никакой он не мой приятель, - огрызается она.

- Надеюсь. Это в твоих же интересах. Ладно, возвращайся в магазин.

Я киваю в сторону двери. Она встает, но прежде чем уйти, смотрит на меня еще раз. Эту телку драть и драть. Задница у нее стоящая, даже под комбинезоном.

В штанах у меня уже играет музыка, поэтому я отправляюсь в сортир, захватив с собой «Сан», и дрочу на Тару из Портсмута, комбинируя фигуристую задницу Эстеллы с маленькими, но твердыми грудями Тары. Спускаю в рекордное время. Вытираю горящую дырку жесткой туалетной бумагой и расчесываю под яйцами. Надо зайти к Росси; что-то от его дурацкого крема никакого толку.

Возвращаюсь в машину и отвожу Гаса в управление. Потом еду к Росси под сборник Майкла Болтона, составленный мной самим. Первой идет «Как мне жить без тебя», и я с чувством подпеваю. Дальше следует болтоновская версия «Когда мужчина любит женщину», которая в десять раз лучше любого нигерского говна, так что к тому времени, когда я подкатываю к кабинету Росси и ставлю «вольво» на стоянке, настроение у меня уже намного лучше.

Они думают, что могут свалить Брюса Робертсона? Все эти недоделки, цветные и прочая шушера? Заебеться, недоноски!

- Я применял тот крем, что вы мне прописали, доктор Росси, но от него только хуже.

- М-м-м-м, - тянет доктор Росси. - Если вы спустите брюки...

Я подчиняюсь, гадая про себя: уж не извращенец ли этот ублюдок, что каждый раз

заставляет меня подставлять задницу. Росси. Ну конечно. Итальянец. Папист. Эти мудаки все пидеры. Потому-то в Ирландии и население не растет. Гребаные фении только и трахают друг друга в задницу. Понятно, что у Росси такая работа, но какое идеальное прикрытие для говнометателей.

- Да-да, зараженная область значительно увеличилась. Вся внутренняя поверхность бедер и мошонка... М-да. Вы, надеюсь, избегаете пищи с высоким содержанием жиров?

- А как же... - говорю я.

Слушать этих говнюков, так и с голоду помереть недолго.

- Что ж, думаю, надо сменить крем, - говорит он, выписывая новый рецепт. - Знаю, это трудно, но постарайтесь не расчесывать зараженный участок. Все это похоже... да, похоже на следы ногтей. И еще раз подчеркиваю важность соблюдения гигиены и регулярной смены белья. Носите хлопчатобумажные плавки, а еще лучше трусы, что способствует циркуляции воздуха.

Нужна хорошая стирка. Эта сучка бросила меня как специально, чтобы убить! Знает же, что я не умею обращаться с гребаной машиной. Да и нормальной еды не видел уже сто лет, ни ростбифа, ни чего другого. Когда мужчина любит женщину. Из-за этой суки я уехал в Австралию. А потом из-за нее же вернулся сюда. Когда мужчина любит эту гребаную женщину.

Проблема в том, что они не любят мужчин!

- Дело вот в чем, док. Ем я много, но вес все равно теряю... Вот и тревожусь... может, я что-то подцепил...

- Вы имеете в виду венерическое заболевание?

- Нет... ну, да...

- Меняете сексуальных партнеров? Улыбаюсь.

- Док, вы же сами понимаете... нормальные гетеросексуальные отношения...

Он смотрит на меня как-то странно.

- Мне нужен образец мочи. - Росси достает пластмассовую коробочку с крышкой. - И образец кала.

Таких извращенцев я еще не видел. Надо будет дать его номер Инглису.

- Это еще зачем? - холодно спрашиваю я.

- Принимая во внимание факт потери веса, можно предположить, что у вас глисты. Ленточный червь.

- И что дальше?

- Это безобидные паразиты, но избавиться от них довольно трудно.

Я встаю.

- Сейчас схожу в туалет.

- Не обязательно... - говорит он. - Когда будет время...

- Я уж лучше сейчас.

Выхожу. Иду в его сортир. В первую коробку заливаю мутного пивка, во вторую накладываю дерьма цвета карри. Ему нужны образцы - я дам ему образцы, мать его!

Оставляю доктору Росси свое говно и ссать и еду в город. Глисты. О таком и думать не хочется. Размышления прерываются звонком от Рэя. Колин Мосс поднялся наверх с вещмешком, так что ребята из отдела по наркотикам привезли собак-нюхачей и собираются прищучить всю компанию: Мосса, Ричардса и Аллана.

Дороги хуже некуда, и я дергаюсь за рулем, нервничая из-за того, что опоздаю к самому интересному. На хрен поиски тех, кто пришел цветного - вот она, настоящая полицейская работа. Ставлю на крышу «мигалку», включаю сирену и несусь по Лейт-Уок.

С ДОРОГИ, БЛЯДЬЕ!

К тому времени когда я прибываю на место, там уже собралась громадная толпа. Несколько

хмырей из многоэтажки сидят на скамейке, попивая пиво, подкрепляясь винищем и отпуская оскорбительные реплики в адрес двух сопливых недоделков в форме, уши одного из которых уже горят от холода и унижения. Еще несколько полицейских пытаются выставить оцепление и разогнать зрителей. Мое внимание привлекает что-то на земле. Подхожу ближе - похоже на останки какого-то животного, размазанные по тротуару. Что это было - понять трудно. Поднимаю голову и смотрю вверх - кажется, здесь не обошлось без нашей старой приятельницы, силы гравитации. Возможно, это была прошлогодняя модель, у которой стал вдруг чересчур тесноват ошейник, и ее выбросили, чтобы освободить место для грядущего рождественского щенка.

Замечаю Рэя, который с глуповато-растерянным видом рассказывает мне о том, что песик был наш - нюхач из группы захвата. Я уже предвкушаю ход событий. Кто теперь посочувствует этим миролюбивым, заботливым бездомным хиппарям-наркоманам! Они убили бедную собачку! Ха! Попались!

Рэй кивает в сторону собаководы, Джорджа Макки, который сидит прямо на тротуаре. Женщина в полицейской форме пытается его утешить. Я знаю Джорджа по Ложе.

- Брюс... - хнычет он. - Брюс, его больше нет... нет моего Педро... лучший нюхач... его больше нет...

Я наклоняюсь к нему.

- Что случилось, Джордж?

- Он нашел наркоту... они спрятали ее на кухне... Педро сорвался... спрятали наркоту в собачьих бисквитах... бедняга Педро и проглотил... - Джордж сам стонет, как раненый пес. - Бедняга Педро... совсем озверел... кинулся на меня. На меня! Понимаешь, Брюс? Я же его растил... взял еще щенком. Признаю, огрел дубинкой. Ради самозащиты... ох, Брюс, он просто выскочил в окно... лучшая ищейка... сиганул с четырнадцатого этажа...

Я отхожу к Рэю.

- Где Мосс? Ричардс? Аллан?

Рэй показывает на троицу вонючих ублюдков, которые с самодовольным видом усаживаются в «БМВ». За рулем сам Конрад Доналдсон, Кью-Си, королевский адвокат.

- Мы тут ничего не сделаем, Брюс, - говорит Рэй. - Послушай меня... - Он незаметно кивает в сторону дальней двери. - Это я облажался. У меня был пакетик с коксом. Я как раз собирался подбросить, когда гребаный пес вырвал наркоту прямо из руки. - Рэй показывает отметины от клыков на пальцах. - Джордж был в гостинной, а собака примчалась на кухню... Он ее отпустил...

- Что было в вещмешке у Мосса? Разве мы не можем прижать их к ногтю?

- Что там было? Гребаный рождественский пудинг. Я даже не стал отправлять его на анализ. Говнюк сразу позвонил Доналдсону, который прилетел на место через десять минут. Они чуть не подошли со смеху.

Рэй тоже ухмыляется, видя во всем случившемся и смешную сторону. Я - нет. Возвращаюсь в машину, кипя от злости.

Вечером иду выпить с Клеллом, который только и думает, что о своей новой работе.

- Отлично, Брюс. Наконец-то освободиться, уйти из отдела. - Он поднимает стакан. - У меня будет время подумать, что делать дальше, как жить. Проблема нашего отдела в том, что ты слишком изолирован от всего. Идешь как по рельсам, не сворачивая.

Он ставит ладони одна параллельно другой и изображает идущий по рельсам поезд.

- Да, времени у тебя будет сколько хочешь, - говорю я, - с этими овощами из дорожного.

Клелл пристально смотрит на меня. У него начинает подергиваться глаз. Похоже, я его расстроил.

- Но я так хочу, - вякает он.

Мудак думает, что все его проблемы останутся позади и что он утрет нам носы, если заполучит эту работенку для лежачих. Ошибочка. Нас не интересуют мелкие хлопоты некоего мистера Эндрю Клелланда.

Немного погодя извиняюсь и отправляюсь домой.

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Том Стронак, или Томми Стронак, как называли его, когда он в 1984-м прорвался в основной состав из молодежки «Хартс», числится моим типа другом благодаря тому, что живет по соседству. По большому счету отличился он только дважды: первый раз в 1988-м, когда принял участие в трех-голевом футбольном триллере в Белграде, где местные фанаты призывали своих побить Шотландию любой ценой. Потом последовало затишье, так что второй призыв в сборную на матч против Северной Ирландии пришелся на его ставший «лебединой песней» сезон 1990-1991-го. Тогда-то у него и появился шанс достичь чего-то значительного с «Эвертоном» или «Сандерлендом», которые делали предложения, отвергнутые «амбициозным» правлением клуба. В результате и Том, и правление остались без каких-либо трофеев. Конечно, недоумкам надо было взять деньги, потому что дальше Тому не светило уже ничего.

Дела по алиментам и установлению отцовства сказались на нем не лучшим образом, и в итоге Тому пришлось совершить унизительное нисхождение по социальной лестнице, перебравшись с третьей женой в Колинтон-Виллидж.

Парень он туповатый, единственное достоинство - пинать мяч, да и то не очень хорошо, но при этом имеет наглость думать, что это он оказывает честь профессиональному защитнику правопорядка, проживая с ним рядом.

Решил выйти на работу попозже, чтобы посмотреть по телевизору женскую гимнастику. Есть там одна киска, Тони Хэтч; если б ее показывали весь день, наверно, мозоли бы натер. Но вообще-то я сильно не вдавался; проснувшись, все никак не мог решить, что послушать из Майкла Шенкера - «Штурм» или «Рок не умрет». Сделав себе большую порцию жареной картошки, отказываюсь от обоих вариантов в пользу «Построено, чтобы уничтожить». Представляя себя в роли гитариста, мысленно составляю перечень женщин, которых я хотел бы низвести до состояния послушных секс-рабынь. На первом месте в списке Драммонд. Проверяю, что там по телику, и вижу какую-то дуру из Челмсфорда. Ты заставляешь меня ждать, Тони. Я не люблю ждать. После этого мне становится одиноко и грустно, а комментарий задыхающегося от восторга пиздобола только раздражает, так что я решаю поискать компании по соседству. Повсюду еще валяются воскресные газеты. Вижу то лицо. Вырываю страницу, комкаю и швыряю в огонь. Быстренько перечитываю заметку в «Санди Мэйл» по поводу субботнего фиаско - ноль-три - на Рэгби-Парк.

Хочется поскорее забыть жалкую игру гостей, в особенности Тома Стронака. Именно его неудачный пас назад дал Килли возможность забить решающий второй гол, после которого игра как состязание уже потеряла смысл.

Иду к соседу. Том дома, смотрит видеоподборку субботних матчей. Не зря же его постоянно называют «тонким ценителем игры». На языке таблоидов это ленивый мудака, протирающий штаны на диване перед телевизором.

На Томе спортивный костюм. Лицо обеспокоенное. Оно всегда обеспокоенное, если не откровенно тупое.

- Привет, Брюс, - говорит он. Я вхожу.

- Неплохо, Том, - говорю я, шаря по дому взглядом. Джули западает на дешевку, это у нее в крови. Никакого

воспитания. Прошлым летом развешивала свои трусики во дворе. Это, кстати, признак настоящей шлюхи: оставлять белье на веревке как пригласительную карточку. Приличные женщины пользуются сушилкой. На тиковом шкафчике замечаю симпатичную лампу. Белая с голубым, китайский фарфор.

- Симпатичная лампа.
- Да... Джули купила. М-м-м. Похоже на правду.
- Что за игра?

Я киваю на экран. Новейшая модель «Филипса», квадрофонический звук, тридцатидюймовый экран. Неплохо. Видел такой на днях у Тэнди. В центре, рядом с Кроуфордом.

- Евроспорт. Бельгийская лига. «Мехелен» с «Моленбеком». Ты только посмотри!

Том перематывает пленку назад - и точно, парень из «Мехелена» укладывает штуку метров с двадцати пяти. Ребята они, может, и скучноватые, но в футбол точно играть умеют.

- Вот бы и тебе такой заколотить в субботу, а, Том? - злорадствую я, стараясь придать голосу оттенок озабоченности и сочувствия. Том обиженно кривится. - В чем дело-то?

Он пожимает плечами, качает головой и жалобно мямлит:

- И не спрашивай, Брюс.

Я предусмотрительно меняю тему.

- Как насчет благотворительного матча? Все на мази?

- Ага! - Лицо Тома проясняется, в голосе нотки энтузиазма. - Перед праздником дело это нелегкое, но ребята из комитета поработали отлично. Вроде бы Кенни Далглиш приедет и даже на поле выйдет.

- Здорово, - говорю я. - Пару тысяч он точно притянет. Подхожу к полке с компакт-дисками, смотрю, что новенького. Вот оно, последний Фил Коллинз. Беру.

- Как?

- Отлично, - говорит Том. - Лучшее.

- Неужели? - недоверчиво спрашиваю я. - Лучше, чем «Номинальная стоимость» или «Пиджак не нужен»?

Мудила ни хрена не смыслит в музыке.

- Ну, - идет на попятную Том, - может, не лучше «Пиджака», но уж «Номинальной стоимости» точно не уступит и куда лучше, чем «Привет, мне пора» и «Ну, серьезно» и этого, последнего, как его?

- «Обе стороны», - подсказываю я. Это его хозяйка, с обеих сторон...

Свою музыку Стронак, наверное, знает. Знал бы и я, если бы целыми днями слушал это дерьмо.

- Ты ведь тоже попал в газеты, Брюс, - усмехается Том и, подобрав «Мэйл», показывает ту жуткую фотографию.

Меня передергивает.

- Угу...

- Страшно, должно быть... - Стронак качает головой. - Эй, ты посмотри! - Он снова кивает на экран. - Это же «Арсенал»! Гол Бергкампа...

Деннис Бергkamp принимает передачу от Рэя Парлора, обрабатывает мяч одним касанием, обманывает одного защитника, обходит второго и бьет мимо бросившегося ему навстречу голкипера. Один-ноль - впереди «Арсенал»...

Выпиваем со Стронаком пару банок - для прочистки головы, - и я отправляюсь домой. Надо посмотреть, что там у меня в штанах - снова зуд. Лучше не становится, только хуже. Может, Росси и прав, и все дело в жареной картошке. Расчесываю бедра и мошонку. Может, чертова сыпь - подарочек от какой-нибудь шлюхи. Может, у меня аллергия на жареную картошку. Скорее на сыр. С другой стороны, я же ем гребаный сыр. Бля, жру весь день, а все равно худею. Может, у меня что-то серьезное. Типа СПИДа. Нет, не может. Я же всегда осторожен. СПИД бывает только у педиков и наркоманов. Росси считает, что это глисты.

Что б им...

Что-то я сегодня слишком устал. Вторник вообще херовый день, а я к тому же перебираю со сверхурочными. Никогда не делай в понедельник или вторник то, что можно легко сделать в субботу или воскресенье. Такова моя философия. Беру с кровати покрывало, накрываюсь, ложусь на диван и потихоньку засыпаю, поглядывая на то, как Стивен Хендри разделяет

с Банти. Звоню Рэю Ленноксу, но его нет. Отправляться на весь вечер в Ложу нет желания, но я все-таки решаю выйти и выпить. Может, в этот волшебный час ночной и повезет с какой-нибудь одинокой шлюшкой. По дороге в город захожу в библиотеку, беру медицинский справочник и читаю о глистах. Жуть. У одного парня из задницы вытащили червяка в сорок футов длиной. После такого чтения без выпивки уже не обойтись.

В пабах пусто, будто все повымерли. Тот, что на Виктория-стрит, похож на морг. Было когда-то популярное заведение, так они потратили кучу бабок на модернизацию. И все, никто не идет. Они спускают еще столько же на реставрацию, но делают так, как по их представлению должен выглядеть традиционный бар. Получается совсем не то, что было раньше. Народ все равно не прет.

Думаю об Амстердаме, и тут меня осеняет. Звоню в Ложу нашему Великому Магистру Фрэнку Кроузьеру и прошу его подыграть мне и сказать раздолбаю Тоулу, что в Амстердаме на меня уже зарезервирован номер в отеле. Мы с Фрэнком не такие уж большие друзья. Он хочет, чтобы все продолжалось по старинке, с хаггисом на ужинах в честь Бернса. Я же чувствую, что нужны перемены. Так что голос его слегка отдает холодком. Зато Кроузьер ненавидит мудаков вроде Тоула, которые считают, что могут пользоваться Ложей так, как им выгодно кого-то в снукер. Для парня шанс разжиться серебришком, даже если это никакой не спорт, а так, развлечение для Микки-Мауса.

(мыслительная и двигательная активность начинают приносить дивиденды. Я столько всего узнаю о себе. Хотя узнавать особенно нечего. Я живу в кишечнике Хозяина. У меня продолговатое тело, искусно приспособленное для существования именно в данной среде. При этом - вот, ирония - у меня отсутствует пищеварительный тракт. Я ем, перевариваю и выбрасываю экскременты - унылая жизнь. Честно говоря, ничего интересного здесь нет. Так что, может быть и не стоит тратить время на размышления и постижения окружающего? Вместе с тем Хозяин будоражил мое воображение. Какую интересную в отличие от меня жизнь ведешь ты! Я же, как примитивный организм, ограничен рамками однообразного, отупляющего ритуала. Если бы не мыслительный процесс, жизнь не имела бы права называться таковой. Так что мне не остается ничего другого, как только пробираться через проглоченную Хозяином пищу, осваиваться, получать информацию. И для всего этого я должен есть, есть и есть. есть есть есть есть есть есть есть есть есть)

без меня там добились большого прогресса. Окки, эта вонючая крыса, словно исчез с лица земли, а от Рэя Леннокса помощи хрен дождешься. Утром опять начал ныть, как ему тяжело, как он задолбался следить за своими долбаными хиппи. И чего время зря терять? Большие парни наводнили город наркотой, а три четверти из тех, кого мы задерживаем, это упертые наркоманы или студенты со щепоткой хаша или парой «колес» для приятелей. Тем не менее в том, что мы делаем, есть определенный смысл: по крайней мере мы держим это мудацье в постоянном страхе, не даем расслабиться и забыть, что мир создан не для них, а для нас. После погрома на квартире им придется вести себя поосторожнее. Но мы все равно их достанем.

А в общем вывод ясен: повесить что-то на Гормана я могу только с помощью этой телки Эстеллы и ее подружки Сильвии. Я знаю, что он был в клубе(есть, есть)это доказать. Я проезжаю(есть, есть)с шикарными(есть, есть)под, наблюдение полиции.(Спасибо)Столько

горючего...ту сучку. Врубаю «Форинер». Всякий, у кого нет альбома «Агент-provокатор», на мой взгляд, просто дерьмовый хлам и полный мусор, хотя вообще-то «Внутренняя информация» еще покруче будет. Дело свое делает, мозги от паутины прочищает. Особенно сингл «Хочу узнать, что такое любовь». Другой такой баллады нет ни у кого и...

...ты же знаешь, мне нужно время... ...чтобы обдумать все еще раз...

Еду в управление, точнее, в столовку. Тоул на месте и, похоже, в неплохом расположении духа. Вид у него довольный, как у домохозяйки, только что услышавшей последнюю сплетню, однако, увидев меня, он сразу становится серьезнее, выходит мне навстречу и кладет руку на плечо. Я быстро оглядываюсь по сторонам, надеясь, что никто ничего не заметил, и, к своему огорчению, вижу Гиллмана, физиономия которого на моих глазах превращается в безжалостно-суровую маску презрения.

- Какая неприятность, - с сочувствием говорит Тоул.

Я и не знал, что Тоул следит за футболом, и только собираюсь отпустить пару критических замечаний в адрес Тома Стронака, как до меня доходит, что он имеет в виду того парня, которого я пытался откатать.

Каково, а?

- Спасибо, Боб, - киваю я, думая о том, что было бы неплохо поговорить с ним именно сейчас, после ленча.

Сегодняшняя уступчивость Тоула мне на руку, и результатом разговора может стать положительное решение вопроса о моем зимнем отпуске. Если этого не произойдет, то поход к зануде окажется большой ошибкой. Карри выглядел неплохо, но оказался безвкусным и каким-то диетическим. Тем не менее я его съел, а потом добавил булочку с сосиской, которая неплохо пошла с перцем и соусом.

Некстати попадаюсь на глаза Аманде Драммонд и Карен Фултон, которые тащатся к моему столу со своими салатиками. Какой может быть салат в такое время года? Понятно, Фултон хочет скинуть пару фунтов, но Драммонд-то скидывать нечего. Этой оглобле и в душе, наверно, приходится вертеться, чтобы попасть под струю. Хотя, с другой стороны, о костлявых много всякого рассказывают.

- Это, наверное, было ужасно, Брюс, - говорит Драммонд, качая головой. Потом с самым серьезным видом смотрит на меня и спрашивает: - Вы в порядке?

Я киваю и разделяваю булочку пополам. Фултон несмело и сочувственно улыбается.

- Если хотите, давайте поговорим, - бормочет Драммонд. Ну конечно. С тобой? Вот будет праздник. Только не притворяйся, что тебе есть дело до старины Брюса Робертсона.

- Да, должен сказать, случай не из самых приятных, - сухо констатирую я, - но шоу должно продолжаться. Мне нужно навестить нашего доброго друга мистера Роберта Тоула. Так что, леди, прошу извинить.

Я киваю, поднимаюсь и ухожу.

Надо почаще спасать людей. Похоже, это не такой уж плохой способ привлекать сучек.

Однако пора идти наверх, к Тоулу. Вхожу без стука и, похоже, застаю мудака врасплох - он бросает на меня раздраженный взгляд и незаметно тычет пальцем в клавишу компьютера. Опять занимался своим долбаным сценарием, а теперь переключился на какой-нибудь организационный документ или что-то в этом роде. Рисковый, сволочь.

- Брюс... Брюс... Э-э, как продвигается расследование? - спрашивает он, приходя в себя.

- Думаю, в принципе все ясно, Боб. В том месте видели Гормана и Сеттерингтона. Я точно знаю, что они были в клубе. Горман состоит в весьма близких отношениях с Эстеллой Дэвидсон. Гас ведет за ней наблюдение. Сети раскинуты, осталось только подождать, когда рыбка сама в них заплывет.

- Да, политической трескотни стало меньше, пресса потеряла к убийству интерес и начальство уже не так нервничает. Хорошо, что мы не запаниковали. Кому он нужен, негритос, верно?

Тоул хмыкает и качает головой.

- Верно, - без всякого выражения говорю я. С Тоулом надо быть начеку; может, он просто решил посмотреть, как яотреагирую. Ну нет, на эту уловку меня не взять. - Боб, я пришел по делу. Знаю, вы хотите временно отменить все отпуска, но я просто свалюсь, если не отдохну. А уж чего мне никак не хочется, так это пойти по стопам Басби. Тот случай в субботу, он совсем меня доконал.

Я только что не умоляю. Как же мне нравится этот голубой цвет, в который выкрашены стены в кабинете Тоула. Из-за него здесь всегда как-то холодно. И еще запах. Несвежий запах табака, словно въевшийся в одежду и кожу Тоула. То есть против сигарет я вообще-то ничего не имею, но этот мудака...

- Ладно, Брюс, ладно. Я санкционирую предоставление отпуска по особым обстоятельствам. Но только в вашем случае. С учетом особых обстоятельств. - Тоул выжидающе смотрит на меня, как будто в надежде на некий отклик. И, разумеется, безрезультатно. - Только прежде проинструктируйте всех, кто занят в расследовании. Надо, чтобы с делом закончили в ваше отсутствие. - Он снова переходит на высокомерно-официальный тон, как будто я не знаю, что именно заставило придурка сделаться поговорчивее. Эврика! Тот совсем коротенький разговор с Великим Магистром Фрэнком Кроузьером дал-таки результат. Фрэнк ввел его в курс дела. Заставил взглянуть на вещи с другой точки зрения.

- Спасибо, Боб. Ценю и благодарен.

Тоул расклад знает. И Ниддри тоже надо бы поторопиться с моим назначением. Это моя работа. Йо-хо-ха! Сначала праздник, а за ним и назначение. А самое главное: тупой корове Кэрол следует поторопиться, чтобы получить местечко на Звездолете Брюса Робертсона. Тем более что мест на кораблике может и не хватить на всех желающих. Seriously, вы только посмотрите, как эти шлюшки выстраиваются ко мне в очередь.

Звоню Блейдси, чтобы сообщить, что все на мази, а потом еду в турагентство на Лотиан-роуд, которое специализируется на таких вот горячих заказах. Слушаю дебютный альбом Кертиса Стайгерса, сильно уступающий его классическим синглам «Хочу знать, почему» и «Мне важна только ты». Аккуратненькая пташка с хохолком из черных колечек вместо волос быстренько все оформляет, и единственное облако на горизонте - это то, что все прямые рейсы забиты и нам придется лететь с пересадкой в Брюсселе. Девочка сообщает, что никогда не была в Амстердаме.

- Может быть, как-нибудь захвачу вас с собой, - улыбаюсь я, потирая щетинистый подбородок.

Она напряженно-безрадостно улыбается в ответ. К тому времени когда я выхожу с билетами, снова начинает идти снег. Под башмаками поскрипывает. Забираюсь в машину и отправляюсь в Ист-Энд. Паркуюсь на Гэйфилд-сквер, возле местной тюрьмы, покупаю цыпленка в «Глубоком море» и жадно съедаю его на ходу. Потом захожу в «Мазерс» выпить кружечку пива. После третьей пинты решаю, что возвращаться в гадюшник сегодня уже не имеет смысла.

Еще раз звоню Блейдси на работу и сообщаю, что билеты у меня. Может, позвонить Банти? Подумав, решаю, что не стоит напрягать телку перед отъездом, а то она еще чего доброго возьмется за него всерьез и испортит нам вечер. Блейдси мнется, но я говорю, что, если он трахнет кого-то на стороне (шансов мало), это добавит ему привлекательности в глазах Банти. Если бы так оно и было, хрен бы я ему что сказал. Точно. Разговариваю с ним, как последний

мудак.

Встречаемся с Блейдси в «Гилфорде», пропускаем по пиву и берем курс па индийский ресторанчик. Блейдси заказывает цыпленка - самое то для такого педика, как он, - я же беру говяжье виндалу. Плевать на все - живешь только один раз.

Потом тянемся в «Риц», где как раз сегодня вечер для разведенных и разлученных. Ясно, что туда припрутся все, кому уже деваться некуда. Так и есть - сгрудились в кучку вокруг своих сумочек ч отрываются под Билли Джоэла. Вроде бы и смотреть не на что - напряженные, ножки-спички, сухие вялые шеи, но Брюс Робертсон не привередлив, для него все - мясо, и жилы и вырезка. Главное, чтобы с кровью.

Садимся рядом с двумя вешалками, а те уже готовы - стоило только предложить выпить. У маленькой и темненькой вид угрюмый, сразу ясно, кто ей жизнь испортил. Косит под лесбиянку. Может, встретила где-то на жизненном пути уголовного типа и хлебнула с ним всякого, по кто виноват, если ни мозгов, ни характера не хватило найти получше.

Горькой правды такие но приемлют, а потому часто превращаются в лесбиянок. Зато вторая, рыженькая, поразвлеклась, похоже, не против.

- Как зовут?

- Мишель.

- И откуда же вы, Мишель?

- Из Киркалди.

- Так вы Мишель из Файфа? - спрашиваю я. Тупая телка хихикает, рыгает и прикрывает рот ладонью. Нализалась уже по самое не могу. А вот ее приятельница на шуточки не откликается. Да, Блейдси тут не светит. - Так вы Мишель Файффер? А ваша спутница? Она не Деми Мур?

- Нет, - говорит мрачная стерва.

Рыженькая снова хихикает. Женщины, приходящие сюда, практически ничем от проституток не отличаются, разве что деталями.

- Вы похожи на Деми Мур, - кричу я, но моя лесть бессильна против ее лесбийской суровости.

Блейдси пытается разговорить ее, но только выставляет себя придурком, что вполне соответствует действительности. Я решаю заняться рыженькой.

- Не хотите сходить куда-нибудь? Нормально поужинать?

- Извините, нет. Она качает головой.

- Давайте, могли бы приятно провести время, - настаиваю я. - Что у вас в программе?

- Послушайте, мы просто пришли сюда посидеть и немного выпить, ясно?

- О да, - презрительно говорю я, оглядывая эту мясную лавку. - Самое подходящее местечко, чтобы просто посидеть.

Она хмурится и отворачивается к приятельнице. Сидим. Распиздяй Блейдси треплется с обеими. Все, что я слышу, это «вообще-то да» и «вообще-то нет».

Встаю и иду в бар посмотреть, пет ли там какой одиночки. По пути подмигиваю девчонке с каштановыми волосами и в зеленом платье, но та кривит рожу, как будто увидела что-то гадкое. Отправляюсь в бар. Не мешало бы немного подзаправиться.

В баре торчит парень, похожий на отца Джека из «Отца Теда», и с ним совсем юная, смахивающая на иностранку пташка.

Интересно, во сколько она обошлась этому грязному старперу. Мысли перескакивают на Кэрл; ей бы надо быть поосторожнее. В наши дни старые модели так легко заменяются более современными, восточными. В какой-то воскресной газете писали про одного мудака из правления электрической компании, который заменил свою старушку-развалюшку на новенькую, первоклассную телку. При этом необязательно шуршать «зеленью»; в некоторых

случаях вполне можно обойтись колечком или билетом на самолет. Конечно, к тому времени когда позолота с колечка сотрется, ее уже не будет, но дело-то сделано, ты ею попользовался. Пташка с отцом Джеком свое дело знает; воркует, распускает перышки, продает иллюзию заодно с сексом. За такое платят куда больше. Виртуальная реальность? Богатеньким ее хватает на годы.

Блейдси все еще треплется. Возвращаюсь и беру его за локоть.

- Блейдси, старина, на пару слов...

- Что случилось, Брюс? - Он улыбается. - Хорошие девочки, а?

- Будь с ними поосторожнее. Мне кажется, я их знаю. И знаю их дружков. Мусор. Подонки.

Шваль. Если просекут, что ты с ними болтаешь, у тебя возникнут проблемы.

- Ты серьезно? Но они же...

- Говорю тебе, приятель. Держись от них подальше. После этого интерес у Блейдси заметно слабеет. Телки идут

танцевать и неуклюже толкуются вокруг своих сумочек.

- Брюс. - Язык у него уже заплетается. - Ты не будешь против, если я задам тебе личный вопрос?

- Валяй, - резко бросаю я, давая понять, чтобы на многое не рассчитывал.

- Почему ты пошел работать в полицию?

- Почему я пошел работать в полицию? - повторяю я. - Наверно, потому что в детстве видел, как ведут себя полицейские, как они могут согнуть любого. Вот и решил, что тоже хочу так.

Я улыбаюсь.

Блейдси всегда держит деньги в кармане пальто. Дождавшись, когда он идет в сортир, я вытаскиваю его бумажник и забираю большую часть из двух сотен, которые он снял с карточки в начале вечера. Потом быстренько кладу бумажник на место и возвращаюсь в бар.

А вот и Блейдси. Мы выходим на улицу. Мокро. Холодно. Губы стынут на ветру, а ботинки, кажется, дали течь. Впереди по дороге бредут две бесхозные телки. С виду совсем еще малолетки, но, может, клюнута на деньги. Короче, попробовать стоит.

- Эй, девочки! - кричу я. - Как дела? Оборачиваются. Одна совсем даже ничего. А вот Блейдси

снова не повезло

- Ничего, - настороженно, но и с многообещающей живостью говорит первая.

Я тут же решаю снять ее: рост пять и пять, волосы темные, с челкой, маленький вздернутый носик, блестящие губки. То, что киска охотно идет на контакт, уже хороший знак.

- Куда собрались?

- Не знаем... хотели сходить в «Джемми Джо».

Она неторопливо, будто прицениваясь, окидывает меня похотливым взглядом. Намерения ясны, трусики уже дымятся, так что тут не до игр.

- Звучит неплохо. А как насчет немного перекусить? Кто-нибудь желает карри? Мы приглашаем. - Я киваю в сторону молчаливого Блейдси. - Нас двое.

- Э... Брюс... я не голоден... мы ведь только что...

- Не жмись, Блейдси. Неужели не проглотишь еще чуть-чуть? Идем в "Балти-Хаус". Одно из тех дешевых заведений, где

постоянно сшивается всякая грязь. Трезвому там делать вообще нечего.

Маленькая откровенно напрашивается на палку, только что трусики не горят. Каждое мое слово встречается смехом, ответные реплики становятся все бесстыднее. Так бы сидел всю ночь и смотрел как она отправляет здешнюю жратву в свой накрашенный ротик. Так бы и сидел да только не сидится. А киска распеэживается насчет курсов, на которые она ходит, и насчет того,

как ей хочется открыть ресторан. Ее подружка больше помалкивает, хотя Блейдси, как обычно, выставляет себя полным ослом со всеми этими ахами и охами. А вот у моей рот не закрывается: девочка хочет приключений.

Наконец я подзываю официанта и требую счет. И вот тут брата Блейдси поджидает неприятный сюрприз.

- Я... я... даже не верится... мой бумажник... в нем ничего нет... я... мне...

- Ладно, Клифф, хватит придуриваться, не дамам же расплачиваться!

- Нет... я...

Мрачная сучка корчит рожу, но вторая, темненькая - ее зовут Аннализа, - говорит:

- У меня есть деньги...

- Об этом не может быть и речи, - протестую я, достаю то, что лежало в бумажнике у Блейдси, и демонстративно расплачиваюсь.

- Извини... - бормочет Блейдси, - мне так жаль... я... Пока телки одеваются, я наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

- Я же предупреждал тебя в «Рице» насчет этих сучек. Хуй - совсем не обязательный атрибут преступного элемента. А сейчас они, может, уже попивают «Теннентс» и «Бэбишем» в какой-нибудь забегаловке на Лейте и вспоминают добрым словом щедрого брата Клифффорда Блейдса. - Я тычу в него пальцем, приставляю ладони к голове и кричу, подражая ослу: - Иа-а-а! Иа-а-а-а!

Отвожу домой ту, угрюмую, потом подбрасываю Блейдси, который слишком убит случившимся и уже ни о чем больше не думает, и остаюсь с Аннализой. Сворачиваю на какую-то пустынную дорогу.

- Куда едем? - спрашивает она.

В голосе тревога, но пока ей еще интересно - приключение продолжается. Понятно, весь вечер кадриться и остаться ни с чем - кому ж такое приятно.

- Так короче, - говорю я, останавливаясь на заброшенной стоянке. - Знаешь, почему стоянки называют стоянками? Потому что на них можно в стояка.

- Что? - беспокойно спрашивает она, чувствуя, что уже не контролирует ситуацию.

- Ладно, киска, хватит дергаться. Давай ближе к делу. Или соси, или вали. Других вариантов нет.

Я подмигиваю.

- Но не здесь же, - угрюмо возражает она. - У тебя что, дома нет?

- Ты плохо слушаешь, Аннализа. - Я показываю на ухо. - У тебя два варианта: либо ты отсасываешь, либо идешь отсюда на своих двоих. Таково положение вещей.

- Ты женат? - спрашивает она, в упор глядя на меня. Не обращаю внимания и долблю свое.

- Ну так что?

Ночью в городе кого только не встретишь. Она благоразумно выбирает первый вариант, хотя и без большого желания.

- Ладно...

Снова пристально смотрит на меня, как будто ждет, что я скажу что-то еще. Я притягиваю ее к себе и заталкиваю ей в рот свой пропитанный виски язык. Она начинает отвечать, и у меня понемногу встает. Киваю на заднее сиденье.

Перебираемся туда. Она снимает один сапог, спускает толстые, теплые колготки и трусики и вытаскивает ногу. Прикидываю, стоит ли добираться до груди, но подержаться там, похоже, особенно не за что, так что решаю идти напрямиком к цели. Сую в дырку палец. Как и следовало ожидать, она уже готова - хоть по локоть засовывай.

Брюки и трусы ползут вниз, теплый воздух электропечи подхватывает поднимающиеся

запахи, придавая им особую резкость. У меня там все вспотело и чешется, и в какой-то момент я даже думаю, что ничего не получится. Не стоило возиться с этой чертовой резинкой. В конце концов после двух неудачных попыток, обусловленных пивом и нехваткой простора для маневра, мой усталый воин все же поднимается, но почти сразу же снова падает, успев совершить лишь несколько боевых

выпадов. Мешают колготки, мешает все. В таких условиях о затяжной ебле нечего и мечтать. С другой стороны, трезвый я бы на нее и не полез.

Аннализа достает из сумочки салфетку и тщательно вытирается, как будто не замечая, что я напялил хренов гондон. Что ж, сама хотела - сама и подтирай. Я стаскиваю презерватив и выбрасываю в окно. Она тем временем быстро подтягивает трусики и колготки и надевает сапог. Я тоже подтягиваю штаны, и мы без лишних слов перебираемся на передние сиденья.

Оба молчим, но я чувствую исходящее от нее недовольство. Везу ее домой. Брюс Робертсон был, есть и будет джентльменом до конца.

- Еще увидимся, куколка, - кричу я вслед фигуре в длинном пальто, стучащей каблучками по плитам Пилрига. Она не оборачивается.

ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Самолет. Питерс и Ли. Ленни Питерс был великом певцом авиации. Высоко надо мной пролетает реактивный лайнер. В небе радуга. Мне это все на хер не надо. Ненавижу самолеты. Сидишь, а вокруг ничего, кроме стерильности салона: чистота, порядок, будто все вылизано холодным языком. Так и хочется наполнить эту пустоту чем-нибудь, например, хорошим выхлопом отработанных газов. А этого добра у нас хватает, учитывая, сколько мы в себя залили перед посадкой.

И вот мы с Блейдси рассуждаем о сути и природе анального совокупления. Надо было мне ту рыженькую в жопу трахнуть. Только вот до ее задницы я бы точно сто лет добирался. Нет, надо было отвезти ее домой и сделать дело не торопясь, а так получилось хрен что. Впрочем, здесь есть другая рыбка. Это стюардесса, которую я бы точно отымел. Но Блейдси... Вместо того чтобы взглянуть на се попку, он разглядывает картинки в журнале! Мудак муذاком.

Проблема Блейдси в том, что он все пытается интеллектуализировать. А чего интеллектуализировать, если надо драть. Либо ты суешь хуй в дырку, либо нет.

- Гетеросексуальный анальный секс не обязательно предполагает наличие комплекса женоненавистничества, - шепчет Блейдси. - Это всего лишь ни к чему не обязывающий добровольный акт двух сторон. А то, что вкладывают в него люди, это их личное дело. Я читал в «Космо», что анальный секс доставляет удовольствие двадцати процентам гетеросексуальных пар, тогда как у гомосексуальных пар этот показатель достигает пятидесяти процентов...

- Да? - спрашиваю я. - Уж не хочешь ли ты мне сказать, что половина гомиков не трахают друг друга в задницу? По-моему, это полная чушь!

Блейдси начинает дергаться, ерзать и оглядываться по сторонам.

- Потихе, Роббо. Не говори так громко. Я же не высказываю собственное мнение, а только сообщаю, что написано в журнале.

- Послушай, Блейдси, я этому не верю. А насчет ниггеров с их рэп-лирикой и всей этой чушью про «птичек» и «свиней», так это благие пожелания. Не более того.

- Благие фантазии обездоленных? - усмехается Блейдси, сдвигая на нос очки.

Странный парень братец Блейдс.

Впрочем, здесь он на своем месте, потому что муذاков в салоне хватает. Пара таких придурков сидят перед нами: в одинаковых темно-синих костюмах и галстуках, с одинаковыми кейсами. Это ж какими надо быть пентюхами, чтобы так нарядиться!

Поворачиваюсь к Блейдси. У меня тоже попутчик упаси Господи. Но ничего не поделаешь, приходится довольствоваться тем, что есть. Надо попробовать расшевелить этого грустного клоуна.

- Гангстерский рэп - полная чушь. Какие, на хрен, гангстеры, это они только для прикола так выделяются. Настоящий бандит никогда не будет ошиваться на какой-то гребаной студии звукозаписи. Разве Аль Капоне шлялся по студиям? Хрена с два! Он занимался своими гангстерскими делами. Ты только подожди и сам увидишь, что будет, когда рэп дойдет до Шотландии. Каждый муذاк, побывавший два-три раза на Истер-роуд, когда там случались заварушки, объявит себя рэппером и начнет шлепать диски.

- Но у тех-то ребят в Америке, в которых стреляли, наверняка были какие-то связи с бандитами?

- Может, и были. Но на самом деле это мы, полицейские, те, кого называют свиньями, отстреливали черножопых ублюдков. Когда я служил в Мет, мы устраивали себе сезон охоты на цветных. То же самое в Новом Южном Уэльсе. Або и паки шли у нас за дичь. Если составить

список, кого укокошили больше, свиней или ниггеров, то второй получится куда как длиннее. А что до интересующей тебя темы, так я читал где-то, что белые пташки в десять раз чаще принимают в рот, чем черные. Так что все это дерьмовый ниггерский треп. Им бы, может, и хотелось, да только никто не берет.

- Если не считать на все согласных белых, - смеется Блейдси.

Парень меня достал.

- Да кому нужен черномазый? Кто на него посмотрит? Только последняя подстилка, у которой не все в порядке с головой, или больная...

- Но ты же пользовался услугами представительниц самых разных расовых групп, а, Роббо?
- шепчет Блейдси.

Подзываю стюардессу и заказываю еще виски. Кто пьет виски, у того червяки не заводятся. Выжигаем врага внутри.

- Да, я трахал блядей всех цветов кожи. Но это совсем другое, Блейдси; мы же ведем речь о неотъемлемом праве каждого находящегося за границей шотландца: ебать шлюх в жопу!

Я поднимаю стакан.

- Извините?

Голос сзади. Оборачиваюсь и вижу какого-то козла с напмаженными волосами и торчащими зубами.

- Что? - цежу я, глядя ему в глаза.

- Если вы намерены говорить о такой мерзости, то будьте любезны делать это не так громко. Вас могут услышать женщины и дети.

Он кивает в сторону девчушки с хитроватым взглядом и смущенной женушки.

Мерзость? Ладно, я покажу засранцу, что такое мерзость. Этот козлина еще не знает, что такое мерзость.

- Вы приказываете или просите? - спрашиваю я.

- Что?

- Терри.

Женщина тянет его за рукав.

- Э... Брюс... полагаю... - влезает Блейдси.

- Вы приказываете или просите? - медленно и со значением повторяю я.

- Я прошу вас... вежливо... но если вы не прекратите, то я позову стюардессу.

Я улыбаюсь и пожимаю плечами.

- Отлично. Извините, если мы вас каким-то образом оскорбили. Раз уж вы просите...

Поворачиваюсь и сжимаю подлокотник так, что даже пальцы белеют.

- Я ему покажу, этому пиздюку, - шепчу я, наклоняясь к Блейдси. - Попомни мое слово, брат Блейдс.

- Оставь его, Брюс...

Больше ничего интересного не происходит, и мы приземляемся в Брюсселе. Здесь нам с Блейдси надо убить час времени до пересадки на рейс в Шипол. Меняю немного мелочи и отправляюсь в бар, где беру пару пинт «Стеллы». С этими бельгийскими франками чувствуешь себя миллионером, но они того стоят.

Два придурка в костюмах, которые сидели впереди нас в самолете, уже тянут пиво.

И тут я замечаю зубастого мудака, того, который сделал мне замечание, Мистера Счастливого Семейство. Он один и держит путь в туалет. Я поднимаюсь.

- Ты куда? - немного встревоженно спрашивает Блейдси.

- По делам, - отвечаю я. Он качает головой.

Следую за мудилой в туалет. Кроме нас, там никого нет. Я даю ему поссать и стряхнуть,

потом встаю рядом. Он озадаченно смотрит на меня, потом, узнав, кривит физиономию.

- Вы... - Он фыркает и опускает руки. - Если ищите неприятностей...

Ишь какой ковбой. Мне это на руку.

- Уверяю вас, сэр, меньше всего мне нужны именно неприятности. Я лишь хочу объясниться. - Вытаскиваю удостоверение и быстро произношу: - Детектив-инспектор Брюс Робертсон, полиция Эдинбурга.

Все равно скоро буду инспектором.

- В чем дело?

В его голосе слышится нотка паники.

- Сэр, я разрываюсь между двумя противоречивыми желаниями: свернуть вам шею и пожать вам руку. Пожать руку, потому что я сам семейный человек и вы были совершенно правы, когда сделали мне замечание в самолете. Абсолютно с вами согласен, так разговаривать недопустимо. Свернуть же вам шею я хочу потому, что работаю сейчас под прикрытием в сотрудничестве с голландскими коллегами. В самолете я должен был привлечь к себе внимание двух мужчин, сидевших впереди. Вы знаете что-нибудь о детской порнографии, сэр?

Мудак кивает, хотя ничего и не понимает.

- Вам приходилось смотреть видеофильмы с участием детей?

- Нет... я...

- Когда несчастные дети исчезают с улиц британских городов, они проводят последние часы в мучениях, которым их подвергают на заброшенных складах в пустых амбарах. Все это снимается на видео для последующего распространения по Европе. Амстердам, Гамбург и так далее. Эти двое - порноторговцы, которые везут к месту назначения свой гнусный товар.

- Вы хотите сказать, те два джентльмена в костюмах... Я киваю с мрачным видом.

- Мы пытались войти в контакт с этими чудовищами, чтобы сорвать их операцию. Нам пришлось опуститься до обсуждения самых мерзких вещей, чтобы, так сказать, настроиться на их волну, привлечь их внимание. И они уже были готовы предложить нам свою грязную продукцию, когда вдруг на сцену вышел добропорядочный, но не догадывающийся о сути происходящего член общества...

- О Боже, что же я наделал, инспектор! Придурок виновато смотрит на меня.

- Скажу одно, вы определенно не посодействовали нам в проведении операции.

- Могу ли я сделать что-то? Как-то помочь?

- Сэр, я подошел к вам, чтобы как супруг и отец принести извинения за свое поведение в самолете, к которому был принужден силой обстоятельств. Я не собираюсь просить вас о какой-либо помощи в проведении полицейского расследования. Хочу, чтобы вы знали, как неприятно было мне произносить омерзительные слова в присутствии ваших жены и дочери, но если бы видели те видео, видели, каким унижениям подвергаются дети, как они страдают... Я прослужил в полиции много лет и знаю, что тех ублюдков надо прижать к ногтю. Я сделаю все возможное, чтобы достать их!

- А я хочу вам помочь. Пожалуйста, инспектор...

- Ну что ж... кое-что вы, возможно, и могли бы сделать... Хотя нет, это слишком... я не могу просить вас об этом...

- Я настаиваю! Мне следовало понять...

- Вы не могли ничего знать и никогда не узнали бы... Я качаю головой.

- Да, но из-за меня вы лишились прикрытия.

- Ничего непоправимого не произошло. Мы еще прижмем их.

- Да, а я хочу помочь!

Я поднимаю брови и тяжело вздыхаю. В туалет заходит еще один парень, поэтому я отвожу

своего собеседника в сторону и понижаю голос:

- Послушайте, сэр, вы кажетесь мне порядочным человеком и достойным гражданином, но дело связано с большим риском. Из-за случившегося в самолете я оказался в центре их внимания. Теперь придется вносить в план некоторые изменения. Сэр, я хочу, чтобы вы вошли в бар и спугнули этих мерзавцев. Скажите, что знаете, чем они занимаются, оскорбите их. Они всполошатся и начнут искать того, кто им поможет. Вот тут-то я и выступлю в роли друга и спасителя. Они будут разоблачены и потеряют бдительность. - Я мрачно улыбаюсь и смотрю в лицо своему новому другу. - Вы поняли, сэр?

- Не беспокойтесь, инспектор, я все понял. Эти подонки, эти твари получают от меня то, что заслужили.

Мы вместе идем в бар. Бизнесмены все еще выпивают. Отступаю к газетному киоску и наблюдаю за дальнейшим из-за угла. Мой недоумок подходит к столику и наклоняется к ним.

- Как бизнес? - спрашивает он.

- Что?

- Я спрашиваю у вас, пара грязных животных, как ваш мерзкий бизнес! Теперь ясно? - громогласно вопрошает недотепа. - Ну что? Я знаю, какую вы ведете игру!

- В чем дело? Что вам нужно? - обращается к нему один из бизнесменов.

Все начинают оглядываться.

- Мне известно, что вы затеяли, подлые мерзавцы! К нему подходит жена.

- Терри, - кричит она, - что случилось?

- Эти подонки, эти грязные, вонючие ублюдки...

- Понятия не имею, что он такое имеет в виду... мы бизнесмены...

- Вот как? И это вы называете бизнесом? Производство грязных видео? Бизнес? Порноторговцы! Педофилы!

Он оглядывается и тычет пальцем в ничего не понимающих придурков. Потом хватает одного из них за лацканы пиджака. Другой поднимается и толкает обидчика. Откуда ни возьмись появляются два секьюрити. Моего недоумка скручивают и, заведя руки за спину, уводят.

- Терри! - кричит жена.

Он оборачивается и, поймав мой взгляд, говорит:

- Спросите этого человека, он полицейский и все объяснит...

- Извините, - говорю я одному из охранников, - по-моему, у парня что-то с головой. Он еще в самолете на меня накинулся. Не иначе как свихнулся.

Я стучу по виску.

Секьюрити уводят протестующего клоуна, потрясенная жена следует за ним вместе с плачущим ребенком. Не понимая, что к чему, ко мне подходит Блейдси.

- На объяснения нет времени, брат Блейдси, - говорю я. - Нам пора на самолет до Амстердама. И знаешь, приятель, что-то здесь слишком много психов.

Регистрируемся в отеле «Кок-Сити», расположенном в Нью-вюдевурбургвале - втором амстердамском районе красных фонарей, удобном для тех, кто не хочет тащиться через Дам-рак. Но я не из ленивых, а потому ускользаю от Блейдси и отправляюсь на разведку. Серьезные дела надо делать в одиночку.

В туфлях холодно, особенно в моих, без шнурков, но при охоте на шлюх некогда возиться с ботинками на шнурках. Я шлепаю по мостовой вдоль канала и, несмотря на холод, чувствую приятное возбуждение.

Покупаю билет и захожу в кинотеатр. Зеленый свет гаснет, включается красный. Устраиваюсь поудобней. Фильм неплохой, какая-то фантастика про двух недоделков-пришельцев, занимающихся похищением школьников-девственников в каком-то американском городишке; они выкрадывают их из школ, с дискотек, со стоянок у торговых центров и т.д. и принуждают к лесбийскому сексу. Долгосрочный план коварных инопланетян заключается, разумеется, в том, чтобы свести роль мужчин к нулю и превратить Землю в планету лесбиянок, управляемую, понятное дело, ими самими. В игру вступают резвый детектив с командой секс-атлетов, миссия которых заключается в том, чтобы отвратить девчонок от греховных утех и наставить на путь истинный через силу своих детородных органов. В конце концов, перетравав всех школьников и вернув их таким образом в лоно гетеросексуальности, герой-детектив вступает в схватку с супермощными космическими лесбиянками. Его задача перетянуть их на сторону добра. Заканчивается история веселым хеппи-эндом для всех. Девочки из глубин космоса проникаются любовью к могучему петушку, но и коп признает, что лесбийские игры хороши для заводки при условии, что женщины привлекательны, а мужикам позволено присутствовать. В итоге они решают соединить силы и известить всех мужиков-гомосеков.

Правильный фильм и, что особенно приятно, политкорректный. Школьницы как на подбор горячие девчонки, да и инопланетянки свое дело знают туго. Меня так и тянуло сгонять вручную, но для серьезного дела нужен полный бак.

Иду по улице, высматриваю в витринах подходящую профессионалку. За Старой Кирхой попадают только толстые черные мамы, а меня это в данный момент не устраивает. Потом попадаю на другую улицу, где за окнами сплошь тайские девочки; у некоторых вытянутые сморщенные лица - видать, бывшие пареньки, сменившие пол. Но мне сейчас, после фильма, нужна настоящая, высшего сорта европейская шлюха. Причем блондинка.

Какой-то толстяк передо мной набивает брюхо чипсами с майонезом, и я думаю, что и мне не помешало бы подкрепиться углеводами перед предстоящей случкой. От лосьона на холодном ветру пощипывает лицо. Я хорошо выбрился в номере. Вообще «Кок-Сити» - идеальное место, где есть все необходимое, в том числе голландское кабельное телевидение с эротическим каналом. В любой другой стране за это пришлось бы платить дополнительно. Мать их! Мудаки-голландцы знают толк в жизни и имеют все, что им надо: секс, наркотики - все открыто, покупай - не хочу. А вот в Британии такое никогда не пройдет, потому что там слишком много угрюмых козлов, которые готовы все испортить. Здесь же ты как на каникулах. Сворачиваю на свою любимую улицу и едва не наталкиваюсь на толпу чумазных юнцов, громко обсуждающих то, что видят. Крикливый недоносок ведет переговоры с ангельского вида крошкой, которая устроила бы меня на все сто, и мне хочется проломить прыщавому череп и прямо с улицы нырнуть в комнату.

Иду дальше. Какая-то красотка улыбается и подмигивает мне, почти как инопланетянка в фильме, но я прохожу мимо - надо оценить весь товар. К тому же она чуть старовата и

толстовата для настоящей космической лесбиянки. Пожалуй, здесь становится слишком шумно. Завтра можно заглянуть в Пийп. Я узнал про это место в прошлом году от одного голландца: двадцать минут на трамвае от центра города; туда ходят местные, а местные всегда знают, где лучше.

Замечаю еще одну телку. Волосы у нее слишком темные, но я все же заночую се в файл на завтра. Здоровущая корова в жутком белье манит меня пальцем, но тут вдруг совсем рядом на улицу вываливает жирный кусок дерьма, а за ним возникает девочка с картинки. То, что мне и надо. Она возвращается в комнату и говорит:

- Одну минутку, пожалуйста.

Наверное, решила подмыться. Я совсем не против подождать - пусть уберет следы толстяка. Думаю о Блейдси, который сидит сейчас в номере или в итальянском ресторанишке, сам с собой, как изгой, что в общем соответствует действительности. А может, оседлал какую-нибудь жирную черную шлюху или лижет черный кожаный сапог новой хозяйки, подставляя тощую потную задницу под ее хлыст или другой какой инструмент.

Жаль, я не космонавт.

Девчушка приглашает меня в комнату: красный свет, красное покрывало на кровати и красный шезлонг. На стене - Подсолнухи» Ван Гога. Приятный штришок. Такая почти домашняя обстановка.

- Целовать вас я не могу, - улыбается она, - таковы правила.

Женщина усаживается на кровать, а я раздеваюсь - снимаю куртку, джемпер, рубашку, брюки - и кладу одежду на шезлонг. Она улыбается, откидывается на спину - получается весьма грациозно. Ласки ее ненавязчивы и легки, так что через пару минут я уже готов. Она натягивает сбрую на моего жеребца и разводит ноги - еще мгновение, и я принимаюсь за дело.

О'кей, крошка, давай запустим ракету на Уран.

Хороша. И подыгрывает классно. Без перебора, но так, что почти веришь. Для всех шлюх нужно ввести обязательный курс театрального мастерства. В нужный момент, когда я сливаю, она издает фантастический стон и с придыханием шепчет что-то вроде «о-о-о, это было прекрасно, милый».

- Заходи еще, - говорит она, пока я одеваюсь. - Ты здесь надолго?

- На несколько дней, - отвечаю я.

Да, хорошая шлюха, настоящая профессионалка. Контракт выполнен, так что притворяться нет нужды; даже в это время года уровень продаж достаточно высок, но у этой есть еще профессиональная гордость.

- Ну так приходи! Приходи еще! - смеется она.

- Приду, - улыбаюсь я и выхожу на шумную узкую улочку.

Только что был с женщиной - спокойной, тихой, классной, а теперь меня окружают суетливые, потные мужчины. Такое впечатление, что открыл дверь и попал из рая в ад. Холодно. Мостовая мокрая от дождя. А ведь вроде бы приехал с севера на юг. Черт, я здесь не ради погоды, а кроме того, верхом на шлюхе всегда тепло.

Я вдруг сталкиваюсь с группой тех же веселых монголоидов, которых видел здесь раньше. Незаметно и ловко бью одного локтем под ребра. Он хватает ртом воздух и складывается пополам, а я тем временем отваливаю в сторону. Слышу, как кто-то из его приятелей спрашивает: «В чем дело, Мик? Что случилось?» Но недоумок и сам ничего не соображает, так что я благополучно смываюсь, дрожа от возбуждения и удовольствия. Чувство, как на передовой. Так бывает, когда стоишь в пикете или ведешь игру по-крупному, когда в руке у тебя дубинка, на поясе бляха, а за спиной вся мощь государства, когда хочется колотить наглых крикливых подонков с большими ртами и развязными манерами, бить их, мочить, превращать в

кровавую кашу их мерзкие физиономии.

Мы живем в великом обществе.

Я ненавижу их, эту часть рабочего класса, которая не желает делать то, что им говорят: преступников, ниггеров, панков, забастовщиков, бандитов. Для меня они все одинаковы - всех надо давить. Да, может, я малость перебрал с этой чушью на счет передовой, но что я люблю и всегда буду любить, так это добрый старомодный разговор с каким-нибудь дерьмом в комнате для допросов: мы вдвоем и он один. Психологическая война куда как приятнее. Чем трудней их ломать, тем дороже победа. Ты снова там, где всем правит ИГРА.

Подкрепившись пивком и виски в соседнем баре, захожу к очередной шлюхе. Каждый из нас занимается своим делом: я качаю, она принимает. Хорошая девочка. Перед глазами все еще стоит образ космической красоты, так что кончаю я быстро. Одеваясь, спрашиваю, не хочет ли она сделать серьезные деньги.

- Я и так их делаю.

В голосе вызов, но в глазах вспыхивает жадный огонек, и мы договариваемся, что она придет в отель после окончания утренней смены. Не дешевая, конечно, штучка, тем более что я снимаю ее на день, но именно для покрытия таких вот расходов и существует сверхурочная работа. Что бы мы делали без формы ОТА 1-7!

Девочка учится в Амстердамском университете. Шесть лет высшего образования обеспечивает государство этим попрыгуньям. Она бы и не подрабатывала, да только вот растратила шестилетний грант, прыгая с английского на социологию, с социологии на философию, а потом еще и на киноведение. Вот бы и в наших университетах ввести то же самое: получила грант - будь добра отработать на спинке. Если подумать, некоторые этим и занимаются. Хорошая штука свободный рынок.

Поломавшись - мол, СПИД и у нее нет сверхпрочных презервативов, - сучка все-таки согласилась подставить задницу. А что в этих сверхпрочных почувствуешь? Ни хуя. Девица наклоняется над спинкой стула, и я получаю возможность оценить ее атлетическое сложение. Вижу напрягшиеся на ногах сухожилия, вижу голубые прожилки над высокими черными сапогами и чувствую, как пересыхают губы. Я готов врубаться в камень. Несмотря на хорошую смазку, входит туго. Но чем дальше, тем легче. Ей, судя по недовольному шипению, все это не очень нравится, она крутит задом, но, может, все как раз наоборот, и шипит сучка от невиданного наслаждения.

- Остановись, пожалуйста, подожди, - бормочет она и начинает менять позу, переносить вес с ноги на ногу, стараясь освободить внутри себя побольше места, а я возвращаюсь на планету Земля и снова посылаю разведывательный зонд для обнаружения там, внутри нее, признаков иной жизни.

Да... да... я ощущаю гребаную суперсучку как чужую, инородную жизнь в себе... нет, нет, нет, это та космическая лесбиянка, перетрававшая всю вселенную, но впервые напорвавшаяся на стальной хуй, и ей это нравится, она вертится, извивается... У-у-у-у-ух...

Я разряжаюсь прямо у нее в заднице, и она сжимает мой обмякший хуй, так что когда я его вытаскиваю, то резинка уже почти сползла, и на самом ее кончике темнеют крупинки дерьма. А вот жерло моего спермопулемета чисто как стеклышко.

Расплачиваюсь.

- Все, проваливай. Оставь меня в покос.

Падаю на кровать и мгновенно засыпаю. Просыпаюсь примерно через полчаса. Одиноко, настроение на нуле. Открываю мини-бар. Пропускаю пару стаканчиков виски и стучу в дверь Блейдси. Странно, его нет. Вот придуток. Решаю позвонить Банти и делаю это из телефонной будки на улице.

- Как дела, Банти?

- Убирайся!

- Скучаешь по мне? Я рассказал о тебе Мальшу Фрэнку. Он хочет полизать у тебя между ног. - Я понижаю голос и, задыхаясь, бормочу: - А я не хочу.

- ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ! - визжит она и швыряет трубку.

Возвращаюсь в отель, поднимаюсь в номер и смотрю мультяшный канал, тихонько посмеиваясь себе под нос. Немного расстроило то, что Банти не приняла к сведению мой совет и не захотела вступить в игру. Наверное, ей немного не по себе в одиночестве, без надежной опоры в лице супермена Блейдси.

Ха! Помяни черта... Слышу, как открывается дверь соседней комнаты.

- Как дела, Клиффорд? - Я улыбаюсь. - Отымел кого? Он застенчиво улыбается.

- Э... вообще-то нет. Был в Рийксмузее и видел «Ночной дозор» Рембрандта... потрясающая картина.

- И кто там кого оттягивает?

- Ну-у... это не фильм...

- Я знаю, что это! И знаю, кто такой сраный Рембрандт! - Я показываю на себя. - Да, знаю.

Наглый недоделок считает себя самым умным, а на самом деле ни хрена не петрит. Он просто пустышка. Большой ноль.

Мы выходим выпить, и тут я совершаю ошибку, позволив Блейдси позвонить Банти. Интересно было узнать, как подействовал на нее мой разговор. Плохой ход. Даже сидя в баре и видя лишь затылок и покрасневшую шею Блейдси, я понял, что допустил просчет.

Он возвращается совершенно разбитый и подавленный. Голос дрожит.

- Брюс... - Вдох. - Думаю, мне надо вернуться. Банти ужасно расстроена, ей опять звонили. Не следовало мне оставлять ее одну.

- Возвращаться? Нет, приятель, это невозможно. Мы же гуляем!

- Ей нужен номер телефона отеля. Она считает, что я в Скарборо. В общем, я вроде как пообещал вернуться.

- Ну уж на хер!

- Не знаю, как быть... Он опускает голову.

Ничего не поделаешь - я кладу руку ему на плечо.

- Вот что я тебе скажу, она испоганила всю твою жизнь.

- Что я ни делаю, все не так, - скулит он. - Когда я там, то только мешаю, а когда здесь, то получается, что не забочусь... а Крейг только и делает, что смотрит на меня как на врага и слушает это чертово техно. Скажи, Брюс, чего она от меня хочет? Что ей от меня надо?

- Послушай, Блейдси. Я твой друг, а друг всегда поддержит друга. Я скажу тебе, что нужно делать...

- Мне надо вернуться... - начинает он.

Я смотрю прямо в большие грустные глаза.

- Мы с тобой начинаем большую охоту на блядей. Ты заставишь своего жеребца показать, на что он способен. Мы за-

дадим им такого перца, что они еще долго будут вспоминать некоего Клиффорда Блейдса. А когда вернешься к себе домой, то первым делом устроишь ей хороший чес. - Я ухмыляюсь и показываю придурку средний палец. - Засадишь ей по самое не могу. И вот что я тебе скажу, приятель. К тому времени она так изведется, что ее губки расступятся перед тобой, как Красное море перед Моисеем. Будешь каждый день кидать ей по палке.

Я показываю, по какой именно палке, чтоб болван не перепутал.

- Ты действительно думаешь, что мне будет от этого какая-то польза?

- Правила везде одинаковые, - с видом знатока киваю я и поворачиваюсь к бармену. - Повтори, друг мой.

Хватит! Я не потерплю, чтобы этот прыщ, этот прибитый жизнью неудачник даже заикался о возвращении домой.

И СНОВА КЭРОЛ

Накрашивая глаза, я всегда чувствую, как просыпается тело. Наверное, правы те, кто говорит, что глаза - ворота души. А моя душа очень сексуальная. Невозможно противиться собственной природе. Этому научил меня Брюс. В такие моменты мне хочется трогать себя... Мне нравится ощущать прикосновение шелковой блузки.

Мне нравится...

Голова идет кругом. Как будто рядом Брюс. Скоро.

Пора. Я ухожу, мама.

Скажи Стейси, что я скоро вернусь.

Пока.

Бар такой большой. Идеальное место для наблюдения за людьми. Здесь много тихих уголков, где можно спрятаться, стать незаметной.

Сижу. Одна. Вспоминаю, как в первый раз увидела родителей Брюса. Они были хорошие люди и жили в шахтерском поселке в Мидлотиане. Все было хорошо, пока не появился этот искушитель Скаргил, из-за которого стали распадаться семьи, а люди повернулись друг против друга. Брюс не был на них в обиде, хотя они обошлись с ним очень жестоко и даже оттолкнули его, своего собственного сына. Вот чего добиваются эти люди: чтобы распались семьи. Им плевать, но, по-моему, когда у тебя нет семьи, у тебя нет ничего. И Брюс тоже так считает. Ужасно некстати, что Стейси произнесла те страшные слова, но мы не виним нашу девочку; все дети проходят через такую стадию, когда говорят всякие глупости. А что касается Стейси, то, на мой взгляд, она просто попала в нехорошую компанию в школе.

В любом случае выгляжу я на все сто; это видно хотя бы по тому, как пялится на меня парень за стойкой. Знаю, он чувствует то же самое. Что ж, смотри, но не трогай, приятель! У меня туфельки на каблуках, на мне та шелковая блузка и плиссированная юбка. Я ловлю свое отражение в зеркале. Неплохо, Кэрол. Неплохо.

Я знаю, о чем они думают: одинокая женщина в баре и все такое. Они думают, что я проститутка, что меня легко снять. Ну и пусть думают. Пусть думают, воображают, мечтают.

Они хотят меня.

Все эти мужчины, они хотят Кэрол Робертсон.

А получить меня может только один, хотя если он пожелает, чтобы я отдалась другому, я это сделаю, но только ради него. А он никогда не захочет, чтобы я досталась кому-то из тех, кто сидит в этом баре.

Я сделала то, что хотела, и теперь ухожу. Ухожу к дочери. Я хорошая мать и хорошая жена.

Все смотрят на меня, когда я иду к выходу. Я сделала, что хотела.

Я на улице. Что-то с глазами. Вывески, рекламы - все расплывается, как будто слова написаны на иностранном языке. Я не чувствую себя в безопасности здесь. Надо вернуться туда, где я чувствую себя в безопасности.

НОЧНОЙ ДОЗОР

Утро начинается с робкого стука в дверь - это Блейдси. Спрашивает, не хочу ли я спуститься и позавтракать.

- Да, неплохо бы, но вот что я тебе скажу, Блейдси: не собираюсь жрать это дерьмо, которое называется континентальным завтраком. Ветчина, сыр и булочки? Ну уж нет. На Хаарлемервеге есть британское кафе. Пошли туда.

Мы идем по Зингелю, чувствуя, как бодрящий ветерок срывает с лица утреннюю паутину. Заваливаем в «Барни брекфэст бар». Здесь полным-полно долбанных студентов и прочей швали с пустыми карманами, так что я с удовольствием помахиваю пачкой денег, делая заказ: бекон, яичница, сосиски, помидоры, грибы, кровяную колбасу, тосты и чай.

- Ты вчера сорвался в самоволку, - с легкой укоризной говорит Блейдси. - Встретил интересных дамочек?

- Да, вообще-то встретил. Одну шотландку в баре. Милая оказалась девочка.

- Не... ну, ты понимаешь... не ночная бабочка?

Я с превеликим раздражением и досадой смотрю на это горе луковое, которое каким-то нелепым образом просочилось в мою жизнь.

- Нет. Она не ночная бабочка. Неужели ты полагаешь, что я могу встречаться только с проститутками? Неужели ты действительно так думаешь?

- Нет... конечно, чет... что ты... - виновато бормочет он.

Сажусь на стул. Выпрямляю спину. Надо объяснить этому мудаку кое-что. Чтобы запомнил. Раз и навсегда.

- Ну так вот, послушай, что я тебе скажу, приятель: у меня баб было побольше, чем у тебя горячих обедов. И я имею в виду только стоящих баб. Первокласных. За примерами ходить недолго. Не думай, что если я порой по необходимости трахаю шлюх, то мне приходится им платить. Не думай так, - говорю я наглому раздолбаю.

- Извини, Брюс, ради Бога... я вовсе не хотел тебя обидеть. Ты не так меня понял. Я лишь предположил, исходя из того, что мы с тобой находимся в Амстердаме...

- Неверно предположил, - коротко обрываю я, сворачивая сигаретку с «травкой» и закуривая в ожидании заказа.

Завтракаем молча, а потом я ухожу, оставляя этого сучонка наедине с музеями и галереями. Мне нужно другое - порно и наркота.

Держу курс на квартал красных фонарей и торможу, когда хлипкого вида хуеплетишка шепчет:

- Видеошоу. Вам будет полезно... в познавательных целях...

Во мне поднимается возмущение. Какой-то членосос, торчащий на холоде и работающий за конфетку, думает, что может быть частью некоего полезного мне образовательного процесса. Останавливаюсь и медленно, оценивающе оглядываю его с головы до ног. Хлюпик начинает нервничать.

- Видеошоу, - с большей настороженностью повторяет он.

- И как? Есть на что посмотреть? Я перехожу в полицейский режим.

- Самое лучшее.

За его спиной табличка - 25 г.

- За двадцать пять гульденов другого и быть не должно. Иначе я вернусь сильно злой. Усек? Он вскидывает руки.

- Эй, приятель, остынь. Это же Амстердам. Лучшего ты нигде не увидишь.

- Будем надеяться.

Захожу и плачу двадцать пять гульденов рассеянно жующей жвачку шлюшке, которая наверняка и сама не прочь подставить передок и думает сейчас о том, что заработает куда больше вечером на спине. Место, куда я попал, больше похоже на старомодный кинотеатр, чем на зал для частного просмотра. Народу так себе, но ждать не приходится. Подрочить невозможно - кругом народ, но это не останавливает какого-то старпера, который достает свой инструмент и начинает гонять всухую над носовым платком. К моменту, когда на экране появляется первая актриса, похожая на Викторину Принсипл из «Далласа», и ее дерут в кабине лифта, делая остановки на этажах, два парня, мужик уже спускает. Стараюсь сосредоточиться на шоу, но качество «картинки» оставляет желать лучшего, да еще и стоны соседа отвлекают.

Действие тем временем продолжается на вечеринке в каком-то офисе, где все ебутся как кролики. Я думаю о том, кого отодрать на нашей рождественской вечеринке: для начала ту юную птичку из канцелярии, потом Фултон и, конечно, новенькую, любительницу больших размеров. На крайний случай, если уж дела пойдут совсем плохо, можно трахнуть и Драммонд. Рука сама собой тянется к набухающему в штанах кому, но после нескольких несмелых порывов я проявляю силу воли, стискиваю зубы и убираю руки прочь. Рано. Не стоит разряжать генератор по пустякам.

Побродив по нескольким порношопам, выясняю, что не могу найти ее, мою вчерашнюю девочку. У меня с собой ее трусики, они так и лежат в кармане. Но самой ее нет, как нет и никого на нее похожего. Меня охватывает разочарование, и от этого становится еще хуже. Решаю: надо выпить и поискать кого-нибудь абсолютно на нее не похожего. Новая тактика тут же приносит плоды, и улица, только что казавшаяся серой и унылой, предлагает бесконечное число возможностей.

Нахожу подходящую девочку. У нее рыжеватые волосы и испещренное оспинками лицо. Дальше все идет по уже привычному пути, только без вчерашнего обаяния. Она сообщает, что не может меня поцеловать, а меня так и тянет сказать: кому ты на хрен нужна с такой физиией. К тому же губы у меня посинели и сжались от холода. Она раздевается и пытается вдохнуть жизнь в мой обвисший хуй, но желание приходит только тогда, когда я смотрю на ее рыхлую кожу. Как и другие местные шлюхи, ей нет никакого дела ни до сыпи, ни до экземы, хотя, с учетом ее собственных проблем, могла бы проявить сочувствие.

Что мне нравится, так это их стоны, вздохи, все эти «о-о-о, бэби... м-м-м... да, да...» и прочая муть. Приятно, девочка имеет профессиональную гордость и не относится к делу спустя рукава. Определенно старый Амстердам - блядская столица мира. Но вот я кончаю в резинку, и она уже смотрит на меня как на пустое место, готовясь принять очередного клиента. Выхожу и иду перекусить.

Пиццерия представляет собой невзрачное заведение, которых хватает на Дамраке. Поев, возвращаюсь в номер, по-прежнему с трусиками в кармане. Они так и лежат там с прошлого вечера. Накрываю ими лицо и вдыхаю ее запах. Внезапно слышу громкие всхлипы и высокий, почти пронзительный стон. Здесь, в номере.

Я сбрасываю трусики, но в комнате никого нет. Кроме меня.

Следующее утро начинаю с захода в туалет. Посидев на напоминающем поднос унитаза, оставляю кучку, издающую сильную вонь, но не являющую ни малейших признаков наличия чужеродного монстра. И все же я знаю, что он там, во мне, ворочается и растет, выжидает свой час, как Артур Скаргил, обосновавшийся в здоровом теле британской политики восьмидесятых. Враг внутри.

Выхожу и навещаю еще двух проституток, тайку и черную. Черномазая смотрит на мои яйца так, словно никогда не видела белого мяса. А может, дело в сыпи. В этом отношении улучшений нет.

Только ухудшения.

Послеполуденная смена начинается с выпивки - «хайнекен» и «дженевер». Парень в баре предлагает кокаин. Хорошая штука. После него можешь пить как супермен. Хотя мне это ни к чему.

В другом баре беру бутылку «гролша» и вдруг замечаю, что у них есть пирожки с дурью. Пробую раз. Потом второй. Парень за стойкой советует быть поосторожней, но я только смеюсь и беру еще. В голове прилично шумит.

Догоняет уже на выходе, и тут мне становится совсем тошно.

Эти хиппари пытались меня отравить. Меня, гребаного полицейского. Натравлю на них голландскую полицию, чтобы прикрыли раздолбаев. Останавливаюсь, пошатываясь, у дороги. Переходить не хватает духу - со всех сторон мчатся трамваи, велосипедисты, а тут еще совсем близко канал, и я в таком состоянии... вот же сволочи эти голландцы...

...и почему только ЕЭС не прикроет эту лавочку...

Меня заносит в какой-то узкий переулок... я на кого-то натыкаюсь... кто-то кричит, но я продолжаю идти, словно в гребаном кошмаре, где ты не смеешь оглянуться. Возвращаюсь в отель. Блейдси лежит на кровати в своей комнате, смотрит телевизор. Иду в сортир, меня проносит, и теперь я вижу - там что-то есть. Смотреть не могу. Сижу, успокаиваюсь, потом иду к Блейдси.

Он лежит лицом к стене и бубнит, так что я слышу только голос, но плохо разбираю слова. Похоже, мой приятель в стельку пьян. Выясняется, что он встретил трех парней из Лондона, и они нарезались по полной. Мы треплемся о том о сем, пока речь не заходит о музыке. Я упоминаю, что мне нравятся «Мотаун», Марвин, «Смоки» и тому подобное; вернее, нравились, пока до меня не дошло, что держать дома музыку черножопых есть признак слабости, и тогда я выбросил все альбомы.

Голос Блейдси звучит в моей затуманенной голове высоким непрекращающимся писком.

- Как же это тебе, расисту, может нравиться «Мотаун»? - завывает он. - То есть, я хочу сказать, как ты можешь быть расистом и любить Марвина Гэя?

- Марвин Гэй не черный.

- Что ты говоришь?

- Для меня он не был черным. Черным был тот хер, который его убил. Вот он был гребаным ниггером.

- Но его же убил собственный отец!

- Да. Черный.

Я уже ничего не чувствую. Не чувствую, как встаю, как подхожу к нему, но чувствую, что хватаю Блейдси за горло, и слышу, как он кричит:

- Что ты делаешь, Брюс? Это же я! Я!

Я знаю, что это он, но хочу придушить придурка, выбить из него дерьмо, перекрыть ему кислород. Ради его же блага.

Всех не спасешь Парень на мосту Убивать легко

Почему же спасать так трудно Остановить их Остановить его

Стены дрожат от крика, и я выпускаю ее из рук... его шею... Ну, каково оно?

Когда я выхожу, он все еще лежит на кровати, потирая свою тощую гусиную шею и хватая ртом воздух.

Не могу поверить. Я напал на Блейдси. Моего приятеля. Моего спутника. Брата Блейдса. Товарища. Друга. Спускаюсь по узкой лесенке, прохожу мимо недовольного блондина за стойкой. Из-под фонарного столба мне улыбается потертая уличная сучка. Захожу в бар и заказываю «хайнекен». Из головы не выходит Блейдси, этот жалкий пришибленный мудака, которому так мало надо и который не понимает, какую злость пробуждают его отношение к жизни и манеры в нас, остальных, которым в этом мире никогда и ничего не бывает достаточно.

Сажусь на стул; в груди что-то стучит. Руки дрожат, в ушах звенят голоса, говорящие на непонятном языке, но по их тону ясно - ничего хорошего они не сулят.

Блейдси. Я должен вернуться к Блейдси.

Блейдси.

Чем дольше наша дружба, тем сильнее овладевает мной стремление унижить и уничтожить это жалкое создание. Он должен понять, кто он такой на самом деле. Должен почувствовать, осознать и признать свою неадекватность как представителя человеческой расы, а признав, совершить благородный жест и отказаться от членства в обществе людей. И я помогу ему.

Но сначала надо ширнуться.

- Ну ты и набрался вчера, брат Блейдси, - говорю я за завтраком трясущемуся, прячущему глаза Блейдси. Выглядит он ужасно, на лице и шее синяки.

- Я... я не помню... проснулся и чувствую... Он нерешительно умолкает.

- Зато я помню, - сухо замечаю я. - Вернулся в отель под кайфом, а тут ты, чуть живой. Еще бы, весь день развлекался с какими-то парнями из Лондона. В общем, тебя потянуло погулять...

Смотрю на него - слушает, опустив голову.

- Помнишь «Охотничий бар»?

- Не-а... не помню...

- У нас там вышла заварушка с немцами. Потом пришли в отель, и тут ты набросился на меня!

- Боже... ничего не помню... мне так жаль, Брюс! Я был совершенно пьян... я...

Поднимаю брови и неодобрительно качаю головой.

- Да уж точно.

Смотрю на этого несчастного, ничего не понимающего придурка и ухожу, оставляя его, совершенно пришибленного, один на один с горем. Изображаю из себя оскорбленного и отчаливаю за газетой.

Что хорошо в Амстердаме, так это то, что купить здесь «Сан» можно в то же время, когда ее начинают продавать в Британии. Надо только дойти до Центрального вокзала. Я купил «Сан», чтобы посмотреть футбольные новости. По привычке. Футбол - привычка. По-моему, для большинства мужчин футбол является заменителем секса; при том он не столь откровенно вульгарен, как регби, потому что в клубах регби, как всем известно, парни действительно дерут друг друга. Но там другой социальный класс, ведь регби занимаются богатенькие выскочки, выпускники школ для мальчиков. Впрочем, футбол от регби ушел недалеко. Если подумать, большинство ребят приходят в футбол, когда они еще слишком малы, чтобы поглядывать друг на друга. В футболе всегда можно определить, у кого из твоих приятелей нет никакой сексуальной жизни. Такие парни всегда немного слишком отдаются игре.

Впрочем, вообще-то я со всем этим психологическим анализом сам становлюсь похожим на Блейдси. Это ничтожество читает всякое дерьмо вроде «Индепендент» или «Гардиан». Я же по понедельникам всегда беру «Сан» - ради телок на третьей странице и колонки «Голы». Простые радости. Хотя сейчас мне особенно не до них. Здесь я слишком занят игрой в Роджера Мура, чтобы думать о футболе.

Тем не менее забредаю в бар - проанализировать результаты и таблицы - и с изумлением обнаруживаю, что Том Стронак отличился-таки в игре на Ист-Энд Парк, которая закончилась со счетом два - один. После этой победы мы вышли на третье место, обойдя фенианский сброд. Попрощайтесь с Европой, лейтовские пидеры. И вот оно черным по белому: Стронак (74 мин.). За соседним столиком какие-то скаусеры развернули «Миррор». Мне ливерпидеры никогда не нравились, от них прямо-таки воняет уголовщиной. Чувствуется ирландское влияние.

- Как только можно читать такое дерьмо, - говорит один из них, обращаясь ко мне.

- Легко, - улыбаюсь я.

- В Мерсисайде «Сан» читают только слабоумные придурки, - продолжает вещать этот любитель совать нос в чужие дела. - После Хиллсборо, после Балджера...

Меня так и тянет расхохотаться ему в лицо.

- Хотите, я расскажу вам кое-что про скаусеров? - предлагаю я.

- Нам про скаусеров рассказывать не надо, мы сами из Ливерпуля, приятель, - говорит он и

встает в полный рост.

- А это заметно, - насмешливо кричу я и тычу в него пальцем. - Все скаусеры - гомики и одеваются соответственно. Как будто из помойки вылезли. Им только в «Бруксайде» и сниматься. Против этого не поспоришь.

- Да у тебя с головой не в порядке, приятель, - резко бросает здоровяк и смотрит мне в глаза.

- Эй, парни, перестаньте, - примирительно говорит его товарищ.

- Что есть, то есть. Я пожимаю плечами.

- Хватит, Дерм, не заводись. - Тот, что поменьше, поворачивается ко мне. - Ладно, приятель, ты - Джок, мы из Ливерпуля. Все здесь по одним делам. - Он обтягивает красную футболку с цитатой из Билла Шенкли.

- Мы здесь не по одним делам. И ты меня с собой не равняй.

Я качаю головой.

- Послушай, мы здесь балуемся крэком, выпиваем... да какого хрена... Читай, что хочешь, приятель, мы же просто пошутили.

Парень сильно расстроен, и это хорошо, потому что ему есть от чего расстраиваться - из такого дерьма вылез. Но вот на меня злиться не стоило. Придурок уже давно должен был усвоить: нельзя стрелять в гонца, принесшего дурные вести.

- Вам, чтобы выбраться сюда, наверно, пришлось по чужим карманам шарить или побираться. Так уж у вас заведено.

Правила везде одинаковые. И я в отличие от вас говорю то, что думаю.

- Нам плевать, что ты там думаешь!

Рождество совсем близко. Санта Робертсон принес подарки. Дурные вести. Йо-хо-хо! Дурные вести!

- Пусть болтает.

- Я только хотел сказать, что, когда в Ливерпуле случается что-то плохое, вы, мудачье, охуеваете от радости. Для вас это только повод припереться с баннерами на футбол. Сидели бы лучше по домам и сопели себе в две дырки. Нет, вас же так и тянет все ополщить, устроить репетицию для «Бруксайда», показать, что вы самые несчастные.

- Это потому что мы не равнодушные. Потому что мы все держимся вместе! - кричит тот, что в футболке.

- Держитесь вместе? Ха! Да вы же только тем и занимаетесь, что целыми днями тащите друг у друга все, что под руку попадет. Кто у вас заодно, так это профессиональное ворье. Вы, недоделки, только рады, что нет работы, нет того, нет сего, потому для вас это повод разыграть трагедию, поплакаться, какие вы несчастные, как вам тяжело! Самая большая для вас трагедия - это то, что самолет взорвался над Локерби, а не над вами. Представляю, как бы вы веселились, если бы он рухнул на какой-нибудь ливерпульский мусороотстойник! Да вы бы десять лет перед телекамерами ныли!

- Да, приятель, с тобой тяжелый случай... Я уйду. Если б мы не приехали сюда отдохнуть, я бы поговорил с тобой на улице, - бросает здоровяк и опрокидывает стаканчик.

- Ох, как страшно. Я уже в штаны наложил.

Дурные вести Санта Роббо Йо-хо-хо

- Не трогай его, Дерм, он того не стоит. Оставь его в покос, этого жалкого, несчастного ублюдка. Я сразу понял, кто ты такой. Подумал, ладно, мы здесь гуляем, дай поболтаю с бедолагой. - Сучонок саркастически улыбается. - Оставайся, приятель, со всеми своими дружбанами. Пошли, ребята.

Чтобы я стерпел такое от какого-то дерьма, от какого-то красного подонка - ну нет!

- Да, идите к себе в отель и трахайте там друг друга, пидеры ливерпульские!

Один из парней делает шаг ко мне, но другие оттаскивают его от столика, и все уходят, бормоча ругательства.

- Недоделки! - кричу я бармену. - Знаю таких. Для них кайф - это потрепаться со шлюхами да поколотить по окнам в красном квартале. А потом вернуться в номер и будут тыкать друг другу в задницу. Это же скаусеры, ливерпидеры хреновы. А виноваты во всем «Битлы»! Вот бы кого привлечь к ответу! Это из-за них нам приходится смотреть того выжившего из ума тролля с его дебильной программой! Это после них да еще после успеха «Ливерпуля» в Европе - успеха, достигнутого прежде всего благодаря шотландцам: Лидделлу, Шенкли, Далглишу, Саунесу, Хансену и другим, - ливерпидеры возомнили, что у них есть таланты. А па самом деле они - ничто! Ничто!

Бармен холодно смотрит на меня и отворачивается, как будто это я какой-нибудь гребаный урод. Наглец. Допиваю и выхожу на улицу. Иду, дрожа от холода, по узкой улочке и вдруг чувствую - кто-то рядом. Поворачиваюсь - и получаю в рожу, да так, что голова дергается. Пытаюсь среагировать, но другой парень бьет мне по яйцам, и я чувствую, как во мне поднимается тошнота. Падаю на колени, и меня рвет на мостовую.

- Мудила! - кричит кто-то.

Где же полиция... Где тут кто... Я же сам полицейский, мать вашу! Где эти жопотрясы! Что б им!

- Пошли, Дермот. Валим отсюда! - говорит один из скаусеров, и они убегают по дороге.

Я сижу. В голове шумит, глаза слезятся. Тошнота почти прошла, остановившись на том уровне, за которым тебя начинает рвать. Наконец какой-то драный вонючий хиппи помогает подняться.

- От вас, англичан, вечно одни неприятности. Расслабься, парень, это же Амстердам.

- Я не англичанин, - отвечаю я и двигаю дальше по улице. Надо убираться. - Трусливые ублюдки... только попадитесь мне на глаза...

Перехожу дорогу и едва не цепляю трамвай. Нервы - ни к черту. Ладно, я еще вернусь, и тогда этому... Я еще...

Заползаю в какой-то бар, выкуриваю гашиша, выпиваю пива. Здесь полумрак - типичная приманка для туристов. Курю, пью, потихоньку прихожу в себя. Лицо распухло.

- Это меня так скаусеры обработали, - объясняю соседу-ирландцу. - Нагрели на восемьсот гульденов. Их было трое.

Он равнодушно кивает. Большого я от него и не ожидал. Все ирландцы - шпана уголовная, кроме северных протестантов, наших братьев.

Покупаю телефонную карточку и звоню Банти.

- Как дела, Банти-милочка? Как ты?

- Оставьте меня в покое! - кричит она и бросает трубку. Есть, зачесалось. Пора в красный квартал.

Пытаюсь вставить какой-то черной шлюхе, но яйца так болят, что ничего не выходит. Испортили, суки, праздник; несколько сверхурочных часов коту под хвост. Иду и беру еще хаша. Нет, не нравится мне эта дурь. Что мне надо, так это порошок. Приклеиваюсь к двум голландцам, которые идут на вечеринку на барже. Там уже полно шпаны вроде той, что обретается в коммуне «Восход», но кокаин хорош, я такого еще не нюхал. Сообщаю об этом куколке с такой чистой кожей, что ее хочется попробовать на вкус, и она говорит:

- Ну конечно. Это же Амстердам.

В общем, я набрался под завязку. Помню, меня попросили уйти. Блейдси еще не лег. И еще меня ждала бутылка солодового виски, которую этот хрен купил в знак извинения за свое

безобразное поведение накануне. Мы приговорили ее, а потом подчистили то, что еще оставалось в мини-баре в его комнате. Я кое-как добрался до своего номера, упал на кровать и провалился в сон.

...В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИЗВРАЩЕННАЯ ПРИРОДА СУЩЕСТВА, ЗА КОТОРОГО ОНА ВЫШЛА ЗАМУЖ...

Ночью просыпаюсь от жуткого спазма, как будто проваливаюсь через собственное тело. Я дрожу и весь в поту. Шлюхи рядом нет, но яйца распухли и дико саднят. Из темноты начинают появляться предметы. Я в отеле в Амстердаме. Вспоминаю Кэрл, и страшная боль едва не разваливает меня пополам. Единственная реакция на утрату. Ощущение во рту такое, словно там поработали паяльной лампой, припаяв к небу кожу с мошонки, но когда я добираюсь до мини-бара и заливаю в горло содовой, это приводит к тому, что меня начинает выворачивать. Доползаю до кровати. Уже светлеет. Свет. Я снова в безопасности. Я в кровати.

Второй раз просыпаюсь уже к ленчу. Календарь на часах показывает, что сегодня пятнадцатое декабря. Приближается Рождество. Принимаю душ - щека распухла и побагровела, - одеваюсь и перехожу в соседнюю комнату. Блейдси еще дрыхнет. Как бревно. Без очков он наполовину слеп. Они лежат на прикроватной тумбочке.

Беру очки.

Выйдя из отеля, прогуливаюсь по прилегающим к каналу улочкам и набредаю на симпатичное угловое кафе, где можно, пусть и с опозданием, позавтракать. Вынимаю из кармана очки. Какие толстые стекла. Надеваю и, наклонившись над зеленой балюстрадой, наблюдая за расплывающимся буксиром, медленно ползущим по воде. И как только такие носят?

Как ни толсты стекла, в состязании с рифленой подошвой башмака Брюса Робертсона победитель может быть только один. Я довольно усмехаюсь, слушая, как они хрустят на булыжнике мостовой. Потом наношу удар, которому, будь он записан на пленку, позавидовал бы Том Стронак, и оправа с кусочками стекла летит в Херенграхт, где над ней смыкаются тихие воды.

Придя в отель, застаю Блейдси убитым горем. Он сидит на кровати.

- Брюс, это ты? Не могу найти очки... не знаю, куда я их положил... Вчера вечером они были на месте.

- Вчера вечером ты был пьян.

- Да, но очки-то...

- Послушай, Блейдси, я вот думаю и не могу вспомнить, что видел их на тебе.

- О Боже... Брюс, я ничего не вижу...

- Не убивайся так, брат Блейдс. Брюс Робертсон будет твоими глазами. Я найду тебе женщину, сынок, так что не ссы. Первоклассную киску.

- Но...

- Никаких но, разве что ты захочешь ее пришпорить. А теперь надевай пальто и давай-ка оторвемся на всю катушку. Сегодня наш последний день!

Веду Блейдси в квартал красных фонарей. Какие-то хмыри наигрывают причудливые голландские мотивы. Один парень держит в руке шляпу для мелочи, но со мной у него этот фокус не пройдет. Каждая монета имеет свое предназначение: шлюхи и наркотики. В такой момент даже подаяние - непозволительная роскошь. Я уворачиваюсь от шляпы и с трудом уклоняюсь от приближающегося велосипеда, но Блейдси за мной не поспевает. Велосипед врежется в него, хотя и не сильно. Девушка тут же открывает рот:

- Задница! Придурок!

Я беру его покрепче. Бедолага трясется от страха, к тому же он не успел отлить. Через

некоторое время доставляю его в логово какой-то жирной бляди и оставляю там.

- Брюс... я... я... - запинается он.

- Позаботься о моем приятеле, куколка. - Я подмигиваю толстухе. - Он потерял очки, а видит плохо.

- Я за ним пригляжу, - говорит она с карибским акцентом.

- Я... я... я... - бормочет Блейдси.

- Я хорошо о тебе позабочусь, мой мальчик, - уверяет его эта корова и ведет к кровати.

Предоставив недоделку возможность самому найти обратный путь, я отправляюсь по своим делам. Иду к студенточке. Мы с ней так увлекаемся, что я совсем забываю про брата Блейдса. Какое упущение с моей стороны.

Возвращаюсь в «Кок-Сити» через несколько часов. Блейдси уже дома и явно не в духе. Вид у него хуже некуда.

- Тебе же было сказано оставаться там, а ты куда подевался? Я чуть с ума не сошел от беспокойства!

- Я... э... вообще-то я взял такси... тебя так долго не было, а она не разрешила у нее задерживаться... та девушка...

- Ну, я так тебе скажу: ты много потерял.

Соблазн оставить полуслепоего распиздяя в Амстердаме велик, но, подумав, я решаю, что и он может кое для чего пригодиться. В баре аэропорта, когда Блейдси идет отлить, я кладу ему в сумку кассету с порношоу и немного наркоты.

Ситуация для меня на эдинбургской таможне беспроигрышная. Либо получаю удовольствие, наблюдая за физиономией этого лоха, когда его прихватят с контрабандой, и объясняю Банти, что я не собирался ни в какой Амстердам, но Клифф настоял и так далее, либо он проходит без проблем, и я получаю первоклассный порошок и кассету.

В итоге выпадает второй вариант, и Блейдси беспрепятственно минует таможню.

Еще больше меня радует, что они не открыли мой чемодан: брюки, рубашки, носки, трусы - все в таком виде, что плакать хочется. Когда в Эдинбургском аэропорту Блейдси снова спешит в сортир, я забираю свои сувениры, жалея о том, что Банти не предоставилась возможность уяснить в высшей степени извращенную природу существа, за которого она вышла замуж.

Ну, для этого время еще есть.

ПОСТПРАЗДНИЧНЫЙ БЛЮЗ

Первый рабочий день после отпуска, а этот засранец Тоул уже вызывает меня в свой кабинет. Недоделок какой-то не такой, что-то в нем изменилось, и мне требуется целая секунда, чтобы понять, что именно. Вот оно: он расстался с бриолином, сушит волосы феном и зачесывает их назад. Новый Тоул! Дружелюбный и открытый, более мягкий, более ловкий - современный образчик служителя закона в условиях демократии. Вид у него, как у жеманного педика, такого застенчивого и изнеженного. Сразу и не привыкнешь. О нет, сестра Тоул.

- В ваше отсутствие расследованием руководила Аманда Драммонд. Я решил, после долгих раздумий и с учетом всех обстоятельств сохранить такое положение дел.

Чувствую, как вся моя праздничная эйфория испаряется от жара взорванной Тоулом бомбы. Ответная реакция получается до неприличия неубедительной.

- Эта тупая... - бормочу я.

- Надеюсь, вы окажете ей полное содействие. Брюс, пока вас не было, средства массовой информации снова заинтересовались этим делом. Похоже, вы не проявили должной активности в налаживании отношений с общественностью. Именно в этой области Аманда особенно сильна. Сам знаешь, как бывает, Брюс, - извиняющимся тоном говорит Тоул. - А сейчас задержитесь, мы об этом поговорим, - неожиданно агрессивно бросает он, и слова послушай, брат Тоул застревают у меня в горле.

Стою, как обоссанный, а Тоул тем временем поднимает трубку.

- Аманда, Брюс вернулся. Поднимитесь ко мне и введите его в курс дел, хорошо?

Он кладет трубку.

- Послушайте, за меня оставался Гас Бейн... - начинаю я. Мне надо уйти. Надо немного осмотреться, пообвыкнуться, прежде чем видеть перед собой сияющую физиономию сучки Драммонд.

- Гас не в игре, Брюс. Он не проходит, - нетерпеливо говорит Тоул.

Настроение улучшается, потому что я уже пометил Гаса как почти вероятного соперника в борьбе за повышение. А вот то, что Тоул так отзывается о старом козле, это непорядок.

Тем не менее новость хорошая, так что когда в кабинет входит Драммонд, я уже почти в норме. Она бросает на меня неприязненный взгляд, и мне становится еще лучше: похоже, процедура ей так же неприятна, как и мне.

- Привет, Мэнди, - улыбаюсь я.

- Хорошо отдохнул, Брюс? - с натянутой вежливостью осведомляется она.

- Очень даже неплохо.

- Голландия, да?

- Да. Я бываю там регулярно, очень цивилизованная страна.

- Ландшафт довольно скучный, верно? - влезает Тоул. Я пожимаю плечами.

- Мне нравится. Приятный контраст с нашим изрезанным рельефом.

- А что там интересного? - осторожно прощупывает Драммонд.

Хочет, чтобы я вот так, прямо перед Тоулом, ляпнул: «наркотики и бляди».

- Там можно хорошо расслабиться. Сидишь себе в кафе и просто смотришь на мир, потягивая кофе.

Я передергиваю плечами - чертово похмелье даст о себе знать. Эти говнюки явно пытаются меня завести. Но что им известно? Ничего. Ни хуя! Ну так вот вам хрен лысый.

- Я слышал, в Амстердаме большие проблемы с наркотиками, - замечает Тоул и хитро смотрит на меня.

- Да, это изнанка города. Он слишком либерален, а в результате привлекает всякий сброд. Но хватит трепаться об отпуске, что там нового в нашем деле? - холодно и резко говорю я, заставляя Тоула и Драммонд почувствовать себя детишками-шалунишками.

Тоул, похоже, даже обиделся, что я перехватил у него инициативу. Придется привыкать, потому что как только меня повысят, все именно так и будет.

Драммонд начинает молоть всякую чушь, суть которой, как ты ее ни приукрашивай, сводится к тому, что ни хуя ничего и не случилось. Чего и следовало ожидать. И как они собирались добиться успеха в таком деле в отсутствие основного игрока? В этом-то и проблема нашей группы: слишком много Стронаков и слишком маю Далглишей.

- ...и Валери Джонстон, девушка из гардероба, дала показания, что Алекс Сеттерингтон и Дэвид Горман определенно были в тот вечер в клубе.

На Драммонд белая полупрозрачная блузка, а под ней более темный цветной лифчик.

Я бы потискал ее сиськи. Не подумайте чего, только в качестве личного одолжения. У этой дуры хотя бы появится повод помастурбировать. Она перехватывает мой взгляд и нарочито запахивает жакет. Размечталась, корова!

- Так что нам нужно вызвать для допроса Сеттерингтона и Гормана.

- Не думаю, что это нам что-то даст, Мэнди, дорогуша, - вежливо прерываю я, и она уже готова вскинуться, но я повышаю голос и не даю ей ни малейшего шанса выразить протест. - Сеттерингтон и Горман - закоренелые преступники. Ветераны допросов. К тому же на них работает этот хитрожопый адвокат, Конрад Доналдсон. - Я замечаю, как Тоул кривит рот, признавая правоту моих рассуждений. - Если они поймут, что мы вышли на них, то лишь насторожатся. Я знаю этих ублюдков. Думаю, нам надо держать их под наблюдением, стараться понять, что они задумали. Один из их приятелей - стукач, так что я могу узнать кое-что от него.

Драммонд растерянно молчит, а Тоул энергично кивает.

- Согласен, Брюс, это ловкие негодяи. Прежде чем что-то предпринимать, надо раздобыть против них веские доказательства. Этот информатор, как ты считаешь, он может дать что-то?

- Наверняка, - улыбаюсь я.

- Хорошо, - говорит Тоул. - Итак, Аманда, продолжайте вести наблюдение. Брюс, можете задержаться на минутку?

Драммонд нервно кашляет.

- Конечно, Боб.

Она круто поворачивается и вылетает в дверь, а Тоул, похоже, уже готов сообщить, что повышение мне обеспечено.

- У тебя проблемы с Амандой? - спрашивает он.

- Абсолютно никаких, - говорю я.

- Она жаловалась на твои манеры. Может, не стоит обращаться к ней так снисходительно? Ее зовут Аманда, и ты лучше называй ее так, а не Мэнди-дорогуша.

Вот же вздорная сучка.

- Перестань, шеф, - улыбаюсь я, беря на вооружение несколько легкомысленный, но уважительный тон, чтобы смягчить Тоула. Прием срабатывает. - Девочка чересчур зажата. Я же просто стараюсь наладить дружеские, неформальные отношения, вот и все.

- Брюс, ты хороший и опытный офицер, но тебе необходимо лучше относиться к коллегам, тем более в свете предстоящего повышения. Имей в виду, это очень важно в современных полицейских силах, - упрекает меня Тоул, проводя ладонью по пышным волосам, но упрек звучит мягко, а в голосе слышится опенок участия.

- Я слышу, что ты говоришь, брат Тоул, но танго танцуют вдвоем. Предлагаю тебе поговорить на эту же тему с нашей мисс Драммонд.

С каким удовольствием я бы отключил ей газзззз, этой мисс Драммонд. Отключил бы навсегда.

Тоул с торжественным видом усаживается на стул, как делает обычно, когда мы играем в карты в Ложе.

- Я говорил с Амандой, и она понимает, какая на ней ответственность.

Держу пари, сучка думает, что если будет лизать Тоулу зад, то скорее пролезет наверх. Ошибочка!

Чуть позднее, когда я сижу в столовой, прислушиваясь к последним сплетням, эта корова сама подходит ко мне.

- Брюс, можно вас на минутку?

Она ведет меня в коридор. Если собирается разыгрывать передо мной свою новую роль, то зря надеется. Я не намерен выслушивать всякую хрень от таких, как Драммонд.

- Не знаю, слышал ли ты об этом, Брюс, но завтра у Гаса день рождения, и мы планируем небольшую вечеринку. В отделе особо опасных преступлений.

Вот, значит, как. А мне никто и не сказал, ни Леннокс, ни другие. Ублюдки.

- Я в курсе.

- Это я так, на всякий случай. - Она улыбается и отворачивается. - Увидимся.

Думает, что обведет меня вокруг пальца, если будет улыбаться. Как бы не так. Правила не меняются. Возвращаюсь вниз, но в голове уже звучит постпраздничный блюз, и мне хочется разнести контору ко всем чертям. Просматриваю бумаги по делу и краем глаза вижу, как в комнату входит какая-то женщина в сопровождении Драммонд и Хейзел из канцелярии. Лицо женщины кажется смутно знакомым.

Драммонд указывает ей на меня.

Женщина держит за руку мальчика, и они осторожно подходят к моему столу.

- Брюс, это к тебе, - сообщает Драммонд. - Миссис Сим. Какого...

- Я приходила на прошлой неделе, - робко говорит женщина, - но мне сказали, что вы в отпуске. Я хотела лично поблагодарить вас за то, что вы сделали для Колина. - Она поворачивается к мальчику. - Это тот добрый человек, Юэн, который пытался спасти твоего папочку...

Женщина всхлипывает.

Мальчик стоит с опущенной головой, но после слов матери поднимает глаза и выдавливает из себя улыбку. Ему, наверно, примерно столько же, сколько и Стейси.

- У него было больное сердце... это у них наследственное... - Я вижу, как шевелятся ее губы. - Но он никогда не позволял себе беспокоиться по этому поводу... Он был хороший человек... - Она всхлипывает, и Драммонд берет ее за руку. Женщина снова смотрит на мальчика, потом на меня. - И это, Юэн, тоже хороший человек. Он пытался спасти твоего папочку, пытался помочь ему, тогда как все просто стояли и смотрели... он так старался...

И как оно?

- Я лишь хотела поблагодарить вас, сержант Робертсон... Брюс... просто хотела сказать спасибо за то, что вы хотели помочь...

- Жаль, у меня ничего не получилось, - говорю я.

- Спасибо вам... вы сделали все, что могли. Спасибо. Вы очень хороший...

Она шмыгает носом, и Аманда ведет ее в коридор, но у двери оборачивается и смотрит на меня как-то... по-человечески. Сзади подходит Гас и кладет руку мне на плечо.

- Бедный парнишка. Какое ужасное Рождество будет у этих двоих.

Она не знает, эта женщина, она просто не знает.

Сажусь за кроссворд, однако сосредоточиться не удается, и я решаю уйти пораньше.

В Тайнкасле благотворительный матч Стронака, но я, конечно, не собираюсь идти туда и пополнять карман этого придурка. Какое мне удовольствие смотреть, как он будет выделяться перед всеми. В любом случае народу соберется немного. Короче, зрелище средней паршивости. Если кто и будет, то разве что масштаба Гэри Маккея или Крейга Ливайна.

Вечером я в Ложе, слушаю какого-то рефери, он же инспектор по строительству в районном совете. Язык у парня подвешен и рассказать ему есть что. Блейдси ходит как озабоченный. Подваливает к нам, демонстрируя новые очки, но, подобно большинству англичан, в футболе он полный ноль. Чуть позже появляется Рэй Леннокс с парой недоумков в форме. Форму они, правда, сняли, но недоумками так и остались. Я кивком подзываю его к себе, и он втискивается рядом. Сколько раз намекать придурку, что не стоит болтаться в такой компании. Пообтирайся с неудачниками, и сам к ним присоединишься.

Между тем судья продолжает:

- И вот оказался я в Айброксе, а ребятам нужны три очка, чтобы взять первое место. Они и так впереди с отрывом в тридцать очков, так что все уже решено, и догнать их никто не в состоянии при любом раскладе. Но день хороший, люди пришли с семьями, мелюзга с разрисованными физиономиями, так что парни настроены на победу. Койсти забивает гол, один-ноль, все в порядке. Ха-ха-ха. Тот еще хрен. Было, правда, подозрение на офсайд, но Освальд Бектон флажок не поднял. Вы его знаете, Освальда Бектона. Ложа 364.

Кое-кто из слушателей кивает. Кое-кто улыбается.

- Так или иначе, все встают и уже начинают готовиться к празднику. Песни, веселье... Остается пара минут, и тут в штрафную «Рейнджера» идет длинный пас. Тот сопляк проскальзывает между Коуги и Маклареном, и они укладывают его на травку прямо в штрафной. Чистый пенальти, но я, понятное дело, не собираюсь его назначать и портить людям праздник. Через неделю у них еще игра на выезде, так почему бы не позволить ребятам поднять флаг дома? Все равно они первые. Испортить людям настроение? Ну нет! Представляете, что бы сказали в Ложе в Уитберне! Да после такого и жить бы не стоило. Так всех подвести. В общем, я машу - мол, продолжайте играть, ничего не было.

- Ты поступил по совести, приятель, - говорит Билл Армитидж.

- А того юного придурка пришлось удалить за несогласие с судьей. Решение арбитра окончательно. Мудак никак не хотел униматься. Такие везде есть.

- Вот скотина, - бросает Билл Армитидж.

- Не скрою, смотреть все это на следующий день по телику было немного неприятно, - продолжает рефери. - Но ребята молодцы, сократили эпизод до минимума и показали только с одной камеры. Конечно, после матча я переговорил в «синей комнате» с представителем Федерации, и он

полностью вошел в мое положение. Оказалось, парень из той же Ложи, что и Сэмми Кирквуд. Помнишь Сэмми? - спрашивает он у меня.

Я киваю. Сэмми, бывало, поставлял мне журналы, хотя и не такие хорошие, как Гектор, но все же. Надо бы позвонить старикану, узнать, нет ли чего новенького.

- Так или иначе, все обошлось. Представитель сказал, что я находился в такой точке, откуда не мог оценить эпизод. Звонков было много, но ребята меня прикрыли.

Армитидж смеется.

- Да, у них там параноиков хватает.

- А один спортивный обозреватель сказал мне в Ложе: мол, мы бы это так не оставили, да скандал не пойдет на пользу шотландскому футболу.

После судьи выступил советник Армитидж.

- То, что у нас будет собственный парламент, дело хорошее, у народа появится больше

возможностей. Конечно, придется ругаться с папистами, но нам же не впервой. Католическая мафия и каменщики в Шотландии воевали всегда. Поторгуемся. Пусть они проводят свой закон против абортот, но только отдадут нам руководство нужными комитетами... особенно по лицензированию. - Он усмехается. - А если какая дура залетит по глупости, то сядет на автобус и доедет до Карлайла, где ее и выскребут. Это, я бы сказал, не смертельно.

- Верно, - кивает Рэй, потом поворачивается ко мне и шепчет: - Как насчет кокса вечером?

Насчет кокса я совсем не против, у меня и при себе немного имеется. Тем более что после ошеломляющего известия Тоула мне определенно надо взбодриться. Ох уж этот Тоул. Жив не будет, если не превратит меня в гребаного джанки.

Чтобы я отчитывался перед какой-то дурой?

(есть, есть, есть, есть, есть, возможно, здесь существуют и другие, подобные мне. Я вполне уверен, что не одинок. Да и почему должно быть именно так? Мне даже кажется, что я ощущаю их присутствие здесь. Они изгибаются и ползают в животе Хозяина, но может, это только игра моего воображения. У меня есть Хозяин, мой друг, дающий все необходимое для выживания. Но чтобы жить, мне необходимо много больше. Я должен ощущать себя частью чего-то большого диета у этого парня не очень питательная. Это указывает на то, что его великое путешествие по жизни началось в не самых благополучных обстоятельствах. Он поглощает слишком много дешевого и бесполезного мусора. С другой стороны, само количество пищи свидетельствует в пользу того, что он вырос в мире лишений и, хотя сумел накопить достаточные запасы ресурсов, так и не смог избавиться от всех этих пролетарских привычек, Жизненная философия Хозяина достаточно проста:

лучше больше, чем лучше.)

Мы с Рэем отделяемся от Блейдси, но лишь после того, как выкачиваю из этого клоуна всю нужную информацию о психическом состоянии Банти. Потом потихоньку смываемся и отправляемся домой к Рэю. Квартира обставлена в стиле посттэтчеровского обиталища ебаря-одиночки. Другими словами, никакого стиля и нет. Есть обычный набор: двухместный обтянутый бархатом диванчик и в пару к нему кресло. Все, как у той шлюхи в Амстердаме! Меня на такой диванчик не заманишь, а вот Инглис бы точно уселся. Только рядом с Рэем и он бы ничего не почувствовал!

Рэй ищет зеркало, ложечку и ножичек, которые я привез ему из Амстердама. Считает, что если пользоваться правильным инструментом, то и продукт получается более качественный. Кредитные карточки дома не в ходу. Я вдруг понимаю, что наборчик обошелся мне, если перевести на наши деньги, в двадцать фунтов, и чувствую поднимающуюся в груди злость. Подарок Ленноксу был проявлением минутной слабости, хотя я и рассчитывал на ответный ход с его стороны. Как бы невзначай прижимаю к бархату сигарету и ощущаю приятный выброс адреналина. В горле поднимается комок - ткань буреет и расползается. Один контакт, второй, третий, четвертый. С восхищением смотрю на дело рук своих и торопливо прикрываю все четыре дырки подушечкой.

Возвращается Леннокс. Везет же некоторым: сходил на дежурство и разжился качественным порошком. Я достаю свой, привезенный из Амстердама. Больно признавать, но его дурь лучше. А что делать мне? Какая может быть польза от забитого насмерть черномазого? Ходи теперь и улыбайся этим цветным, которые только что нос от тебя не воротят. А тут еще и Драммонд решила в солдатиков поиграть.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ МАТЧ

Прошлым вечером я вернулся домой рано, но никак не мог уснуть. С утра пораньше уже на работе, но после кокаина я абсолютная развалина. Синусы ссохлись, нос постоянно течет, нервы на пределе. Надо собраться, надо пересилить себя. Именно это ставит меня над всяким мусором, над такими, как Рэй Леннокс. Я могу посмеяться над этим дерьмом. Но сначала надо собраться.

Звонит телефон, и я вздрагиваю и трясусь так, что едва не роняю трубку. Разумеется, это Тоул. Он ведет против меня психологическую войну, да только идиот слишком прирос к стулу, чтобы перехитрить Брюса Робертсона. Что ж, придурок, у нас для тебя есть новость: гребанные правила остаются без изменений.

Сообщает, что хочет видеть меня у себя в кабинете. Сейчас же. Только о себе и думает, самовлюбленный мудака. Только и думает, как бы прикрыть свою толстую задницу. Кладет на все, но сценарий писать не забывает. Я-то знаю, что у него на уме. Откладываю бумаги и иду наверх. Подходя к кабинету, чувствую, что вот-вот вырвет. Лифт не работает, и два пролета едва меня не доконали. Эти техники, что б им, ни хрена пальцем о палец не ударят.

- Брюс, надо поговорить. Ниддри собирает всех во второй половине дня.

«Ниддри», а? Мог бы назвать уважительно - «шеф». Мог бы по-приятельски - «Джим». Так нет же - «Ниддри». Наверное, прищемили жопу, вот и ищет друзей. А может, и нет. Может, просто так треплется. Драммонд ко мне так и не подошла. И кого только эта идиотка из себя разыгрывает?

- Во сколько? - спрашиваю я.

Мне еще надо поработать с газетой. Там сегодня Клаудия Шиффер. Вот бы с кем покувыркаться. Пишут, что она открывает ресторан или вроде того. Кому, на хер, нужен ресторан? Покажи нам задницу и сиськи, куколка, а другого мы не хотим!

- В три. Третья страница.

- Придется кое-что отменить, - говорю я. - Обещал быть на собрании Форума.

- О Боже... Этим надо было бы заняться Аманде.

- Я бы не против, но она так и не сказала, что мне не надо туда ходить. Так что, переиграть все?

- Боже, нет... конечно, нет. Ниддри как раз по этому поводу и беспокоится. Эти, из Форума, дали интервью Малкольму Сент-Джону с Шотландского телевидения и Энди Крейгу из «Ньюс». Похоже, им не слишком нравится, как идет расследование.

Он недовольно надувает щеки, как будто критика высказана непосредственно в адрес самого Тоула. А так ведь и должно быть, потому что именно он и руководит расследованием или по крайней мере должен.

У меня внизу лежит вчерашний номер «Ньюс». Принесла та крошка из канцелярии. Что-то я ничего не видел насчет нашего дела. Помню, что просмотрел и первую страницу, и последнюю, но если мое внимание что и привлекло, так это заметка о благотворительном матче в честь Тома Стронака.

Футбольной общественности Эдинбурга следует стыдливо опустить глаза: на благотворительном матче одного из самых любимых ее сынов, Тома Стронака, присутствовали всего две тысячи зрителей. Согласимся с тем, приближение Рождества, до которого осталась всего одна неделя, и нынешняя погода сказались на посещаемости не лучшим образом. Тем не менее такой уровень поддержки пре данного слуги столичной спортивной сцены можно расценить только как незаслуженное пренебрежение.

В заметке также сообщалось, что кумир Тома, Кенни Далглиш, не смог приехать из-за

важных дел, но прислал свое поздравление. Далглиш, наверно, мыл голову или делал что-то еще столь же важное. Правильно мыслит: от такого дерьма надо держаться подальше.

Вот бы и мне держаться подальше от того дерьма, что несет Тоул.

- У нас никаких подвижек, Роббо. Расследование просто топчется на месте. Мы проверили все магазины, но так и не смогли установить, откуда взялся окровавленный молоток.

Как будто меня это так сильно колышет.

- Понятно. Так, значит, Ниддри полагает, что Шотландское телевидение и «Ивнинг ньюс» сделают все сами? Показал бы хоть одного журналиста, который вот так, с наскоку, взял да и раскрыл серьезное преступление. Вы это можете?

- Я расстроен не меньше тебя, Роббо. - Сморщенный рот Тоула кривится. А ведь рот надо держать на замке, а то получится как у того вора, который любил порассказать о своих подвигах, а потом удивлялся, как же это его угораздило попасть за решетку. - Ладно, у тебя есть новости?

- Нет, я же теперь в подчинении у Аманды, как вы и сказали.

Дела пойдут.

- М-м-м. Ладно... - говорит Тоул.

А я уже чувствую его разочарование и недовольство тупой сучкой.

- Попрошу ребят из Форума перенести встречу на другое время, а в три буду у Ниддри.

- Нет... К Ниддри пойду я. А ты пойдешь на встречу с Форумом.

- Хорошо, - соглашаюсь я и выхожу.

Какого хрена, чем только она занимается, эта придурочная Аманда Драммонд? Надо бы вернуться и задать вопрос Тоулу, но какое, собственно, мне дело? С какой стати я должен волноваться? Задница чешется, как... Почему именно мне всегда приходится разгребать их дерьмо? Я и так приперся сюда чуть ли не первым. Пусть сами и разбираются, а мы посмотрим. У них же все встанет, даже скрипа не услышишь, потому что здесь полным-полно самых невежественных раздолбаев из всех, кто когда-либо прятался за полицейской формой. В Новом Южном Уэльсе это мудачье и десяти минут не удержалось бы на своих местах. Никто, ни один из них, понятия не имеет, что такое настоящая полицейская работа.

Да пошли они все! Спускаюсь вниз и захожу в сортир. Штаны промокли от пота, так что приходится засунуть в задницу туалетную бумагу, чтобы не натирало. И снова в забой.

Просматриваю документы, потом обвожу взглядом коллег. Никогда еще не видел такого разношерстного сборища недоумков под одной крышей. Тупые, невежественные придурки.

- Странное дело, - говорю я Питеру Инглису.

- Что ты имеешь в виду?

Так и хочется сказать: я имею в виду тебя, тебя, толстомордого хуеплета, это ты странный, ты, педрила хренов, но вместо этого я делаю вид, что изучаю разложенную на столе газету.

- Иногда смотрю на них и думаю, что ключи прямо-таки бросаются в глаза, но мы не в состоянии, блин, расколоть хренов орешек.

- Надо только ухватиться за ниточку, а там все само потянется, - пожимает плечами Гас.

- Такая уж у нас работа, Роббо, - говорит Питер, - всегда одна и та же история. Девяносто процентов пота и десять процентов вдохновения. Тут ничего не поделаешь.

- Верно, Питер, - киваю я и поднимаю газету.

По горизонтали

1. Скорость

7. Последний из последних

8. Модная стрижка 20-х

9. Из Франции
10. Сияющий, блестящий
11. Орган зрения
12. Выдумка
14. Темное пиво
16. Печалиться
18. Позорить, чернить
20. Часть фута или ярда
22. День после сегодня
23. С оранжевой кожурой

По вертикали

1. Дублер монарха
2. Цитрусовый фрукт
3. Рабочее место
4. Группа игроков
5. Грузило, отвес
6. Пятнистая кошка
13. Пролив
15. Некомпетентный
16. Проводник в Гималаях
17. Знатный, благородный
19. Олень
21. Остров в Неаполитанском заливе

- А ну-ка за дело, ребята, - кричу я. - Гас, двадцать один по вертикали. Остров в Неаполитанском заливе. Пять букв. Вперед! Разгрызем орешек вместе!

Гас чешет подбородок.

- Мы с Эдит бывали в той части света. На Сорренто. Ездили в Неаполь на целый день. Корабль был на воздушной подушке. Но никаких островов мы там не видели, Брюс, хотя и проехали как раз через Неаполитанский залив.

- Ладно, Гас, но чертов остров где-то все же есть, если газета не врет. Имейте в виду, это газета для плебса, я покупаю ее только ради девочек, программы и футбола. Идем дальше. Что у нас тут? Дублер монарха.

- Регент.

- Так... раз, два... шесть букв. Не подходит. Надо пять.

- Жанет Чарлз.

- Жанет Чарлз. Женщина - двойник королевы. Ее дублер.

- Что-то я сегодня не въезжаю. Ну ладно. Вот еще одно. Последний из последних. Жаль, Тоул по буквам не подходит. Тут их семь. А вот что мы напишем: ПОДОНОК. Но ты, Тоул, имей в виду: это одно и то же.

Чуть позже встречаю в столовой Леннокса. Он все еще ведет слежку за хиппи и, похоже, немного избегает нас. Едем в город. Проезжаем мимо одной из частных школ для девочек.

- Мэри Эрскин... Джеймс Гиллеспы... Звучат как название крепостей. Прислушайся, Рэй. Эрс... скин... В них есть что-то лесбийское. И кто только придумал дать им такие названия. Какой-то гребаный извращенец.

Леннокс смеется и качает головой.

- Ну ты даешь, Роббо.

-А?

- Вот что я тебе скажу, Рэй. Пока они девочки, они все похожи на ангелов, но потом вырастают и становятся коровами и блядьми. А корова хуже бляди. С блядью по крайней мере все ясно и понятно. А корова? С коровой никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Леннокс как-то неловко пожимает плечами.

- Ну... в общем... да...

Ни хера он не понимает, и в этом его главная проблема. Думает, что до хрена знает. А что он знает? Что?

Ни хуя. Парень слишком много о себе мнит, считает себя пупом земли.

Останавливаемся перекусить на Саут-Бридж. В пирожковой Эдди Монкур с каким-то хреном в форме. Я им киваю. Нас обслуживает - точнее, нас должен обслуживать - разъевшийся, неуклюжий раздолбай, которому явно некуда спешить.

- Кто съел все эти пироги... - начинаю я нараспев, но Мистер Невозмутимый Разъебай Леннокс и не думает присоединяться. Что, считает себя выше всех и всего?

- Как насчет по паре пива, а, Рэй? Я на работу сегодня не вернусь, это уж точно.

Рэй смотрит на меня как на слабоумного.

- Ты забыл кое-что, Роббо. Вечеринка-сюрприз для Гаса. Конечно. Как это только у меня из головы выскочило. Что

ж, почему бы не устроить заодно сюрпризец и Мистеру Пиздоболу Рэю Ленноксу?

СЮРПРИЗ-ПАТИ

Старику Гасу стукнуло пятьдесят пять, так что кто-то неплохо придумал устроить ему сюрприз-пати. Рождество почти что на носу, гульнуть хочется всем, а уж повод сгодится любой. Но Гас каков, а? Ему бы о пенсии думать, а и он туда же, на повышение нацелился! Нет бы посторонился, педрила старый, и не мешал другим. Ладно, мечтать не вредно, но при этом и под ноги не мешает посматривать.

Берем баночного пива, несколько бутылок, и компашка подбирается нехилая. Даже Драммонд притащилась: выпила стаканчик вина и ах-ох, мне еще работать. Впрочем, на нее никто и внимания не обращает, хотя после ее ухода атмосфера значительно улучшается, и все заметно веселеют. Что сучке действительно надо, так это хороший хуй. Впрочем, меня в данный момент больше интересует не заросшая щель, а настоящая пизда.

Она здесь, та потрясная блондинка, Королева Больших Размеров. Леннокс пытается к ней подкатиться, но получает от порот поворот. Проблема в том, что он расстилается перед ней, но не думает. А вот я думаю. Мы уже заключили пари на пятьдесят фунтов, кто первый залезет под трусики этой любительнице крупных форм, и я твердо намерен положить деньжата в свой карман. Серьезно. Я не спешу, смотрю за тем, что пью, и поджидаю удобный момент. Когда все уже набрались, понемногу перевожу разговор на тему, имеющую прямое отношение к размерам и достоинствам джентльменских приборов. Леннокс чувствует неладное, нервничает и пытается увести меня в сторону.

- Знаете, когда я служил в департаменте полиции Нового Южного Уэльса, мы там на таких вечеринках играли в одну игру... - Я делаю паузу. - Эти австралийцы рискованные ребята... Нам до них далеко.

- А что за игра? - спрашивает Карен Фултон.

Уж она-то не прочь рискнуть. Это всем известно. В последнее время, правда, стала немного задирать нос, но сейчас подпила, расслабилась, и ее потянуло на старое. Праздничная атмосфера и алкоголь - то, что надо, чтобы заиграли умолкшие струны. Тут уж она сама над собой не властна.

- Я бы предпочел не вдаваться в детали, дорогуша. Наши австралийские братья бывают порой довольно грубоватыми...

- Не томи, выкладывай, - не отстает Карен

- Звучит интригующе, - мурлычет блондинка.

- Перестань, Брюс, не стоило начинать, если не можешь закончить, - встревает Леннокс и насмешливо вскидывает бровь, не подозревая, что только что подписал себе смертный приговор.

- Ну ладно... раз уж вы так хотите... Игра такая: парни отправляются в комнату, где стоит фотокопировальная машина, и каждый делает фотокопию своего мужского хозяйства, подписывает лист и кладет в конверт. Потом, когда все закончено, кто-нибудь прикрепляет фотокопии к доске.

- Ну ты и хватил, Брюс, - усмехается Леннокс, однако все остальные, к величайшему смущению этого мудака, уже захвачены азартом.

Я смотрю на блондинку и вижу, как разгорелись у нее глазки.

- Но это еще не все, - продолжаю я. - Дальше в игру вступают девушки, задача которых - угадать, где чей отпечаток.

- Давайте сыграем! - кричит блондинка.

Я замечаю, что Рэй Леннокс явно растерян, но повлиять на ход событий он уже не в силах. Даже старина Гас рвется в бой. Первым идет Питер Инглис, этот секс-маньяк. Гомики

испытывают особое почтение к большим размерам, и Инглис уже, наверное, облизывается от удовольствия, предвкушая знакомство с целой коллекцией хуев.

Инглис появляется с листком в конверте и передает его Ральфу Консайдину, раздолбаю в форме, которому, если уж на то пошло, вообще нечего здесь делать. Потом наступает очередь Гаса. Его возвращение встречают бурными аплодисментами и громкими выкриками, и только Леннокс невесел, хотя и пытается бодриться. Он неохотно принимает конверт и уходит. Следующий я. Прежде чем положить конец на стеклянную пластину, я тщательно протираю се, потом ставлю переключатель увеличения на полную мощность и, выполнив процедуру, передвигаю в прежнее положение. Хорошо еще, что бумага плохого качества и в черно-белом варианте сыпь почти не видна. Пишу на листке свое имя и кладу его в конверт.

Возвращаюсь. После меня остаются еще двое, Клеелл и какой-то хрен, работавший раньше с Гасом. Еще несколько минут, и дело закончено.

Интересная игра. Одна наглая сучка едва не приписала мне какой-то стручок, принадлежащий, должно быть, Ленноксу. В конце концов все листы перевернуты и приколоты к доске в порядке убывания.

БРЮС

ГАС

АЛАН

ЭНДИ

ПИТЕР

РАЛЬФ

СТИВ

РЭЙ

ФИЛИП

Оказывается, у Гаса инструмент почти такой же, как мой увеличенный. Неудивительно, что старый пень горел желанием продемонстрировать свои достоинства! Но вес же самый большой сюрприз это то, что кто-то, а точнее, придурок в форме по имени Филип Уотсон, ухитрился уступить даже Ленноксу. Я до сих пор считал это невозможным, полагая, что для того чтобы отстать по этому показателю от Рэя, надо быть бабой!

После подведения итогов я становлюсь центром повышенного внимания. Королева Больших Размеров то и дело бросает на меня многозначительные взгляды. Время и выпивка делают свое дело, сучка елозит на стуле, а Леннокс, усатый крыс, пользуясь моментом, пытается подбить под нее клинья. Я веду игру уверенно и хладнокровно, не даю ей остыть, но и не форсирую события. Пусть помучается, пусть дойдет до готовности - это самая лучшая тактика. Сейчас я - Джеймс Бонд, я играю легко и уверенно, разбрасывая налево и направо стрелы двусмысленных намеков, пара которых попадает в некоего мистера Рэймонда Леннокса.

Я собою с нее спесь, с этой зарвавшейся, возомнившей о себе блондинки. Заставлю ее проявить инициативу, сделать первый шаг, поклониться мне.

Наконец она подходит ко мне и сладким голосом соблазнительницы объявляет:

- Победитель заслуживает награды. Пойдем...

Сучка уходит, и я, подмигнув Ленноксу, на почтительном расстоянии следую за ней. В копировальной комнате она откидывается на стол, и я даже не целую ее. Задираю юбку и стаскиваю трусики.

- Возьми меня, - шепчет блондинка и закрывает глаза.

Засаживаю, и сучка начинает бешено вертеться и подмахивать, как будто села на горячую сковородку. Мне в общем-то и делать практически нечего. Даю залп и ухожу, оставляя ее в полной растерянности. Похоже, дура так и не поняла, что случилось.

Забираю у Леннокса пятьдесят монет и лечу домой, как подхваченный ветром воздушный змей. Через несколько минут я уже готов к новым подвигам. Ритм движения, тепло в салоне, музыка «Мотли Крю»... Дома нахожу пару писем. В одном счет за газ, на другом почтовый штемпель Челмсфорда. Ага, это от Тома и Дианы. Мой оживший чемпион напрягается, и я думаю о том, что вполне мог бы рвануть прямо в Челмсфорд. Сделать за ночь четыреста миль - не так уж и трудно, если сесть на чарли, - натрахаться до одурения, а потом назад. Да, это мысль. Отбрасываю счет за газ - пусть им занимается Кэрол, когда вернется, хватит и того, что я на работе постоянно ебусь со всякими бумажками - и нетерпеливо вскрываю второй конверт.

14 декабря 1997 г.

Дорогой Брюс.

Надеюсь у тебя все в порядке. Мы пишем, чтобы сообщить, что, по нашему мнению, тебе лучше не приезжать к нам и Лоренсу с Ивонной в следующем месяце. Очень жаль, что у вас с Кэрол возникли проблемы, мы бы предпочли видеть вас обоих.

Нам было весело вместе, но, я думаю, любой эксперимент требует определенного периода осмысления. Именно такое время наступило сейчас для нас с Дианой.

Надеюсь, вы с Кэрол сумеете успешно преодолеть нынешние трудности.

С наилучшими пожеланиями

Тони Кросби.

Тони, дерьмо вонючее! Меня передергивает от злости и ненависти, и все опускается. Хренов червяк, губошлеп. Все, что он может, это читать лекции по искусству в Институте Челмера или как он там называется. Мы там трахались, как бешеные, а он только ножками сучил да кривился, как вегетарианец на скотобойне. И Кэрол тоже хороша, на хера было лезть ему в штаны. У них просто не тот темперамент. Хотя нет, о Диане такого не скажешь. Мать их, лучше бы я провел еще пару раундов с блондинкой.

Я подумываю о том, чтобы позвонить Джеффу Николсону в полицию Эссекса и рассказать ему о маленьком мерзком клубе извращенцев. Джефф парень серьезный, он их мигом прихлопнет. Я уже тянусь к трубке, но в это время кто-то стучит в дверь.

Том Стронак. На нем серый тренировочный костюм. Вид понурый, волнистые волосы торчат клочьями.

- Том... как дела? - с притворным сочувствием спрашиваю я.

- Я в полном дерьме, Брюс. Тысяча двести тринадцать человек. Я отдал этому долбаному клубу одиннадцать лет.

- Понятно. Мне показалось, было побольше, около двух тысяч.

- Нет, это просто «Ивнинг ньюс» слегка подтянула показатели.

- Жаль. Но я там был, - вру я.

Как же, делать больше нечего. Против «Дерби», в жуткую погоду, за несколько дней до Рождества!

Том удрученно качает головой, потом лицо его светлеет.

- Знаешь, я получил поздравление от Кенни Далглиша.

- Не сомневаюсь, что он бы обязательно приехал, если б только смог. - Я пожимаю плечами. - Сам знаешь, у таких, как он, забот всегда хватает. Тем более и время года не самое удачное.

- Да, Брюс, ты прав, - соглашается Том. - Кстати, у меня есть парочка билетов на торжественный обед. Мы собираемся устроить его где-то между Рождеством и Новым годом. Сам знаешь, для праздника любой повод хорош.

- Отлично, Том, - говорю я и выхватываю из его руки брошюру и два пригласительных билета, отпечатанных на тисненой бумаге.

И тут же понимаю, что совершил ошибку. Ублюдок провел меня. На билете написано:
ВЫ ПРИГЛАШЕНЫ В КАЧЕСТВЕ ПОЧЕТНОГО ГОСТЯ НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБЕД В
ЧЕСТЬ ТОМА СТРОНАКА

Отель «Шератон», Латин-роуд, Эдинбург Понедельник, 28 декабря 1997 г. Фрак не обязателен

Денежное пожертвование в Благотворительный фонд Тома Стронака в размере 60 фунтов стерлингов.

Денежное пожертвование. Шестьдесят монет. Ловко же меня одурачили. И кто? Говнюк Стронак! Я молчу. Сам виноват - можно было догадаться, что здесь где-то подвох. Он всегда такой. Как только речь заходит о возобновлении контракта, так и начинается: закулисная возня, дешевые драматические приемчики и прочее. «Ивнинг ньюс» не раз об этом писала. Там, где пахнет бабками, этот мудак своего не упустит.

- Извини, Брюс, я не могу отдать их тебе просто так, ты же и сам понимаешь.

- М-м-м-м, да, Том, понимаю, - бормочу я. - Подожди, только схожу за чековой книжкой.

Ну скотина!

Выписываю, скрепя сердце, чек, а эта сволочь нашептывает мне на ухо:

- На обеде будет Грэм Саунес. Надеюсь, и Кенни Далглиш сумеет вырваться. С Родни Долаком все уже согласовано. Ты же знаешь, как он умеет выступать.

- М-м-м-м. Родни Долак. Я слышал, он делает сейчас неплохие деньги.

- Да, приятно, что он проявил интерес.

Чтобы Далглиш, Саунес или Долак приехали на обед в честь этого шланга? Да никогда в жизни.

Не успел Стронак урвать свое, как к нему вернулась обычная заносчивость, столь характерная для большинства футболистов.

- Если понадобятся еще билеты, Брюс, ты только свистни. Это не значит, что они у меня обязательно будут, но, зная тебя и все такое...

- Буду иметь в виду, - бросаю я, протягивая чек, сумма которого эквивалентна двенадцати сеансам минета.

Скотина!

Стронак с противной улыбочкой на лице уходит. Доволен собой, потому что думает, будто оставил в дураках Брюса Робертсона. Что ж, мой недалекий футбольный друг, тебя тоже ждут неприятные новости. И заключаются они в том, что правила не изменились.

Позже вечером приходит Крисси. Тюлевые шторы на окне Стронаков слегка раздвигаются, но Том сегодня играет, так что слежку, судя по всему, ведет его сучка. Впускаю гостью, и мы без долгих предисловий начинаем игры с отключением газа. Надо отдать должное, получается у нее неплохо. Быстро схватывает.

- Крепче, Брюс... туже... - шипит она, и я чувствую, как пояс сдавливает дыхательное горло.

Мне бы ее энтузиазм. Перед глазами написанные на доске имена конкурентов в гонке за повышением:

ГАС БЕЙН ПИТЕР ИНГЛИС ДЖОН АРНОТТ

Хренов плебс... вот уж вам... держите...

- Еще, Брюс, еще! Быстрее! Ну же, Брюс, давай! - стонет Крисси.

Хрен вам всем...

На комодѣ фотография Стейси в рамке. Я не могу на нее смотреть. Надо было положить лицом вниз или убрать куда-нибудь. Она смотрит на нас... наблюдает...

Стейси видит, как я с этой стервой...

...нет...

Я хороший... так сказала она... та женщина, его жена... Я пытался вернуть его к жизни... пытался... А теперь... Дрючу эту дрянь...

Туда-сюда... взад-вперед... сильнее... глубже... быстрее...

- О, Брюс... ну же... о... ооо... о Господи... о... о... оооооо...

Жарю и жарю, но этой бляди сколько ни пихай - все мало. Я уже взмок, а потому, когда комнату наполняет жуткий пронзительный вопль, сигнализирующий, что она улетела, и ремень на горле ослабевает, я с облегчением довожу до финиша и себя.

- Бля, Крисси... - выплевываю я, ощущая замирающие толчки.

Падаю на нее, скатываюсь, и мы на какое-то время засыпаем. Я просыпаюсь первым и изучаю нанесенный урон.

На веке лопнул кровеносный сосуд, на шее темнеет густой синяк. Я же профессиональный сотрудник правоохранительных органов. Мне с людьми работать. Не могу же я расхаживать в таком виде только из-за какой-то эгоистичной бляди. Тем более сейчас, перед самым повышением.

- Было великолепно, - говорит Крисси, лениво потягиваясь, и начинает одеваться. - Послушай, Брюс... - Она натягивает белье, влезает в юбку и застегивает блузку. - Нам о многом нужно поговорить, прежде всего о наших отношениях, по мне кажется, что спешить не стоит.

- Вполне разумно, - говорю я.

Выглядит она неплохо. Немножко пополнела, покрасила волосы. В движениях чувствуется уверенность и грациозность.

- То есть я хочу сказать, что нет смысла, не закончив одно дело, начинать другое. - Она улыбается, отбрасывает назад полосы и неторопливо причесывается. - Давай сохраним то, что есть, и не будем ничего менять. Проверим чувства...

- Полностью с тобой согласен. Как говорится, семь раз отмерь... - Пожалуй, неплохо бы перепихнуться еще разок. - Послушай, почему бы тебе не остаться? Мы могли бы перекусить, а потом еще поразвлечься, а?

Я перехожу к комоду и убираю фотографию Стейси в верхний ящик.

- Я бы с удовольствием, Брюс, но мне надо кое с кем встретиться.

- Вон оно что, - говорю я.

- Увидимся, Брюс. Пока, малыш. - Она вешает на плечо сумочку, поворачивается, целует меня в лоб, подмигивает и, придав голосу американский акцент, говорит: - Рада, что мы паркуемся на одной стоянке.

Дверь за ней закрывается.

- Верно... Ушла. Что б ее...

Думает, что ей все сойдет с рук. И это после того как из-за нес моего повышения оказалось под вопросом. Кем она вообще себя возомнила? Она никогда не заменит Кэрол! Никогда!

Дешевая шлюшка! Полицейская подстилка!

Оставила помаду. Красную-красную помаду.

И ЕЩЕ КЭРОЛ

Надо признать, мы совершили ошибку, уехав из Австралии. Нам с Брюсом было хорошо там. Просто так случилось, что после смерти отца моя мать захотела, чтобы мы вернулись. Оставаться не имело смысла, потому что Стейси была маленькая и еще не пошла в школу. Знаю, я повела себя эгоистично и не думала о карьере Брюса. А у него дела в сиднейской полиции шли очень хорошо. Ему было дьявольски трудно вернуться в Шотландию на более низкую должность, чем та, которую он занимал в Австралии.

Я так хочу снова быть с Брюсом, снова быть одной семьей: я, он и наша малышка Стейси. Ей надо понять, как плохо она поступила, сколько несчастий причинила своими глупостями. Меня часто охватывает чувство вины, я понимаю, что должна была больше заниматься с ней, научить ее видеть разницу между плохим и хорошим. Вообще-то она добрая девочка, и важно, чтобы она знала, что мы с Брюсом прощаем ее.

Подобного рода проблемы возникают во всех семьях; главное, не придавать им слишком большого значения. В нашем нынешнем, таком сложном мире детям очень трудно.

Я снова в баре. На меня таращатся двое мужчин. Один говорит что-то другому; слов не разобрать, но тон явно враждебный.

А почему это женщина не имеет права выпить одна? Вы хотите меня, но вы меня не получите.

Я - Робертсон.

Я взяла фамилию мужа.

Я принадлежу ему.

Если бы он был сейчас здесь, он заставил бы вас замолчать, стер бы ухмылки с ваших наглых физиономий. Вы ничтожества по сравнению с моим Брюсом. Вы не мужчины.

ЧАСТНЫЕ УРОКИ

Глисты. Приятного мало. Я немало узнал о них, посидев в библиотеке. Здесь работает такая приятная кошечка. Когда мне надоедает смотреть в книгу, я смотрю на нее. Просидел здесь почти все утро, и это после практически бессонной ночи. Но надо идти в кабинет; суббота - день больших сверхурочных.

Как и следовало ожидать, в управлении полно народу. В том числе и Леннокс. Мы решаем поработать часок с документами, а потом свалить.

Приятно разъезжать в машине. Я нормально утепился, дороги расчищены. Леннокс же чувствует себя неуютно в дурацком замшевом пальтишке.

- Оделся по погоде, а, Рэй? - усмехаюсь я.

- Черт бы побрал этих скупердяев, - ворчит он. - Могли бы на одежду и побольше выделять.

Вечно ему все не нравится, этому раздолбаю. Не тратил бы деньги на модные лейблы, так и пособия бы хватало на что-то практичное. Думает, налогоплательщикам не хрен больше делать, как только финансировать всяких мудаков, воображающих себя большими модниками и только притворяющихся полицейскими. Едем дальше, и я все отчетливее начинаю понимать: у Леннокса что-то на уме. Но дело-то в том, что Рэй от избытка ума не страдает. Некоторые вещи ему просто недоступны. Существует определенный набор правил, о которых ему подобные имеют весьма смутное представление, тогда как мы, Брюсы Робертсоны этого мира, движемся совсем по другим траекториям. Серьезно.

- А не заглянуть ли нам на Рыбзавод, а, Рэй?

- О'кей, - соглашается Леннокс. Сворачиваю с Джанкшн-стрит на Ферри-роуд.

- Ширли, - задумчиво произношу я. - Помнишь, как мы ее вдвоем?

- Угу, - без энтузиазма отвечает Рэй.

Мистер Первый Ебарь Леннокс, ха! Этот недоделок даже ее не смог удовлетворить. Показал себя полным неудачником. Она отсасывала у меня, а Леннокс порол ее сзади. Пары минут не проходит, Ширли поворачивается и говорит: «Поменяйтесь... Брюс, засади мне... по полной(есть, Брюс, есть, Брюс, тебе надо есть сказали, что надо есть, они были правы. не поверил им тогда, но они были правы, так что ешь, ешь все)

Рыбзавод, так мы называем бордель, действующий под вывеской сауны, или сауну, действующую как бордель. Точно не знаю. Ну да ладно, не важно. Заправляет им старушка Мэйзи, самая опытная в городе шлюха.

Прессуем мы Мэйзи так часто, что вряд ли она рада нас видеть, но хорошая блядь (а Мэйзи была одной из лучших) всегда хорошая артистка, и встречают нас по первому разряду. Вот в чем прелесть полицейской работы: не важно, ненавидят тебя или нет, главное: с тобой уважительно, тебе не грубят в открытую. Живешь в мире, который знаешь. Все остальное - благие пожелания или паранойя.

- Брюс, дорогой!

Мэйзи разводит руки и целует меня в щеку.

- Привет, Мэйзи. Как дела? - осведомляюсь я, хлопаясь на диван и закладывая руки за голову.

Из-под подмышек бьет такая вонь, что я едва не опускаю их, но вовремя сдерживаюсь. На хуй! Пусть сучки понюхают Брюса Робертсона. Мэйзи как будто ничего не замечает. Правильно, шлюха привычна жить с неприятными запахами. Она уже не та, что раньше, сдает, однако выглядит еще неплохо, как настоящая матрона, в тяжелом темном платье.

- Неплохо, Брюс, неплохо. У нас тут новая девочка есть, молоденькая, из Абердина. Хочешь

посмотреть?

- Попозже, Мэйзи, - с улыбкой говорю я и подмигиваю. Она переводит взгляд на Леннокса.

- А как твой юный друг? Может, он... Леннокс краснеет, но стоически улыбается. Я поворачиваюсь к нему.

- Вот что я скажу тебе, Рэй. Мэйзи научит тебя тому, чего ты никогда не узнаешь от мамочки. Забудешь все, что знал. Я все стараюсь уговорить ее забыть об отставке, но она и слышать не желает.

Мэйзи смеется и качает головой, а Леннокс явно чувствует себя не в своей тарелке. Достаяю из нагрудного кармана ручку и начинаю постукивать ею о стеклянный столик.

- Неужели не тянет, Мэйзи? Даже ради такого свежего молодца, как детектив-сержант Рэймонд Леннокс?

Она бросает быстрый взгляд на Рэя, который уже кривится, как от боли.

- Извини, милый, я сейчас делаю это по любви, а не за деньги. Этим пусть занимаются молодые. У меня теперь только один мужчина.

- Рэй - парень крепкий; у нас в управлении за ним держится репутация настоящего жеребца.

Я улыбаюсь, причмокиваю и лениво поигрываю ручкой.

- Вот как? - ухмыляется Мэйзи.

Так-то, мистер Леннокс, знайте свое место. А я ведь еще не закончил.

- Вот так. А потому, если надумаешь вспомнить старое, возьми на заметку. Говорят, он лучший из лучших.

Мэйзи понимает, что ребятам из полиции не откажешь, с ними надо иметь хорошие отношения, а потому унижать его ей ни к чему. Явно из сострадания к бедняге она переходит от общего к частному и доверительно говорит:

- Вот что я тебе скажу, Брюс. Если измерить в дюймах все, что побывало у меня между ног, и сложить, то получится расстояние до Луны и обратно!

Разумеется, такая игра мне не в новинку, и я не собираюсь снимать недоумка с крючка раньше, чем получу полное удовольствие.

- Что ж, Мэйзи, пожелаешь отведать первоклассного шотландского бычка... - я сладко причмокиваю и картинно закатываю глаза, потом тычу в Рэя большим пальцем, - лучше детектива-сержанта Леннокса не найдешь.

- Как я уже сказала, Брюс, те деньки для меня давно в прошлом, но если б они вернулись, я бы с удовольствием совместила приятное с полезным, имея в виду такого красивого парня.

Она медленно облизывает губы и смотрит на Рэя.

У бедняги такой вид, будто он душу продал дьяволу.

Так-то, Леннокс. Это тебе наука. Видя его смущение, Мэйзи вспоминает историю, имеющую отношение к одному из отцов города.

- Был у нас один лорд-провост. Это еще до тебя, сынок, - говорит она Ленноксу и поворачивается ко мне. - Ты помнишь его, Брюс?

- Да, конечно... но лично не знал, Мэйзи. Я все-таки не так стар!

- Я не это имела в виду, ты же у нас еще молодчик. - Она улыбается сморщенными, похожими на кошачью задницу губами, отсосавшими за долгие годы, наверное, у миллионов клиентов, как местных, так и приезжих. - Так вот, я говорю о провосте... нет, лучше обойдемся без имен. Среди наших девочек он был известен тем, что пользовал их в полном церемониальном облачении, с регалиями города Эдинбурга.

- Ходили слухи, - вставляю я, - что это ему мало помогало - не вставал.

- Верно, Брюс, я знаю об этом не понаслышке. Он мне сам говорил: «Мэйзи, жена меня не

понимает. Не нравится ей, что я хожу по дому в мантии». А дело было в том, что она не давала ему заниматься этим в мантии. Ты знаешь, Брюс, какой он был из себя: тщедушный, ничем не примечательный мужчина. Без всех тех мантий и цепей его никто бы и не узнал. И вот однажды кто-то из администрации отправил все его одеяния в химчистку. Провосту пришлось исполнять обязанности в костюме и при галстукe. Проблема заключалась в том, что каждый четверг бедняжка приходил сюда, чтобы провести вечерок с парой наших девочек. Он очень беспокоился, что в этот раз у него ничего не получится без мантии, а потому хлебнул для храбрости.

- Обычное дело, - усмехаюсь я.

- Уж не знаю, сколько он там выпил, но набрался изрядно, - продолжает Мэйзи и, поняв намеки, наполняет мой стакан. - Явился сюда, снял с себя все и заявил, что не уйдет и не станет одеваться, пока не получит мантию обратно. Я, мол, лорд-провост и, если что не так, закрою это гнездо разврата. Вы бы слышали, как он распинался! Его, наверно, и за Лейтом слышали! И это ему не так, и то не этак - подайте мантию и все тут! А одежду уже отвезли в одну химчистку на Саут-Сайд. У нас был телефон его приятеля, председателя жилищного департамента. Звоним ему. Тот идет к главному констеблю, а тот к Алеку Конноли, которого как раз задержала полиция за пьянство и дебош.

- Знаю его, - улыбаюсь я. - Еще жив. Первоклассный был взломщик, да спился. Работал несколько лет на почте, пока его и оттуда не погнали!

- Да, ужасный был человек этот Алек, - с теплотой в голосе говорит Мэйзи. - Ну вот, они ему и говорят, что снимут все обвинения, если он залезет в химчистку и вернет одежду провоста. Никаких проблем, отвечает Алек. Он забирается в химчистку, а провост тем временем буянит здесь: мне нужна моя мантия! Подайте ее сюда или я вас прикрою! Потом идет в кухню и берет нож. Девочки в ужасе, но провост хватается свою одежду и начинает кромсать ее на кусочки. Я лорд-провост! Я ношу положенные мне по чину одеяния! Я не собираюсь напивать всякое дерьмо! В общем, шуму много. Ну вот... Алек забрался-таки в химчистку, но допустил ошибку. То ли взял не тот пакет, то ли не разобрал, что там было написано. В общем, прихватил чужое. А мы тем временем напоили провоста так, что он отключился. Приходит Алек. Открываем пакет. А там всего лишь дамское меховое пальто. Оказалось, что одежду провоста отправили в Перт, в головную химчистку. Ну вот, натянули мы на провоста дамское пальто, запихнули его в такси и отправили домой.

Мэйзи усмехается.

Толкаю Рэя в бок.

- Подожди, это еще не все.

- Таксист - о чем мы, понятно, не знали - перед этим пострадал от ребят Ниддри, которые не расплатились с ним по счетчику. Настроение у него было испорчено, а тут ему на заднее сиденье подбрасывают какого-то пьяного да еще голого, если не считать женского пальто. И главное, что по данному адресу его никто не встречает. Надо тащить это бревно самому.

- И что он сделал? - спрашивает Рэй. Мэйзи отпивает глоток виски.

- Таксист думает, ну я ему покажу, этому наглому ублюдку. Он возвращается в город и едет к Калтон-Хилл. Вытаскивает мертвеца пьяного провоста из машины и укладывает его на постамент, тот самый, недостроенный, с колоннами, который еще называют позором Эдинбурга. Спустя какое-то время подъезжает патрульная машина, и полицейские обнаруживают группу молодых педиков, которые уже выстроились к провосту в очередь.

Рэй качает головой.

- Провост... назовем его провостом Х, был известен своим враждебным отношением к «голубым», - объясняю я. - Запретил им открыть свой центр на том основании, что это будет

оплот содомии. В общем, патрульные обнаружили провоста, а гомики разбежались. В газеты, конечно, ничего не попало, а слухи пошли. Как ты и сказала, Мэйзи, тот недостроенный памятник давно называли позором Эдинбурга, но после случившего стали называть по-другому.

- По слухам, провост даже бросил пить, - смеется Мэйзи. - Наверно, от виски задница начинала чесаться!

Мы все смеемся, но я резко умолкаю и холодно смотрю на Мэйзи.

- Эта новенькая... Думаю, я готов посмотреть на нее. Приведи ее, Мэйзи, и договорись о встрече на вечер.

- Конечно, Брюс, конечно.

Мэйзи поднимается со стула и уходит.

- Та еще баба, а? - говорит, улыбаясь, Рэй. - С характером, да?

- Точно. Только с бабами надо по-другому, Рэй, - с мудрым видом вещаю я. - Женщины - они как тетрапак: не важно, что там внутри, главное - чтобы открывались. Не забывай об этом.

Визит оказывается результативным.

- Это Клэр, - говорит Мэйзи, представляя нам новенькую.

Куколка действительно классная. Сбежала от своего сутенера из Абердина и нуждается в защите, а потому готова оказывать услуги полиции. Я бросаю на бродяжку один только взгляд - что ж, такой можно и помочь. Конечно, есть и свои «но», однако девочка делает дело профессионально. Я сразу же договариваюсь, чтобы она заглянула ко мне вечером. Это, разумеется, рискованно по ряду причин, но раз уж мы ждем, пока Кэрл одумается и вер(есть, есть, есть, поглащать, быть свободным) пирог с картошкой, какой умеют делать только у Кроуфорда, где его тушат в жире. Вроде бы ничего особенного, просто мука, но ребята дело знают.

Мне уже хочется поскорее опробовать эту штучку из Абердина, однако нам с Рэем пора возвращаться на работу. Только сначала, как заведено, заходим в столовую. Народу много, но атмосфера какая-то странная. Оглядываюсь и замечаю Драммонд с огромной открыткой в руке. Судя по непривычной тишине, что-то случилось. Вид у Драммонд совершенно убитый, как будто ей только что сообщили некую ужасную новость. Меня наполняет чувство ликования. Иду напрямиком к Даги Гиллману.

- Не знаю, слышал ты или нет, - говорит он, - но сегодня утром Клелл пытался покончить с собой. Спрыгнул с моста Дин-Бридж.

Вот так новость! Я едва сдерживаю восторг. Самое главное даже не то, что Клелл пытался покончить с собой, а сознание того, насколько же он был несчастен, и то, что, не достигнув цели, он еще больше унизил себя. Эта боль останется навсегда, она не уйдет.

Ну и как оно?

Пытаюсь собраться, изобразить шок, но куда денешь радостный блеск в глазах? Впрочем, особенно стараться ни к чему, потому что Гиллман, похоже, испытывает примерно те же чувства.

- Что случилось?

- Дерево смягчило падение. Он сломал бедро. Сейчас в больнице принцессы Маргарет. Операция завтра утром. Будут заменять бедренный сустав.

- И все? - спрашиваю я.

К нам подходит Драммонд с дурацкой открыткой, на которой все уже поставили свои подписи под пожеланием скорейшего выздоровления.

- А разве недостаточно? - холодно спрашивает она.

- Конечно... я совсем не то имел в виду. - Я протестую так убедительно, что ей самой становится стыдно за свои недостойные мысли. - Давай подпишусь... все это так неожиданно...

он только собрался переходить в дорожный отдел... даже не верится.

- Конечно... извини, - говорит Драммонд. - Я вовсе не имела в виду...

- Деньги кто-то собирает?

- Да, мы с Карен.

Так я и думал. Будут ухаживать за психически ненормальным в ущерб должностным обязанностям. Да что там, мы же просто расследуем какое-то убийство.

Порывшись в кармане, нахожу скомканную десятку, которую и протягиваю Драммонд. Я знаю одну крошку, которая за эту бумажку отсосала бы все до последней капли.

- Брюс, ты уже разговаривал с Бобом?

- Хочешь сказать, с Тоулом? - поправляю я. - Сегодня нет. А что такое?

- Он попросил связаться с ним, как только ты появишься. Там, на твоём столе, записка.

- Сейчас же поднимусь, - отвечаю я и ухожу.

Тоул сидит за компьютером и, судя по всему, занят своим долбаным сценарием. Увидев меня, он поспешно переключается на другую программу. Пытается держаться как ни в чем не бывало, но вид у него виноватый, как у Бегби, пойманного с поличным на ювелирном складе. Просит извинить - «я на минутку, зов природы». Он выходит, а я подхожу к столу. На экране ничего - каков ловкач. В замке верхнего ящика связка ключей. Наверное, от дома и от машины. Похоже, в ящике что-то очень для него ценное. Натягиваю на пальцы обшлаг пиджака и поворачиваю ключ.

В ящике толстая папка, только в ней не какой-нибудь доклад, а черновик сценария. Открываю титульную страницу:

ГОРОД ТЬМЫ: ТАЙНА УБИЙСТВА

Сценарий Роберта С. Тоула

Кем он возомнил себя? Неужто думает, что его ждут в Голливуде? А, это ты, тот тупой шотландский коп, который не способен поймать даже триппер и не может написать собственное имя? Вот тебе миллион баксов за гребаный сценарий. Да, вот тебе Том Мать Его Круз и Николас Хренов Кейдж на главные роли, вот тебе Мартин Гребаный Скорсезе в режиссеры... да, конечно. Меня охватывает желание разорвать всю эту чушь, скомкать листы и бросить в огонь. Погреться на Рождество - вот и вся польза от этого дерьма.

Здесь же лежит еще один ключ. Похоже, идентичный тому, который торчит в замке. Я кладу его в карман и закрываю ящик. Надо забрать у Тоула и сценарий, и дискеты. Можно было бы, конечно, уничтожить все это прямо сейчас, и пусть только попробует мудака что-нибудь вякнуть. Да, было бы круто! Однако есть еще аттестационная комиссия... Нет, не стоит портить с ним отношения. Тоул не должен ничего заподозрить. Действовать надо по принципу: уничтожай, но не наживай врагов. Корпоративно.

К возвращению Тоула я уже сижу на стуле. Он сдержанно сообщает, что мисс Драммонд больше не руководит расследованием. Командование берет на себя сам главный олух. Я даже не знаю, как к этому отнестись. С одной стороны, она проявила себя полной дурой, что соответствует действительности. С другой, перемена в руководстве означает лично для меня увеличение работы, а я слишком занят, чтобы носиться по городу в поисках каких-то уголовных недоделок. Тоул говорит, что ему нужен ежедневный отчет, чтобы иметь представление о ходе расследования.

Будет тебе отчет - можешь сунуть его сам знаешь куда. Я спускаюсь вниз и ввожу в курс дел Драммонд и Гиллмана. Мне доставляет особое удовольствие сообщить тупой телке, что ей поручено заниматься молотком.

- Надо раскинуть сети пошире, - с улыбкой говорю я, - охватить все скобяные магазины Шотландии.

Она пытается что-то возразить, но все же сдерживается и умолкает. Я упиваюсь ее дискомфортом, потом спрашиваю:

- Это все?

Мисс Драммонд поспешно ретируется, а я подмигиваю Даги Гиллману.

Мы прочитали где-то высказывание одного мудака насчет того, что лучше путешествовать с надеждой, чем терять ее по прибытии, и сейчас нам хочется дать ублюдку по голове дубинкой, потому что если все обстоит так, как нам видится, то мы в полной жопе.

Сажусь за стол и пытаюсь сочинить гребаный отчет. После двух с половиной страниц решаю, что надо съездить домой и немного прибраться. Уборка сводится к тому, что я достаю из-под раковины мешок для мусора и сваливаю в него все накопившееся дерьмо. Одного мешка оказывается мало, нужен второй. Вообще-то я бы никогда не стал так напрягаться из-за шлюхи, но порядок необходим, чтобы создать атмосферу театра. Приношу из гаража стол и стул, потом игрушечную ученическую доску и мел из комнаты Стейси. Делаю это и уже завожусь. Ставлю одну из взятых у Гектора видеокассет - надо проникнуться настроением, пока не появился Роджер Мур.

Малышка Клэр и впрямь хороша. Молодец Мэйзи. Сколько же времени ушло на поиски той, которая идеально подходит для моей игры. Дело в том, что я знаю если не всех, то большинство девушек. Такова уж специфика работы. Я забочусь о них, они заботятся обо мне - лучшего сутенера не пожелаешь. Клэр - особенная. Сделала все именно так, как я и указал: короткий парик с завитыми волосами, твидовая юбка, зеленая кофточка с брошью. Брошь - как раз то, что надо. Для приближения к совершенству. Как у мисс Хантер.

- Брюс Робертсон, подойдите сюда, - командует она. Выражение, тон, высота голоса - все в строку. Мэйзи

отлично ее проинструктировала. Мы обязаны подчиниться. Мы? Я.

- Да, мисс, - тихо отвечаю я.

- Мне стыдно за вас, Робертсон, - говорит она нам. - Вы самый презренный, злобный, порочный кусок человеческих экскрементов, который когда-либо ходил по земле...

- Так оно и есть, мы согласны. Мы заслуживаем бесчестия и презрения. Все мы.

По бедру, возбуждая экзему, сползает горячая струйка мочи.

- ...но в то же время - странный парадокс - я впервые встречаю мужчину, который приводил бы меня в такое состояние сексуального возбуждения... губы моей вагины дрожат и раскрываются, когда ты, Брюс Робертсон,ходишь в комнату... - шепчет она. - Тебе это известно, Робертсон? Известно?

- Допустим, - говорим мы ей.

Я и сам в том самом состоянии. Очень-очень в том состоянии.

- Я хочу тебя, Брюс Робертсон. Я вся мокрая. И я возьму тебя, Брюс Робертсон.

Она бросается на меня, валит на недавно купленный стол, расстегивает ремень и стаскивает промокшие брюки. Потом задирает юбку - под ней ничего нет, - насаживает себя на меня и начинает медленно трахать, приговаривая, какой я плохой и что из-за меня ей приходится делать это, а я сжимаю ее ягодицы и обзываю се старой фригидной блядью и всеми другими словами, которые только приходят в голову, и это терапия в чистейшей и простейшей форме, и туман рассеивается, и перед глазами возникают пятна, и все идет кругом, и тема сегодняшнего урока: БРЮС РОБЕРТСОН. Сажусь и закуриваю.

- Ты отлично трахаешься, мисс Ха... э... Клэр.

- Нужно что-то еще? - с милой улыбкой спрашивает она.

- Нет, не сейчас, спасибо.

Я умолкаю, думая о том, подойдет ли она на роль в том небольшом сюжете, который мы

обсуждали однажды с Гектором Фермером. Пожалуй, тут надо пораскинуть мозгами.

Она уходит, а я принимаю душ и переодеваюсь. Грязной одежды скопилась уже целая куча. Чистого белья почти не осталось. Придется устроить стирку.

Освежившись, решаю прогуляться в Ложу и пропустить стаканчик-другой на ночь. Первый, кого я там вижу, - Джордж Макки, собаковод. Одинокий и потерянный, он сидит в компании одного хрена в форме, чье имя вылетело у меня из головы. Бедняга Дод, похоже, уже нализался. Беру тройное виски и пинту "гиннеса" и подсаживаюсь к нему и его безымянному приятелю.

Дод никак не может позабыть свою мерзкую собачонку, погибшую из-за некомпетентности Леннокса. Чем дальше, тем более скучными и занудливыми становятся его причитания. Не выдерживает и уходит даже придурок в форме. В какой-то момент в глазах Джорджа появляются слезы.

- Такое нелегко пережить, Роббо...

- Да, Джордж, я понимаю, собака лучший друг человека. Я киваю и опрокидываю еще стаканчик двойного.

- ...эта собачка... она была моим напарником, моим партнером. - Макки обводит бар затуманенным взглядом. - У пес... у нее было сердце. Она была настоящим полицейским, не то что некоторые из здесь присутствующих!

- Конечно, Джордж, - говорю я. Завелся на свою голову, старый мудака.

- Настоящий полицейский. От и до. Я любил ее, и она любила меня!

- Это уже отношения, - задумчиво говорю я. - Полновесные и интимные отношения между человеком и зверем.

Джордж пытается взять меня в фокус. Выражение у него несколько ошарашенное.

- Все было не так... мы не...

- Нет, нет, конечно, нет... ты меня не понял, - говорю я. - Я хотел сказать... Предположим, на Землю опустились пришельцы. Инопланетяне... из космоса... - Этому собачнику хрен что объяснишь. - Они увидят только два вида земных существ. То есть... они ведь не увидят, например... ну, homo sapiens и собаку. Нет, они увидят двух землян... это и есть отношения. - Я поднимаю полупустой стакан в надежде, что трухлявый пенъ поймет, что к чему, и свалит из бара. - За землян!

Джордж тоже приподнимает свой и бормочет что-то неразборчивое.

После недолгих размышлений решаю оставить недоумка в покое и выхожу на улицу. Торможу тачку и уже собираюсь назвать адрес, когда рука находит в кармане ключ от ящика Тоула. Повинуясь порыву возбуждения, называю Стокбридж. Ехать недалеко. Вылезаю и иду пешком по темным улицам, держа курс на управление.

Кое-где еще горит свет, но никого не видно. На нашем этаже работают уборщицы. У них ключи от всех кабинетов, а у меня имеются давным-давно сделанные дубликаты. Когда-то в канцелярии работала одна птичка, которую я потягивал после работы. Морин. Выскочила замуж и уехала. Такая милашка...

Поднимаюсь по задней лестнице до нужного этажа. Вхожу в кабинет, открываю ящик, забираю папку со сценарием. Потом включаю компьютер и уничтожаю файл «Город тьмы». Проверяю, то ли стер. Просматриваю другие файлы. Интересующих меня два, каждый под собственным именем. Стираю и их.

Оставляю запасной ключ в ящике и выхожу. Слышу гудение пылесоса и, проходя вниз, заглядываю в офис через стеклянную дверь. С ужасом вижу Инглиса и Драммонд. Вот сволочи, устроили тут ночную смену. Наверно, все пытаются докопаться, откуда взялся молоток. Нет, недоноски, вам в жизнь не найти никаких следов. Откуда-то слышится голос Гиллмана.

Сердце замирает - я слышу, как кто-то поднимается по задней лестнице.

Опускаюсь на четвереньки и проползаю мимо стеклянной двери. Было бы неплохо подслушать, о чем треплется эта теплая компашка. На мгновение замираю под окном - кажется, кто-то произнес мое имя, - но времени нет. Не хватало только, чтобы ют, кто спускается по лестнице, присек меня в столь неподобающей позе. Я дрожу от возбуждения, меня покачивает от выпитого, и сейчас главное - убраться отсюда незамеченным.

Натыкаюсь на стену. Поднимаюсь и на цыпочках бегу по коридору.

Вашу мать!..

Слышу впереди голоса, а за спиной приближающийся гул пылесоса. Отпрыгиваю в тень и выскакиваю на главную лестницу. Осторожно спускаюсь и ныряю в туалет на площадке, как раз у поворота лестницы. Надо успокоиться. Несколько минут сижу в кабинке, стараясь унять нервную дрожь, потом выглядываю. Горизонт чист. Выхожу из сортира. Слава Богу, что у нас здесь нет никакой охраны.

Все еще не веря в удачу, лечу к Стокбриджу, оставляя за спиной сливающееся с темнотой здание управления. Ноги едва касаются плотного, утрамбованного снега. Один раз я падаю и, лежа на спине, смеюсь. С неба опускаются изумительно прекрасные, совершенные в своей белизне снежинки. Поднимаюсь и, напевая, иду дальше.

...хотя мы падаем порою, но поднимаемся всегда...

Ветер крепчает, от него немеет лицо, и я уже не справляюсь. Ловлю такси и называю Колинтон. Ничего не могу с собой поделать - хохочу как сумасшедший. Водитель поворачивается и говорит:

- Веселый вечерок, а, приятель?

- Верно, - соглашаюсь я.

Мы немного болтаем о футболе, о «Хартс», о том, что Стронаку пора вешать бутсы. У меня даже возникает желание дать водиле на чай, но я не позволяю себе раскиснуть и отсчитываю ровно столько, сколько требуется, упиваясь его стоическим разочарованием.

ВЕЧЕР С ДАМАМИ

Воскресное утро. Я развожу огонь и быстро пробегаю глазами то, что записал прошлой ночью на видео. Хорошо еще, что уголь подвозят. Что я умею дома, так это растапливать камин. У Кэрол никогда ничего не получалось, и она уступала право разведения огня мне. Попытался постирать брюки в ванной, даже воспользовался какой-то стиральной жидкостью, и вот они висят теперь перед камином на прогнувшейся вешалке.

По телевизору, как обычно, ничего стоящего, но у меня уже вошло в привычку работать ночами. Мудозвон в ящике треплется с тремя мокрощелками, которым не терпится под него подлезть. Одна настолько напоминает Аннализу, ту пташку, которую я трахнул на заброшенной стоянке перед отпуском, что меня бы не удивило, если бы она вдруг заговорила с шотландским акцентом. Но нет, сучка оказывается Лесли из Лондона. Дурацкие вопросы выводят меня из себя. Кто их только придумывает? Речь идет о «Свидании вслепую». Я-то точно знаю, о чем бы спросил этих дур.

1. Если бы я предложил вам потрахаться, вы бы согласились?

2. Вы даете в задницу?

3. Вам приходилось слизывать глистов с задницы полицейского, обрабатывающего вас вибратором?

Вот те вопросы, ответа на которые ждет вся нация. Скукотища такая, что я берусь за сценарий.

УЛИЦА НЬЮ-ЙОРКА. ЧЕТВЕРГ. ТРИ ЧАСА НОЧИ.

Одинокий мужчина идет по темной, холодной, пустынной улице. Время от времени он настороженно оглядывается, как будто проверяя, не следят ли за ним. Он направляется к набережной. Впереди огни Бруклинского моста. Внезапно слышен чей-то крик. Мужчина поворачивается. И мы видим в замедленном движении бегущего парня с железкой в руке...

Какого хрена! Что за срань! Этот мудака Тоул просто описывает расследуемое нами убийство, только перенес его в Нью-Йорк. Ни хера это никакой ни сценарий!

Вырываю титульную страницу и две следующие и бросаю их в огонь. Последний экземпляр долбаного шедевра ублюдка Тоула! Вот туфта! Уж если читать, то что-нибудь настоящее. Я открываю страницу с кроссвордом.

Эти кроссворды, что б их, с каждым разом становятся все груднее. Кольца Сатурна... кольца Урана...

Звонит телефон.

Забыл отключить.

Отвечать на звонок, когда ты дома, значит совершать ошибку. Это слабость, обычная полицейская слабость: любопытство. Захотелось узнать, кто это может быть. Получил гребаного Тоула. Он начинает жаловаться, излагать нам свои печали. Его, видите ли, не впечатлили мои две с половиной страницы отчета. Да и как они могут впечатлить такого знаменитого писателя, как Тоул? И вот он бормочет что-то маловразумительное об убитом черномазом, об этом Эфане Вури, о том, что старикан нашего Самбо-боя нажаловался министру внутренних дел, который надрал задницу главному констеблю, который надрал задницу Ниддри, который надрал задницу Тоулу, который теперь делает то же самое со мной. Вот почему он убрал с передовой Драммонд: слишком уж большие корабли бьют со всех сторон; тут нужна броня покрепче. Мне так и хочется спросить, а как же детектив-сержант Аманда Драммонд и ее решающая роль в расследовании? Уж если она проявила себя таким умелым организатором и проницательным сыщиком, то, может быть, министру стоит адресовать свою озабоченность непосредственно ей?

Ха!

Но я молчу. Тоул потому и изливает мне свои печали, что опечален сам.

Все, о чем я способен сейчас думать, это череп того парня, проломленный, разбитый, совсем не похожий на голову, напоминающий дурацкую физиономию растрепанной тряпичной куклы. Я думаю о том, что, когда ломаешь, уничтожаешь что-то, когда обходишься с чем-то по-звериному жестоко, оно, это что-то, выглядит изуродованным, обезображенным, немного нереальным и нечеловеческим, и это облегчает твою задачу, позволяет глумиться, калечить, давить, пока ты не уничтожаешь это что-то совершенно, доказывая тем самым, что уничтожение естественно для человеческого духа, что природа снабдила нас механизмами, дающими возможность разрушать и не ломаться при этом самим; она изобрела, придумала, как сделать, чтобы самые праведные, жаждая действий, совершали их, не страшась последствий; она изобрела способ низводить нас до состояния ниже человеческого, когда мы преступаем закон...

...но она была не права. Она попыталась доказать что-то мне и поступила неверно. Или, может, хотела заставить меня доказывать что-то ей, проявлять свои к ней чувства. Но я не поддамся, не уступлю. Никогда. И, конечно, ей не следовало делать то, что она сделала.

Тоул замолчал. Ждет от нас ответа. Мы повторяем то, что уже изложено в отчете. Что отправили Даги Гиллмана на встречу с представителями Форума, а дорогуше Мэнди Драммонд поручили заниматься молотком.

Что касается нас, меня лично, то я веду активное наблюдение за противником.

- Прижми этих ублюдков, прижми чертовых фашистов, - говорит нам Тоул.

Интересно, обнаружил ли он пропажу своего драгоценного манускрипта? Бедный, бедный Тоули-бой.

Тоул, конечно, враг. Это абсолютно, кристально ясно. Мы вынуждены работать с ним, так как открытое противодействие только возбудило бы в нем подозрения, но наша стратегия не меняется: выявлять понемногу слабые места и расшатывать под ним стул. Такая стратегия уже принесла определенные дивиденды. И ради достижения цели мы должны пока не давать выхода ненависти и презрению.

Мы пренебрегали своими обязанностями. Слишком много времени отнимали другие дела. Одержимость шлюхами. Погоня за красотками. Сдержанность. Самоконтроль. Нам нужно освободиться от своих влечений. Нам нужно сдерживаться.

(есть, есть, есть, внешнее окружение враждебно. Там нет пищи. Здесь есть все. Есть есть есть. Расти, становиться сильнее, толще, длиннее. Хозяин знает о моем существовании. Есть есть есть. Но есть и что-то еще. Есть, есть. Если существую я, то должны быть другие. Такие же. Я чувствую их. Чувствую, что меня окружает не только внутренняя ткань Хозяина. Я чувствую того, кого буду называть Другим. Я не один. Рядом родственная душа. Мы общаемся друг с другом, обмениваясь через наши тела химическими веществами и сливаясь душами... чтобы соединиться, подняться к новой судьбе... намного лучшей унылого и одинокого существования здесь, в этом огромном туннеле внутренностей нашего Хозяина. Мы с ним слишком разные, чтобы он считал нас равными себе. Этот парень думает, что мы всего лишь паразиты, питающиеся содержимым его внутренностей. Мы подвергаемся нападениям. Нас буквально обстреливают едкие химикалии. Но мы любим Хозяина. Да, любим. Потому что мы должны его любить. А как мы можем не любить его? Мы любим его больше, чем себя. Моя ничтожная жизнь не наносит, ему ни малейшего вреда. И, видит Бог, я вовсе не хочу, чтобы какое-то другое живое существо страдало ради спасения меня. А вот Другой, он иной. Он понимает меня. Мы питаем друг друга, дышим, едим, выделяем экскременты, переплетаемся и путешествуем по внутренностям нашего славнейшего Хозяина.)

Вхожу в кабинет. Вид у Тоула расстроенный, если не сказать убитый. Странно, но почему-то это не доставляет мне ни какого удовольствия. Что-то не так. Со мной. Мне не по себе. Надо меньше пить. Чертов алкоголь меня доконает.

Думал, что, может быть, стоит пошантажировать Тоула, заручиться его поддержкой при решении вопроса о повышении в обмен на сценарий, пусть и без первых трех страниц. Некоторое время речь идет только о безнадежно затормозившем расследовании дела Вури, потом Тоул говорит:

- Что-то все у меня не ладится, брат Робертсон.

Не подозревает ли Тоул, что я приложил руку к исчезновению его сценария? Или раскидывает какую-то хитрую карту?

- Что так, брат Тоул? - надменно спрашиваю я.

- Потерял несколько файлов. Он показывает на компьютер.

- Компьютерных? - уточняю я. - Да.

- Я не большой поклонник новых технологий. Компьютеры не для меня. По-моему, они чем-то напоминают наших братьев вольных каменщиков: не важно, сколько дерьма в них напихано, важно не забывать подставлять им плечо.

Тоул болезненно улыбается, и лицо у него становится задумчивым, но уже в следующий момент он говорит нечто такое, что смущает и в то же время ободряет меня.

- Братья часто поддерживают друг друга так, что и представить себе трудно. - Он устало улыбается и добавляет: - Если узнаешь что-то, Брюс, дай мне знать. Буду признателен.

- Ты имеешь в виду файлы и все такое? - спрашиваю я, разыгрывая из себя придурка.

- Все, - фыркает он.

От разговора с Тоулом остается какой-то неприятный осадок беспокойства. Ощущение триумфа прошло, его сменили горечь и пустота. Почему, сам не знаю. Так или иначе день, похоже, уходит из-под контроля. Я думаю и думаю о... о каких-то глупостях.

Стейси. Рождество. Кэрл.

На хуй все это дерьмо! Она - отрава. Угроза для себя самой и для других. Что ж, у меня новость. Для нее, для Ниддри, для Тоула: Брюса Робертсона вам не наебать. Правила остаются. Мои методы - это мои методы.

Бывает иногда, думаешь, что хуже дня уже и быть не может. Ошибочка! Всегда может быть еще хуже; дела идут так, что никакого просвета и не видно.

Сейчас тебе будет хуже, Брюс, мой милый, милый друг, потому что она уже здесь, поджидает нас, возле самого выхода.

- Брюс, - говорит она, когда мы, делая вид, что не замечаем ее, пытаемся пройти к машине.

Ее голос - шипение змеи. Бруууссссс... Брууусссс...

Давай перекроем газзззз, Брууусссс... нет, то Крисссси. А это Шшшширли. Вспоминаю, у Сстейссси был мультик на видео, «Книга Джунглей». И была там поющая змея. Доверьсссса мне... Как же ее звали? Шерхан? Нет, Шерхан это хренов тигр...

- Привет, Ширли. Нам нельзя здесь разговаривать. Давай встретимся в пабе за углом через десять минут.

- Но, Брюс... - говорит она, и ее лицо корчится в жалобной гримасе, однако никакой снисходительности нет и быть не может; есть только закон, которому должно подчиняться.

Это относится и к общественным законам, тем, которыми мы руководствуемся в повседневном общении. Она пытается пересмотреть условия заключенного нами контракта. В контракте ясно сказано, что никаких глупостей в личной и частной жизни между нами не будет, и вот теперь этот долбаный контракт нарушается. Нет, нет и снова нет!

Бруууссс...

- Повторяю, мы не можем разговаривать здесь. Послушай, я не собираюсь повторять два раза. Увидимся в пабе через десять минут.

В глаза бьет солнечный свет, безуспешно пытающийся побороть холод шотландской зимы и мешающий мне разглядеть эту шлюху. Резко поворачиваю и иду к автостоянке.

Хрен тебе, а не десять минут! Слышу за спиной ее крадущиеся шаги. Не отстаю. Надеюсь, нас по крайней мере никто не видит. Дура не понимает, какое оружие против меня дает всем этим ублюдкам: Тоулу, Ленноксу, Гиллману, Драммонд и им подобным. Ее присутствие в моей компании может быть использовано для нанесения смертельного удара по мне.

Крутой шотландский коп Брюс Робертсон слышал, как стучат каблучки шлюхи, следовавшей за ним по бетонированной площадке. Он думал о ногах, приданных этим каблучкам, и о той Мекке, к которой они вели. Не важно, сколько паломничеств туда совершено, Робертсон никогда не отказался бы побывать там еще раз. Он слышал ее учащенное дыхание, представлял, как колышутся ее тяжелые груди, эти теплые и влекущие молочные железы, так хорошо ему знакомые... Ну и распиздяй же ты, Тоул! Сценарист хуев! Любой раздолбай может накатать такое дерьмо!

А вот идея у Тоула верная. Впусти в голову столько, сколько влезет, голосов и спрячься в толпе. У нас их много. Может быть, столько, сколько глистов, съедающих нас изнутри. Уличные рекламы приглашают нас выпить «теннентса» - а почему бы и нет? Еще одна предлагает опробовать новый «фиат уно». Легко. Можно даже вместе с «теннетсом».

Ха!

Есть!

Ошибочка!

Давай, беби, попробуй моего бекона, отведай моего охуительного бекона!

Заходим в бар «Рэг Долл». Пропускаем пару стаканчиков. Вообще-то не так уж мы и злимся, как хотим показать. Вообще-то.

Вообще-то!

Ширли - интересная сучка. В ней все фальшивое, все искусственное, но подать себя умеет; по крайней мере ее макияж сочетается с нашими гормонами, заставляя нас поверить в то, что выглядит она примерно так, как когда-то. И только потом, когда пушка уже отстрелялась, мы видим ее истинное обличье - карикатуру на себя прежнюю.

Сучка, она сучка и есть. И сейчас ей ничего не надо, как только отведать нашей поросятины.

Мы вспоминаем все, что у нас было. А было немало, потому что я драл се много лет. Много-много-много-много раз.

- Нам надо бы сделать кое-что и для себя, - сказал я ей однажды. - Ребята в школе, Стейси тоже. Ты сыта, и я наелся. Почему бы нам двоим не повеселиться? Плохо от этого никому не будет. Живем только раз.

Годы обмана. Мы оборачиваемся и видим ее. Сейчас, постарев, она еще больше напоминает Кэрл. Впрочем, Ширли всегда была потяжелее и покрупнее.

Ну же, детка, отведай нашего...

Она открывает рот, и в нашей голове возникает шум. Мы, я, мы видим, как ее рот принимает овальную форму, форму мольбы, и слышим послание: Бруусссс.

Ладно, если хочет, то получит. Они все получают свое.

Мы сидим за столиком в барс. Говорит она. Бар почти пустой. На линолеуме полосы света. Мы видим отчет о футбольном матче на последней странице «Ивнинг ньюс». Интересно, играл ли Стронак. Мы киваем смутно знакомому недоумку в форме, который только что вошел и разговаривает с барменом. У недоумка слишком длинный язык, и если он разболтается в

столовой, там всегда найдутся готовые послушать, вроде педика Инглиса, чьи уши настроены на прием любой брехни, которая только может слететь с неосторожных губ. Пора уходить.

- Здесь нельзя разговаривать, - говорю я, и мы вызываем такси.

Машина подходит быстро, и мы сразу же садимся. От стука мотора, тепла и ее духов в штанах у меня поднимается, и я закрываю се рот своим, прерывая поток трескотни. Мой язык проникает все дальше, в самое горло... Нас бросает вперед. Такси останавливается. Мы дома.

Есть!

Я, мы... Я бросаю ее на незастеленную, вонючую кровать, всю в крошках и желтоватых пятнах от высохшей спермы, и жадно принимаю к ее пизде, лакая из нее, облизывая, глотая. От нее пахнет земляникой. Мыло. Ей это нравится, но она не желает принимать в рот мой напрягшийся, подрагивающий хуй, мой шелушащийся, грязный, противный хуй; она отталкивает его от лица и тянет вниз, и вот мы оба уже готовы кончить, и тогда я приподнимаюсь, переворачиваю ее и засаживаю ей сзади. Она недовольна, ей не хочется принимать в себя эту тошнотворную елду, излечить которую не сумел доктор Росс, но ей хочется кончить, и мы ебемся как бешеные и приходим к финишу почти вместе. Таковы правила.

Таковы правила. Она лежит, удовлетворенная и полусонная, получив свою порцию. Лежит рядом с мужем своей сестры. Она снова добилась своего, она снова заставила нас уступить. Мы опустошены. Брууссс...

Мы сидим в постели. Я закуриваю и говорю:

- Помнишь, как я отъебал тебя в первый раз?

- Как ужасно ты выражаешься! Она упрямо надувает губы.

- А чего еще ты от меня ждешь? Как еще сказать? Помнишь, дорогая, как мы в первый раз занимались любовью?.. Ха-ха-ха. Когда это было, в восемьдесят пятом? В восемьдесят шестом? В любом случае не меньше десяти лет назад. Кэрол... Мы еще и женаты были недолго. Ты пришла к нам, и вы обе изрядно нализались. А я отвез тебя домой. Помнишь?

- Помню.

Ее лицо искажается. У нас есть своя, общая история, но она не хочет это признавать.

- Я отымел тебя прямо на заднем сиденье. - Мы улыбаемся. - Помнишь, что ты тогда сказала? Нет? Никогда не рассказывай Кэрол. Вот что ты сказала. Десять лет с перерывами тебя дрючил муж твоей сестры. Помнишь, как приезжала к нам в Австралию? Помнишь, как мы развлекались втроем, ты, я и та, местная, Мадлен? Веселая у нас была троица. Как она тебе вылизывала. Тебе нравилось. Ты просто ерзала от нетерпения, так хотелось, чтобы тебя отдрючили. Стоило Кэрол только отвернуться, и ты уже тут как тут. Помнишь?

- Ты бываешь таким жестоким. - Она качает головой. - Почему ты такой жестокий? Что это дает тебе? А?

- Я всего лишь констатирую факт. Десять лет. Мы вернулись в Англию и еще не успели распаковать чемоданы, как ты уже прилетела. - Я качаю головой, краем глаза наблюдая, как она закипает от злости. - Ты корова. Как ни крути. Раз, другой, это бы еще ладно, но десять лет? Нет, ты - корова. КОРОВА.

- Вот, значит, как? А ты когда-нибудь задумывался о том, кто в таком случае ты? - выплевывает она.

Мы, я, мы не обращаем внимания на ее вопрос.

- Помнишь то время, когда ты была с Дэнни? Первый раз ты пригласила нас к себе, когда он был на вахте. А потом я привел к тебе Рэя. Он был тогда детективом-констеблем. Сейчас - детектив-сержант. Мы ебали тебя вдвоем. На пару. Такой вот *menage a@ trois*.

- Это... мы были пьяны... ты...

- Бедный Дэнни. Эти вахты... Две недели здесь, две недели там. А пизда хуя просит. Она пристально, напряженно смотрит на нас.

- Даже не знаю, зачем я только трачу на тебя время! Не настолько уж ты и хорош! Она усмехается.

- Я отвечу на твой вопрос: по трем причинам. Во-первых, Дэнни в ОАЭ. Во-вторых, у меня есть хуй. А в-третьих, - я улыбаюсь, - я не стану болтать.

- Неудивительно, что Кэрол ушла от тебя! Правильно сделала!

Она встает и торопливо одевается. Ничто так не возбуждает болезненное воображение, как вид поспешно натягивающей на себя одежду стареющей сучки, которую ты только что оттянул.

Но брошенные ею слова задели нас так, что хочется крикнуть: «Она еще вернется!» Однако об этом мы промолчим.

- Убирайся!

- Не беспокойся, уйду, - огрызается она и уходит.

Через некоторое время я, мы, я, мы обнаруживаем, что готовы к продолжению. Можно было бы повторить, но ее нет. Ничего, она еще придет, никуда не денется. Полная гарантия. Мы ставим Фрэнка Сайдботтома и включаем видео, то, где блондинистая телка обрабатывает пару лесорубов в лесу на Аляске. Возбуждение нарастает, и мы звоним Банти.

- Хеллоу, Буунтии!

- Фрэнк. Если только тебя действительно зовут Фрэнк...

- Конечно! Меня действительно зовут Фрэнк. Ты просто не знаешь, что несешь, глупая сисястая телка!

Молчание. Она уже не такая резкая. Мне удалось зацепить ее на крючок. Дыхание сбивается.

- Откуда ты знаешь, какая у меня грудь? - осторожно спрашивает она.

Сучка следует совету, данному ей самым детективом-сержантом и в скором времени детективом-инспектором Брюсом Робертсоном. Конь в штанах вздыбился, и мы расстегиваем "молнию".

- Я знаю все. А теперь расскажи мне о своих сексуальных фантазиях, Буунтии.

- Замолчи! Отвратительный, мерзкий урод! Извращенец! Оставь меня в покое!

Она швыряет трубку. Как мы ее довели!

Перематываю пленку к тому месту, где усталого вида засаленный жеребец порет в задницу грудастую птичку. Товар уже не первой свежести, но есть несколько отличных крупных планов. Чтобы добиться такого ритма движения, елду, наверно, сиром смазывают. Мы спускаем на эксминстерский ковер.

Немного погодя решаем позвонить брату Клиффорду Блейдсу.

Он немного расстроен.

- Извини, Брюс, в клуб сегодня прийти не смогу. В общем, Банти не в настроении. Тот извращенец опять ей звонил.

- О Господи, Блейдси. Беда одна не ходит, да? Послушай, постарайся ее успокоить, а я сейчас приеду.

- Спасибо, Брюс. Буду очень благодарен. Она прямо-таки вне себя.

Мы идем в сортир, где чуть не в кровь раздираем саднящую единицу, гениталии и бедра. Потом готовим порцию кокса. Пропускаем дозу под «гленморанжи», чтобы смыть с миндалин частички порошка.

И только тут вспоминаем, что машина осталась на стоянке возле управления. Это из-за той сучки Ширли, которая всегда думает только о себе. Вызываем такси в Корсторфин и едем к нашим друзьям, Клиффу и Банти Блейдс. Счетчик тем временем приближается к сумме,

которой вполне хватило бы на уличную шлюшку.

КЭРОЛ ВСПОМИНАЕТ АВСТРАЛИЮ

Мой Брюс повидал много такого, чего лучше бы и не видел. Они не знают. И никогда не узнают. Но со мной он делился. Всегда.

Он объяснил, почему пошел тогда с проституткой, там, в Австралии. Ему было необходимо побыть с кем-то. Это не имело никакого значения. Рядом с Брюсом должна была быть я. Я подвела его. Потому что была с мамой.

Брюс много работал. Всегда. И тогда он работал под прикрытием в районе Кинг-Кросс, шел по следу банды гангстеров.

Он рассказал мне о том ужасном дне. Перед ним громадный гараж с огромной дверью. Он пытался открыть ее, но она никак не открывалась. Наконец он проскользнул в щель и взгляделся в темноту, прямо в ее черное сердце. Со двора, из-за спины в гараж проникал луч света. Потом проехала машина, промелькнула задержавшаяся на работе девушка в короткой юбке и на высоких каблуках.

Из скрытого во тьме дальнего конца гаража донеслись стоны. Брюс говорил, что таких страшных стонов он не слышал никогда в жизни. В них не было ничего человеческого. Там, в каморке, в задней части гаража, было что-то. Он двинулся туда.

Брюс открыл дверь и включил свет.

Это был он. Костас. Точнее, то, что от него осталось.

Его долго и со знанием дела пытали. Он лежал поперек стола на животе, лицом вниз. Подбородок упирался в стол, а голова

была приподнята. Брюс смотрел ему в лицо. Костасу сломали челюсть. У него вырвали все зубы. Рядом лежали его отрубленные пальцы. Он мог видеть их. Они аккуратно срезали веки и вырезали и вынули из глазниц глазные яблоки, не повредив при этом зрительные нервы. Каждый глаз лежал на стопке книг, и нерв тянулся к нему, как провод. И каждый глаз смотрел на разложенные перед ним пальцы, зубы, веки и уши, отрезанные с помощью хирургических ножниц. Ножницы тоже были там, они лежали рядом с плоскогубцами и пневмопистолетом, из которого Костаса пригвоздили к столу. Гениталии не тронули, возможно, для того, чтобы он не умер от кровопотери. Язык отрезали.

Его оставили как живое предупреждение сообщникам.

Брюс стоял и смотрел на него, не понимая, как одно человеческое существо может так поступить с другим. Но он лишь сказал Костасу: «Ты водился с плохой компанией, приятель».

Он вкладывает ему в рот пистолет и стреляет. Смотреть уже нет сил, зато стонов больше не слышно. Брюс поворачивается, выходит из каморки, проходит через гараж и через узкую щель пролезает на залитую светом сиднейскую улицу. Он в панике, он дрожит. Пытается дозвониться мне, но меня нет дома, я у мамы. Если бы я была тогда дома...

Брюс бредет по улице и наталкивается на проститутку, полукровку по имени Мадлен. Он ведет ее в отель и дает ей пятьсот долларов, только чтобы поговорить.

Просто поговорить с кем-то. Она сидит, настороженно и неподвижно, а он рассказывает ей о Костасе и той войне, которую ему приходится вести с другими, а также о том, какие последствия это имеет для него.

Там должна была быть я, я, а не та шлюха.

Мне кажется, образ Костаса стал для него чем-то вроде символа безграничных возможностей зла. Вот почему Брюс такой, какой он есть.

ГЛИСТЫ И НАЗНАЧЕНИЯ

Еду к доктору Росси, но думаю о Кэрол. Сколько я наплел ей всякого, когда встречался с той полукровкой Мадлен. Сочинил целую историю про то, что работаю под прикрытием в районе Кинг-Кросс, что охочусь на злодея по имени Костас.

(есть, Брюс, есть. Как бы мне хотелось заставить тебя! Ты страшный человек. Кто-то когда-то заставлял тебя есть. Я чувствую это. Я чувствую это. Я двигаюсь внутри тебя и чувствую всех твоих призраков. Ты усвоил их, Брюс. Я ощущаю одного особенно большого Он как тень над твоей жизнью. Его имя Иен Робертсон.)

Кэрол всегда верила всему, что я ей рассказывал. Каждому слову. Она была счастлива в своем маленьком мирке с ребенком. Старушка Кэрол из тех, кого называют «домашними женщинами». Но при этом не знала удержу в постели. Прочищай трубы и подкидывай «капусту», и она согласится с чем модно. Это гребаные политики задурили ей голову, а потому, когда она переступила черту и я ее ударил, она распахивалась и сбежала. Я извинился, но она и слушать не пожелала. Ничего, образумится, придет в чувство и вернется. Это уж точно. Точнее и быть не может.

Так задумался, что проскочил поворот к Росси. Остановливаясь у газетного киоска, беру «Плейбой», «Пентхаус» и «Мэйфэйр», разворачиваюсь и подъезжаю к его кабинету.

Росси большой воображала. Масляные глазки, модная одежда: выглаженный костюмчик, рубашечка, туфли блестят. Держу пари, этот хрен гребет кучу «бабок» за частные консультации.

- Да, мы получили результаты ваших анализов. Как я и предполагал, у вас глисты.

Не могу поверить. Вот как приходится расплачиваться за то, что общаешься с наркоманами и уголовниками.

- Это всего лишь так называемые ленточные черви, так что беспокоиться нет причин. Они встречаются довольно час-

о, но никакой особенной опасности не представляют.

- Во мне растет какая-то дрянь, а вы говорите, что это не опасно!

- Да, не опасно. Вам только нужно принимать вот этот раствор, который поможет облегчать кишечник.

- Значит, они не имеют **(еще химикалии, еще одна война)**моей экземе?

- Нет. Похоже, она связана с состоянием устойчивого нервного напряжения. Нет ли чего-то такого, о чем вы постоянно думаете, но о чем не говорите мне?

Росси всего лишь врач общей практики, самый обычный терапевт, но мнит себя крупным специалистом. Некоторые хотят быть хирургами, он же, наверное, мечтает переквалифицироваться в психолога. Мы видим тебя насквозь, Росси.

- Нет, ничего такого нет, - сдержанно отвечаю я. Знай свое дело и не лезь дальше, говнюк.

- А?

Я даже рад убраться подальше от этого гомика и вернуться на работу.

Как раз подходит время ленча, так что иду в столовую. Сегодня у Айны блюдо дня - хаггис. Леннокс сидит за одним столом с Питером Инглисом. Присоединяюсь к ним. Стоявшие в очереди за мной Драммонд и Фултон подходят туда же.

Карен Фултон, новый лучший дружок Драммонд. Так было не всегда. Я сижу напротив них, смотрю на рубец и едва сдерживаюсь, чтобы не закричать: «Ты помнишь, как я трахнул тебя, Карен? После похорон принцессы Дианы? Никогда в жизни не видел, чтобы у женщины между ногами были такие заросли. Густые, черные, непролазные джунгли. Подходите, кто не видел! Полюбуйтесь на этот мохнатый пирожок! Да здесь заблудиться можно!»

Драммонд, как обычно, переводит разговор на свою любимую тему: политика, изменения в законодательстве и как они влияют на политику. Вид у нес слегка усталый. Слишком много бессонных ночей, слишком много отдано сил попыткам отследить молоток. Никаких следов нет. К тому же я слышал, как эта стерва разговаривала обо мне с педиком Инглисом.

- Бедняга Клелл. С ним определено что-то случилось после перехода в дорожный отдел, - говорит Рэй. - Я навещал его на днях. - Он смотрит на меня и Драммонд. - Сказал, что мы работали на управление по реализации алкоголя. Парень повредился головой, только и твердит об этом назначенном правительством фюрере по наркотикам.

- Нет, мы охраняем правопорядок. Нынешнее демократически избранное правительство принимает в парламенте законы, а мы следим за тем, чтобы их не нарушали, - пищит Драммонд.

- Хм, - усмехаюсь я ей назло. - В том, что говорит старина Клелл, есть свой резон. Этот новый фюрер хочет нанести удар по тем, кто покупает, а не по тем, кто поставляет и продает. Сократить спрос. Это означает, что больше ребят отправятся в тюрьму. Если такая тактика сработает, если ребята будут бояться покупать запрещенные наркотики, то они повернутся к разрешенным, таким, как, например, алкоголь.

- А это означает, что станет больше насилия! Рэй поднимает вверх большой палец.

- Более суровые приговоры! - добавляю я.

- Больше полиции! - смеется Рэй.

- И больше повышений! - Я потираю руки. - И еще больше заключенных, тюрем, надзирателей, охранников и прочего. Стимулирование экономической активности. По Кейнсу. Потом, лет через десять, вернем Тэтчер, и она сообщит, что мы слишком много тратим.

- Но можно сократить расходы на образование, социальные нужды, здравоохранение и тому подобное, - кивает Леннокс.

Драммонд смотрит на нас с ужасом.

- Но мы же только стоим на страже закона и порядка в этой стране. Я хочу сказать, что если к власти пришло законно избранное левое правительство, если оно провело через парламент радикальные законы, и если кто-то противодействует этим законам, то мы все равно должны их защищать. Так должно быть в демократическом обществе, - с умным видом сообщает она.

- Чушь! - отвечаю я. - Если ты всему этому веришь, то ада ты еще тупее, чем я думал.

Рэй поднимает бровь, а Драммонд обиженно хмурится.

- Я хочу сказать... давайте вернемся к забастовке шахтеров. Тогда наша работа состояла в том, чтобы сокрушить социализм на самом корню (**Йен Робертсон. Он заставлял тебя есть. Такие уж у него были методы. Ты позаимствовал их у него? Он заставлял тебя есть уголь. Черный, блестящий, мерзкий уголь**)

Не знаю, кто просил этого пидера рот открывать. Его дело мечтать о крепких, молодых хуях или о чем там еще думают лги вонючие говнюки, и предоставить рассуждать о политике экспертам.

- Нет, мы поддерживаем закон, - лезет вон из кожи Драммонд.

Фултон согласно кивает.

- Если уж на то пошло, у нас никогда бы не было демократии, если бы профсоюзы не нарушали законы, - говорю я и сам удивляюсь, почему это меня понесло на такую чушь.

- Но это история, - возражает Драммонд, - а сейчас все по-другому.

- Да, конечно, Аманда, ты права, - поправляюсь я. - Но в профсоюзах много таких, кому насрать на демократию. Мэгги их хорошо пошерстила, но они остались и только ждут момента, когда этот недоумок Тони Блэр проявит слабость и допустит их к рулю. Именно потому в последнем лейбористском правительстве дела шли наперекосяк. Все из-за тех ублюдков вроде

Скаргилла и ему подобных. Так что теперь нам пришлось ими заниматься.

- Неприятный тип этот Скаргилл. Смутьян, - фыркает Инглис. - Но Тони Блэр не так уж плох. Надо отдать должное, он все-таки избавился от профсоюзов и социалистической ерунды. Теперь в лейбористской партии стало чище.

Как обычно, тему закрывает Леннокс. Оно и к лучшему.

- Хватит нудить про политику, - говорит он. - Рождество на носу! Что там слышно? Кто организует? Аманда?

Это единственное, что у нее получается, хочу сказать я, но прикусываю язык.

- Да, мы уже заказали места в «Тандури Хаус» на Кок-берн-стрит, - недовольно говорит она. Они с Фултон хотели пойти в «Пьер Виктоарс», но парни и слушать их не пожелали. Идти к этим больным извращенцам-лягушатникам, да никогда! Там же и не поешь спокойно. Странно, что Инглис тоже оказался против.

- Есть одна проблема, Брюс, - говорит Рэй. - Да?

- С нами работал Ральф Консайдин. Полагаю, его можно считать за своего. Мы еще пока не решили, приглашать его или нет.

Чтобы какой-то недоделок в форме считался одним из нас? С другой стороны, я знаю, что Драммонд определенно настроена против него.

- Конечно, Ральфа Консайдина надо пригласить, - говорю я. - Честно говоря, надоело это деление на тех, кто в форме, и тех, кто в гражданке. Мы все - одна команда.

Вспоминаю ливерпульских придурков, которые отделили меня в Амстердаме. На одном была футболка. Красная. С посвящением Шенкли.

- Весьма похвальные чувства, Брюс, - говорит Драммонд, - и я думаю, все сидящие здесь их разделяют. Но надо принять во внимание и некоторые обстоятельства.

Я лишь поднимаю бровь, предоставляя ей возможность выступить с маленькой речью о том, что каковы бы ни были паши личные чувства, надо не забывать, что полиция - иерархическая организация, и если мы попытаемся противопоставить себя сложившимся традициям, то вызовем раскол, породим разочарования и создадим оппозицию, чего следует всячески избегать в ответственный период реорганизации.

- Интересная точка зрения, Аманда. Пожалуй, меня ты переубедила. Возможно, не стоит идти на уступки либерализму и отстаивать свои чересчур радикальные взгляды, когда организация нуждается в преемственности.

Все за столом согласно кивают, кроме Инглиса, лицо которого выражает уныние. Но его можно не принимать во внимание. Здесь у педиков права голоса пока еще нет. Итак, Драммонд победила, и мы решаем не приглашать никого посторонних.

Есть результат!

Конечно, если бы я высказался в том смысле, что мудакам в форме нечего делать в нашей компании, Драммонд изобрела бы десяток способов подпалить мне пятки. Но чего мне меньше всего хочется, так это сидеть в коричневом (когда-то он был черным) кожаном пиджаке, клетчатой рубашке и шоколадного цвета брюках рядом с Консайдином, который непременно вырядился бы в белую рубашку, черные форменные штаны и такие же туфли.

Вскоре после нашего небольшого собрания мне становится слегка не по себе, и я, захватив газету, устремляюсь вниз.

Мое новое граффити выглядит так:

Питер Инглис – гребаный разносчик СПИДа

и

Ингус - больной педик

Сижу, смотрю. Меня разбирает смех, но смеяться больно. Потом на смену веселости

приходит депрессия, за которой следует ровный накат возмущения. Нельзя поступать так со своим товарищем. В полиции такое непозволительно. Я же, черт возьми, федеральный представитель. Так унижать коллегу... Накручиваю и накручиваю себя, входя в роль.

Дергаю за цепочку, смывая дерьмо. Вот они, глисты. Ладно, ублюдки, я и до вас доберусь. До всех,

Поднимаюсь наверх и решительно направляюсь к Питеру. Трогаю его за плечо и отвожу в угол.

- Питер, ты видел надписи в туалете? - негромко, с оттенком озабоченности спрашиваю я.

- А, ты про это. Там всегда что-то есть. Стараюсь не обращать внимания.

Он пожимает плечами.

- Может быть, и стоило бы, - говорю я, давая волю гневу. - Лично я сыт по горло этим дерьмом. И как федеральный представитель не допущу, чтобы кто-то порочил моих товарищей. Сейчас же иду к Тоулу. - Я возвышаю голос и обвожу комнату взглядом. - Здесь завелся какой-то дешевый шутник, любитель грязных игр. Пусть надеется, что я не найду его!

Вылетаю из комнаты, чувствуя на себе ошеломленные взгляды. Несусь по лестнице к кабинету Тоула и вхожу, не постучав.

- Шеф, можно на пару слов?

- Брюс, я сейчас немного занят, - говорит он, перебирая бумаги на столе.

Похоже, для Тоула настали не самые лучшие времена. Я хочу, чтобы вы пошли со мной и посмотрели кое на что, на граффити в туалете.

У меня нет времени на...

А у меня как у федерального представителя тоже нет времени разглядывать постыдные надписи, чернящие моих товарищей!

Ну что там?

Я объясняю Тоулу положение дел, и мы вместе спускаемся в сортир. С нами идут и другие, их лица похожи на физиономии тех упырей, которые стояли и смотрели, как на их глазах умирал тот парень, Колин Сим. Все поворачиваются к Инглису, ожидая его реакции. Тот выглядит совершенно потерянным.

- Это все полная чушь, - снова и снова повторяет бедолага, не зная, что ему делать: то ли пролить свет на состояние вещей, то ли спрятаться подальше.

Ну и как оно?

Поднимаюсь наверх вместе с Тоулом, и он приглашает меня в свой кабинет и закрывает дверь.

- Послушай, Роббо... Инглис ведь не... ну, ты понимаешь, да?

- Что именно? - спрашиваю я, чувствуя, что мне начинает нравиться эта игра.

- То, что там написано, брат Робертсон, - резко бросает пул.

Ситуация для него явно неловкая, надо играть в открытую.

- Да или нет, не важно, - отвечаю я, подбрасывая наживку. - Сексуальная ориентация Питера - его личное дело. Его унижают, он жертва, а наша официальная политика состоит в том, что человека нельзя подвергать дискриминации по сексуальным мотивам.

- Но можно ли называть Инглиса жертвой сексуальной агрессии, если он не является... как это называется, да, геем. По-моему, сейчас используют такой термин?

- Ладно, Боб, ты можешь называть это сексуальным преследованием или просто преследованием, но я вижу в происходящем неприемлемое проявление низкой культуры.

- Да, Брюс, конечно, здесь я полностью на твоей стороне. Подобные выходки недопустимы, и их надо решительно пресекать. Просто... должен сказать, я немного шокирован... Питер Инглис... никогда бы не подумал...

- Питер - одинокий человек, Боб. Какие там у него проблемы - его дело, и я не очень хорошо его знаю. Но я не потерплю, чтобы моего товарища третировали подобным образом.

- Полностью с тобой согласен. Обязательно этим займусь.

Выхожу из кабинета в приподнятом настроении. Два понятия, «Инглис» и «гомосексуализм», теперь связаны неразрывной нитью. А вот «Инглис» и «повышение» заметно отделились друг от друга. Ах, игры, игры.

Когда тебе катит, этим надо пользоваться, и я решаю заглянуть в цветочный магазин к Эстелле. Неплохо было бы прокатиться на этой лошадке. Наверняка она боится Сеттерингтона и Гормана. Конечно, ей нужна защита от этих чудовищ. Нужен человек, которому она могла бы доверять. Более опытный, более зрелый мужчина, способный дать то, что необходимо каждой женщине. И если есть на свете несчастные, ждущие спасителя дамочки, то кто выступит в роли рыцаря в сияющих доспехах, если не детектив-сержант Брюс Робертсон, в скором времени детектив-инспектор Робертсон.

Думаю об Эстелле, о комбинации возможных позиций и тех звуках, которые издает подвергшаяся сексуальной агрессии девушка, и в штанах набухает знакомый ком. Мы втроем: я, она и Клэр, подопечная Мэйзи. Как раз то, что доктор прописал. Вот чем надо избавляться от экземы, а не мазями Росси!

В магазине никого нет, кроме недовольной старой вешалки, которая сообщает, что Эстелла простудилась.

- Сейчас многие болеют, - бодро говорю я.

- Да уж, конечно, - ворчит старая крыса.

Теплых чувств к Эстелле она явно не испытывает, это так же верно, как и то, что на футболе нынче делать нечего.

- Много у нее бывает посетителей?

- Даже слишком, - шипит эта грымза и морщит и без того сморщенный нос. - А вам-то что до того?

Да, бля, шотландский рабочий класс и полиция понятия I не же совместимые, как мать Тереза и разворот «Плейбоя». Решаю остановиться.

- Просто хочу удостовериться, что у меня нет соперников. Улыбаюсь и поворачиваюсь к выходу.

Вот уж не подумала бы, что она так опустилась, - отит вслед мне наглая старушонка. Я резко торможу, оглядываю помещение и нюхаю парочку растений.

Плохое сейчас время года для цветов. У вас здесь туалет имеется?

Да, - отвечает она. - Чего еще? - Остальное потом.

Надо не забыть наслать на нее проверку из департамента охраны окружающей среды. Так или иначе, но оставшуюся часть дня следует посвятить отдыху. Борьба со стрессом по Брюсу Робертсону. Так вот, мистер Тоул. Так вот, мистер Ниддри.

Пора посетить сорт(есть, есть, есть, есть, есть, что это, держись, держись крепче, еще одна химическая атака, еще одна химическая атака, нужно выстоять) Выхожу из сортира на Хантер-сквер и сворачиваю в пирожковую. Ублюдочным червякам почти полный пиздец. Вряд ли их гам много осталось. Залезаю в «вольво» и беру курс на Колинтон. Червяки бегут. Червяк по имени Питер Инглис вымыт из системы. Санобработка проведена. До следующего заражения.

Дома подзаряжаюсь праздничной дозой порошка. До смерти хочется кого-то выебать. Но сколько ни размышляю, на ум приходит только Ширли. Либо ее, либо шлюху, но она дешевле. Ширли...

Уступаю силе либидо и снимаю трубку, но как только Ширли приходит, с полной ясностью

понимаю, что совершил ошибку и надо было сгонять вручную. Ширли - кусок льда; таращится на меня, откинувшись в кресле, смолит сигарету и выглядит хуже некуда.

- Сама не знаю, почему я здесь, - с горечью говорит она, и я уже готов ответить ей обычным «потому что ты блядь и хочешь, чтобы тебя выебали», однако вовремя прикусываю язык. - Звонила Кэрол, - словно вспомнив что-то приятное, сообщает она, наверное, надеясь уколоть меня этим. - Сказала, что не желает иметь с тобой ничего общего. А если попытаешься увидеться с девочкой...

- Ха! Что она знает? Ни хуя она не знает! Вот что она знает. Ни-ху-я! - бросаю я, чувствуя, как поднимается злость. Стараюсь удержаться. - То есть я хочу сказать... она просто обманывает себя... и это печально. Я даже не злюсь, меня это печалит. Она... неуравновешенная. По-моему, у нее что-то вроде нервного расстройства. Я очень обеспокоен.

- Ну, не знаю, на мой взгляд, с ней все в порядке, - с сомнением говорит Ширли, складывая руки на груди и глядя на меня в упор.

Глаза у нее темные. Сексуальная сучка, если смотреть с определенной точки зрения.

- Можешь мне поверить, Ширли. Работая в полиции, поневоле становишься знатоком человеческой натуры. Для меня очевидно, что она пережила некое нервное потрясение, которое в тот момент прошло незамеченным. Она лжет, лжет, чтобы настроить тебя против меня,

- Настроить меня против тебя! Ха! Ты и сам вполне на это способен, - презрительно усмехается Ширли, и лицо искажает гримаса раздражения, отчего маска, та маска, которую она носит, чтобы скрыть рубцы от угрей, почти трескается.

Мне нравится, как она подводит глаза, но это... Пора переходить ближе к делу. Я уже готов.

- Послушай... Да, я был с тобой жесток... раньше. Но ты же знаешь почему. Ты же знаешь, - с мольбой в голосе говорю я.

- Хотелось бы, Брюс... Мне действительно хотелось бы это знать.

Она качает головой.

- Не заводи меня, Ширли, и не оскорбляй нас обоих... Я встаю и делаю шаг к двери. Надо быть полной дурой,

чтобы попасться на такой дешевый трюк.

- Извини, Брюс. Я не совсем тебя понимаю, - говорит она.

Зрачки расширились. Тупая пизда. Невероятно. Сучка сомневается во всем, даже в себе самой. Это и есть первый шаг: пробудить сомнение. Шаг второй: шарахнуть по этому гребаному сомнению что есть сил.

- Ширли, ты прекрасно знаешь, что я пытался прогнать тебя, держаться от себя на расстоянии только потому, что... черт... я слишком много болтаю...

Качаю головой.

- Что? Что ты хочешь сказать?

- Я пытался избавиться от тебя, потому что, черт возьми, не могу так! У меня нет сил выносить это!

- Что? Что выносить?

- Дэнни! Кэрол! То, что ты с ним! То, что я с ней! Заниматься любовью с ней и воображать, что я делаю это с тобой! Мириться с тем, что нам приходится довольствоваться минутами близости на грязном сиденье в машине, когда мне так хочется держать тебя в объятиях и любить всю ночь. Любить тебя и кричать всему миру: «Вот она! Вот та девушка, которую я люблю!»

Она не отводит взгляд, и ее глаза начинают наполняться слезами, а я думаю обо всех несправедливостях, совершенных против меня в последнее время, надеясь пробудить в себе жалость к себе же, надеясь, что и в моих глазах блеснет водичка, и тогда эта тупая корова решит, что в них вошла моя душа, но мне трудно выдерживать ее взгляд, так как меня разбирает

смех, и я притягиваю Ширли к себе, крепко прижимаю и слышу ее всхлип.

- Брууссс... Брууууссссс... давай найдем какой-то выход, Брууссс... Я люблю тебя...

В зеркале за ее спиной я вижу свои глаза, напоминающие глаза недоделка Тони Блэра на предвыборном плакате тори.

Я ебу ее и сожалею об этом. Сожалею о дурацких, пустых словах. Сожалею еще до того, как кончаю в нес. В качестве расплаты приходится слушать ее болтовню о планах на будущее, о том, как мы... и т.д. Секс с ней явно не то, на что я рассчитывал. Я чувствую себя в ловушке собственной похоти. Все представляется бессмысленным и пресным. Она же стрекочет и стрекочет.

Я рассказываю про Инглиса и его беды.

- Брюс, - смеется Ширли, - ну почему все плохое, что случается с другими, доставляет тебе такое удовольствие?

Пару секунд размышляю.

- Наверное, дело в моей вере в то, что количество единиц всего плохого, происходящего в мире в данный отрезок времени, строго определено. Так что чем больше плохого случается с другими, тем меньше вероятность того, что оно произойдет со мной. Это некоторым образом joie de vivre.

Она бы не прочь остаться до утра, но я говорю, что работаю в ночную смену. Ширли неохотно уходит, а я подбадриваю себя еще одной дозой, которую запиваю бутылочкой «Гроуза». И тут же спешу в сортир.

Спускаю штаны и(**нет, нет, нет, скотина, нет**)и все уносится бурным потоком. Есть!

МАСОНСКИЕ ШТУЧКИ

Вот он! Просыпаюсь утром после сумасшедшего полусна и вижу эту тварь! Выполз из моей жопы и лежит на бедре. Дотрагиваюсь. У него черные глаза. Кривой рот. Похож на сваренную вермишелину с головкой. Хочу схватить, но ублюдок исчезает в заднице, словно спагетти во рту...

...и мы проснулись. Я проснулся. На диване. Включаю видео, ставлю одну из тех кассет, что припас для меня Гектор Фермер. «Бойня с вибратором»: лесбиянки уделывают в лесу юных красоток.

Блядь, как тяжело дышать... я просто расползаюсь по гребаным швам... мы разваливаемся на части...

Эти пиздюки убивают нас экономией на сверхурочных, зная, что никто не продержится целую ночь. Они знают, что сна нам надо немного, что в темноте не остается ничего другого, как только думать, думать, думать и думать. Чтобы не думать, приходится ебаться, а это чревато осложнениями. Финансовыми - в случае с блядьми, социальными - со всеми остальными.

Сажусь и жду. Жду света. Читаю «Тэма О'Шентера». Весьма возможно, что именно меня попросят произнести первый тост под хаггис на ужине в честь Бернса в Ложе. Это тем более вероятно после прошлогоднего прокола старикана Вилли Макфи. Я знаю, что он выступал с речью на протяжении последних полусотни лет, что это единственное, ради чего он живет, НО, шутки в сторону, пора и честь знать. Пора, пора освободить место и собираться в последний путь. Наконец рассветает, и мне удастся уснуть.

Прочухался и на работу. Сегодня у нас рождественская вечеринка. Принимаю выданное Росси слабительное. Мы изгоним мерзких тварей из Брюса Робертсона, изгоним всех, можете не сомневаться. Начать надо пораньше, пропустить еще до полудня - и никаких протухших черножопых и прочей ерунды.

В управлении все уже в праздничном настроении. Инглис, похоже, успел тяпнуть, видать, глушит в одиночку, как и подобает тайному гомику. И этого в инспектора? Я так не думаю. Разве что в инспектора по задним проходам. Он еще не то получит, кроме шуток. Граффити в сортире - только начало. Скоро все узнают, какой педик ел с ними за одним столом.

Баб только две, Карен Фултон и Аманда Драммонд, так что перспективы не обнадеживающие. Блондинку, любительницу больших хуев, похоже, перевели в Саут-Сайд. Карен упоминает о бедре Клелла, и Рэй спрашивает:

- А какие у него есть альбомы? А в какие клубы он ходит? Разумеется, до этих дур не доходит.

Драммонд холодно сообщает, что Клелланда отвезли в Эдинбургскую Королевскую больницу, в клинику Артура Доу. Наверное, пытался повторить попытку! От этих таблеток и не то еще сделаешь!

Настроение поднимается.

Выходим из управления и отправляемся в индийский ресторанчик.

- Если я и готов общаться с азиатами, то только здесь! - объявляет Гиллман, поднимая стакан. - Поехали!

- Веселого Рождества - всем! - громко провозглашаю я, опережая Драммонд, которая уже открыла рот, чтобы выразить неодобрение по поводу тоста Гиллмана, и тоже поднимаю стакан.

Подкрепившись, выходим на улицу, чтобы прошвырнуться по пабам. Из заведения на Кокберн-стрит вываливает шумная компания хмырей в костюмчиках и расфуфыренных блядей, которые едва держатся на обледенелом тротуаре. Один толстомордый хуй с прической под

Артура Скаржилла дает залп из заднего орудия, так что аромат вонючей фасоли едва не валит с мог. Курочка с лошадиной мордой смущенно смотрит на нас, а другая с кругленькой фигуркой, вычитывает пердуна высоким, пронзительным голосом.

- Перестань, Хэнк! Слишком много рождественского духа! Вот уж сборище недоумков. Я думал, только мне не повезло с компанией, но всегда есть кто-то, кому еще хуже. Замечаю, что Драммонд делает неодобрительный жест, откровенно позаимствованный у Тоула, и это мгновенно вызывает во мне всплеск доброжелательности по отношению к выпивохам-любителям, которых я инстинктивно ненавижу. Достаяю из кармана пальто несколько салфеток. Всегда держу под рукой на случай, если надо сгонять по-быстрому, потому как на прижимистых раздолбаев в управлении рассчитывать не приходится - у них вечно всего в обрез. Протягиваю салфетки парочке. Возьми, кореш.

Спасибо, - благодарит от его имени пицалка. - Вы откуда? - спрашиваю я.

Бюро стандартизации. Л, вон оно что. Бюро стандартизации. Главное эдинбургское пиздохранилище. В этом городе ты не можешь считаться полноценным мужчиной, если к двадцати пяти годам не отымел по крайней мере парочку телок из Бюро. При этом тс, что представлены здесь, ничем особенным не впечатляют, наверное, из уже послуживших. Забудьте всю эту чушь насчет моделей в модных костюмчиках из дамских журналов. Принцип таков: чем выше поднимаешься по иерархической лестнице, тем меньше надежд встретить лакомый кусочек. А все потому, что чем приятнее попка, тем меньше мозгов. Так что вверх идут одни высохшие задницы с серыми физиономиями. Если же к фигурке прилагается и не совсем пустая голова, то такая телка всегда находит обходной путь, удачно выскакивая замуж и устраивая совсем другую жизнь. Приглядевшись, прихожу к мнению, что мы где-то на уровне совета директоров. Заходим в паб, который только освободила встретившаяся нам компания. Я заказываю себе водки и тоника. Порох уже в пороховнице, и я тешу себя надеждой разрядиться в кого-нибудь чуть позже. Очевидный кандидат - Фултон, но она осторожничают. Не то что на прошлое Рождество или после похорон принцессы Дианы, когда я подпоил ее, а потом выебал в ее же квартире в Ньюингтоне.

- Прижимаешь тормоза, а, Карен? - спрашиваю я, замечая, как она нянчится с первой порцией.

- Стараюсь, - отвечает она. Драммонд одобительно кивает.

- А помнишь похороны принцессы Ди? Мы тогда были в стельку!

Ничего не могу с собой поделать и тихо радуюсь, наблюдая, как она сжалась.

- И закончили в твоей...

- О да, - смеется Инглис, - расскажи что-нибудь еще. Фултон вздрагивает, но тут вмешивается Драммонд.

- То был очень печальный для всех день.

- Да, - говорит Гас. - Я смотрел вчера похороны матери Терезы. Подвернулась старая пленка. Просмотрел с начала и до конца и должен сказать, что у принцессы Ди похороны были лучше.

- Паписты, чего ж ты от них хочешь, - фыркает Гиллман.

- Я тебе так скажу, эти паписты обычно знают, как устраивать хорошие похороны; надо отдать им должное, - говорит Гас.

- Так это ж Калькутта, долбаные азиаты, - скрипит Гиллман, - от них толку никакого. Без нас и страной управлять не в состоянии, а ты хочешь, чтобы они похороны не испоганили.

- Не думаю... - начинает Драммонд.

Гиллман затыкает ей рот презрительной ухмылкой.

- У них было пятьдесят гребаных лет, чтобы навести там порядок. И если бы навели, то

никакая мать Тереза им бы и не понадобилась, потому что не было бы ни бедности, ни трущоб.

- Что ж, - жизнерадостно сообщает Инглис, - вот у нас теперь собственный парламент. Будем надеяться, что справимся с делами лучше!

- Полная хуйня, вот что из этого получится, - бросаю я. - Если мы не в состоянии организовать, чтобы сходить в бар, то как будем управлять собственными делами!

Инглис принимает намек на свой счет, и мы меняем дислокацию.

Через какое-то время, пропустив уже по паре стаканчиков, замечаем, что потеряли где-то Драммонд. Хуй бы с ней, но

уходит и Фултон, что окончательно разбивает мои планы на небольшой перепихон. Впрочем, жалеть нечего: эта пизденка не стоит того, чтобы в нее тыкаться. Медленно проползая по добираемся до бара «Устрица». Заканчивается все тем, что я подцепляю какую-то сучку, которая так тискает мою задницу, что у меня пропадает всякое желание вести се к себе. Леннокс указывает, что я нашел себе драную подстилку, и мы по-тихому сваливаем и снова тащимся по дороге. Инглис отпускает какое-то замечание по поводу дам сомнительного поведения, и я решаю, что этот пидер слишком много себе позволяет, а потому напрашивается на неприятности. Предлагаю выпить по последней в одном казино, которое, как мне известно, закрыто на ремонт. Начинает подмораживать, и мы бредем под падающим снегом.

- Вот, бля! - бормочу я, глядя на наглухо заколоченные двери. - Что ж, тут поблизости есть одно местечко, где собираются «голубые» братья.

- Я туда не пойду, - заявляет Инглис. - Лучше в Ложу...

- Есть что скрывать, а? - хохочет Леннокс.

Он взял пиво с собой и теперь никак от него не оторвется. Инглис смотрит на Рэя так, как будто надписи в сортире - его рук дело.

- Нет. - Он пожимает плечами и отхлебывает из своей пииты. - Мне скрывать нечего.

Я улыбаюсь.

- Послушайте, давайте зайдем. Нам же только выпить, - говорит Гиллман.

Рэй допивает пиво и швыряет стакан в грузовик дорожной службы. Он разбивается о кузов.

- Недоумки! - орет Рэй.

Идем в клуб. Вышибала на входе смотрит на нас не слишком дружелюбно, но пропускает, узнав, что мы из полиции. В зале полным-полно самых разных педиков. Помимо прочих, есть тут и бывшие уголовники, пристрастившиеся к этому делу и Соутоне. Спускаюсь вниз и замечаю парня своей мечты, Синки, промышляющего в Кэлтон-Хилл. Быстро даю ему необходимые инструкции и возвращаюсь наверх, к ребятам.

Веселимся вовсю. Гиллман уже расквасил нос какому-то гомику, который имел неосторожность посмотреть в его сторону в туалете. Через некоторое время появляется Синки и направляется через зал напрямиком к Инглису.

- ПИ-И-ИТЕР! О, ПИ-И-ИТЕР! - кричит он. - ДАВНЕНЬКО НЕ ВИДЕЛИСЬ! Вижу, ты и дружков привел!

- Я тебя не знаю! - кричит Инглис.

- О, извините... не понял... у вас тут своя компания... - Синки отступает, удивленно подняв брови, и, обращаясь к изумленно наблюдающим за этой сценой приятелям, добавляет: - Он бывает таки-и-им ро-о-обким...

Гиллман смотрит на Инглиса с нескрываемым презрением, а Леннокс отходит на пару шагов.

- ДА НЕ ЗНАЮ Я ЕГО НИ ХУЯ! - взывает Инглис и бросается на Синки.

Я хватаю его за плечо.

- Ради Бога, Питер, мы же полицейские! Не устраивай скандал.

- Но я не знаю его! - жалобно скулит Инглис.

- Зато он, похоже, хорошо знает тебя, - говорит Даги Гиллман, сверля беднягу ненавидящим взглядом.

- Это ты... ты написал то дерьмо в туалете, - тоном обвинителя произносит Инглис, но в конце фразы голос его срывается на высокую, пронзительную ноту.

- Я ничего не писал, так что ты лучше порасспрашивай своих вонючих дружков.

- Гиллман хмыкает, а его подбородок сам собой выдвигается вперед.

- Ах ты мразь...

- Инглис наносит удар сбоку, но его противник отступает па полшага и бьет в скулу. Я хватаю Инглиса, надеясь, что Гиллман войдет в раж и разделает пидера под орех, но на лом уже повисли Рэй и Гас. С Гиллманом мало кто справится, и Инглис это понимает, а потому пыхтит и рвется только для порядка, отчего его телодвижения выглядят особенно жалко.

- Послушайте, давайте уезжать отсюда, - призываю я. - Мы все немного перебрали. Поедем к масонам.

Вываливаем на улицу, в пургу. Инглис уже не с нами - одинокая фигурка тащится, опустив голову, вверх по Лейт-Уок.

- Эй, Питер! - кричит Гас. - Перестань, иди сюда.

Да не трогай ты этого вонючего педика, - говорит Гиллман.

Гомосек хренов! - кричит вслед Инглису Рэй. СОДОМИТ ХУЕВ! - орет во всю глотку Гиллман, сложив ладони рупором.

Остальные, может, и забудут все завтра, отнесутся к случившемуся как к пьяной болтовне, но Гиллман ненавидит «голубых» всей душой и так просто не спустит. Мы провожаем удаляющегося Инглиса пьяным ревом жаждущей расправы толпы.

В руке у Леннокса еще один стакан. Он швыряет его в сторону изгнанника, но снаряд не долетает добрых пару ярдов и разбивается на мостовой. Звук получается глухой из-за густого снега.

(Ты не можешь без работы. Ты ненавидишь ее, но вместе с тем живешь ею, ее мелочными проблемами. Эти проблемы, эти пустяки отвлекают тебя от себя самого, и ты остаешься один на один с собой только ночью, в промежутке между выключением телевизора и нервным, судорожным погружением в беспокойный сон. Как я могу простить тебя, Брюс, после того как ты безжалостно изгнал столь много значившего для меня Другого? Это творение высшей красоты, эту чистейшую из душ, существо, полностью доверявшее тебе, нашему Хозяину, того, кто не захотел отчаянно цепляться за жизнь в наполненной страшными газами утробе. Эту душу, верившую в твои благие намерения по отношению к Другому. Моя боль. Моя боль. Будь проклято любое божество, подвергающее столь тяжкому испытанию добродетель духа. Будь проклято любое сообщество душ, карающее добродетель как слабость, наполняющее жизнь цинизмом и порочностью, отдающее им предпочтение перед знанием и еще большей добродетелью. Как я могу простить тебя? Но простить я должен. Я знаю твою историю. Как я могу простить тебя? Но простить я должен. Должен? Как я могу простить тебя? Простить тебя я должен. Должен? Твоя история. Она началась в маленьком шахтерском поселке, называвшемся Ниттин и расположенном неподалеку от славного города Эдины. Ты стал первым, рожденным при тревожных обстоятельствах, сыном Йена Робертсона и Молли Хэнлон. Они были из простых шахтерских семей. Да, ты стал первым сыном но что-то пошло не так, как надо. Они были привычные к тяжелой жизни. Но оказались не готовыми к тому, с чем им пришлось столкнуться. Народ в горняцких поселках всегда знал свое место. Люди знали, что на протяжении всей истории правящие классы всегда

заботились только о себе: аристократы, владевшие землей, капиталисты, владевшие фабриками, которым требовался уголь, который добывали рабочие. Правительство очень редко - а вернее будет сказать, никогда - становилось на сторону тех, кто работал на фабриках или рубил уголь. Они побеждали в схватках, когда становились плечом к плечу. Но проигрывали, борясь поодиночке. И однажды они потеряли все. Но твоя семья, Брюс, она потеряла все в тот же самый момент, когда получила. Итак, ты вышел из шахтерского поселка и горняцкой семьи. Ты даже спустился в забой после окончания школы. Однако когда полиция выступила против шахтеров, чтобы заставить их подчиниться новому антипрофсоюзному закону, введенному государством, и сломать сопротивление

пикетчиков, ты оказался на другой стороне. Сила - это все. Ты это понял. Сила существует не для того, чтобы помогать, а чтобы сохранять то, что есть, и пользоваться этим. Важно оказаться там, где победители. Если не можешь кого-то победить, присоединяйся к более сильному. Историю с незапамятных времен пишут те, кто взял верх, и те, кто их спонсировал. История учит, что только победители могут написать нечто достойное. Самое плохое в жизни - оказаться на стороне проигравших. Ты должен принять язык силы как валюту, но тебе придется заплатить цену. Твои отчаянные насмешки и колкости лишь иллюстрация того, насколько высока эта цена. Цена - твоя душа. Ты лишился ее. Ты потерял способность чувствовать. Твоя жизнь, работа, среда потребовали, чтобы ты уплатил эту цену. Боясь, что не увидишь собственной тени, когда встанешь перед солнцем, ты перестал смотреть на него. Ты живешь, склонив голову, и поднимаешь ее только тогда, когда служишь новым хозяевам. Но случилось это не тогда, когда началась забастовка, а много-много раньше. Я бы сказал, что ты совершил путешествие в тьму, но, по-настоящему, ты и не выходил из нее.)

Из-за «болезни» Инглиса на Форум пришлось отправить Гиллмана. Самое то, что надо. У парня замашки нациста, и уж он-то покажет гребаным ублюдкам, что и как должно быть в этом городе. Тоул, естественно, моим решением недоволен. Такой вот, мать вашу, дух Рождества. Смотрю из окна на падающий снег. Канун праздника, а у меня из-за этого черного не Было даже времени купить подарки. И все же снег действительно падает, а у Тоула в углу стоит маленькая елка. Все так мило и спокойно, и голос его звучит убаюкивающе. Но вот и в нем прорезаются высокие, раздражительные нотки.

- Почему именно Даги Гиллман? Почему вы послали его?

Перевожу взгляд на Тоула и пристально смотрю на его пышные волосы. Воображает себя интеллектуалом. Сначала, после того как его послали на курсы, мечтал быть менеджером. Уже симптом. Его нынешняя мечта заделаться сценаристом - полный идиотизм. Но даже эта глупость бледнеет на фоне величайшего и опаснейшего заблуждения, состоящего в том, что Тоул мнит себя полицейским. Так и хочется рассмеяться ему в харю, но я лишь подливаю масла в огонь.

- Как ответственный офицер я должен принимать во внимание интересы всех, кто входит в мою группу. В сфере отношений с данным сообществом у Гиллмана наблюдаются некоторые недостатки. Я принял самостоятельное решение восполнить этот его пробел, а потому распорядился, чтобы именно он наладил связь с Форумом.

- Уж и не знаю, как он теперь будет восполнять пробел, потому как они только что ушли, оставив на него жалобу. Серьезную жалобу. Более серьезную, чем та, которую написала Сан Юнь, которая вела семинар по межрасовым отношениям вместе с Амандой Драммонд. Ниддри настаивает на дисциплинарном взыскании. Я уже поставил в известность самого Гиллмана.

У меня совершенно нет настроения выслушивать весь этот бред. Хочется встать и сказать:

«Так и знал, что у придурков будут неприятности со стариной Гиллманом», но я прикусываю язык.

- Ну, с моей точки зрения, здесь имеет место конфликт интересов. Будучи федеральным представителем...

- Только не вздумайте представлять интересы Гиллмана! - кричит Тоул.

- Посмотрим, - упираюсь я. Тоул закатывает глаза.

- Послушан, Брюс, дела и без того достаточно нележки. Арнотт на больничном, фонд сверхурочных сокращен, а теперь еще и обвинение в расизме. И вдобавок ко всему один из кандидатов на должность инспектора оказывается «голубым»!

- Вы имеете в виду брата Питера Инглиса?

- Да, его, брат Брюс Робертсон, - пищит Тоул, не догадываясь, что ступает прямо в устроенную мной ловушку. - Я, конечно, человек либеральный, но понимаю ход мыслей простых полицейских. Разве можно допустить, чтобы человек та-1 ой ориентации получал ответственное назначение?

- Что вы имеете в виду? - спрашиваю я.

- Я хочу сказать, что вряд ли кому-то понравится получать приказы от такого человека. Это же верный путь к катастрофе. Нет, так не пойдет. Я собираюсь поговорить с Инглисом, убедить его отозвать заявление. И не желаю слушать никаких возражений.

Я молчу.

- Дело не в моих личных симпатиях и антипатиях, - цедит сквозь зубы Тоул, словно каждое слово причиняет ему страдание, - я лишь забочусь об интересах дела. Хотя, должен признаться, от одной мысли о том, что мужчины могут заниматься этим друг с другом, мне становится не по себе, но... это так, между прочим.

Я бросаю на Тоула взгляд, который, надеюсь, достаточно ясно говорит о том, что все здравомыслящие люди разделяют данную точку зрения и любое отступление от нее даст основание предполагать в человеке латентные гомосексуальные тенденции.

Тоул нервно покашливает; похоже, уловил, куда ветер дует.

- Но меня, разумеется, больше заботят профессиональные последствия...

- Я все-таки никак не пойму, к чему вы клоните.

- Перестаньте, Брюс! Если Инглис получит повышение, как, по-вашему, это скажется на моральном духе офицеров? Как можно питать уважение к... то есть, я хочу сказать, можно ли доверять человеку, который постоянно раздевает тебя глазами, мастурбирует, представляя тебя и... Нет, так можно скомпрометировать все что угодно!

- Подобные представления больше подходят пещерному человеку, Боб. Мы должны бороться с любыми проявлениями

дискриминации по принципу сексуальной ориентации. Кое-где полиция даже проводит рекламные акции по привлечению гомосексуалистов в свои ряды.

- Мы не где-то! Мы живем в Шотландии!

Тоул стучит кулаком по столу и тут же слегка смущенно смотрит на меня.

Я пожимаю плечами.

- Он наш товарищ по работе и брат по Ложе.

Тоул качает головой и глубоко вздыхает, стараясь успокоиться.

- Послушай, Брюс, я знаю, что ты чувствуешь, потому что вы оба претендуете на одну и ту же должность и тебе не хочется, чтобы кто-то подумал, будто ты пытаешься воспользоваться ситуацией к своей выгоде. Я ценю твою позицию в данном вопросе. Но говорю прямо и со всей откровенностью: Инглису не видать повышения как своих ушей.

Тоул проглотил наживку, но я все равно продолжаю хмуриться. Пусть думает, что меня это

известие совсем не радует. Инглис может быть кем угодно, даже самым распоследним пидером, но я все равно буду упрямо защищать благородный принцип равенства. Некоторое время мы еще пререкаемся, потом я ухожу.

В кабинете встречаю Гиллмана, и мы отправляемся покатать шары в «Рэг Долл». Гиллману нужен такой друг, как я. Вот пусть и думает, что нашел его.

- И не думай, что они посмеют прибегнуть к дисциплинарным мерам. Никто ничего не сделает, гарантию даю, - говорим мы.

- Надеюсь, так оно и будет. - Гиллман пожимает плечами, как будто ему и впрямь на все наплевать. - Проблема в том, что уже ничего нельзя называть своими словами. Если парень гребаный азиат, то почему я должен называть его как-то по-другому?

- Не должен. Кстати, я что-то не припомню случая, чтобы кто-то получал выговор в результате жалобы представителя общественности.

Гиллман хороший мужик. Он, похоже, инстинктивно понимает, что самое лучшее место для склонного к насилию человека - это полиция, где, если что-то пойдет не так, его всегда поддержит мощь государства. Большинство полицейских - самые обычные парни, выполняющие не самую обычную работу, вот почему так приятно наткнуться на настоящего психопата вроде Даги. На меня произвело сильное впечатление то, как он разобрался с Инглисом. Такого не собьешь с намеченного курса. И, понятное дело, мне придется разделаться с Гиллманом. Ради такого скальпа стоит постараться. Он уже у меня на прицеле. И, кажется, не так безмятежен, как мне представлялось.

- Не припомнишь? А я вот припоминаю. Арти Хаттон, например. Тот, что разбил голову мальчишке в камере. Паренька спасла только экстренная операция.

- Там речь шла о наркотиках. У Арти просто не было выпора.

- Что? Ты хочешь сказать, что парнишка был под кайфом и Арти грозила опасность? - спрашивает Гиллман.

- Нет... я хочу сказать, что проблемы были у Арти. Он только за неделю до того случая вышел из детокса. У него началась ломка, а тут этот недоумок с козлиным голосом. Арти всего лишь хотел задать ему пару несложных вопросов, а тот погнал пургу про то, что ему надо позвонить своему адвокату.

Гиллман холодно улыбается в своей обычной манере наемного убийцы. Ощущение такое, словно смотрюсь в зеркало. Но Даги никогда не был и никогда не будет Брюсом Робертсоном. Он считает меня своим единственным другом в управлении, меня, того, кто завел его, словно игрушку, и отправил в логово черномазых и цветных. Подумай хорошенько, мой простоватый друг.

- Не беспокойся, Даги, - говорю я, - мы все устроим. Возвращаюсь и вижу - Тоул снова разошелся. Дудит в старую дудку, мол, никакого прогресса. Ясно, Ниддри надрал ему задницу, а значит, и сам Ниддри получил от кого-то добрый нагоняй. Это уж точно. Что ж, проблемы ваши - вам их и решать. Работайте, работайте, а я занят!

Отправляюсь в сортир побаловаться вручную под картинку некоей Джилл из Бата. На стене, поверх моей прежней надписи, повое граффити, сделанное «волшебным фломастером». На какое-то мгновение у меня холодеет кровь.

НЕДОУМОК, НЕДОДЕЛОК

РОББО-КОП

ПОВЫШЕНИЕ - ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ЖОПУ

Сосредоточиться на Джилли из Бата я уже не могу. Я ее даже не вижу - в руке дряблый, бессильный, шелушащийся отросток. Раздираю ногтями яйца. Шутка - заебись! Ха, ха, ха. Заставляю себя не думать о том, кто мог это написать... Тоул, Леннокс, Инглис... нет, его не

было целый день... может, тот недоделок в форме, который знает, с каким презрением я отношусь к неудачникам... Нет, нет... заставляю себя не думать о том, кто бы это мог быть, потому что, думая, как бы признаю, что они взяли надо мной верх.

Извини, друг, но Брюс Робертсон сделан из материала покрепче, его так просто не расколешь.

Неудачная попыточка!

Ха. Не вышло. Со мной Джилли... Джилли из Бата... ну... ну... давай же, сучка... слухи распространяет Леннокс... так, девочка, так, у тебя такие роскошные соски... хочешь, я их пососу и оближу... Тоул... ублюдок притворяется, что он выше всех, выше остальных... на хуй их всех, давай, Джилли... Роббо сделает тебе хорошо... держу пари, ты бреешь свою мышку... вот если бы еще стащила эти трусики... **НАГЛЫЙ УБЛЮДОК ГИЛЛМАН!** А я еще защищаю его! Нет, нет, здесь только мы вдвоем, я и Джилли, только она, только эта плоть... только ради меня... на хуй всех остальных, кто читает «Сан». Ты снялась для Роббо... это наш маленький секрет... наше тайное любовное послание... ну же, детка, возьми Брюса, прими его всего...

- Ну... ну...

Ипускаю настоящий фонтан, и уже никто - никакие Тоулы и Ленноксы, Клеелланды и Инглисы - не может остановить меня. Ебите в рот, придурки... Вам не справиться с Брюсом Робертсоном, завистливые мудаки, **ИНСПЕКТОРОМ БРЮСОМ РОБЕРТСОНОМ!**

Хорошо пошло...

После рождественского обеда в столовой, который оказался не так уж и плох (Айна приготовила индейку с гарниром), мы с Ленноксом решаем немного оторваться. Начинаем с пивка в Ложе, потом едем к Рэю и попадаем в пургу. Кокаиновую. Мы ослабели, и наркотик даст ощущение силы. Рассказываем Рэю о разговоре с Тоулом. Чувствуем, что несем лишнее, но остановиться уже не можем, потому что паузы тут же начинают заполняться непрошеными мыслями, и нам ничего не остается, как катить дальше. Но граффити в сортире сделаны не Ленноксом. Мы знаем, что будь это он, у него не хватило бы смелости смотреть нам в глаза.

- Знаешь, что он мне сказал?

- Нет, - отвечает Рэй, готовя очередную дозу.

- Он говорит: служба изменилась. А я говорю: как это?

- Вот мудака хуев!

- А он поворачивается и говорит... знаешь, что? Рэй качает головой.

- Он говорит: ты сам выкопал себе яму и не надейся на свои связи, тебе никто не поможет.

- Это он о чем?

Леннокс медленно вдыхает, и глаза у него становятся большие и шальные. К таким глазам хорошо идут его усы. Леннокс-бандитто.

- А я и говорю: ты что имеешь в виду? А он говорит: то, что сказал. Не надейся, что кто-то вытащит тебя из дерьма.

- Наглец, - презрительно бормочет Леннокс.

- Он боится, Рэй. Боится наших связей. Боится нашего влияния на ребят. Придурок пытается подыгрывать и нашим, и вашим. Знаешь, что он сказал, когда я выходил?

- Не-а...

- Сказал, что тебе никакие связи не помогут, и дальше ты не пойдешь.

- Что? Какого хуя...

- Подожди, это еще не все. Он сказал, что связи есть не только у тебя!

- Ха, ха, ха! Вот же урод! Надо же... Ну, я тебе так скажу: этого придурка нельзя принимать всерьез.

- Верно, Рэй. Мне так и хотелось сказать: тебя же никто не принимает всерьез. Я едва не

рассмеялся ему в харю.

Рэй улыбается, и в комнате ненадолго устанавливается тишина. Я чувствую, почти слышу, как шевелятся у недоумка мозги.

- Послушай, Роббо, хочу кое-что тебе сказать. - Он понижает голос. - Только не пойми меня неправильно. Я потому тебя и предупреждаю, чтобы ты чего не подумал. Я тоже не собираюсь засиживаться на месте, но в ближайшие годы мне здесь ничего не светит. Не хватает опыта.

Вот же наглец. Только вчера заделался детективом-сержантом, а уже метит в инспектора. С его-то опытом.

- Ну, Рэй, даже не знаю. Все ведь дело в том, насколько ты хорош.

- Я вот подумываю, не подать ли мне заявление на повышение. Как-никак сейчас реорганизация... Понятно, шансов у меня мало, зато я буду знать, какие предъявляются требования, поднаберусь опыта. Будет жалко, если через пару лет представится реальная возможность, завалиться только из-за недостатка опыта собеседования. Как ты считаешь?

Как я считаю? Я так считаю, что больно уж ты хитер. Но на хитрую жопу...

- А почему бы и нет? - Я киваю. - Вреда от этого уж точно никакого не будет.

Итак, на наше место наострился еще и Рэй Леннокс. Хитрожопый Разъебай Леннокс. Леннокс Сексуальный Гигант в клубе и столовой. Леннокс Жополиз в кабинете Тоула. Леннокс-Где-Твоя-Кнопка, когда дело доходит до того, чтобы отодрать сучку Ширли.

Леннокс-Предатель.

- Неплохая идея, Рэй, - повторяем мы, - и ты в любом случае ничем не рискуешь, а на будущее место застолбишь.

- Спасибо, Роббо. Просто подумал, надо же им показать, кто такой Рэй Леннокс. Пусть видят, что это не какой-нибудь хуй с горы.

Он улыбается и начинает готовить еще одну дозу. Коварный Леннокс.

Я дожидаюсь, пока он идет в туалет, и с удовольствием наблюдаю, как съезживается, уступая жару моей сигареты, ткань красного чехла его подушечки... Делаю еще несколько дырок и переворачиваю ее.

Веселого Рождества, мистер Леннокс.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ

Хитрожопый Леннокс мало того что подбросил бомбочку, сообщив о своем намерении перехватить гребаную работу, так еще и набрался наглости выгнать меня на улицу под предлогом того, что ему надо отправляться на рождественский обед в родительский дом. Ну и хуй с ним, мне все равно надо пройтись по магазинам. Сегодня они работают допоздна. Принимаю пинту у старика Алана Андерсона, потом подкрепляюсь коксом в сортире. Без дозы я это испытание не выдержу. Спускаюсь к Сент-Джсймс Центру. Ебаное Рождество. Надо купить что-то ребенку...

На глаза попадается вывеска «Си&Эй», и я вспоминаю, что не мешало бы обзавестись новыми брюками. Все мои старые малость подванивают, а носить джинсы меня никто не заставит - я же не наркоман какой. Хватаю коричневые, выглядящие на мой размер - двадцать восемь в поясе, не зауженные, - и передаю кассирше кредитную карточку. Лимит превышен, и мне приходится пережить очередное унижение. Расплачиваюсь по Свитчу и поскорее выхожу, громко сообщая:

- Движение денежной наличности. Я вам не какой-то наркоман. Обеспеченный человек! Обеспеченный человек!

Но падальщики уже кружат над головой. Никак не могу найти отдел игрушек. Где же... где...

ДАМСКАЯ МОДА

Может, купить что-нибудь для Кэрол. Что-нибудь красивое. К Рождеству для Кэрол.

Но как тут что-то купишь, если кругом толпы народа и прочее дерьмо. Сворачиваю в сортир и подкрепляюсь кокаином.

Выхожу и стою один, как мудак, а люди движутся туда-сюда, во всех направлениях и плятятся куда угодно, но только не на меня. Пожалуйста, кто-нибудь, посмотрите на меня. Одна сучка в кожаных брючках поворачивается, но тут же отводит взгляд в сторону. ДРУГИЕ ТОВАРЫ: ГАЛАНТЕРЕЯ ПРЯЖА ПЛАТЕЛЬНЫЕ ТКАНИ КОЛЛЕКЦИИ... Послушайте, мадам, поднимитесь на этаж выше, там, за КАРТАМИ И ПОТЕРЯННЫМИ ДУШАМИ...

И тут я замечаю его: черный бумажный подарочный пакет за два тридцать пять... пакет для небольших подарков... подарков... подарки... лучше давать, чем принимать... они еще будут... жирный, потный карлик сплевывает в платок... равнодушная процессия тупых овец, поднимающихся вверх по эскалатору... здоровущая корова, при виде которой хочется крикнуть ДАЙ ЖЕ МНЕ или просто посмотри на меня пожалуйста полиция пожалуйста посмотри на меня.

Чувствую чью-то руку на плече. Кто-то спрашивает, в порядке ли я сэр, и я отстраняюсь, выхватываю удостоверение и кричу:

- Полиция! Будем взаимно вежливы...

И вот я уже двигаюсь к выходу из дворца властелина громадного храма нашего христианского Бога повелевающего тратить потреблять расходовать конкурировать и выбираюсь на улицу где недопущенные в храм хмыри выпрашивают подаяние...

Где я? Я дома. Без всяких подарков, если не считать брюк.

Подарков нет.

Все равно мне их никто не дарит.

Не уснуть. Нет. Отмеряю дозу и смотрю какую-то порнушку. Даже подрочить не получается, и это меня добивает. Прячу подальше испорченный прибор и смотрю записанные в субботу ночные программы С Джимом Дэвидсоном. Хороший комик, указывает дерьму, где его

место, но пидеры на Би-би-си не дают ему развернуться вовсю. Время идет, и вот уже рассвет, и можно без всякого опасения уснуть.

НЕ СПИТСЯ

Так и не уснул.

Вот оно и пришло, Веселое Рождество, и все веселятся...

Кто-то, может быть, и веселится, но не мы. Нам приходится работать. Как ни крути, а эти дурацкие формуляры ОТА 1-7 сами собой не заполняются. День только начался, а мы с Гасом Бэйном уже кружим по пустынным улицам в надежде хоть немного размяться. Преступный элемент никогда не расслабляется ради таких пустяков, как Рождество, и не позволяет расслабляться нам.

Найти наших клиентов в этом городе совсем не трудно. Они распределяются по районам в зависимости от специализации, хотя из-за переустройства городского центра в последнее время некоторым пришлось поменять места дислокации.

На наркоманов никто внимания не обращает: эти держатся сами по себе и живут по своим законам. Все, что от них требуется, это не соваться в центр города, а там, на окраине, делайте I собой, что хотите: травитесь дешевым алкоголем и сигаретами, нюхайте клей, набивайте брюхо жирной жратвой. Нетерпимость к преступности распространяется только на центр города, а на окраинах и в пригородах действует правило *laissez-faire*. Такова политика наступающего двадцать первого века. Тони Блэр дело понимает правильно: выгнать всю эту вшивоту из городских центров. Бедняки, отвалите в сторонку - у нас I воя вечеринка, а вы устраивайте свою.

Мы с Гасом ранние пташки. Не могу сказать, что мне это так сильно нравится. Если б мог, лучше бы поспал, но по ночам в голове у меня звучат голоса, да и как уснешь, когда внутри копошится мерзкая, пожирающая тебя тварь. Ночь - время приступов беспокойства. Я бы предпочел, чтобы день длился все двадцать четыре часа. Гас тоже мучается от бессонницы, особенно сейчас, когда вот-вот решится вопрос с повышением. Мы оба приходим на работу пораньше, чтобы попасть на глаза начальству. Я иногда даже оставляю машину на служебной стоянке ради создания иллюзии присутствия. При этом не важно, делаешь ты что-то или нет, главное - помозолить глаза, пораньше прийти и попозже уйти. Такая тактика приносит дивиденды, яркий пример чему Тоул, которого все знали как последнего распиздяя и который так высоко взлетел. Ничего, он еще свое получит.

Утро сырое, холодное и унылое.

- С Рождеством, Брюс, - говорит, едва увидев меня, Гас.

- И тебя тоже, Гас.

Он хочет начать пораньше и закончить засветло, чтобы успеть к семейному обеду. Я же хочу начать пораньше и не заканчивать вообще: пусть бы это гребаное дежурство длилось вечно.

- Какие планы, Брюс? - спрашивает он.

- Как обычно, Гас, побыть с семьей. А у тебя?

- То же самое. Эдит собирается приготовить индейку. Сегодня у нее помощница, Сара, жена Малколма. Приедут Энгус и Фиона. Все с детьми. Эдит сделает свое подогретое вино с пряностями. Не удивлюсь, если к вечеру всех будет слегка штормить. Вот я и подумал, что лучше убраться из дома с утра пораньше и никому не мешать, а потом уже прийти на готовенькое.

Я молча киваю.

Жену Гаса, Эдит, я видел, наверное, пару раз. Веселая, добродушная. Представляю, как они соберутся за праздничным столом: она, мистер Сексуальный Гигант Гас и их семейка. Теперь понятно, почему у его старушки на лице довольная улыбка. Любая была бы довольна, кабы ее

драл такой жеребец. Новы бы посмотрели на эту Эдит - кусок падали, замаскированный под баранью ногу. Мне иногда даже становится жалко парика Гаса. Что толку в большой ложке, если тебе каждый день приходится довольствоваться одной и той же давно остывшей похлебкой.

Так говорит Брюс Робертсон.

Мы заходим в уже открывшийся бар. Одна его половина занята полицейскими из соседнего участка. Большинство из них только сменились и еще не успели переодеться, так что с ними и разговаривать не о чем. Мы коротко, с серьезным видом киваем, и некоторые, у которых рыльце в пушку, поспешно допивают и удаляются, вероятно, предположив, что управление проводит какое-то внутреннее расследование. Их никто не удерживает. Кое-кого я узнаю, а физиономия одного выглядит совершенно незнакомой.

На другой половине бара сосредоточились те, с кем мы боремся. За бильярдным столом напротив вижу старого приятеля. Точно, один из Бегби. Их трое братьев, так что это либо Джозеф, либо Фрэнсис, либо Шон. Они все похожи друг на друга. По-моему, Фрэнсис, самый худший из троих. Тот еще мерзавец. Ублюдок смотрит на нас и тут же отворачивается. Напуган до смерти. Спроси его сейчас, где он был, когда застрелили Джона Леннона, и сукин сын вспомнит, что гонял шары в «Воллей» и у него есть куча свидетелей.

А вот моего дружка Окки что-то не видать.

- Не сделать ли нам перерывчик, а, Гас? А потом наведаемся к нему домой. Посмотрим, не потягивает ли он какую малолетку.

- Хорошо, Брюс, - улыбается Гас.

Славный он парень, старина Гас. Вроде бы заботливый дедушка, но если вцепится в кого, то уже не выпустит. Для таких мудаков, как он, работа не просто работа. Эти набожные ребята люто ненавидят всех, кто преступает черту закона. Проблема только в том, что порой Гас проявляет излишнее христианское сострадание.

Отправляемся еще в одно занюханное заведение в районе доков. Здесь тоже всегда открыто, даже по праздникам. Что бы мы делали без таких вот забегаловок.

- Ты слышал, что наш молодой, Рэй Леннокс, собирается подать заявление на повышение? - спрашиваю я.

- Я его понимаю; парень хочет засветиться на будущее.

- А по-моему, это проявление неуважения к таким, как мы, Гас. Рэй показывает, что не считается с нами.

- Думаешь?

- Я полагал, что тебе такое не понравится больше всех. Видишь ли, классическая тактика при подборе кадров состоит в том, чтобы сократить число претендентов. Выбирать из трех всегда труднее, чем из двух. Было трое: я, ты и Арнотт. Инглиса можно в расчет не принимать, педрилу не поставят на должность ни при каком раскладе.

Гас кивает, лицо у него становится озабоченным.

- Теперь появляется Леннокс и говорит: я тоже хочу, не забудьте про меня. Что скажут эти мудаки в аттестационной комиссии? Они скажут: да, хватало проблем с тремя, так еще и четвертый нарисовался. В таких случаях применяется стандартная практика: выбрасываются самый молодой и самый старший, так что остаются опять же двое. Мне бы, конечно, стоило сказать Ленноксу спасибо, как-никак он вышибает фаворита.

Я хмуро качаю головой.

Вид у Гаса такой, словно его только что огрели мешком по голове.

- Какого хуя...

- Старый прием, Гас, - говорю я, - стандартная практика. Правила везде одинаковые. Может, ему Драммонд посоветовала. Она и сама похожим образом пролезла. Да перестань, Гас, ты же сам видишь, как спелась эта парочка. Уж они своего не упустят. Теперь все не так, как раньше, в наши времена. И масоны теперь другие. Новые лейбористы, новые масоны. Молодежь тащит перышки в свое гнездо.

Гас изумлен, но мало-помалу до него начинает доходить. Он медленно качает головой, словно уже видит, как тридцать лет службы с бульканьем уходят в канализацию.

- А сколько они тут прослужили? Без году неделю. - Я презрительно усмехаюсь. - Без году неделю.

Нам приносят заказ: яичницу, фасоль, бекон, помидоры, кровяную колбасу и булочки, но у Гаса, похоже, пропал аппетит.

- Ты действительно считаешь, что он ведет такую игру? Он кривится так, словно каждое слово - пластырь, срываемый с открытой раны.

- Сукой буду, - киваю я. - Передай кетчуп.

В машине Гас по большей части молчит. Может, старый придурок этого и не заслуживает, но его надо держать на месте. Пусть понервничает, попереживает, потеряет веру в себя, а мотом, глядишь, и вышибет себе мозги, так и не дотянув до собеседования.

Останавливаемся у магазина, торгующего подержанной мебелью. Когда-то здесь заправлял Рэб Вэнс, но потом, в один прекрасный день, Франко Бегби и Алекс Сеттерингтон отправили старика на покой. Просто пришли и сказали, что берут помещение в аренду. Рэб все равно был мусором, но совершенно безобидным парнем, просто вылитый Кларк Кент. Теперь здесь продают наркотики; это ясно уже хотя бы по тому, какое дерьмо сюда заносит: Кесбо Хэлкроу, Нелли Макинтош, Спад Мерфи, Саймон Уильямсон, Рейми Эйрли, Джус Терри и прочий сброд. Не думаю, что эту шваль привлекают старые костюмчики или побывавшие в употреблении холодильники. Бегби и Сеттерингтон считают себя большими умниками и думают, что никто ничего не заподозрит, если они встречаются с клиентом в пабе на углу или забегаловке через дорогу. Ошибка! Я прижму их вонючие задницы! Но только мы не собираемся брать этих мудаков на мелочах. Нет, мы покончим с ними раз и навсегда.

В первую очередь с Сеттерингтоном, В прошлый раз ему удалось выкрутиться благодаря Конраду Доналдсону, но теперь старый фокус не пройдет. Можете не беспокоиться.

Поднимаемся к Окки, но того нет дома. Ничего удивительного, сутенериска наверняка проводит Рождество в семейном кругу.

- Послушай, Гас, я бы хотел проследить за Лексо Сеттерингтоном. О Франко думать нечего, он парень предсказуемый. Но за Лексо нужен глаз да глаз. И поглядывай, не появится ли Окки.

- Сделаю, Брюс. Если Сеттерингтон попробует что-то проверить, я буду знать.

В управлении сегодня хуй кого найдешь, а значит, все звонки будут идти ко мне. И что же мне делать? Мчаться по первому зову, чтобы предотвратить кровопролитие в какой-нибудь развоевавшейся по случаю Рождества семейке? Ну уж нет. Для этого есть другие. Пусть Тоул принимает меры. А то уж больно хорошо устроился. Сценарист. Да, интересно. Как ни хочу я увидеть за решеткой таких, как Горман, Сеттерингтон и Бегби, но куда больше меня бы порадовало, окажись на их месте Тоул и Ниддри.

Отработав свое - рождественское дежурство оплачивается вдвойне, - мы с Гасом отправляемся по домам. Праздник.

Дома готовлю тост к рождественскому обеду. На автоответчике сообщение. Тоненький усталый девичий голосок:

- С Рождеством, папа.

Надеюсь, Санта был милостив к ней, потому что я точно не был.

Сажу перед камином с включенным телевизором. Показывают фильм про Джеймса Бонда, который я видел, наверно, миллион раз. Бонда играет Шон Коннери. Правильно сделал, что съехал из Шотландии и не спешит возвращаться. Заявился на десять минут, сказал этим придуркам, что им нужен парламент, и поспешил убраться! А уж они, недоделки гребаные, так счастливы!

Разогреваю фасоль и подбрасываю в огонь еще парочку листов из рукописи. Одно удовольствие смотреть, как они горят. Но тут внимание привлекает следующая страница.

Офис Билла Тила. День.

Строгий, чисто функциональный кабинет. На столе семейная фотография. Билл Тил - приятный, вежливый мужчина средних лет. Он не похож на типичного копа и скорее напоминает интеллектуала. В кабинет входит изящная, привлекательная женщина с папкой в руке. Это Аннабель Дрейпер.

(Билл)

- Аннабель...

(Аннабель)

- Билл, прошлой ночью...

(Билл)

- Аннабель... прошлая ночь... Я хочу сказать, что все пошло не совсем так... У меня и в мыслях не было...

(Аннабель)

- Скажи, Билл. Просто скажи. Ты много чего сказал вчера.

Но только до того, как получил, что хотел.

(Билл)

- Боже, Анна, я...

(Аннабель)

Ты не думал и не хотел, чтобы мы влюбились.

(Билл)

Черт возьми, Анна, мы же взрослые люди. Я женатый мужчина и вообще гоюсь тебе в отцы. Мы же профессионалы, мы полицейские. Прошлая ночь... Из интеркома слышится глухой, бесстрастный монотонный голос. Это сержант Бретт Дэвидсон.

(Бретт)

- Шеф, это Бретт. Мы опознали подозреваемого. Думаю, вам стоит зайти и посмотреть.

(Билл)

- О'кей, Бретт, уже иду. Выключает интерком.

(Билл)

- С этим придется подождать, юная леди.

(Аннабель)

- О, как удобно. Полагаю, ты.

(Билл)

- Все, сержант Дрейпер! Вы свободны! Аннабель поворачивается и выходит, хлопая дверью.

И что же это мы здесь, мать вашу, имеем? Надо ли понимать так, что Тоул дерет Драммонд или все это только благие пожелания, больные фантазии мерзкого ублюдка? Я вдруг чувствую, как во мне просыпается интерес к карьере начинающего сценариста мистера Тоула!

Рукопись сползает на пол, но я решаю, что не буду пока ее сжигать. Бретт Дэвидсон... глухой монотонный голос... мать твою, Тоул! Вот же наглец! Поднимаю с пола папку и начинаю листать страницы, отыскивая другие упоминания о Бретте Дэвидсоне, однако скоро останавливаюсь. Нет. Если только я уступлю собственному любопытству и начну читать, то тем

самым признаю победу Тоула. В конце концов я и спер-то ее, чтобы досадить Тоулу, но совсем не для того, чтобы Тоул досаждал мне.

Нужно быть сильным. Слабый заглянул бы в рукопись. Нужно быть сильным.

Швыряю папку в огонь и с нарастающей паникой наблюдаю, как «кирпич» начинает темнеть, а листы скручиваются от краев. Пальцы сжимают подлокотники кресла.

В какой-то момент **(подкинь угольку, Брюс, подкинь угольку, добавь грязного черного угля. Топливом всегда был уголь. Есть.)** Остаться в одиночестве выше всяких сил. Сажусь в машину и еду по пустынному, кажущемуся покинутым городу, сам не зная, куда и зачем. Потом меня как будто озаряет, и я поворачиваю в южный пригород. На полпути вспоминаю, что Клелла перевели, и качу к Королевской Эдинбургской больнице в Морнингсайде.

Пациентов в клинике Артура Доу немного, а тс, что есть, настоящие комики. Один из них старина Клелл. Странно, но после перехода из отдела тяжких преступлений в дорожный он превратился прямо-таки в комок нервов. Впрочем, мне наплевать. Я приехал только для того, чтобы поразвлечься за его счет, а еще потому, что мне больше нечем заняться.

- Хорошо, что заглянул в такой день, Брюс, - ровным, безжизненным голосом говорит Клелл. - Спасибо.

Интересно, думаю я, он говорит это, потому что накачан таблетками или потому что действительно понимает, зачем я здесь. Хотя... какая мне, на хуй, разница.

Он начинает нести бредятину, ожидая, что я сяду и стану его слушать, как какой-нибудь гребаный священник.

- Особо тяжкие... столько всякого дерьма... день за днем, каждый день... рано или поздно сказывается. Я думал, привыкну, стану циничнее, жестче, пройдя через все это...

Замечаю сексуальную пташку в халатике медсестры. М-м-м.

- Какая куколка, Клелл! Ну, ты неплохо здесь устроился!

- ...не думал, что будет так тяжело... семь лет в трубу... два брака... пил как сапожник... надо было понять...

- И такие за тобой ухаживают? Ну, теперь я не удивляюсь, что ты решил задержаться здесь на Рождество.

- ...и только когда решил перевестись в дорожный отдел... к нормальному не так-то легко привыкнуть, Брюс...

- Как думаешь, у нее есть дружок? Должен быть, при такой-то заднице!

- ...так что я просто плачу за свои грехи, Брюс... за все приходится платить...

А куколка действительно хороша. Йо-хо-хо!

- Извини, Клелл, в чем дело? Надо же кому-то и вставать под пули. Лично я ни за что бы не заделался клерком. Тихая работа не для меня.

- Нет, Брюс, проблема не в том, в какой отдел переведешься... Прошлые все равно тебя настигнут. Они возвращаются, Брюс. Трупы. Изувеченные детишки. Все они... изуродованные, изувеченные... И я все время думаю: почему? Так не должно быть... так не должно быть... почему?

Он хватается меня за руку и смотрит прямо в лицо, но я-то смотрю мимо, на медсестру. На ней чулки или, может, колготки, но мне хочется думать, что это чулки, и на них шов, идущий сверху донизу и подчеркивающий изящность лодыжек, бедер и уходящий прямо... уф! Разве Клеллу что скажешь? Он пристально всматривается в меня и все шепчет: «Почему?» Я бы ему ответил. Просто и ясно. Объяснил бы в двух словах: естественный отбор, приятель, естественный отбор. Изувеченные, изуродованные отправляются к стенке, и среди них ты, мой друг. Правила везде одинаковые. Клелл всегда был чувствительным слабаком под маской клоуна. Не тот темперамент, нервы слабоваты, духу не хватает. Я бы назвал это «фактором

Инглиса». Лично я предпочитаю разгребать тела, чем груды бумаг.

До меня вдруг доходит, что я и сам не знаю, зачем сюда приперся. Чувствую себя Рольфом Харрисом, или как там зовут того придурка, что навещает больных детишек в больницах на Рождество. Только передо мной большой ребенок, не способный делать мужскую работу.

- Надо идти, Клелл, - говорю я, не без усилий освобождая руку. - Кэрол, должно быть, уже поставила на стол индейку. Знаешь, ты можешь назвать меня традиционалистом, но в семейном рождественском обеде что-то есть.

- А вот моя Джеки так и не пришла. Позвонила, но не пришла...

- Ты в надежных руках, Клелл, - говорю я и снова вижу ту медсестричку. - Особенно с такой крошкой! Сам бы с удовольствием покувыркался с ней на кровати... да что там, даже задницу под клизму подставил бы! И ей бы вставил куда надо! Ладно, Клелл, пока. Веселого Рождества! Выше клюв! - Я подмигиваю и выхожу из палаты. - Мой бы точно не опускался! В таком-то месте!

Оставив за дверью несвязные бормотания, замечаю, что сестры уже начали разносить беспомощным лунатикам рождественские угощения. Большая часть здешних обитателей - это страдающие анорексией юные недоумки, наркоманы и прочий сброд, те, кто ни хрена не может приспособиться к жизни. Я их называю неадекватными. Будь моя воля, дал бы всем коленом под зад и отправил на улицу, а не тратил на них денежки налогоплательщиков. Их здесь, бля, лелеют, подстригают, угощают индейкой, и делают все это такие цыпочки в чулочках! Просто позор! Всем бы так!

Прикидываю, не прихватить ли с собой один из подносов, но вокруг слишком много персонала.

Еду домой и заново развожу огонь в камине. От рукописи Тоула осталась черная горка пепла. Подогреваю фасоль, посыпаю карри и готовлю тосты. Слушаю тупую, богатую, расфуфыренную старуху, которая несет свою обычную чушь. Да, я масон, я принес клятву верности короне как институту, но как поди члены королевской семейки представляют собой самое жалкое скопище недоумков, которые когда-либо ходили по третьей планете Солнечной системы.

К счастью, в рождественскую ночь клуб на Шрабхилле всегда открыт, так что отправляюсь туда. Народу, правда, немного, но брат Блейдс на месте, и мы с ним даем жару. Исполняем Боже, спаси королеву». Он бормочет что-то о Банти, как они поссорились, поминает ее мать, но у меня в голове ничего не задерживается. Теряю Блейдси и выхожу на улицу. Холод приводит меня в чувство, я беру такси и возвращаюсь домой. Заваливаюсь, врубаю еще кокаина и выпиваю бутылку пива. Ставлю на полную мощь «Ван Хален» и пытаюсь воспроизвести цыплячий танец Джимми Пейджа. В промежутке между треками слышу громкий стук в дверь.

На крыльце Стронак и его жена. Оба в тренировочных костюмах. У него завтра игра, вспоминаю я. Вроде бы по случаю Дня рождественских подарков. Они что-то говорят, рты открываются, как у рыб, но я ничего не слышу, потому что уже пошел следующий трек «Женщин и Детей». Звучит действительно неслабо. Поднимаю руку, призывая их помолчать, захожу в дом, приглушаю звук и снова выхожу на крыльцо.

- С Рождеством, Том! Джули! - кричу я.

- Боже, Брюс! Остуди мотор! Мы пытаемся хоть немного поспать! - ноет Стронак, заглядывая в мои глаза и стараясь найти там сочувствие его тяжелой доле.

- Какого хуя вы нарушаете границы частных владений! Стронак! Хочешь подать жалобу на превышение уровня шума,

позвони в гребаную полицию! Сегодня, мать вашу, праздник!

Толкаю его в грудь, и Стронак делает шаг назад и едва не падает со ступенек. Я захлопываю дверь прямо перед его тупой харей.

Этот пиздобол и так проспал целый год! А я весь год въебывал.

Смотрю вполглаза телевизор. На Четвертом канале идет какой-то французский фильм, мелькает задница, груди... Вспоминаю ту медсестру в больнице, где отдыхает Клелл, и решаю повторить визит в ближайшее время и вообще поставить дело на регулярную основу. Надо же заботиться о товарище. Прочитать телетекст уже не могу, как не могу прочитать и «Радио Таймс».

Все, пиздец...

АВТОМАГНИТОЛА СЖЕВАЛА ПЛЕНКУ МАЙКЛА БОЛТОНА

На башне Биг-Бена бьют часы. Вроде бы Рождество, а по телевизору ни хуя, одни повторы. Правильно сделал Стронак, что поставил тарелку. Меня просто убивает, что приходится платить этим говнюкам из Би-би-си, а они показывают такую срань. Чувствую себя херово, башка раскалывается. Прыгаю с канала на канал, потом пытаюсь растопить камин, и кое-что получается. Расслабляюсь и уже почти готов отказаться от плана в отношении Блейдси, но придурок сам определяет свою судьбу, позвонив мне. Напоминает, что мы собирались поиграть в боулинг. Когда это мы собирались? Оказывается, планы строились накануне ночью, в Ложе, по большой пьяни. Блейдси даже помнит, что Йен Маклеод дал мне ключи от кегельбана. А я-то гадал, что за хуйня звенит в кармане.

Боулинг в День подарков. С Блейдси. Что может быть печальнее? Вокруг и во всем разруха и угнетенность. В доме полный бардак, всюду мусор, запахи, разбросанная одежда. Вонь становится заметной даже для меня, когда я вхожу в дом с улицы. Эти безответственные самоубийцы-неудачники, эти детишки-наркоманы, эти гребаные уличные подонки - все они встречают Рождество лучше, чем я. Кэрол хотела разобраться во всем. Посмотрела бы, какие неудобства причинила мне своим упрямством...

Меня трясет, меня тошнит, нервы ни к черту. Садиться в таком состоянии за руль невозможно. К тому же автомагнитола сжевала пленку Майкла Болтона. Надо бы установить в машине гребаный CD-плеер. Но как только подумаешь об этом, так тут же поднимает голову проблема хранения. А вот ублюдок Блейдси себе поставил. Он заезжает за мной, как и планировалось. Я с ненавистью смотрю на его проигрыватель.

- Собирался перейти на компакт-диски, но подумал: их ведь надо где-то хранить.
- Знаешь, вообще-то они занимают ненамного больше места, чем кассеты.
- Покажи, - бросаю я.

Недоумок улыбается, как даун, и вытаскивает из-под стереопроеигрывателя пластмассовый контейнер, набитый гребаными дисками.

- Все просто, и место много не занимает. А помещается в нем до пятидесяти дисков.

Блейдси снова улыбается. Пиздюк!

- Верно, - говорю я; голос звучит хрипло и сухо, как у полицейского при исполнении.

Заходим в дом, и я как бы невзначай прихватываю коробку с собой. Мой недалекий гость с кислым видом оглядывается, несомненно, отмечая царящий в комнате беспорядок, но предусмотрительно помалкивает.

На случай, если ему придет в голову спросить о Кэрол и девочке, наношу предупредительный удар:

- Как у тебя с Банти? Ты говорил что-то вчера, но я так толком и не понял.
- Не очень хорошо, Брюс. - Блейдси моментально мрачнеет. - Вообще-то я сегодня вечером отправляюсь к матери в Ньюмаркет. На несколько дней. Повидать родных и все такое. Банти решила, что останется здесь. Устроила такой концерт. А ведь я и так вижусь с ними очень редко.

- Ну что ж, правильно, - киваю я.

Итак, старушка Банти остается одна. Совсем одна. Ну нет, мы такого не допустим!

- Да... в общем, это превращается в проблему.

- Причем немалую, брат Блейдс. Значит, тот извращенец продолжает ее донимать, да? А

какой у него голос?

- Знаешь, он говорит немного в нос. Я бы сказал, парень откуда-то с севера Англии, скорее всего из Манчестера... - рассуждает Блейдси.

- Из Манчестера, - повторяю я. - Боюсь, я не очень силен в этом, различаю разве что кокни - сам жил там какое-то время.

Как раз в этот момент, как и было задумано, на экране появляется большая голова Фрэнка Сайдботтома, а диктор объявляет следующий номер. Вот и «Радио Таймс» пригодилась.

- О господи... этот парень в ящике... как раз тот самый голос! Тот клоун в телевизоре! Послушай!

- Серьезно?

Я добавляю звука. Фрэнк говорит о том, что мама не позволяет ему засиживаться у телевизора допоздна, а потому ему никак не удастся посмотреть самые классные номера.

- Парень в маске...

- Точно. Очевидно, наш извращенец меняет голос, подражая этому телеведущему.

Ждем, пока на экране не появляются титры.

- Вот черт, - бормочет Блейдси, - его зовут Фрэнк. Фрэнк Сайдботтом.

Я встаю, подхожу к телевизору и делаю вид, что набираю номер. Потом притворяюсь, что спрашиваю телефон студии

«Гранада».

- Мне нужен кто-нибудь из отдела по связям с общественностью... Да... алло... Меня интересует передача Фрэнка Сайдботтома...

Некоторое время разговариваю с пустотой, делая пометки на листе бумаги и многозначительно подмигивая Блейдси, который смотрит на меня во все глаза. За толстыми стеклами очков они кажутся огромными, больше даже, чем глаза Фрэнка Сайдботтома. Новые очки Блейдси - будем знакомы. Такая же хуйня, как и старые.

Бросаю трубку и показываю брату Блейдси большой палец. - Есть. Надо съездить в магазин и поискать записи Фрэнка Сайдботтома. Девушка, с которой я разговаривал, сказала, что подделать его голос совсем не трудно. Надо лишь прижать к переносице пальцы. Мааан-честэр, - гнусавлю я, стараясь, чтобы получилось не очень похоже. Блейдси ловит приманку на лету.

Нет, не так. Послушай меня. Мэээн-честэр!

Он довольно усмехается.

- Да, брат Блейдс! Отличная работа!

Мне вдруг становится трудно дышать - вчерашняя пьянка начинает догонять. Почки уже не справляются с мочой, подсели за столько-то лет. Иногда кажется, что все, пронесло, и ты вздыхаешь с облегчением, но тут приходит настоящее похмелье, и тебя трясет и колотит, и с каждым разом становится все хуже. Мы мчимся в город. На хуй мне боулинг. На хуй эту Роуз-стрит. Сейчас бы собачьей шерсти нюхнуть. Блейдси держится на апельсиновом соке. Я его не цепляю, мне нужно, чтобы мудака спокойно уехал и оставил Банти в полном одиночестве.

Хотя сегодня и праздник, в городе почти все открыто. Магазины, похоже, решили не ждать до первого января. Блейдси покупает пару кассет и слушает Фрэнка Сайдботтома. Попутно навещаю несколько баров на Роуз-стрит, так что вскоре я уже хорош - много ли требуется на старые дрожжи. Замечаю пару уголовных типов, в том числе одного хмыря: Билли по кличке Пальцы. Он, как всегда, в белом пальто.

Работает Билли Пальцы по одной и той же схеме: заходит в магазин, делает заказ, просит погрузить все в тележку и сваливает.

- Билли, - говорю я.

- Мистер Робертсон. Как дела? - спрашивает этот ловкач.

- Очень хорошо. А у тебя?

- Отлично, мистер Робертсон. А вы... э-э... на работе?

- Так я тебе и сказал. А вот ты, похоже, на работе, а?

- Мистер Робертсон...

Билли улыбается, поворачивает руки ладонями вверх и уходит.

- Знакомый? - интересуется Блейдси.

- Вроде того, - улыбаемся мы.

Возвращаемся домой с пленками и кое-какой жратвой и проводим остаток дня, записывая на магнитофон имитации голоса. Я стараюсь не сильно, но Блейдси демонстрирует настоящий талант. Похоже, ему даже нравится. Я бы сказал, что это грустно, но на самом деле все еще хуже.

- Да, Блейдси, у тебя выходит лучше. Наверное, дело в том, что ты англичанин.

- Хочешь сказать, тот извращенец тоже англичанин? - спрашивает Блейдси.

Мы решаем подыграть придурку.

- Блестящая мысль, брат Блейдс, просто блестящая. Но пока судить рано. Может, он просто хороший имитатор. Однако для начала неплохо бы принять твоё предположение в качестве рабочей версии. Будем исходить из принципа, что правила везде одинаковые.

Блейдси кивает с видом знатока и усмехается.

- Что ж, мне пора. В Ньюмаркет.

Мой друг Клиффорд Блейдс уезжает, спеша вернуться в лоно своей тупой английской семейки, а я звоню Гектору, чтобы напомнить, что наша договоренность на понедельник остается в силе. Потом напоминаю о том же Клэр. Проверка всех систем.

Мысль о предстоящей забаве приводит меня в возбужденное состояние, и я уже думаю, не позвонить ли Банти, но потом решаю отложить до утра. Пусть Блейдси сначала уберется с глаз подальше. Что б и не думалось.

Замечаю, что он оставил купленные в магазине пленки на моем кофейном столике. Убираю их вместе с прочим мусором, жался о том, что стал участником спектакля, доставившего мудаку Блейдси истинное удовольствие, потом закладываю в духовку жареную картошку и разогреваю фасоль, обильно посыпав ее порошком карри.

К моей великой радости, брат Блейдси тоже вспоминает, что оставил у меня пленки. Не думал, что он так быстро спохватится, но придурок ведет себя так, словно нарочно подыгрывает мне. Звонок раздастся поздно вечером, но я не снимаю трубку. Пусть разговаривает с автоответчиком. Судьба жестокая тварь, особенно по отношению к таким, как Блейдси.

- Привет, Брюс Робертсон? Это Фрэнк. Ха. - Он заливается смехом, радуясь, как хорошо у него получается. - Еду, еду, еду я... прямо к мамочке моей... Брюс, я оставил у тебя те чертёвы пленки. Присмотри за ними, ладно?

Все это говорится голосом Фрэнка Сайдботтома. Похоже так, что и не различишь. Я потираю руки и нажимаю клавишу "сохранить".

Есть!

Воскресенье. Для некоторых гнетуще-унылый день, для меня же самый лучший из всех дней недели: столько часов сверхурочных! Не могу найти тапочки. Прохожу в гостиную и замираю как вкопанный. С комода исчезла ее фотография. Конечно. Верхний ящик.

Открываю ящик, достаю фотографию.

Рождество прошло, а я так ничего и не подарил ей.

Это...

Некоторое время смотрю на фотографию, потом снова засовываю ее на место и задвигаю ящик. Бедная девочка, какое же наследство тебе досталось. Мне лучше держаться от нее подальше. Мне лучше держаться подальше от них всех. Вирус еще не проснулся полностью, но уже заявляет о себе все настойчивее.

Да, но... Рождество прошло, а я так ничего и не подарил ей.

Это из-за Кэрол, из-за того, что... Обычно она покупает ей что-то... конечно, она купила что-нибудь и на этот раз... от нас обоих.

Наверняка.

А может быть... может быть, и нет. Я знаю, что у нее в голове: старается настроить нас, меня против ребенка. Живет в своем придуманном мире. А правила везде одинаковые. Ладно. Мне насрать. Насрать!

Надеваю старую, провонявшую одежду и размораживаю "вольво". Мчусь по городу под «Мит Лоуф» и постепенно выхожу из депрессии. Джим Стайнман точно величайший рок-композитор всех времен. Романтичен, пиздюк!

Прибыв в управление, обнаруживаю, что наши почти все на месте; наглотались рождественского дерьма под завязку. Сколько бы кто ни трепался про семью, близких друзей и праздники, я знаю одно: большинство ждет не дождется, когда сможет завязать со всем этим и вернуться к привычному делу. Мне уже давно стало ясно, что полицейский не способен долго функционировать в обществе не полицейских.

- Кто у нас сегодня на третьей странице? - спрашиваю Питера Инглиса, уже развернувшего газету на столе.

- Никки из Сомерсета. Грудки хороши. Такие полненькие. Сучка, наверное, щипала себя за соски перед тем, как сфотографироваться. Только что мозоли не натерла, - подчеркнуто грубовато отвечает Инглис, как и подобает тайному педикю, который опасается, что его выведут на чистую воду.

Мистер Инглис забрал-таки свое заявление и выбыл из борьбы за повышение. Несомненно, прислушался к совету некоего мистера Тоула. Показывает страницу мне. Рассчитывает, что если не высовываться и отпускать гадости в адрес девочек, то все про него забудут. Нет, приятель, твоя дымовая завеса долго не продержится, а попытка выдать себя за одного из своих приведет только к большей изоляции. Хороша, - согласно киваю я.

Вам никого не обмануть, мистер Инглис. Зря стараетесь.

Открываю папку и достаю собственную газету. Надо изучить повнимательнее. Не плоха, есть на что подрочить. Но только позднее. В штанах чешется так, что хоть волосы на жопе рви. Спускаюсь в сортир и вытираю пот. Делаю прокладку из туалетной бумаги. Надеюсь, бумага послужит как абсорбент для выделяющейся влаги. Подтягиваю штаны и улавливаю исходящий от них запах стирального порошка. К тому же ткань еще и выцвела.

(есть, есть, есть,есть. Я знаю, как ты себя чувствовал, когда он, весь в черной угольной пыли, приходил. Ты нервно ковырялся в еде, которую он ставил на стол. Ты

старался не смотреть ему в глаза. Потом он замечал, что ты не ешь. «Ешь!» ревел он. Мать отводила глаза, а Йен Робертсон тащил тебя к камину и тыкал пальцем в уголь в ведерке. «Я рубил этот хуев уголек весь день! Ради тебя! Ешь!» Но ты все равно не мог есть. Тогда он хватал кусок угля и засовывал тебе в рот. «Жри!»)

По горизонтали

1. Житель города
5. Жалящее насекомое
8. Давать деньги
7. Горячее соединение
8. Внешний
12. Нахальный
13. Священное место
15. Ручное оружие
17. Стажер
18. Болеутоляющее
22. Дружелюбный
23. Тусклый
24. Ложа
25. После сегодня

По вертикали

1. Верхняя одежда
2. Узкая часть
3. Размышлять
4. Река в Африке
6. Фрукт
7. Сокр. форма имени Патрик
11. Речной островок
12. Сухой, ломкий
14. Вино или кекс
16. Оружие лучника
17. Категория
19. Испарение
20. Редкий
21. Помощь в преступлении

- Гас, - кричу я. - Житель города. Только не горожанин. По буквам не подходит.

- Жаль, я бы так и сказал. Горожанин. А что у тебя в девятом по горизонтали? Шесть букв.

- Припой. Ладно, вот тебе вопрос. Двенадцатое по горизонтали. Нахальный. ТОУЛ! Жалко, по буквам не подходит.

Сухой смех Гаса рикошетом отлетает от стен. Как будто заработала дрель.

Переворачиваю футбольную страницу. В глаза бросается заголовок ПРАЗДНИЧНАЯ КАТАСТРОФА:

слабая, лишенная азарта игра Тома Стронака, обычно столь активного и предприимчивого, привела к его замене во второй половине встречи...

Из-за спины в газету заглядывает Даги Гиллман. Я тычу пальцем в отчет.

- Ты ходил, Даги?
- Это был кошмар. Стронак полный мудака...
- Я-то знаю, в чем дело. Раздолбай не спал чуть ли не всю ночь И, судя по всему, дело не в выпивке, а хуже.

Да, они там все нюхают кокаин... футболисты хуевы. Гиллман качает головой.

Они просто держат нас, болельщиков, за дураков. А мы еще платим им бешеные бабки.

Гиллман со скорбным видом кивает, а к столу со своей газетой подходит Леннокс.

Заглядывает в кроссворд Гаса и говорит:

- Сокращенное от Патрик. Это легко. Грязный долбаный жирный фенианский террорист.

Усы у Леннокса заметно подросли, теперь он чем-то похож на Сапату. Наверно, все дело в кокаине. Мне даже кажется, что порошок прилепился к верхней губе.

Неплохо, Рэй, - с улыбкой говорю я. - У тебя точно получилось больше пяти букв.

Интересно, с чего это он вдруг такой общительный, прямо свой в доску?

- А как с двадцать четвертой по горизонтали? Ложа? - спрашивает Гас, демонстративно отворачиваясь от Леннокса.

- Да никакая это не Ложа.

- Неужели? - с вызовом говорит Гас.

- Конечно, - с видом знатока отвечает Леннокс. - А если и ложа, то в театре. А ты думал что? Братство?

- Да уж, об этом ты подумал в последнюю очередь! - кричит Гас.

- А? - удивленно спрашивает Рэй.

От смеха я едва не падаю со стула и закрываюсь газетой. Так его, так! Преподай сопливному выскочке урок! Научи его уважать старших! Вперед, старина!

- Не думай, что твое поведение осталось незамеченным, сынок, - продолжает Гас, тыча в грудь Рэю пальцем.

- О чем это ты, Гас? - Леннокс поворачивается сначала ко мне, потом к Питеру. - В чем дело? - Мы не отвечаем, и он снова смотрит на Гаса. - Что ты хочешь сказать?

- Только то, что сказал. Не считай себя умней других. - Гас стучит себя по клоунской голове. - Дураков здесь нет.

Он поворачивается и выходит. Инглис следует за ним, как шлюха за ебарем.

- Какого хуя? Что тут происходит? - спрашивает Рэй.

- Послушай, Рэй, это то, о чем я тебе говорил, - доверительно шепчу я, видя, что Гиллман удалился в соседнюю комнату. - Синдром молодого жеребца.

Рэй заливается краской.

- Гас ведь не знает про кокаин, верно? - тихонько спрашивает он.

- Сомневаюсь, - с улыбкой говорю я.

Просматриваю гороскоп и почти слышу, как шипит и булькает, парясь в собственном соку, этот хуеплет Рэй Леннокс. Какие восхитительные звуки! Мой знак - Телец. Вот где объяснение всем моим неприятностям.

ТЕЛЕЦ (21 апреля - 21 мая): Совместное влияние Морса и Плутано, двух довольно изменчивых планет, и вашего правителя, Венеры, указывает на то, что в вашей жизни наступил период тлеющей страсти. Но не позволяйте себе увлекаться, потому что все может закончиться слезами.

«Ньюс» - просто отвратительная газетенка. Секс, наркотики, преступления - все вертится в этом остоебеневшем треугольнике. Надо снова переключиться на воскресный «Мейл». Когда-то я читал ее регулярно из-за политики, но отказался после похорон принцессы Дианы. Все, у кого брали интервью, выглядели унылыми одиночками вроде Блейдси. Потом я где-то прочитал, что

большинство из пришедших в тот день к Дворцу - читатели «Мэйл». Я пришел в ужас и перестал ее покупать.

Решаю, что пора навестить Банти.

- Рэй, я собираюсь прогуляться. Будет искать Тоул, скажи, что я отправился в Форум.

- Так и скажу, Брюс. Ты когда вернешься?

- Где-нибудь через пару часов. Тебе принести что-нибудь от Кроуфорда?

- Да... корнуэльский пирог с картошкой, - нерешительно, как будто думая о чем-то более лакомом, говорит Леннокс.

В комнату входит Питер.

- А тебе, Питер?

Что надо педикю? Сушеные помидоры, оливки и козий сыр.

- Будешь проезжать мимо Браттисани?

- Могу завернуть.

- Тогда белый пудинг, - говорит он. Интересно, с чем у него ассоциируется белый пудинг? Хотя... догадаться нетрудно. Держу пари, этот гомик уже воображает что-то белое в своей заднице!

- Ладно, раз уж ты будешь в Браттисани, то возьми мне рыбный ужин, - решает Рэй.

(есть, есть. Ты помнишь его вкус, Брюс? Помнишь вкус той дряни, маслянисто-черного ископаемого топлива, которое ты, давясь, глотал и выплевывал? Ты ведь до сих пор слышишь его голос, заставляющий тебя есть? Есть, есть, есть. Мать плачет. Ты слышишь его голос? Должен слышать, Брюс. Знаю, он не дает тебе покоя. Теперь ты можешь есть то, что хочешь. За себя. За меня. За всех. Ты поглощаешь все. Так что ешь.)

Зеленая изгородь перед домом Блейдси самая аккуратная на всей улице. Такой уж он у нас опрятный, брат Блейдс. Наверно, из богатой семьи, но туповат и потому годен только для канцелярской работы. А может, он из рабочих, из тех, кто тянется вверх, но недостаточно активно, и которые все еще почитают аккуратность и послушание за добродетель. Так оно, в прочем, и есть. И это означает, что правила не меняются.

Заворачиваю как бы случайно - вот, проезжал поблизости и псе такое. Утро унылое и безрадостное. В воздухе ощущается холодок, но снега, кажется, можно не ждать. Губы у меня немного потрескались, так что пришлось смазать их гигиенической помадой.

Банти, похоже, рада меня видеть. Приглашает войти и включает чайник. На ней толстый свитер из ангорской шерсти, который, однако, не в состоянии скрыть тяжелые, притягивающие к себе внимание груди. Она мрачнеет, когда я начинаю воспевать дифирамбы в адрес моего друга Блейдси.

- Да, конечно, - с ноткой презрения говорит Банти.

Неподходящая она женщина для брата Блейдси. Слишком большая. Очень жаль, но правила везде одинаковые. Она ставит на зеленый пластмассовый поднос чайник, две чашки, молочник и сахарницу. Я уже и забыл, когда мне вот так подавали чай. Каждый раз, когда я собираюсь попить ли чаю дома, в заварочном чайнике и в раковине обнаруживаются высохшие чайные пакетики, а все это убрать у меня нет ни времени, ни сил. Кроме того, я всегда забываю купить молоко, хотя пиво в холодильнике не переводится.

Делаю глоток и поднимаю брови.

- Он слаб. Да-да, слаб. И бесхарактерный. Никакой твердости! - зло бросает она.

Да, брат Блейдс, похоже, вляпался в дерьмо по уши. Но мне надо поддержать его, потому что порочить приятеля значит проявлять ту самую бесхарактерность, которую так презирует Банти. Вместе с тем, защищая Блейдси, нельзя перегнуть палку. Пусть думает, что я лишь формально на его стороне.

- Клифф - один из лучших, - с вымученной, слегка смущенной улыбкой говорю я, надеясь, что мои усилия не пройдут бесследно.

- Он ваш друг, поэтому вы так о нем отзываетесь, и это хорошо, - отвечает Банти, заглатывая наживку. - Мне так хочется иногда, чтобы рядом был верный друг, человек, на которого я могла бы положиться. А что это за масонское братство, о котором я так много слышу?

Она понижает голос и бросает на меня кокетливый взгляд.

- Ну, надеюсь, вы все же слышите о нем не слишком много. Я улыбаюсь в ответ.

- Нет, конечно, нет. Просто... такое интригующее название... тайное общество...

- Не тайное общество, а общество тайн. Я предостерегающе поднимаю палец.

- О... А что, есть какая-то разница?

- Откровенно говоря, не знаю. Мне известно только одно: сейчас, если уж честно, это всего лишь питейный клуб для глупцов, которым нечего больше делать.

- Но вы-то на глупца совсем не похожи, - угодливо замечает она.

Приближается решающий момент.

- Знаете, для меня это возможность встретиться с кем-то, кто не является полицейским. Общение с одними лишь полицейскими утомляет. Мы ведь все время варимся в одном котле. А работа у нас нелегкая, нервная.

- Да... могу представить, с чем вам приходится сталкиваться.

- Вы правы. Но мы справляемся, потому что иного не знаю. Такова наша доля, и мы обязаны показывать всем, что мы сильнее, чем они, что мы не согнемся, что мы выдержим все до конца. Как и вы. Вы ведь тоже очень смелая леди. Вы не боитесь противостоять тому извращенцу. Вы показываете ему, что вас не сломить, не запугать.

- Иногда я не чувствую себя настолько сильной... Иногда мне хочется, чтобы Клифф помогал хоть чуть-чуть больше. Он, шлете ли, не тот, за чьей спиной можно спрятаться, не тот, кто может подставить плечо в трудную минуту, - с легкой запинкой изрекает она.

При всей показушной твердости эта жирная телка понемногу сдает, растекается, потому что не может противостоять жару. Жару Брюса Робертсона.

Достаточно двух шагов, чтобы оказаться рядом и взять ее руки в свои.

- Вы заслуживаете того, чтобы кто-то по-настоящему заботился о вас. Такая женщина достойна самого лучшего.

- Спасибо, вы так добры... я... я иногда чувствую себя абсолютно одинокой... у Крейга сейчас трудный возраст... Боюсь, у меня и жизни-то никакой нет... Господи, мне порой становится так жаль себя... и тогда я так ненавижу этого...

Заглядываю в ее глаза.

- У вас еще все впереди. И в вашей жизни будет светить солнце.

- Вы действительно так думаете? - со злостью спрашивает она.

Мне нравится, когда женщины сомневаются. Недоверие почти так же сексуально, как и решительность.

- Послушайте. Я скажу вам кое-что. Нечто такое, что не должен говорить. Нет. Нет...

Я медленно качаю головой и опускаю глаза. Что?

Она выпрямляется и смотрит прямо на меня.

Нет. Я не могу... не должен... Это только усложнит все и испортит... Нет, ни мне, ни вам это в данный момент не нужно.

- Пожалуйста. Скажите, что вы должны сказать. Я хочу, чтобы вы это сказали. Пожалуйста.

Ее пальцы сжимаются вокруг моих. Пожалуйста. Полиция.

Я резко втягиваю воздух, потом медленно, медленно выдыхаю.

- Хорошо. Я скажу. Меня просто убивает то, что этот психопат делает с вами, потому что... потому что у меня... потому что я испытываю к вам особенные чувства. Ну вот и сказал. Извините.

Я пожимаю плечами и освобождаю руки. Потом поднимаюсь и еще раз вздыхаю. Отворачиваюсь и молчу. Отхожу к окну и развожу тюлевые шторы. На двойной желтой линии как ни в чем не бывало торчит «ниссан микра». Интересно, куда смотрят придурки из службы дорожного контроля?

- Брюс, все в порядке... - слышится слабый голосок у меня за спиной.

Прохожу через комнату и сажусь на диван. Опускаю голову. Закрываю лицо руками. Настраиваю голос на страдальческий тон.

- Ничего не могу с собой поделать... Я все испортил...

- Нет...

Слышу, как Банти поднимается и идет ко мне. Чувствую легкое прикосновение пальцев. Она массирует мою напившуюся кровью, багровую шею и плачет, роняя тяжелые, прерывистые всхлипы.

- Я... я не знаю, что сказать...

Поднимаю на нее глаза и добавляю в голос дрожи.

- Скажите, что ничего ко мне не чувствуете, назовите меня ничтожеством, уродом, который ничем не лучше того извращенца, который донимает вас по телефону...

- Нет... Нет...

- ...потому что я именно такой... грязный, отвратительный, больной урод, позволяющий себе так разговаривать с женой друга, с женщиной в состоянии эмоциональной подавленности... с той, которая и сама не знает, что ей надо...

- Нет-нет! Я знаю! Знаю, что мне надо! Знаю, чего хочу! Брюс, я хочу быть с вами!

Я притягиваю ее, усаживаю на колено - черт, ну и тяжела же эта сучка - и поворачиваю к себе покрасневшее распухшее мокрое лицо. Смахиваю пальцем ползущие по ее щекам слезы - получается похоже на то, как работают «дворники» моего «вольво».

- Я сотру слезы с твоего лица, детка, поверь мне. Ты никогда больше не будешь плакать, - нежно шепчу я.

И надо же так случиться, что именно в этот момент в кармане у меня начинает попискивать. Изображаю огорчение.

- «Фокстрот» вызывает БР. Прием.

- Понял, «Фокстрот», прием. Я издаю усталый стон.

- Уточните местонахождение.

- Кэррик Глен Гарденс, двенадцать, Корсторфайн.

- Пожалуйста, проследуйте в управление.

- Понял, «Фокстрот», уже еду.

Я и уехал, но только после того, как от души отъебал Банти в спальне. Не спеша; в первый раз всегда надо делать все обстоятельно. Я обычно так и поступаю, приглашая новую пташку на уик-энд, балуя ее разминкой, шампанским, взятой на вынос жратвой и подчеркнутым вниманием ко всей той нелепице, которая из нее льется. Обычно трюк срабатывает безотказно, так что в последующие несколько месяцев можно поддерживать легкие, ни к чему не обязывающие отношения. Самое лучшее - это оттянуть новенькую по полной программе, чтобы она знала, на что ты способен, и впоследствии всегда искала причины разлада внутри, укоряя себя за неспособность пробудить в тебе прежнюю страсть. Хорошие любовники знают, что хорошим любовником надо показать себя только однажды. Прояви способности в первый раз, а потом в принципе делай что хочешь. В конце концов до них доходит, что ты эгоистичный ублюдок, но прозрение наступает обычно после нескольких лет бесплодного самокопания, а к тому времени ты уже получил, что хотел, наелся или потягиваешь другую.

Банти мощная женщина, а Блейдси, судя по всему, с домашним заданием не справлялся. Я думал, меня ждет нелегкая работа, но жирная корова сгорела, не успев и вспыхнуть. Предполагаю, что после Блейдси здесь любой может показаться мастером. Одеваясь, ловлю исходящий из моих штанов запах. Надеюсь, Банти ничего не заметила. Конечно, надо было надеть новые, те, что я купил перед Рождеством... вот же тупая скотина, какой смысл покупать, если не носишь...

К счастью, ей, похоже, не до таких мелочей, так что мы нежно прощаемся, и я ухожу.

Прибыв в управление, узнаю, что вызывал меня Гас, да и то лишь для того, чтобы сообщить последние футбольные новости.

Подумываю, не стоит ли повторить попытку с Банти, и даже звоню ей, чтобы договориться на завтра, но тут же раскаиваюсь и даю отбой - нельзя демонстрировать такую слабость. Проблема с бабами не в том, чтобы залезть им в трусики, а в том, чтобы потом удерживать их на расстоянии. Иначе жизнь осложняется, что само по себе не так уж и плохо, потому как жизнь без осложнений устраивает только простаков. Впрочем, в моей проблем хватает уже сейчас.

Закончив с(Я скучаю по Другому. Мне так его не хватает. Как ты можешь так жить Брюс? Как можно жить в одиночестве? Мы должны быть с другими, Брюс, ты в своем мире, а я в своем. Как ты мог так поступить с нами?)

ОБЕД У СПОРТСМЕНА

Карен Фултон выглядит сегодня особенно сексуально. Немного лишнего веса ей совсем не вредит, хотя большинству женщин полнота не идет. Наверное, не проносила мимо рта на праздники, а может, все дело в отказе от классического секса. Регулярная ебля - самая лучшая в мире диета! Проблема Фултон в том, что она слишком много времени тратит на лесбийские забавы с Драммонд.

Правила везде одинаковые.

- Ты такая роскошная, Карен, упасть - не встать, - говорю я.

Она улыбается, но улыбка подана с лесбийской приправой, и от нее тянет холодком. Это все Драммонд. Тем космическим сучкам стоило только поработать языком, чтобы увести особо впечатлительных с дороги праведности. А вернуть их на стезю добродетели может только настоящий, первосортный шотландский хуй. Серьезно. Похоже, Карен давно не делали промер глубины.

Помяни черта... Драммонд приходит вместе с Инглисом и I асом Бэйном. Она заметно подобрела к Инглису после того, как тот превратился в нэнси-боя. Удружила, называется. Инглис понимает, как смотрят на эту «дружбу» со стороны, а потому старается держаться от нее подальше.

Сегодня я собрал группу пораньше и вижу, что не все от этого в восторге. Впрочем, мне на их чувства насрать, у меня у самого дел по горло. В плане встреча с Банти, но сначала надо съездить к Гектору Фермеру в Пеникуик. Откладывать некуда, потому что нам нужен свет.

Коротко сообщаю об отсутствии прогресса в расследовании дела Вури. Потом предлагаю открыть дискуссию.

- Ладно, ребята, что нового у вас? Гас?

- Веду наблюдение за Сеттерингтоном и Горманом. Большую часть времени ошиваются в том мебельном магазине, - говорит Гас. Вид у него недовольный, привычной бодрости духа не отмечается. Ему бы забить «косячок» или порошка понюхать - смотришь, и ожил бы старик!

- Да, Рэй Леннокс и другие ребята уверены, что Сеттерингтон и Фрэнсис Бегби держат там крепкие наркотики. - Замечаю, как перекосило Гаса при упоминании имени его недавнего приятеля. - Ладно, Гас, ты только не спускай с них глаз. Питер?

- Никаких следов той загадочной женщины. Я разговаривал со всеми, кто бывает у Джемми Джо, но пока ничего конкретного. Проверяю.

Ты проверяешь. Извращенец гребаный, знаю я, что ты проверяешь...

- Так-так, значит, в нашей жизни по-прежнему присутствует некая загадочная женщина... Как интересно... - Я поворачиваюсь к Драммонд. - Мэнди, дорогуша, что нового у наших друзей из этнической колонии?

- Не думаю, что вам подобает обращаться таким образом к женщине-офицеру, - с вызовом бросает она.

- Совершенно верно! - спохватываюсь я. - Примите мои искренние извинения за причиненное вам оскорбление, моя милочка. Сила привычки. Плохой привычки, дурной привычки, но тем не менее привычки. Так приятно, что есть добрые души, не забывающие напоминать мне о моих прегрешениях в столь важной области...

- Я вам не милочка, - заявляет она. Карен Фултон одобрительно кивает. Драммонд смотрит на меня еще пару секунд, потом говорит: - Послушайте, Брюс, вы можете считать меня чересчур педантичной, но нам всем приходится нелегко, мы и так слышим в свой адрес одни оскорбления, так что насмешки со стороны коллег совершенно неуместны. Я лишь хочу, чтобы

со мной обращались так же, как и с другими.

Ебись с мужиками, а не с бабами, вот и будет тебе такое же обращение.

- Понял. Итак, какие новости из Форума? Начинается бесконечное ля-ля про то, как эти "цветные"

напуганы и какие они питают надежды. Наконец мы заканчиваем, и меня отводит в сторонку Питер Инглис.

- За этой стервой надо присматривать, - хмуро говорит он, тщетно пытаясь вернуть себе прежнее гетеросексуальное доверие.

Да, Инглис, ты абсолютно прав. Но что ты собираешься делать? Пристегнуть фаллоимитатор и отодрать сучку в задницу?

- Согласен с тобой, - говорю я. - Она требует равных прав, так пусть получит равную работу. Хотел бы я посмотреть, как Драммонд будет арестовывать Лексо Сеттерингтона или Упыря Гормана. Кто станет этим заниматься? Только ты или я. А ей бы сидеть за столом, перекладывать бумажки да давать советы какой-нибудь тупой шлюхе, которой ее мудакоприятель челюсть свернул.

Мой план заключается в том, чтобы Инглис считал меня своим единственным товарищем во всем управлении. Сейчас он стоит рядом, с ненавистью поглядывая на Драммонд, которая снова болтает о чем-то с Фултон. Инглис - гомосексуал по сути. Я не хочу сказать, что он из тех парней, которые хватают тебя за задницу в сортире или что-то в этом роде, но у него гомосексуальная психология. Пожалуй, есть смысл вывести его на чистую воду. Правила для всех одинаковые.

- Кто к Кроуфорду? - спрашивает Гас.

- Извини, составить тебе компанию не могу, - объявляю я, накидывая пальто.

От пальто тоже отдает тухлятиной, зато я по крайней мере не забыл надеть новые слаксы. Правда, ткань немного жестковата и раздражает кожу в паху.

- Есть наводка на одного дружка Окки. Может, что получится, может, нет, но проверить надо. Увидимся позднее.

Взбегаю наверх, в фотолабораторию, беру штатив и видеокамеру, которой Пит Лоберн, наш техник, разрешил попользоваться несколько дней. Хороший парень, один из немногих в полиции. Быстро спускаюсь и загружаю оборудование в машину. Надо еще заскочить за Клэр, потом лететь к Пеникуик на съемки, а вернувшись, прибраться дома и ждать Банти. Выебать ее - это в некотором смысле отыметь Блейдси. И хер с ним, с недодел ком.

Мне повезло - на дорогах почти никого. Паркуюсь неподалеку от Рыбзавода, так, чтобы машина не бросалась в глаза. Обычно я оставляю «вольво» на соседней улице, но сейчас не до того - время поджидает. Мэйзи и Клэр уже ждут.

- Чашечку чаю или чего покрепче, Брюс? - спрашивает Мэйзи.

- Я бы с удовольствием, да не могу. Время - деньги. Клэр, радость моя, ты готова?

- Да, - отвечает она. На ней меховое, до колен, пальто, а под ним... Надеюсь, она учла все мои пожелания. Судя по туфелькам на каблуках - да.

- Покажи.

Клэр распахивает пальто, являя черный бюстгальтер, узкие трусики и чулки на поясе. Ух ты!

- Сказка.

Она собирается надеть спортивный костюм, но мы уже опаздываем, так что я приказываю взять все с собой и ехать в чем есть.

- В машине тепло, мотор работает.

- Ты уж присматривай за ней, Брюс, - мягко предупреждает Мэйзи, когда мы направляемся

к выходу. - Она хорошая девочка.

Чертовски хорошая. Я бы трахнул се прямо здесь.

- Ты же знаешь меня, Мэйзи, - улыбаюсь я. - Можешь назвать меня старомодным, но я считаю, что к дамам следует относиться со всем возможным почтением.

И вот мы уже в пути. В динамиках ревет «Дип Перпл», оригинальная версия «Звезды автострады», в руках упруго дрожит руль, тепло, и все, чего мне сейчас не хватает, это доброй дозы кокса! Хорошо еще, что дорога практически пустынна, потому что следить за ней у меня не получается - взгляд то и дело соскальзывает на сидящую рядом киску, на ее гладкие, обтянутые чулками бедра. В какой-то момент я даже начинаю думать, а не послать ли все куда подальше, съехать на проселок и завалиться в какое-нибудь укромное местечко, где можно оттянуться по полной.

Странно, но от этих мыслей меня отвлекает ее жалобный скулеж. Похоже, у сучки появились сомнения по поводу нашего проекта.

- Не уверена, что это стоящее дело, - говорит Клэр, закуривая сигарету.

- Перестань, ты ж получишь за работу хорошие денежки. Смотри на это, как на возможность расширить кругозор, приобрести полезный для карьеры опыт, - вразумляю я ее. Наверное, что-то подобное втюхивал бы новобранцу Тоул, прежде чем отправить беднягу на передовую борьбы с преступностью. - Собачка там хорошая. Колли. Эти песики известны своей послушностью. А что касается видео, то гарантирую - оно только для частного просмотра. Только для меня и Гектора. Две штуки. Это хорошие деньги.

- Да... ладно.

Хорошо, что у Гектора водятся деньжата. Фермеры все время жалуются на свою тяжкую долю, но видели ли вы хоть одного по-настоящему бедного? К тому же профессия располагает их к хорошим отношениям с полицией. У них есть собственность, а наше дело как раз в том и состоит, чтобы защищать собственность. Поэтому в отличие от многих у фермеров инстинктивная тяга к полицейским. Как и мы, они подвержены депрессии, и уровень самоубийств у них довольно высок. Только депрессия у них носит сезонный характер.

Сворачиваем с шоссе и едем по гравийной дороге к ферме. Услышав шум, Гектор выходит из дома и приветствует нас в своей обычной радужной манере. На вид он типичный сельский труженик: коренастый, красномордый, седые волосы и борода, твидовый пиджак, вельветовые бриджи и сапоги.

- Привет, Брюс.

- Гектор.

Глаза у него становятся большие, как блюдца.

- А как мне называть эту очаровательную юную леди?

- Клэр, - говорит она.

Лицо Гектора расплывается в улыбке.

- Для меня это совершеннейшее удовольствие и честь, моя дорогая. - Он берет ее за руку и ведет к своему «рейнджроверу». Я иду следом со штативом и камерой. Во дворе грязно, а на мне новые штаны, так что передвигаюсь с опаской.

- Это ваша ферма? - спрашивает Клэр.

- Моя дорогая, здесь все мое. От дороги, - он останавливается и делает широкий жест свободной рукой, указывая на окружающие нас пустынные бурые низины, - и до тех холмов.

Клэр улыбается и кивает с видом знатока, успевшего провести оценку недвижимости. Девочка не промах и в своей профессии может подняться до самого верха. У бляди инстинктивное понимание собственности.

Гектор свистит, и откуда-то из ниоткуда вылетает и мчится прямо к нам колли.

Столкновение кажется неизбежным, но в последний момент псина замедляет ход и начинает, возбужденно лая, ходить вокруг нас кругами.

- Это Энгус, - с гордостью сообщает Гектор, поглаживая возбужденную зверюгу.

Залезаем в «рейнджровер».

- Холодно, - жалуется Клэр, закуривая еще одну сигарету.

- Энгус тебя согреет, - говорю я, усаживаясь рядом с ней на заднем сиденье, тогда как колли запрыгивает на переднее.

Клэр смотрит на своего партнера с некоторым сомнением.

- Серебряная медаль на Ройал-Хайленд-шоу в девяносто пятом, да, малыш? - с нежностью говорит Гектор и включает двигатель.

Шавка поворачивается и начинает лизать мою руку шершавым, как наждачная бумага, языком.

- А ты ему понравился, Брюс, - комментирует Гектор. Едем по петляющей, едва заметной дороге, проходящей

между обледенелых деревьев, по направлению к какому-то похожему на сарай строению. Внезапно колея уходит вниз, и мы выскакиваем к позабывшей замерзнуть луже. Я поворачиваюсь к Клэр.

- Ты же из Абердина, должна быть привычной к таким пейзажам. У вас там главные конкурентки овечки, верно? Так что все будет хорошо! Поняла?

На шутку никто не реагирует, а чертов «рейнджровер» останавливается, увязнув в грязи. Я смотрю на часы, мотор натужно стонет, колеса вертятся, но толку никакого.

Гектор поворачивается ко мне.

- Извини, Брюс, нам понадобится твоя мускульная сила. Я холодно смотрю ему в глаза, но он качает головой и трясет руль.

- Мне надо остаться.

Вылезаю и тут же оказываюсь по щиколотки в грязи. Мои новые слаксы... что б его, этого раздолбая Гектора...

Бросаю взгляд на часы, упираюсь и начинаю толкать. Машина дергается и прыгает вперед, обдав меня по колено серой жижей.

Возвращаюсь в салон под ухмылки Гектора и Клэр.

- Извини, Брюс, но оделся ты не для фермы! А теперь смотри не испачкай Клэр!

Я молчу до самого сарая. Это громадное, неказистое, холодное строение, расположенное вдали от посторонних глаз. Быстро устанавливаю камеру, однако Клэр все равно недовольна.

- Холодно, Брюс, поторопись!

Света пока еще хватает, но температура действительно низковата. Морозный ветер так и свищет, принося с собой клинически пронизывающий запах озона явно арктического происхождения.

- Сюда, Клэр, - распоряжаюсь я. - Сними пальто и выпрыгивай из трусиков. Так... Обопрись вон на ту перекладину и расставь ножки...

- Как оно, Брюс? - спрашивает, поджав губы, Гектор. - Видно хорошо?

- Потуши чертову сигарету, Клэр! Немного левее... так, хорошо. Гектор, давай.

Гектор подводит пса к Клэр и дает ему обнюхать ее. Потом начинает работать с собачьей елдой, не забывая и про свою собственную. Все это время он неотрывно пялится на Клэр. Из пасти Энгуса свисает розовый язык, потом откуда-то из-под шерсти выскакивает, как будто Гектор нажал кнопку, такой же розовый стручок.

Гектор включает музыку - это его идея - и, указывая скулящему псу на Клэр, отпускает ошейник.

Зверь не обращает на нее никакого внимания, зато прыгает на меня, обхватывает передними лапами мою ногу и начинает бешено тереться.

- Убери от меня эту тварь, - кричу я, пытаюсь стряхнуть скотину, но Энгус разошелся не на шутку: ноздри трепещут, клыки оскалены, из глотки доносится угрожающий рык.

Я отшатываюсь и натываюсь на штатив. Гектор хватается за ошейник и оттаскивает в сторону. К этому моменту мои новенькие слаксы уже изгажены собачьей спермой.

- Не меня, а ее! - ору я тупой, пыхтящей зверюге. Повторяем попытку. И снова это взбесившееся животное летит ко мне.

- Да еб же вашу мать!

Тонкое розовое дуло извергает фонтан белесой жижи. И снова на мои слаксы!

- Этот хуй испортил мне новые штаны!

- Извини, Брюс.

Гектор пожимает плечами и берет полоумную псину за ошейник. Клэр начинает громко, по-лошадиному, смеяться.

- Твой Энгус - гребаный пидер, - заявляю я, указывая на четвероногого извращенца.

У Гектора еще хватается наглости изобразить возмущение.

- У пса столько вязок, сколько тебе и не снилось, сынок, - ворчит он. - Просто ты ему понравился.

- Ты тоже мне нравишься, Гектор, но я же не пытаюсь тебя выебать. Думай, что хочешь, но твой кобель - гомосек.

Гектор начинает утешать бедного песика, как будто я нанес ему смертельное оскорбление.

- Просто ему это в новинку, вот и все.

- Не я ему должен нравиться, а она! - Я показываю на Клэр, которая уже успела накинуть пальто. - Надо что-то сделать... что-то придумать... может, приманить его к ней собачьей жратвой?

- Ну уж нет, - возмущенно фыркает Клэр. - Да эта тварь сожрет меня заживо!

- Это всего лишь вариант, - говорю я, стараясь почистить слаксы носовым платком, но делаю только хуже, потому что теперь к сперме добавляются крупинки кокаина и сопли. День испорчен окончательно.

Еще один заход с тем же результатом: Энгуса неотвратимо тянет ко мне. Брюки - хоть выбрасывай. Время потрачено впустую. Темнеет, так что о съемках уже нечего и думать. Я умышленно, но как бы невзначай, наступаю колли на хвост, и скотина громко взвизгивает.

- Осторожно, смотри под ноги! Ты в порядке, малыш? - воркует Гектор.

Клэр достаивает меня неодобрительным взглядом.

Конечно, ей досадно, что осталась при своем, но у меня еще есть время перепихнуться по-скорому на заднем сиденье «вольво». Делаю соответствующее предложение, однако Клэр сообщает, что остается на ферме с Гектором. Они держатся за руки и хитро улыбаются друг другу. Вот пиздюки. Возвращаюсь на службу с промежуточной остановкой у Кроуфорда, где беру немного жратвы на вынос.

Я-то хотел щегольнуть в новых слаксах перед Банти. Теперь же они добавляются к той куче, что уже не помещается в корзине, а из нес извлекаются старые, вонючие, затасканные и лоснящиеся от грязи. Вообще в доме полный бардак. Запах хуже, чем в сарае на ферме у Гектора. Собираю все, что валяется, в мешок для мусора, потом ползаю по полу с мокрой тряпкой и еще прохожусь с пылесосом. Когда в дверь звонят, пот катится с меня градом. Выключаю пылесос и делаю глубокий вдох.

Входит Банти, и я сразу же веду ее в спальню, где сменил простыню и накинул на кровать

покрывало. Укладываю ее прямо на него. Она только этого и ждала. Дырка раскрылась шире центрального проезда, а сочтется из нее, как из переспелой груши. Врубаю Бахмана Тернера «Ты ничего еще не видел».

Из-за соседней двери доносятся подозрительные звуки. Похоже, там кого-то ебут. Наверно, Том Стронак притащил ту сучку, которая работает в баре в отеле; кажется, это ее мини припаркована напротив дома. Ну конечно, Джули ведь уехала на какие-то дурацкие курсы, он сам мне говорил. Не теряя времени, принимаюсь за Банти. Там гроыхает, здесь скрипит - прямо соревнование. Мы еще покажем этому мудаку. Банти по крайней мере готова к марафону. Но время идет, а финиша не видать. У Стронака же полная тишина. Я скрежещу зубами, но держусь из последних сил, и когда она наконец кончает, наша кровать скачет так, что, кажется, вот-вот протаранит стену и влетит в спальню Стронака. То-то был бы спектакль на зависть говнюку!

Мы оба впадаем в посткоитальную дрему, но я еще успеваю заметить тишину в доме соседа. Вот чего недостает этому слабаку - выносливости! Ни на поле, ни в постели.

Просыпаемся. Я готовлю легкий ленч из того, что принес от Кроуфорда, и с рассеянным видом проверяю сообщения на автоответчике. А вот и оно, легкомысленно оставленное недоумком Блейдси.

Его голос звучит сразу за голосом Стейси, желающей мне счастливого Рождества. Краем глаза замечаю, как напрягается Банти. Ее реакция напоминает второй оргазм, только теперь сучку трясет от ярости.

- Это он! На автоответчике! - бушует она.

- Банти, успокойся, - говорю я. - Это же Клифф. Он просто дурачится.

- Но это его голос! Я узнала, точно его!

- Перестань, так может любой. Мээнчестар! - неуклюже повторяю я.

- Это он! Это он! Я звоню в полицию! Вот мерзавец! Скотина! И как я не поняла раньше! Жила с извращенцем! Подумать страшно, что он мог со мной сделать. Мне следовало догадаться! Какой же я была дурой!

Она ударяется в слезы, тушь плывет...

- Ну ничего! Я сделаю так, что он свое получит. Опять то же самое. «Он свое получит».

- Банти, так нельзя... нельзя делать скоропалительные выводы, не имея убедительных доказательств. Надо выслушать Клиффа; возможно, он все объяснит... возможно...

- Нет! Не защищай его! - визжит она.

- Я и не собираюсь, но послушай, тебе надо остыть. Нам обоим надо остыть, - жестко заявляю я. - Если Клифф виновен, если он действительно унижал и оскорблял нас обоих, то никто, никакая сила не помешает мне разорвать его голыми руками. Можешь поверить. - Я твердо смотрю ей в лицо, и мне становится почти жаль придурка, когда ее глаза заволакивает туман ненависти. - Только сначала необходимо во всем убедиться.

- Я и так уверена, что это он! Меня не надо убеждать! О Брюс... - стонет Банти, и ее лицо перекашивается от страданий. Внезапно взгляд обретает четкость. - А что он там говорил насчет пленок? Он упоминал про некие пленки. Что это?

Я делаю вид, что мне немного не по себе, и смущенно отвожу глаза.

- Послушай, Банти... это... о Господи... как же объяснить...

- Рассказывай!

- Клифф... Клифф и кое-кто еще из Ложи, они... Она смотрит на меня, как маньячка.

- Ну, они брали видеофильмы у одного парня, фермера... Это не в моем вкусе... Я, конечно, знал, что там записано, но

думал, пусть каждый сам решает, что ему смотреть. Клифф хотел прокрутить их здесь,

наверное, чтобы ты не догадалась. Поэтому...

- Что за пленки?

Иду к шкафчику за телевизором, открываю, беру пару особо любимых Гектором кассет.

- Здесь записаны порнофильмы. Сам я никогда их не смотрел, но могу представить, какие...

- Так я и думала! Мне нужно их посмотреть! Поставь одну!

- Банти, не думаю, что тебе стоит...

- Стоит, стоит! Я хочу знать все! Все о нем. Каков он на самом деле.

Она снова всхлипывает.

Я еще немного сопротивляюсь для виду, но от Банти так далеко не отделаешься. Мы смотрим «Бойню с вибратором», но Банти хватает ненадолго, и она убегает в туалет как раз в тот момент, когда я начинаю заводиться. Что ж, с нее достаточно.

Наконец она немного успокаивается, и я вызываю такси. Не сомневаюсь, что жалоба на Блейдси поступит в полицию уже сегодня. Я еще предпринимаю слабые попытки отговорить ее от поспешных действий, призываю позвонить Клиффу в Ньюмаркет, дать ему последний шанс все объяснить и т.д., но Банти для себя уже вынесла приговор.

После чая из Ложи звонит Гас и ставит меня в известность, что они собираются задержать Блейдси для допроса. Хорошие новости распространяются быстро. Чуть позднее Банти оставляет сообщение, что уезжает с Крейгом к своей матери. Она не желает находиться в городе, когда Блейдси вернется из Ньюмаркета.

Ситуация складывается вполне благоприятная, вечер свободен, так что я еще могу поправить дела и забыть про неудачу на ферме Гектора. Мой второй билет у Леннокса, так что мы встречаемся в «Антикваре», пропускаем по пивку и отправляемся в «Шератон» на обед в честь Тома Стронака. Правда, мы так и не разговаривали с ним после той стычки у меня на крыльце в рождественскую ночь, так что меня немного беспокоит его возможная реакция.

Едем на «вольво». Я, конечно, упьюсь, но машину можно будет забрать позже. Включаю радио. Селин Дион поет ту жуткую песню, которую се заставили спеть. Леннокс несет какую-то чушь про реорганизацию. Дион умолкает, ее сменяет «Юритмикс». Леннокс переключается с реорганизации на Гаса и нудит про то, как Гас его достал.

И вот я еду - в одном ухе завывания Анни Леннокс, в другом - унылая трепотня Пиздюка Леннокса. И оба, похоже, сговорились меня уделать.

Удивительно, но Том Стронак приветствует меня так, будто ничего и не случилось. Может, не хочет ворошить прошлое, а может, чувствует, что я вполне в состоянии испортить ему вечеринку, если что пойдет не так. Мы с Ленноксом бесцеремонно усаживаемся за его столик, чему он не очень рад, потому что здесь же сидит и бывший форвард английской сборной Рональд Долак. Вот уж чудо из чудес: Долак действительно приехал. Далглиш и Саунес не смогли, что только добавляет им уважения в моих глазах. Впрочем, загадка Долака скоро проясняется: оказывается, он заявился в Шотландию со своим агентом, чтобы договориться о проведении показательного матча с «Селтиком».

Все идет отлично, шутки, как обычно, сводятся к тому, что Футболисты - это соль земли, а женщины существуют лишь для того, чтобы убирать, готовить и раздвигать ноги. С удовольствием отмечаю, что Стронак чувствует себя не в своей тарелке, оказавшись в тени Долака. И, разумеется, все портит лизоблюд Леннокс, отпускающий пару дежурных комплиментов в адрес виновника торжества. Строит из себя болельщика, а на стадионе если и бывает, то только по службе.

Еда хороша. Я начинаю с креветочного коктейля, потом перехожу к стейку, затем к грибам с лучком, за которыми следует торт «Черный лес». Стронак с Долаком отдают предпочтение пасте, а Леннокс делает выбор в пользу котлеты по-киевски.

В зале немало футбольных знаменитостей местного калибра, встречаются и просто любители развлечься за чужой счет, и все из кожи вон лезут, чтобы обратить на себя внимание Долакра, потому что он все еще большое имя. Стронак, получив порцию восторгов от готового лизать любую задницу Леннокса, отказался от попыток соперничать с гостем и греется в лучах отраженной славы.

Надо отдать должное Долакру: англичанин знает, чем взять таких тупых мужланов.

- Этих мудаков всегда можно купить на пять-десять тысяч дешевле, что при наших ценах дает дополнительных четверть миллиона фунтов в банке. Надо лишь разыграть ирландскую карту. - Он подмигивает своему агенту. - Пара наших парней, англичан, играли одно время за Республику; они-то и научили меня брать Миков за живое.

Кто-то протягивает «Ивнинг таймс» с интервью Родни.

Я вырос в большой ирландской семье в Северном Лондоне, и все наши были там, на родине, помешаны на кельтах. Как бы я хотел натянуть зеленую футболку...

- Я сначала сказал «полосатую футболку», - смеется он. - Совсем забыл, в какой форме они играют. Слава Богу, что журналист оказался понимающим парнем! Для меня эти Джоки все одинаковы. Дерьмо, верно? Но от чека не откажусь! Десять тысяч не мелочь, на них не наплюешь, так ведь?

Замечаю, что Стронак при этом краснеет как рак.

Долакр произносит остроумную речь, неплохо выступает и менеджер Первого шотландского дивизиона, но вот остальные никуда не годятся: обычные пустозвоны, любящие слушать только самих себя. Долакр уходит еще до начала аукциона. Футболка, в которой он играл пару лет назад против чехов, уходит за полторы сотни фунтов. Ее приобретает Алан Бич, торговец сантехникой и член оргкомитета.

В конце вечера уходит и Леннокс. Я решаю, что садиться за руль небезопасно, поэтому лезу в такси вслед за Рэем.

- Молодец этот Родни Долакр, - улыбаюсь я, - занятно рассказывает.

- Самодовольный ублюдок, - презрительно бросает Леннокс.

Только захожу домой, как звонит Ширли. Трубку не беру, пусть разговаривает с автоответчиком.

- Брууууссс... мне надо поговорить с тобой, Брууууссс... Это очень важно. Позвони мне, Брууууссс... пожалуйста...

Измененный машиной, се голос звучит особенно уныло.

Ставлю одну из кассет Гектора, ту, где есть несколько хороших крупных планов. Не перестаю удивляться, как этим парням удастся ловко драть сучек в жопу. Наверняка ребята переводят кучу крема. А у шлюх задницы, должно быть, растягиваются, как пизды у мамаш после десятых родов.

Ширли. Только не принимай меня за того, кому ты нужна, дорогуша.

Иду в туалет. Я уже принял немного слабительного, однако червей не видать. Пытаюсь отрубиться, но чувствую себя хреново и в конце концов засыпаю с включенным светом. Эти мудаки с их экономией на сверхурочных сведут меня в могилу.

(Ребенком ты всегда ощущал присутствие матери, но отец был для тебя только тенью. От него не исходило ни тепла, ни нежности. Когда ты пытался приласкаться, он всегда гнал тебя. Иногда ты замечал, что он смотрит на тебя, наблюдает, как ты играешь на полу. Он смотрел даже не на тебя, а в тебя, сквозь тебя. Ты поворачивался и улыбался ему, потому что был хорошим ребенком и хотел сделать отцу приятное; хотел, чтобы он любил тебя. Но отец только моргал и отворачивался. Потом ты перестал ласкаться к нему. Его взгляда было достаточно. Позже он стал мучить тебя. Заставлял есть уголь, есть

грязь. Ты ничего не понимал. Что такого ты сделал? Чем заслужил такое? Почему он это делает? Мать приходила, когда ты плакал по ночам. Ты мой хороший, ты мой мальчик, говорила она. Но в любви ощущалась жалость. С самого начала ты знал - с тобой что-то не так. Потом появился малыш. Братик. Он почти не интересовал тебя, но все остальные любили этого малыша, твоего брата Стивена. Отец, дяди и тети, все они любили ребенка. Ты думал, что если полюбишь его, то они поймут, какой ты хороший, и тоже станут любить тебя. Может быть. Однажды ты заглянул в кроватку и дотронулся до его маленькой ручонки. Отец грубо отшвырнул тебя. Он едва не выдернул тебе руку. Не подходи к нему! Не притрагивайся к нему даже пальцем! закричал он. Ты не заплакал, ты только наклонил голову. Мать увела тебя. В ее глазах была жалость, и ты стал ненавидеть ее жалость почти так же сильно, как грубость отца. нет, нет, не делай, не делай это, держись, держись, боль, боль)

Решаю, что работы сегодня все равно уже не будет, поэтому заполняю бланк ОТА 1-7 и смотрю видео, пока глаза не закрываются сами собой. Проснувшись, обнаруживаю, что уже наступил вечер. Время возвращаться к жизни. Вздремнулось неплохо.

Порошка почти не осталось, а хочется. Лечу к Ленноксу. Стучу в дверь. Тяжело, решительно. Как стучит полиция. Но только один раз. Из-за двери доносятся характерные звуки: обитатели разбегаются, как потревоженные крысы. Ясно, Леннокс делает то, что делать ему не положено. Дверь открывается. У Леннокса гостя. Она как раз собирается уходить.

- Э-э, Брюс, - говорит Леннокс. - Это Труд.

- Рад познакомиться с вами, моя дорогая. - Я беру ее руку, подношу к губам, демонстративно целую. - Рад познакомиться, Труд. Рэй не рассказывал мне о вас. Такое упущение с его стороны. - Улыбаюсь и поворачиваюсь к Ленноксу, который выглядит малость бледноватым. - Теперь понятно, почему ты скрывал такое сокровище от старого старателя Брюса Робертсона.

Она улыбается и исчезает. К Рэю тут же возвращается обычное самообладание.

- Лакомый кусочек, мистер Леннокс, - одобчительно говорю я.

- Милая девушка, - с фальшивой напыщенностью отвечает Рэй.

Он уже достал свои припасы и готовит нам по дозе. Что ни говори, но в одном парень хорош: в наркоте толк знает. На хуй работу...

Закрываю ноздрю и втягиваю кокс.

- Я верю в закон, и я верю в порядок. Хорошо пошло... с чем работаешь, то и имеешь... М-м-м-м... классный порошок... Так о чем это я? Да, мы знаем, что есть гребаные, никуда не годные законы, так что нам самим исполнять их нет смысла, хотя наша работа в том, чтобы заставлять других подчиняться им. Проблема в том, что большинство людей слабы, и если не будет никаких законов, даже дерьмовых, не будет и никакого порядка. Правила одинаковые.

- Согласен, - кивает Рэй и наклоняется к зеркалу вытереть носяру. - Уф! Да, я иногда думаю, что наилучшим решением было бы разрешить нам отстреливать всех, кого мы посчитаем нужным. И в большинстве случаев мы были бы правы, потому что за нами опыт и профессионализм. Тогда все эти ублюдки не шлялись бы по городу с таким видом, будто им все нипочем. Представь, столько мерзких рож, и каждая смотрит на тебя так, словно просит прощения...

- ...ниггеры в Лондоне, або в Сиднее... все улыбаются, все заискивают, все твердят «Да, босс», как в старые времена на тех долбанных плантациях...

- ...девки отсасывают у тебя прямо на улице, радуясь, что получают хуй в рот, а не пулю в башку...

- ...но самое лучшее - укладывать этих недоумков, - улыбаюсь я и, приставляя палец к

виску, «стреляю» себе в голову. - Бац, и нет ваших!

- Хороший кокс, а, Брюс?

- Слишком хороший для всякой швали. Слишком хороший, Рэй. И я говорю это на полном серьезе, мой милый, милый друг.

Рэй Леннокс. Крепкий парень и чертовски хороший полицейский. Что бы там кто ни говорил.

Приняв еще по одной, совершаем набег на ближайшие бары, после чего возвращаемся к Рэю со жратвой и свежим порошком. Всю ночь слушаю дерьмо, которое предлагает мне этот недоумок. Пытается доказать, что «Верв», или как там они называются, лучше, чем «Ю-2» и «Симпли Рэд»! Ну и кретин! В конце концов мне это надоедает, и я ухожу и отправляюсь в центр. Платить за такси? Ну уж хуй. Автобусов не видно. Холодает. Иду на остановку Сент-Эндрю-сквер посмотреть, нет ли там хоть какого автобуса в сторону Колинтона.

Удача, похоже, еще со мной на остановке толкнутся двое. Краем глаза засекаю какого-то приткнувшегося к стене хмыря. В глазах недоделка страх; кажется, до него только сейчас дошло, что сколько бы ты ни выпил, этого всегда будет мало, чтобы отключиться от страшной реальности жалкой и постылой жизни.

Э, да я же его знаю.

- Эй, ты же Алан, да? А это что такое? - Я показываю на золотистую баночку «карлсберг спешл». - Из фиолетовых уже не пьешь? Обуржуазился, а? Или мы взяли за ум?

Он смотрит, стараясь взять меня в фокус.

- Брюс! Брюс Робертсон! - подсказываю я. - Помнишь? Я поступил в полицию перед самой забастовкой. Как говорится, выбирай сильнейшего. А ты-то сам как? Чем занимаешься? Наверняка политикой. Тебя же всегда тянуло к публичным выступлениям.

Лоутон мычит что-то нечленораздельное. Похоже, узнал.

- Не получается? Утратил навыки, а? Ладно, улетаю, пока. - Я поворачиваюсь и иду через площадку. За спиной слышен злобный рык.

Я, мы улавливаем, однако, пару слов. Дрянь!

Чтобы какой-то паршивец, какой-то мудака... Не на того напал. Лоутон. Ничтожество. Пустое место. Это он дрянь. Это он мусор.

В углу автопарка двое придурков в форме чешут языками с транспортным инспектором. Подхожу к ним.

- Все в порядке? Показываю удостоверение.

- Да, - нервно отвечает один.

- Итак, офицер?..

- Кэмерон, сэр.

- Так вот, констебль Кэмерон, предлагаю вам и вашему коллеге прекратить чесать яйца и заняться делом. Вы знаете,

Алан. Алан Лоутон. Когда-то, в не столь уж давние времена, был членом забастовочного комитета. Как дела, приятель? Чем промышляешь теперь, через десять лет после закрытия последней шахты? Как живешь сейчас, когда в родном поселке тебя считают уже не героем-социалистом, а занудливым придурком.

(на твоём счету две забастовки, Брюс. Три забастовки - ты на улице.)

как власти нашего города относятся к любым проявлениям неподобающего поведения в общественных местах?

- Да... мы... - запинаясь, лепечет он. Сосунок.

- Полагаю, вы здесь на дежурстве?

- Да, сэр.

- Рад слышать. Там, у стены, какой-то подонок. - Показываю в направлении Лоутона. - Оскорбляет пассажиров, включая меня. Заберите этого мерзавца или мне придется заняться вами. Ясно?

- Да, сэр. - Констебль Кэмерон поворачивается к напарнику. - Идем.

Они бегут через площадку и хватают ничего не понимающего Лоутона.

Лоутон всегда мне нравился, но, похоже, он так никуда и не продвинулся со времени тех славных для него деньков шахтерских забастовок. Все, что я могу для него сделать, это освежить засранцу память. Я и сам как будто возвращаюсь в прошлое, наблюдая за тем, как парни в синем запихивают бедолагу в полицейскую машину.

ВЫХОД ЧАРЛИ

Новый офис в Саут-Сайде уже выглядит не лучшим образом: на стеклянных дверях жирные отпечатки пальцев, на столах черные следы от сигарет, на доске объявлений плохо отпечатанные, выцветшие плакаты. В воздухе запах дезинфектанта, того самого, которым пользуются во всех учреждениях, чтобы скрыть, хотя и безуспешно, запах мочи. Какая-то старушка пытается взять в оборот дежурного сержанта, но Сэмми Брайс настоящий профессионал, и вывести его из равновесия не так просто.

- Понимаю, - говорит он, - но если нет заявления, то мы бессильны что-либо сделать.
- А что же мне делать? - спрашивает она.
- Вам следует обратиться в ближайший к месту правонарушения полицейский участок.
- Но мне сказали, что любой полицейский участок... От отчаяния старуха едва не плачет.
- Любой, если есть заявление.

Я подмигиваю Сэмми - он не самый плохой парень из тех, что носят форму - и поднимаюсь наверх к Дэви Маклафлину.

Детектив-сержант Маклафлин занимается делом Блейдси, который по возвращении из родного Ньюмаркета мало того что недосчитался жены, так еще и умудрился попасть за решетку. Маклафлин для этого случая как раз то, что надо: рыжий ублюдок-папист, вонючий кусок расовой блевотины.

- Так ты хорошо знаешь Клиффа и Банти Блейдс? - спрашивает он.

Конечно, разговаривать с этим конопатым недоделком удовольствие небольшое, но делать нечего, и я придаю лицу озабоченное выражение.

- Да, Дэви, мы друзья их обоих. С Блейдси, то есть с Клиффом Блейдсом, я знаком уже пару лет, а вот с Банти познакомился относительно недавно. Ей пришлось довольно нелегко из-за звонков какого-то психопата, и Блейдси хотел, чтобы я помог ей, поддержал...

- Тебе приходило в голову, что звонит он сам? Я вздыхаю и медленно качаю головой.
- Дэви, я служу в полиции столько, что уже и вспоминать не хочется, и такое дело у меня не первое. Должен признаться, я даже представить себе не мог что-то подобное. - Тяжелая пауза. - Теперь-то понятно, что для него главным в игре был элемент риска, это его заводило. Как же он меня!

Я бью кулаком по столу.

- Не изводи себя так, приятель, - утешает меня Маклафлин. Хм, не такой уж он и плохой парень... для католика. - Нам всем приходится отключаться от работы и жить своей жизнью. Иногда мы просто ошибаемся в людях.

- Но Дэви, я чувствую себя полным кретином...
- Брюс, у каждого из нас есть частная жизнь, и нельзя подозревать в каждом встречном Джеки Трент. Сказать по правде, выходя за дверь управления, каждый забывает о работе и становится просто человеком.

Ты, может, и становишься. Но ты же папист, так что не равняй себя с другими. Если у тебя вся родня уголовники, то ты, конечно, поневоле забываешь о работе.

- Я хочу его видеть.
- Не думаю, что это хорошая мысль, Брюс.
- Дай мне всего пару минут. И не беспокойся, я эту мразь и пальцем не трону, - обещаю я.
- Ладно.

Он сдвигает рыжие брови. Пусть Маклафлин и католик, пусть и против аборт, но полицейский на все сто.

Иду к камере, где держат Блейдси. Рядом с ним придурок в форме, который при моем появлении выходит.

Блейдси ничего не говорит, но в глазах его вспыхивает надежда. Рад меня видеть. Этот жалкий ублюдок действительно рад меня видеть!

Думает, что я могу водить дружбу с таким вот гнусным извращенцем. Надо сразу показать ему, что и как.

- Ах ты пиздюк! - с ходу бросаю я. - Вонючка! Срань! Ты же с самого начала меня наебывал! Нес всю эту чушь про Фрэнка Сайдботтома! Дрожил у меня под носом!

Блейдси просто раздавлен несчастьем.

- Нет! - протестует он.

Вид у него настолько жалкий, что мне трудно смотреть ему в глаза. Я отворачиваюсь, но игра есть игра, и положение, как говорится, обязывает. Как всегда, либо ты, либо тебя.

- Брюс, ты должен поверить, это не я!

- Не выводите меня, а то сделаю так, что голова из задницы вылезет!

Я делаю шаг к нему, и Блейдси съеживается и отступает. Я останавливаюсь, отворачиваюсь, потом иду вокруг него, припоминая все выпавшие мне несправедливости, все унижения и несчастья, которых было столько, что этому пиздюку и не снилось. Развожу руками и качаю головой.

- Ну зачем? Зачем ты это делал, Клифф? Зачем втянул во все это меня? А я-то думал, мы друзья!

- Я ничего не делал! Мы с тобой друзья, Брюс! - жалобно ноет Блейдси. И тут силы его покидают. - Я ничего не дееееелаал... нееее дееееелаал...

Он вцепляется зубами в рукав своего клетчатого пиджака, чтобы заглушить рыдания.

Противно смотреть, как хнычет взрослый мужчина. Никакой гордости, мать его... Ну разве видел кто-нибудь, чтобы я вот так вот раскисал? Хуй вам! Мы всегда держим себя в руках. А этому мудаку стоило бы умереть, покончить с собой, взяв пример с Клелланда. Будь моя воля, так кончали бы все эти недоделки; я бы заставлял их накладывать на себя руки - проводил бы естественную психическую селекцию. Сидел бы на телефоне доверия и оказывал услуги человечеству; если бы мне звонили такие вот разьебаи, я бы говорил: да, все правильно, вы и должны испытывать отчаяние. Дайте миру отдохнуть от себя, покончите с собственной никчемной жизнью. А если вам требуется помощь, я буду через несколько минут. Блейдси. Мусор. Отстой. Шваль, И не хуй тут с ним рассусоливать. Смотрю на него и начинаю учащенно дышать.

- Как бы я хотел верить тебе... Как бы я хотел верить тебе... Все, ухожу!

Вылетаю из камеры, сбивая по пути стул. За спиной стонет Блейдси:

- Бруууссс...

В коридоре понемногу прихожу в себя. Тычу пальцем в сторону камеры.

- Свихнулся. Совсем ебнулся. Не давать ему никакого кофе, - шепчу я изумленному недоумку в форме.

- Ладно, босс, - робко говорит он.

Вот такие парни мне нравятся. Мне нравится, когда меня называют боссом. Вот получу повышение и сделаю так, что все недоумки в управлении только так и будут ко мне обращаться. Seriously! Я прощаюсь с гребаным католиком Маклафлином, благодарю его за помощь и подтверждаю, что да, теперь, оглядываясь назад, становится ясно: в данном случае мы имели дело с подпорченным товаром в форме брата Блейдси. Возвращаюсь в управление. Сажусь за стол и приступаю к изучению готовых лопнуть шаров Моники из Шеффилда с четко выраженными сосками. Сразу видно - фотограф свое дело знает.

Звонит телефон. Звонок из города. Сердце подскакивает, и грудь как будто сдавливает. Беру трубку.

- Да?

Это Банти.

- Банти.

- Его взяли?

- Да. Я только что виделся с ним.

- Держу пари, он по-прежнему все отрицает.

- Да... этого и следовало ожидать. Они все так себя ведут. Должен сказать, приятного мало.

- Да, наверно... Брюс, когда я смогу тебя увидеть?

- Я думал об этом, Банти, и полагаю, будет лучше, если мы не станем сейчас демонстрировать наши отношения. По крайней мере до тех пор, пока все это немного не поутихнет.

- Что...

- Банти, я очень многим рискую. Я детектив. Мне давно следовало взять Клиффа под подозрение. Я знал, что он за человек, знал о пленках и всем прочем... Мы... я... надо мной же все станут смеяться! А впереди заседание аттестационной комиссии. Ты понимаешь, о чем я?

- Брюс, никто ничего не узнает. Я буду очень осторожна. Обещаю, что никому ничего не скажу. Но ты должен приехать ко мне, Брюс...

- Конечно, приеду, - негромко говорю я в трубку. - Ведь у нас с тобой не просто так, верно? У нас с тобой по-особенному.

Не волнуйся, толстуха, скоро я приеду и выебу тебя.

- Я тоже так думаю. - Голос у нее ломается. - Но я никогда не стану между тобой и твоей карьерой, не сделаю ничего такого, что могло бы повредить тебе.

- Банти, ты даже не представляешь, как много значит для меня то, что ты сказала. Всю свою жизнь я чувствовал, что предназначен для чего-то большего, но всегда было что-то, что сдерживало меня, тянуло назад. В моей мозаике всегда недоставало какой-то детали. Теперь я понимаю, что этим недостающим кусочком была любовь. Любовь и понимание чудесной женщины. Эта чудесная женщина - ты, Банти. Ты столько выстрадала, прошла через такие испытания... Я хочу это исправить.

- О Брюс...

- Ты просто помалкивай пока, дорогая, а я скоро приеду. Обещаю.

- Хорошо, Брюс.

- Мы скоро увидимся.

- Брюс... я люблю тебя.

Пошла на хуй, жирная падаль! Наши отношения вступили в завершающую стадию в тот момент, когда Блейдси оказался на казенной койке. Можно, конечно, еще какое-то время поводить эту корову за нос, избегая неудобных вопросов и пользуясь ею для поддержания чистоты и порядка в доме.

- Я тоже люблю тебя, Банти. Молчание.

- Мне надо идти, - говорю я.

Звонят по другой линии. Снимаю трубку. Ширли. Чтоб ее! В углу, возле раковины, стоит Гиллман с моей фирменной кружкой. Перехватив мой взгляд, он свободной рукой показывает на чайник.

- Ширли, - коротко говорю я.

- Проверяю, остался ли в ящике «Кит-Кэт». Парочка еще завалялась.

- Брюс... мне необходимо повидаться с тобой. Нам нужно поговорить.

Показываю Даги большой палец.

- О чем?

- Мне надо тебя видеть! Пожааалуйссста... Эта сучка сведет нас с ума.

- Хорошо, хорошо. В «Джинни Динс» через полчаса.

- Пожалуйста, Брюс, будь там. Не подведи меня...

- Да... конечно, нет, - говорим мы ей. Что «да»? Что «конечно, нет»? Затем, думая о Банти, но не о чувствах, а о том, что мы ей сказали, добавляю: - Я люблю тебя.

- Что? Ты серьезно?

Принцип одинакового подхода. Что даешь одной, то давай и другой. Укрепляет доверие в межличностных отношениях.

- Я не привык бросать такие слова на ветер. Уже иду. Увидимся.

- Пока.

Кладу трубку. Что нужно от меня этой тупой корове? У нас и без нее проблем выше крыши. Иду к чайнику, туда, где совещаются Гиллман и Леннокс.

- Гаскойн был прав, а Бест так прямо и сказал. Тот не мужик, по крайней мере не настоящий мужик, кто ни разу не съездил своей бабе по физиономии. А все остальное - пустая либеральная трескотня. Переступила черту - получи по зубам. Только так и не иначе.

Леннокс недовольно морщится и качает головой.

- Мы расследуем дела, связанные с насилием в семье. То, о чем ты говоришь, называется оскорблением действием и наказывается по законам этой страны.

- Фи, - ухмыляется Гиллман. Так, как ухмыляется он, не ухмыляется никто другой. Скажу честно, я бы сошел в могилу счастливым человеком, если бы мог кривить рожу, как Гиллман. Между ним и Ленноксом пять футов, тем не менее Рэй бледнеет. - Я получаю достаточно пинков на работе, чтобы сносить их еще и дома. - Он смотрит на меня. - Наставь этого распиздя на истинный путь, Брюс.

- Улетаю. Проблемы с женщиной, - притворно улыбаюсь я. - Но вообще-то эта тема требует отдельного разговора.

(Теперь нас только двое, Брюс, ты и я нас только двое.) Они кивают, и я, мы, я... все мы запрыгиваем в машину и на всей скорости несемся к пабу «Джинни Динс» в Саут-Сайде. Мы едем через Квинс-Парк и любуемся величественной статуей Солсбери Крейга. Город по-настоящему красив, и нам особенно нравится эта его часть, где не встретишь никакой шпаны. Ну почему невозможно убрать весь хлам, все вонючее дерьмо к чертям собачьим, на край света, например, в Глазго, где этим подонкам самое место? Если подумать, не этим ли мы и занимаемся, когда плетем интриги, строим козни и играем в игры? Отправляем их куда подальше, но не слишком далеко.

У нас еще осталось немного кокаина, примерно полграмма, и мы втягиваем его в себя. Лицо моментально немеет. Так надо, потому что впереди встреча с Ширли, и мы знаем, что эта тварь обязательно попробует предъявить на нас свои права. Но мы не собираемся уступать требованиям слабых. Это не в нашем характере.

Ширли сидит за отдельным столиком в углу пустого бара и похожа на шлюху, у которой впереди еще вся дневная смена. Подойдя ближе, мы распознаем горе за покрасневшим, распухшим лицом. Очевидно, наша свояченица только что плакала.

- Брюс, у меня брали мазок... мазок из шейки матки... Там что-то есть... придется пройти еще несколько тестов...

- Очень жаль, - говорим мы, - но ведь такое же случается довольно часто. Пока нет результатов других тестов, беспокоиться не стоит.

- Я просто не могу с этим справиться... Дэнни уехал, и я совсем одна... Ты нужен мне,

Брюс. Я... мне нужен кто-то... мне нужно на кого-то опереться...

Нам хватает одного мимолетного взгляда, чтобы понять - наших сил здесь слишком мало. Как бы мне хотелось быть кем-то другим, тем, за кого она меня принимает. Тем, кому не насрать.

- Извини, - говорим мы. - Даже не знаю, чем могу помочь. Придется тебе разбираться самой.

А я еще вылизывал ее поганую пизду. О Господи!

Начинаем думать о другом: Стронаку явно не светит выйти на поле, когда на скамейке скучает тот молодой, как его там, тот, который играл в конце сезона. Парень в форме, так что никаких ссылок на слабую селекцию быть не может.

- Брюс, пожалуйста, - говорит она, хватая нас за руку. Мы уворачиваемся. - Извини, Ширли. - Она вот-вот откроет шлюзы, и мы поспешно поднимаемся. - Ничем не могу тебе помочь. Срочное дело. Разбейся сама и держи меня в курсе. Выше голову! Чао!

Легко и изящно пересекаем бар, ловко обходя два попавшихся на пути стула и, обернувшись, видим круглую черную дыру ее рта. Она еще кричит что-то, но мы уже вворачиваемся в дверь, и она встает и устремляется вслед, но мы несемся через парк, насвистывая мелодию из «Шоу Бенни Хилла».

Нас преследуют по пятам, и пронзительное «Брууусссс» звенит в ушах, и мы вдруг ловим себя на том, что взяли неверное направление и удаляемся от машины. Мы оглядываемся, замедляем ход, восстанавливаем дыхание и поворачиваемся, встречая улыбкой ту, что приближается, дыша, как загнанная лошадь. И когда она уже совсем близко, мы делаем обманное движение, ловим ее на финт в стиле Чарли Кука и уходим, оставляя ее в дураках, так что будь она защитником, ей пришлось бы приплачивать за возможность выйти на зеленый газон!

Есть!

Куда там Тому Стронаку!

Она падает на колени, скулит от отчаяния, а я - мы ныряем в машину, врубаем мотор и устремляемся прочь, наблюдая в зеркале заднего вида уменьшающуюся фигурку.

Ширли сама виновата в своих несчастьях. Болезнь в манде - воздаяние за неверность. У нас вот сыпь - это наша расплата. Но мы же не перекладываем на других свои несчастья. Мы из другого теста.

Чертова пизда!

Наша, моя... голова кружится, но я испытываю одновременно и эйфорию, и тошноту. Куда угодно, только не на работу, где меня будут продолжать изводить эти драные сучки. Утро вечера мудренее. Правила для всех одинаковые. Звоним Тоулу и сообщаем, что отрабатываем кое-какие версии. Заскакиваю в офис, чтобы пополнить припасы, потом мчусь к Гектору. У него есть весьма специфического характера книги, которые должны помочь нам, мне, с пользой и приятностью провести сегодняшний вечер.

Гектор встречает меня в бодром расположении духа. Он покуривает трубку, что всегда придает ему вид довольного собой и жизнью мудака.

- Знаешь, Брюс, ты свел меня с Клэр, и это самое лучшее из всего, что ты когда-либо сделал. Я превратился в настоящего спонсора этой юной прелестницы. Фантастическая девушка.

Чтоб тебя!.. Чувствую укол ревности и напоминаю себе, что она всего лишь блядь и что мы просто совершили торговую сделку, не более того.

Мы уже прощаемся, когда на меня набрасывается тот самый пес-извращенец.

- Лежать, Энгус! Это же Брюс!

Гектор оттаскивает колли, и я уезжаю, все еще злясь на Клэр за то, что она так приклеилась

к этому старперу.

Женщины

Не могу

Кэрол

Не могу

Ширли, найди кого-нибудь посильнее, покрепче. Эта работа, эта работа... они измотали меня... вытянули из меня все соки... Мне не нужны неудачники... я не собираюсь никого тащить на буксире...

На перекрестке сигналит какой-то мудака, и я уже подумываю, не пуститься ли в погоню, но чувствую, что такое усилие не по мне.

Мы слабеем.

(есть, есть, есть, не налегай на кокаин, Брюс, не налегай на кокаин)после кокса совершенно испортился аппетит, и мне уже насрать на жратву - организм требует дури.

Кокс - топливо, кокс - энергия. Нюхай, колись и улыбайся. Кокаин - тот же уголь, но только белый, а не черный, и чистый, а не грязный. Его не надо жрать. Его просто вдыхаешь.

Вдыхаешь и вдыхаешь...

Навдыхался... ничего не осталось. Пытаюсь подрочить под взятое у Гектора видео, чтобы отвлечься от мыслей о кокаине, но не могу сконцентрироваться. Кровь требуется всему телу, и хую достается слишком мало, так что в конце концов я отправляюсь к Рэю Ленноксу. Колочу в дверь до тех пор, пока на пороге не появляется фигура в халате.

- Рэй, - с улыбкой говорю я, - выручай. Нужен кокс. И побыстрее, приятель.

- Брюс... я... у меня нет...

- Выручай, Рэй. Праздник на носу!

Я скрежещу зубами. Вечер только начался, еще вся ночь впереди.

Из глубины дома доносится женский голос:

- Кто там, Рэй? В чем дело?

- Все в порядке! - не оборачиваясь, кричит он.

Ширли

Голос. Есть в нем знакомые нотки. Напоминает Драммонд. Наверно, все эти сучки, когда чем-то недовольны, звучат одинаково раздраженно. Может, у него там та птичка Трудит?

- Расслабляешься, Рэй? - ухмыляюсь я.

- Подожди минутку, - говорит он, качая головой, и уходит.

Подождать здесь? На холоде? Ну уж нет, парень. Переступаю порог и оказываюсь в прихожей. Рэй возвращается очень быстро, буквально через пару секунд, и приносит дозу. Один грамм.

- Это все, Брюс. Больше нет.

- Как знаешь, - говорю я и ухожу, а он остается на крыльце, похожий на долбаного Нодди. Вот же наглая скотина.

Сажусь в машину. Хочется так, что нету сил, но кругом слишком много народу. И все же нужна сильнее осмотрительности. Нюхаем. Крепок, как хуй знает что. На службе приходится проверять дурь в полевых условиях, жертвовать собой, экономя рабочее время - не ждать же, пока порошок пройдет все тесты в лаборатории. Хорошая получилась понюшка. Уже начинает колотить. Еду через город домой и даже не знаю, чем займусь. Сполоснуть горло? После кокса меня всегда тянет на выпивку. Останавливаюсь возле бара, который частенько посещал до того, как мы отправились в страну Оз.

А кредитки-то остались дома!

ЕБАНЫЙ МУДАК! РАЗДОЛБАЙ! ПЕДРИЛА!

Колочу по приборной панели, пока рука не распухает и пальцы уже не могут держать руль. Выходим и шлепаем в бар. Выгребаем из карманов все, что есть: только-только на пинту светлого. Вхожу в тесный полуподвал, чувствуя себя последней швалью. Устраиваюсь неподалеку от двери, в закутке за деревянной перегородкой с окошечками из матового стекла. Рядом пьяно хохочет какая-то блядь, а я даже не могу поставить ей бакарди. Беру пинту пива и жадно заливаю в бак. В углу четверо пожилых мудаков играют в домино. Одинокий хрен читает «Ивнинг ньюс». Приглядевшись, узнаю в нем полицейского.

Быстренько приканчиваю пинту и выхожу из бара, залезаю в машину и давлю на газ. Думаю только о кредитных карточках, которые лежат во внутреннем кармане пиджака, который висит на стуле, который стоит в гостинной.

Настроение пропадает окончательно, когда возле дома присекаем смутно знакомую легковушку. Можно, конечно, отступить, развернуться и уехать, но нам позарез нужны деньги и кредитки. Делая вид, что ничего не замечаем, выскакиваем из «вольво» и мчимся по дорожке. Но Крисси - да, это она - устремляется следом.

- Брюс... Я пыталась дозвониться тебе на работу. Ноздри у нее раздулись от злости, и лицо стало похожим на свиное рыло.

Почему все время Брюс да Брюс? Есть же и другие. Как же мне все это остопиздело...

- Знаешь, она больна. Может быть, даже умирает, - говорим ей мы.

Достаем из кармана ключи, вставляем в замок, открываем дверь...

- Кто?

- Ширли, моя свояченица. Она очень серьезно больна. Правила для всех одинаковы.

- Как жаль.

Крисси не дает нам закрыть дверь и входит следом. Мы пытаемся оттолкнуть ее, но она повисает на нас, как дешевый костюм, и кричит в лицо:

- Ну же, Брюс, отключи мне газ! Давай! Иди ко мне! - Ее пальцы уже ищут «молнию» у меня на брюках. - Боже, ну и вонища здесь... давай, Брюс, ну же...

Мы... я... я... я совсем один... один... одному мне с ней не совладать...

Сопротивляюсь, но она наступают, эта сучка драная, эта ведьма... ее злые насмешливые глаза передо мной... я отталкиваю ее руки, но их слишком много, и ее близость действует на меня, как...

- Отстань... оставь меня в покое...

- Давай, Брюс...

Она вытаскивает мой хуй и начинает сосать... сосать... и мы плачем, плачем по Ширли... нет, не по Ширли, по себе. Мы плачем по себе, а она вытаскивает ремень.

- Нет, Крисси, нет, - говорим мы. - Подожди, подожди минутку.

Она не слышит, она сбрасывает одежду, выхватывает из сумочки пояс и накидывает его себе на шею.

Я дрожу и трясусь, меня колотит, мне срочно срочно срочно нужен кокс, он у меня в кармане, и мне нужно нужно нужно увидеть Ширли или Кэрол... Кэрол... мне нужна Кэрол... но я не успеваю ничего сказать потому что она затягивает у меня на горле ремень и у нее острые ногти и она толкает меня на диван толкает меня на диван и это отвратительно и страшно и она насаживается на него и прыгает прыгает прыгает так что мне уже больно от этих фрикций и она душит меня душит затягивает петлю туже и туже так что мы уже не в состоянии ни дышать ни говорить и...

- Сильнее... выеби меня, Брюс... сделай мне больно, ты, чертов импотент! Давай! Суй

глубже! Еще! Еще!

Она дергается на мне быстрее, и я постепенно завожусь. Я уже хочу заебать эту суку, затрахать ее до смерти, но это невозможно, потому что это она ебет меня, она перекрывает мне кислород и кричит, кричит:

- Отключи мне газ! Отключи, блядь, газ! Трахни меня как следует! Еби сильнее! Шевелись! Шевелись! Перекрой мне газ!

Я задыхаюсь захлебываюсь бьюсь в конвульсиях и почти отрубаясь и она кричит и рычит и стонет и кусает мою нижнюю губу она ревет и наваливается на меня и откидывается на спину и наконец сползает хрипя и задыхаясь а я смотрю на мой бессильно заваливающийся набок хуй.

Крисси устраивается поудобнее и закуривает.

- М-м-м-м-м. Великолепно. В чем дело, Брюс? Ты в порядке? Я тебя просто не узнаю сегодня.

- Ширли больна. Моя свояченица. Ей плохо. Она смотрит на меня и качает головой.

- С тобой уже неинтересно, Брюс.

- Мы слышим голоса, Крисси. Все время. Ты когда-нибудь слышишь их? Мы слышим их всю жизнь. Червяков.

- Что? О чем это ты?

- Мы говорим одно, они говорят другое. Мы делаем по-громче. Голоса... Они как магнитная запись, если слушать ее задом наперед. Это... как мы с ней. Мы по-прежнему вместе, ты знаешь? Мы все...

Словно со стороны, я слышу свой собственный голос, низкий и монотонный.

- Мне надо идти, - говорит Крисси и начинает одеваться. - Не знаю, на что ты подсел, но с такими вещами не шутят.

Мы не отвечаем, мы молчим, мы не хотим, чтобы она была здесь. Уходи уходи уходи тебя никто сюда не звал Крисси уходит, а мы принимаемся за порошок, тот, что взяли у Рэя. Еще... еще... еще... и вот уже мне хочется, чтобы она вернулась, потому что тогда бы я показал... но гребешок обвис, совсем как у Леннокса в тот раз, когда мы вместе ебали...

...ебали Ширли.

Ширли... мы с Ширли... Я подставил ее и не могу винить других.

Иду к телефону, однако в последний момент решаю никуда не звонить. Пытаюсь растопить камин, руки дрожат, и ничего не получается. Хорошо, что еще осталось что-то от рукописи Тоула.

В кабинете Билла Тила (Андерсон)

- Этот псих, полагаете, он напомним о себе еще раз? (Тил)

- А почему ты так уверен, что это он?

(Андерсон)

- Перестаньте, Билл. Обычно это мужчины.

(Тил)

- Думаю, мы еще не все знаем о той таинственной женщине.

Андерсон взволнованно смотрит на него

(Андерсон)

- Почему вы это говорите?

(Тип)

- По двум причинам. Во-первых, оно исчезла, словно ее и не было, а это означает, что ее кто-то прикрывает. Кто-то, кто, возможно, в курсе нашего расследования. А во-вторых
Какого хуя!..

Что это значит? Что еще известно мудаку Тоулу? Черт, надо было прочитать хренов

сценарий. Все из-за Кэрол! Тупая телка. Бля...

Надо было прочитать рукопись. Знание - сила, или как там... Ладно, насрать. Не высовывайся, не расслабляйся, не размякай - и все будет в порядке. Дыши помедленнее.

Дышу помедленнее.

Легко.

На такой работе, как наша, сердца черствеют и грубеют. Они должны быть такими же непробиваемыми, как головы наших гарантов, и именно это бесит нас больше всего. Те, с непробиваемыми головами, могут позволить себе быть такими, потому что от всего абстрагируются, потому что они ни с чем не соприкасаются. Мы же платим физически и психически за то, чтобы эти изнеженные, избалованные сволочи жили своей особой, безмятежной жизнью.

Да, бесплатных завтраков не бывает. Мы платим всегда и за все.

(есть, спасибо. Ты был первенцем в семье. Но что-то было не так. Отец избегал тебя. Люди в поселке смотрели на тебя, как на уродца. Другим детям запрещали играть с тобой. Дома ты долго и внимательно смотрел на себя в зеркало, пытаясь разглядеть то, что видели они. Ничего особенного, обычный мальчишка А вот Стиви всегда играл с тобой. Ты и Стиви. Стиви и ты. Он был такой живой и веселый. Он делал все то же самое, что и ты, но окружающие реагировали иначе: то, что прощалось ему, не прощалось тебе. Ты и он, вы всегда были не разлей вода. Твой отец любил Стиви и не хотел, чтобы он играл с тобой. Отец считал, что Стиви должен играть с нормальными ребятами, одноклассниками, ровесниками, а не с тем, кто старше на два с половиной года. Ночами, лежа в постели, ты слушал, как они ругались, отец и мать. Он кричал, она плакала. Тебе хотелось вскочить, сделать что-то, чтобы они не ругались. Но потом ты стал смотреть на вещи по-другому. Ты начал вникать в слова, которые заставляли ее плакать. Ты начал присматриваться к нему, изучать его. В твоём детском мире отец представлялся воплощением силы, неприступной и внушающей страх твердыней. Затем, по мере того как твой взгляд становился все критичнее, ты начал различать трещинки на камне. Ты узнал, чем и как его можно пронять, хотя и понимал, что никогда не воспользуешься обретенным знанием)

Нынешним утром демоны являются в жалкой, неприглядной форме некоей Аманды Драммонд. С ней мне выезжать на дежурство. Почему? Не знаю. Не знаю, потому что мозги отказываются соображать. Она пиздит об одном и том же: о жертвах, подозреваемых, местах преступлений, отчетах, докладах, результатах экспертизы, политике и т.д., и мне хочется крикнуть: ДЕРЬМО. ЧУШЬ СОБАЧЬЯ. МНЕ НАСРАТЬ НА ВСЕ ЭТО. Я, МАТЬ ТВОЮ, ПОДЫХАЮ У ТЕБЯ НА ГЛАЗАХ!

Так оно и есть.

В долбаной машине совершенно нечем дышать. От гребаного кокаина горит в носу и горле. Меня бьет кашель, трясет озноб, а от запаха ее вонючих духов выворачивает наизнанку. У этой сучки, должно быть, течка, если она так обливается парфюмом. Если так, то напрасно старалась. В сраной машине пахнет, как в камерке какой-нибудь амстердамской шлюхи в субботнюю ночь в разгар туристического сезона.

И это Хогманей? Нет, больше тянет на Хэллоуин.

Повезло, ничего не скажешь.

И вот мы кружим по городу. Ищем засранца Окки. Но с ней разве кого найдешь? Какой из нее, на хуй, полицейский. Тем не менее мы - полиция.

Нам плохо, нас колотит, нам страшно. Леннокс наверняка пытался отравить меня этим коксом. Нам хочется крикнуть вонючке Драммонд: ИМЕЙ В ВИДУ, ЕСЛИ МЫ СДОХНЕМ, ТО

ИЗ-ЗА РЭЯ ЛЕННОКСА ГРЕБАНОГО НАРКОМАНА ЛЕННОКСА. ТОГО САМОГО РЭЯ ЛЕННОКСА, ИЗ ЗАДНИЦЫ КОТОРОГО ДЛЯ ТЕБЯ ВСТАЕТ СОЛНЦЕ, ДА ТОЛЬКО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАКОЙ ОН НА САМОМ ДЕЛЕ. С НИМ ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ СВЕТИТ, ОН НЕ СМОЖЕТ ОТОДРАТЬ ТЕБЯ ТАК, КАК БЫ ТЫ ХОТЕЛА. МЫ ВИДЕЛИ ЕГО СМОРЧОК, И ЕСЛИ МЫ ПОДОХНЕМ, ТО ЗНАЙ - ЛЕННОКС УБИЙЦА.

Пот катится градом. Мы задыхаемся. Я... я... от меня несет, как от поджаренного куска дерьма...

Кто-нибудь, позвоните в полицию. Помогите. Пожалуйста.

- Вы в порядке, Брюс?

- Да. Конечно. В полном порядке.

- Послушайте, вы можете сказать, что это не мое дело...

- Все о'кей... честно. Просто навалилось всякое, - говорим мы ей, стараясь восстановить дыхание и не обращать внимание на выступивший на лбу пот.

Опускаем стекло, и в салон врывается холодный воздух.

Если хотите поговорить... Она понижает голос, напуская на себя вид доброго полицейского. Так бы и вырвал этой суке глаза. Ее, наверное, и не ебал-то никто, потому и запах такой, как от аризонской пустыни.

Кем она себя считает, думая, что я вот так прямо и растаю перед ней и поведаю о самом сокровенном?

- Не надо прикидываться доброй тетушкой, Аманда. Мы полицейские. Мы должны со всем справляться сами.

Голова разваливается на части. Дрожь... Мыполицейскисмыдолжнысправлятьсясовсемсамиатыкто-такая...

- Я и не прикидываюсь. Просто беспокоюсь о здоровье товарища по работе, вот и все.

- И все? - улыбаюсь я, пытаюсь собрать последние силы.

- Пожалуйста, не обольщайтесь на свой счет, Брюс. Я считаю вас жалким глупцом, и вы не вызываете во мне ни малейшего интереса. Если бы мы не работали вместе, я бы на вас и не глянула.

Старая песня. Обычно ее исполняют телки, которым давно не заполняли пустоту между ногами.

- Ты просто по мне сохнешь. Вот и все. Я же вижу.

- Брюс, вы глупый и мерзкий старик. Судя по всему, алкоголик и еще бог знает кто. Вы из тех жалких людишек, жертвами которых становятся слабые, беззащитные, не очень умные женщины. Вы пользуетесь ими, чтобы поддержать ваше рассыпающееся самомнение. Вы - одна сплошная неприятность. У вас что-то не в порядке здесь.

Она стучит себя пальцем по голове.

Я начинаю говорить, но она поднимает руку и не дает продолжить.

- Вы гадко обошлись с Карен. Она была пьяна и одинока, а вы воспользовались.

- Знаешь, это у тебя проблемы. Ты лезешь не в свои дела. Мы взрослые люди. Никто никого не принуждал.

- Она была в таком состоянии, что ничего не могла решать сама, не отдавала себе отчета в том, что делает, - заявляет Драммонд. - Думаете, будь Карен трезвой, она бы на вас клюнула?

Наглая сучка...

- Отлично, по-вашему получается, что ей нельзя трахаться, когда она выпьет. А дальше? Что еще вы собираетесь запретить людям делать? Фултон хотела выпить и выпила. Выпив, она захотела мужика. Получила. Ну и что? И не надо смотреть на меня так, как будто я мерзкий насильник. Кстати, откуда такой интерес к Карен? Ревнуешь, а? В этом дело?

- О Господи! - Она закатывает глаза. - Я не лесбиянка, Брюс, запомните это и не суйтесь больше со своими глупостями. У меня есть парень. Он гораздо привлекательнее, умнее, отзывчивее, сильнее и, конечно, моложе вас. А в том, что касается секса, вы по сравнению с ним просто школьник. Вы жалкое существо, Брюс. Меня абсолютно не интересует Карен Фултон, но в этом смысле вы интересны мне еще меньше. Вы отвратительны. Я достаточно ясно выражаюсь?

Это не... не...

- В таком случае с чего вся эта забота?

Мой хриплый голос долетает до меня словно издалека. Сучка... Я совсем не такой... я не такой... я не я не я не...

- С чего? - Она пожимает плечами. - Вы мой коллега и просто человек. Если привести вас в порядок, то, может, вы и станете таким, каким сами себя видите, хотя последнее одному только Богу, наверное, и известно.

Какого хуя? Что она несет?

Ничего(есть, есть, все, что тебе нужно это есть)

- Я... я не такой хороший полицейский, каким был раньше... давно... В Австралии я был лучшим... родственники со мной не разговаривают... из-за забастовки... они из шахтерской семьи... Ньютонгрэйндж... Монктонхолл... они со мной не разговаривают. Не принимают. Отец. Из-за брата. Это все уголь, грязный, мерзкий. Мрак. Ненавижу. Они даже в дом нас не пускают. В

наш собственный гребаный дом. Мы так старались... я всего лишь делал свою работу... полицейскую работу. Забастовка...

Она скрипит зубами, как будто всю ночь сидела на игле, и поворачивается ко мне.

- С этим надо смириться. У вас есть жена, дочь... так ведь?

- Это все в прошлом... - Я качаю головой. - Она врала... так глупо врала.

- Кто?

- Они обе... обе ввали... - Мы смеемся. - Все пошло не так. Правила для всех одни. Да, мы умели это делать... мы были хорошими полицейскими. Тебе ведь говорили, а?

- Говорили, - сухо подтверждает она.

Откуда ей знать... она же никакой не полицейский. Но если бы... если бы она могла помочь... если бы постаралась понять, как понимала Кэрл... если бы мы могли объяснить...

- С нами что-то не то. У нас... что-то внутри.

- Вы были у доктора?

- Он ничего не может сделать. Ничего. Это конец. - Я вдруг ловлю себя на том, что не могу... не должен с ней разговаривать. С ней! Надо же... Это слабость. Не стоило и начинать. - Эй, послушай, останови здесь. Я выйду. Попробую выследить Сеттерингтона и Гормана.

- Брюс, по-моему, вы сейчас не в том состоянии... Поворачиваюсь и пристально, с ухмылкой смотрю на нее. Вот

же вьедливая сучка. Живи своей жизнью и не суй нос в чужую.

- Не забывайте, Драммонд, расследованием руковожу я! Зарубите это себе на носу! ДЕЛАЙТЕ СВОЕ ДЕЛО И НЕ РАЗЫГРЫВАЙТЕ ПЕРЕДО МНОЙ ПСИХОЛОГА-ЛЮБИТЕЛЯ! - реву я, и она вздрагивает и отшатывается - от меня, от моего обжигающего дыхания.

Глаза блестят, щеки красные. Машина резко останавливается, Выпрыгиваю. Драммонд сразу же уезжает. Едва она скрывается из виду, как я беру такси, еду домой и ложусь в постель, откуда наблюдаю за проступающими в мозаике потолочных плиток физиономиями демонов.

Когда-то мы делили эту кровать на двоих.

Когда-то мы...

Сегодня канун Нового года, и я собираюсь прогуляться. Вместе с Кэрол.

ОПЯТЬ КЭРОЛ

Я уже выпила, может быть, даже больше, чем следовало, но ведь праздник. Подмораживает, и я рада, что надела теплое пальто. В руке у меня красивая новая сумочка, которую подарил на прошлое Рождество Брюс. Точнее, уже на позапрошрое, но я ею почти и не пользовалась. В городе шумно. Когда-то этот день был традиционным шотландским праздником, теперь его превратили в Эдинбургский новогодний фестиваль. Заманивают туристов. Надоело. Ухожу из центра и иду по Лейт-Уок, мимо толп глумящихся подростков, парочек и приезжих, которые тянутся в противоположном направлении.

Сворачиваю на боковую улочку и вижу светящуюся вывеску бара. Направляюсь к нему, но замечаю едущую рядом машину. За кого они меня принимают, за проститутку? Какой-то парень делает мне знаки из окна. Отворачиваюсь. Машина останавливается немного впереди, и из нее выходят двое молодых мужчин. Приближаются, и один преграждает мне дорогу. Пальцы сжимают сумочку.

- С Новым годом, куколка! - говорит он.

- Как насчет прокатиться, красавица? - спрашивает другой.

- Нет... я...

Я замолкаю. Не люблю разговаривать с незнакомыми людьми. Особенно когда я...

Они смеются. И я начинаю смеяться. Мы все смеемся. Еще один мужчина выходит из машины и заталкивает нас на заднее

сиденье. Чьи-то пальцы хватают нас за запястья. Мы зажаты на заднем сиденье между двумя мужчинами, а еще двое сидят впереди. Машина отъезжает от тротуара. Странно, мы даже не попытались ничего предпринять: не сопротивлялись, не убегали, хотя возможность была. Нам это и в голову не пришло.

- Ты больной ублюдок, педик гребаный. Изуродую, - говорит один из тех, что сидят впереди, и поворачивается к нам.

Мы знаем этого, с белой, как у альбиноса, кожей. Горман. За ним много чего числится.

- Ебешься с такими, как этот, дорогуша?

Тот, что рядом с нами, смеется. Лицо у него напоминает маску Дарта Вейдера. Его мы тоже знаем. Сеттерингтон. Нельзя позволять, чтобы с нами так разговаривали.

- Послушайте! - говорим мы им. - Полиция! Мы работаем под прикрытием!

Они смеются, Просто смеются надо мной. Мы срываем парик. Но по-прежнему сжимаем в руке сумочку. Сумочку Кэрл. Мой подарок. На Рождество я подарил ей свое сердце. Машина еле-еле тянется, и в животе у нас ощущение тошноты, которое возникает, если переест «сахарной ваты» или слишком долго кататься на карусели. Стейси любила карусели. Мы втроем, она между нами. Ячейка общества, семья, покачивающаяся, едва стоящая на ногах, не понимающая, куда идти, но все равно держащаяся вместе...

- Сексуальная кошечка, - смеется один из них. Смеется над нами. Мы его не знаем.

Парик. Он обошелся нам в две сотни фунтов. Куплен на Глазго-роуд, в «Тервее». Сделан на заказ, чтобы выглядеть точь-в-точь как волосы Кэрл. Длинные и черные. Я объяснил парню, что это для жены. Что она облысела после химиотерапии. Как это ужасно, сказал он. Слишком много курила, сказал я.

- Вот спустим штаны и проверим, - улыбается еще один. Это Лидделл.

- Я детек... Я...

Мы семья... мы знали...

- Детектив-серж... - начинаем мы, но Сеттерингтон бьет нас по носу своим похожим на

молот кулаком, и глаза наполняются слезами, боль разбегается по лицу и ударяет в мозг.

Мы хватаем ртом воздух, грудь вздымается и опадает со слабым звуком: то ли всхлипом, то ли рвотой. Единственное, на что мы еще реагируем, это боль. Больше мы ничего не видим и не чувствуем.

Ну и как оно?..

Мы не такие, какими нас считают...

Где же долбаная группа поддержки? Мы же полиция, мать вашу! Полиция!

Они напяливают нам на голову пластиковый мешок. Теперь мы не видим, куда едем. Мы только помним, как все начиналось: тогда Кэрол ушла в первый раз, а мы накрыли стол на двоих и надели ее одежду, чтобы все выглядело так, будто она с нами, хотя на самом деле... Кэрол... Кэрол, зачем ты так поступила со мной, зачем тебе был нужен хуев ниггер... те шлюхи, они ничего для меня не значили... у твоей сестры слишком большой рот... пизда, как тот долбаный Мерсийский туннель... и девочка... о Господи... Господи... Господи... мы хотим жить... все, что нам нужно, это хоть какой-то закон и порядок... такова работа...

мы хотим все поправить...

мы не такие, как то дерьмо, что бросают за решетку... мы хотим все поправить...

...мы не знаем, куда нас везут. Мы вообще ничего не знаем. Ясно только, что мы в Эдинбурге. В салоне жарко и душно, и дышать под проклятым пластиковым мешком почти невозможно.

Мы потеряли сумочку.

Голоса.

- Надо натянуть ему что-то на голову перед тем, как я его выебу.

Горман.

- Сдурел? Это же мужик, педик! Голос незнакомый.

- Я и не собираюсь совать ему хуй в задницу. Загоним палку, посмотрим, сколько он примет.

- Клево придумал.

Нас вытаскивают из машины и тащат по лестнице вверх. Лестница. Мы видим ступеньки под ногами. Толчок в спину. Нас заставляют идти быстрее, и мы спотыкаемся на наших гребаных каблуках, но упасть не дают - нас подхватывают и снова толкают в спину.

- Пошевеливайся, пидер хуев!

- Давай, говнюк, тащи свою ебаную задницу!

Мы в каком-то заброшенном здании, под ногами битое стекло. Никого, никаких звуков, кроме тех, которые издаем мы сами. Лестница кончается, и нас вталкивают в комнату. Голосов становится больше. Есть и девичий. Я узнаю его.

- Я так и знала, что где-то его видела. Эстелла.

- У него и тогда был мешок на башке?

- Не умничай!

Чувствую острую боль в паху. Прикрываю яйца руками. Под пальцами ткань юбки.

- Хороший удар, Окки! Окки! Меня пнул Окки!

- Дело вот какое, мальчики... и девочки, - слышится голос Лексо. - Нам придется разделаться с ним, и вы все понимаете, что это значит.

- Будем считать, что он наша подопытная свинка, - говорит кто-то еще, кажется, Лидделл.

Эстелла нервно смеется. Думает, что они шутят.

- Ничего не знаю и знать не хочу, - говорит она.

- Не дури, Лексо. - Лидделл. - Полицейского убивать нельзя. Этому и без нас пиздец.

Еще один голос, слегка задыхающийся, испуганный.

- Плохие шутки, парни... перестаньте... убивать нельзя, он же полицейский...

Это мой обидчик Окки.

- Заткнись на хуй! - говорит Упырь, и я даже на расстоянии чувствую, как вздрагивает Окки. - С тобой потом разберемся, стукач гребаный. Нам все известно.

- Я не стукач, - жалобно ноет Окки.

Бедняга. Вечно он встречается между молотом и наковальней.

- Лексо прав, - продолжает Упырь. - Пиздюк слишком много знает. Знает, что мы уделали того парня.

- А теперь уделаем его самого, - насмешливо вставляет Лексо. - Мертвецы сказок не рассказывают. Подпалим домишко вместе с ним, и концы в воду.

Кто-то срывает с меня мешок. Свет бьет в глаза, и мы мигаем. Смотрим на них. Их четверо. Все та же четверка плюс Окки и Эстелла. Лидделл направляет нам в лицо старую лампу.

Сумочка лежит на полке. Рядом топчется Сеттерингтон.

Мы уже начинаем приходить в себя. Не стоило им забирать сумочку. Лицо болит, глаза слезятся, но мы уже думаем. Мы видим их. Лампа нам не мешает. Они смотрят на нас.

Мы видим их.

- Вы только взгляните на него, ну и пиздюк, - говорит поганый маленький альбинос Горман и достает из кармана дозу порошка. - Первокласный кокс, приятель, первокласный. Кстати, из твоей сумочки. Прихватил на дежурство, а?

Молчу.

- Надо было записаться в полицию! - смеется Упырь. - Всегда бы был с дурью!

Остальным тоже весело.

Смотрю на Окки, потом на Эстеллу. Лицо у нес сердитое, в обращенных на меня глазах ненависть, как будто я виноват в том, что она попала в такое вот неприятное положение. Горман перехватывает мой взгляд.

- Нравится птичка, а? Сексуальная, да? Ну, может, не такая сексуальная, как ты, но все-таки.

Притягивает Эстеллу к себе и целует, просовывая язык ей в рот. Она напряжена, чувствует себя неудобно и даже слабо сопротивляется, но потом уступает. Упырь поворачивается ко мне. Эстелла вытирает губы.

- Французский поцелуй, - объясняет Горман. - Готовлюсь к Кубку мира. Да и к жратве надо привыкать. Прошлым летом ходил в один французский ресторан. Тебе нравится ихняя жратва?

- Не пробовал, - отвечаю я.

- Такое шикарное заведение, - продолжает он. - Все как во Франции. Лично мне нравится чеснок. И улитки тоже нравятся. С чесноком.

Он причмокивает губами.

- Ты вообще когда-нибудь был в этом заведении, приятель? «Ле пти жарден».

Название ресторана Упырь произносит с французским акцентом.

- Нет, никогда не был, - отвечаю я.

Мы с Кэрол ни разу туда не ходили. Мне никогда не нравилась французская кухня. Предпочитаю восточную. Например, «Радж» в Лейте. Или кабачок Томми Миа. Это был мой любимый. Столик у окна. На Далри-роуд есть неплохое местечко, «Анарклия». Кэрол там нравилось из-за обилия вегетарианских блюд.

- Дело было во время Фестиваля, - неспешно повествует Горман. Этот сучонок еще хуже Тоула. - Я захожу в ресторан. В моем родном городе. Официант подлетает и говорит: вы делали предварительный заказ? Я осматриваюсь... - он картинно ворочает головой, - и говорю: да. Конечно, у вас тут все классно, и декор, и обслуживание, и еда. Но мне нужен всего лишь

столик.

Он презрительно смотрит на меня, как будто это я был тем наглым официантом.

Остальные угодливо хихикают и улыбаются, однако за ухмылками Окки и Эстеллы я вижу смертельные маски ужаса. Только Лексо никак не реагирует и безучастно смотрит в окно.

Горман с мрачным видом качает головой, продолжая веселить публику своей пантомимой.

- Но нет. Нет ни столика. Ни номера в отеле. - Он пожимает плечами. - Что ж, вскоре после этого «Ле пти жарден» закрылся на целый месяц. Оказывается, через пару часов какая-то банда ворвалась в заведение и все там перевернула. Поперепугала клиентов. Теперь я всегда нахожу там свободное место и получаю королевское обслуживание. Даже сейчас, в праздник, когда в Эдинбурге полным-полно туристов, я могу прийти туда в любое время и получу то, что мне надо.

Если кто думает, что я буду унижаться, молить о пощаде, то глубоко заблуждается. Они - мусор, отбросы, криминальный сброд. Они не такие, как мы. Страха в нас нет. А они - слабаки.

- Нашел чем хвалиться! - смеемся мы, качая головой. - Собрал банду тупых молокососов и разгромил дурацкий лягушачий ресторан. Нет, не впечатляет.

Мы снова насмешливо качаем головой, глядя в его темные глаза.

- Закрой еба... - начинает Лидделл, отводя в сторону лампу и делая шаг вперед.

Упырь поднимает руку.

- Заткнись! Пусть говорит.

Я обвожу их всех взглядом и останавливаюсь на Гормане.

- Я знаю тебя, приятель. Ты всегда прячешься за чужими спинами. Ты - трус. Давай один на один. Ты и я. - Я смотрю в его холодные-холодные глаза. - Посмотрим, кто кого. Вы все тут слабаки. Я уделаю любого из вас! Говнюки! Трусливые подонки!

Есть, сработало! Надо лишь нажать нужные кнопки. Эти недоумки абсолютно предсказуемы. Они в шоке. Недоверчиво смеются, но что делать, не знают. Сюрприз, сюрприиииз! То, что казалось игрой, превращается в серьезное дело. Мы поломали их гребаные планы, и теперь им ничего не остается, как только доказывать свою состоятельность, подтверждать, что они именно те, за кого себя выдают. Первым не выдерживает Упырь Горман.

- Ладно, кончаем недоделка. Я сам им займусь.

- Давай просто прирежем свинью и дело с концом, - предлагает Лексо.

- Нет, я хочу уделать его сам. - Горман смотрит на меня и громко смеется. - Ты труп, - тихо говорит он.

Все осторожно тянутся к выходу. Упырь закрывает дверь на ключ и кладет его на полку над камином.

- Ключик от домика любви, - улыбается он.

Вот и все. Мы и он, тупой осел. Ничем не выдавая наших намерений, мы бросаемся на него, но Горман встречает нас прямым в лицо. Больно. В следующий момент он уже перехватывает инициативу, на нас обрушивается град ударов. Ублюдок хохочет, а у нас нет сил, мы слабы, мы даже не сопротивляемся, мы в отчаянии. Но так быть не должно. Он таранит нас головой, и наш нос как будто взрывается с хрустом. Мы хрипим, кровь хлещет и растекается по лицу, дышать нечем, а удары следуют один за другим, мощные, сокрушающие, и наши руки слишком тяжелы, мы даже не можем поднять их, чтобы прикрыться.

Мы падаем. Ботинки... они быют только Брюса. Брюс защищает меня, защищает Стиви, всех остальных... нет... нет... Кэрол здесь нет. И Стиви здесь нет. Только я. Брюс. Брюс и Червь.

- Помнишь ту песенку? Ее крутили на дискотеках. Доктор Кис-Кис? Так вот, это я, - говорит Горман, подходя ближе.

Протягивает мне руку. Я сжимаю его пальцы. Помогает подняться. Кладет руку мне на

плечо. Мы едва стоим на ногах.

- Я всегда ненавидел копов, - объясняет он. - Не так, как ненавидят их все. Я ненавидел этих засранцев по-своему. Но ты не такой, как другие. Тебя еще можно спасти. Я еще сделаю из тебя честную женщину!

Упырь заставляет нас откинуть голову и смотрит нам в глаза, облизывая губы.

- Пидер-полицейский! - Он улыбается. - Пора тебе узнать кое-что по-настоящему...

Его язык вползает в наш рот, и его слюна смешивается с нашей кровью.

Горман отступает, задумчиво качает головой, и мы слышим его голос.

- Неплохо! Йо-хо! Думал, что уделаешь меня, педик хренов? - Он вздыхает. - А ведь тебе понравилось, а? Признайся, понравилось?

Да. Мы знаем, что нам нужно. Нам нужно, чтобы он сделал это еще раз. Таково наше последнее желание. Ну пожалуйста, давай еще разок, побудем вместе еще раз, напоследок. Нам хочется сказать это, прокричать, но мы молчим, мы только думаем, только надеемся, что он каким-то образом ощутит наше желание. Есть!

Он снова заталкивает язык в нашу голову, но теперь мы поднимаем ослабевшие руки, чтобы обнять его. Наши пальцы смыкаются у него за спиной словно в знак нашего слияния, нашего соединения, нашего братства. Нерушимое объятие... Кэрол...

О Кэрол мы обнимаем ее и впираемся в ее язык и она пищит и пытается освободиться и отталкивает нас как тогда когда мы поругались из-за ниггера но нет дорогая на этот раз ты не уйдешь нет потому что мы обнимаем ее крепко-крепко и она дергается и мы движемся вместе соединенные объятием нет нет дорогая мы не отпустим тебя только не сейчас потому что мы должны быть вместе ты знаешь это Кэрол так должно быть должно быть всегда... наши глаза закрыты но свет проникает через тонкую мембрану век и мы идем к нему.

Выйди на свет, Стиви... Кэрол... держись подальше от этой мрази... на свет...

Но это не Кэрол. Это говно. И что оно делает здесь? Почему оно здесь, с нами? Почему не Кэрол?

Дерьма здесь быть не должно.

В нужный момент мы разжимаем руки и толкаем его. Упырь падает на спину, гнилая рама трещит, он вываливается, хватаясь за старые истлевшие занавески. Материал расползается, и Горман смотрит на нас с ненавистью и удивлением, не понимая, как такое могло случиться, и кровь вытекает у него изо рта. Ткань рвется, и он летит вниз, на забетонированную площадку двора. Мы выглядываем из окна и видим темную, неестественно изогнутую фигуру. Затем, словно в подтверждение наших подозрений, под головой у него появляется и расплывается черное пятно в форме сердечка.

Эти придурки, его приятели, колотят в дверь, изрытая угрозы. Ха-ха-ха.

Я хочу послать их, но мне что-то мешает. Что-то во рту. Сую в рот пальцы и достаю это что-то. Кусок его языка. Я протягиваю руку, беру сумочку Кэрол и кладу улику в кармашек.

Теперь мне ничто не мешает, и я кричу им через дверь:

- Кто следующий, мудачье? Мы - полиция Эдинбурга! Мы убиваем недоумков! МЫ НЕНАВИДИМ НИГГЕРОВ! ОСОБЕННО БЕЛЫХ НИГГЕРОВ, ТЕХ, ЧТО ЗОВУТСЯ МУСОРОМ!

Тишина.

Она длится не меньше ста лет.

Затем мы начинаем ощущать запах гари. Они подожгли дом. Мы подходим к окну и видим, что наши враги убегают по лестнице. Пытаются подобрать своего приятеля и грозят нам смертными карами. Мы орем в ответ:

- Вам всем пиздец, недоумки! С вами будет то же, что и с ним! ВЫ ВСЕ СДОХНЕТЕ!

Берем с полки ключ и открываем дверь. В лицо бьет волна жара. Все в огне, он ревет и расплзается по оклеенным обоями стенам.

Мы в ловушке. Густой мерзкий дым наполняет наши легкие.

Единственный вариант - пройти на кухню и попытаться спуститься по водосточной трубе. Вылезаем наружу. Хлещет ветер. Мы чувствуем, что до земли далеко. Небо над нами чудесного бледно-синего цвета, и кучка облаков напоминает скрючившегося нищего. Труба скользкая, но мы держимся. Сползаем. И тут она срывается с проржавевших скоб, и мы уже ни за что не держимся и падаем. Все происходит быстро, так что мы не успеваем собраться перед ударом и грохаемся на что-то, что смягчает падение. Оно колется и царапается, и мы погружаемся в пыльную и сухую зеленую могилу. Там и успокаиваемся, в гребаном кусте. Пошевелиться нет сил. Куст стоит возле увенчанной железными шипами ограды, и один шип торчит в паре дюймов от нашей головы. Мы не в состоянии двигаться, мы можем только думать о Кэрол и хныкать. Мы плачем не по пей, а по себе. Это очень важно: помнить, что мы всегда оплакиваем только себя.

О Кэрол, какой же я глупец

Кэрол здесь ни при чем, это я глупец. Бедняга Брюс. Затем мы слышим голоса. Видим размытую фигуру в форме. Недоумок спрашивает, кто мы.

Дорогая, я люблю тебя, хотя ты поступила со мной жестоко

В какой-то момент один из голосов делается знакомым.

- Ну, Роббо, на этот раз ты влип по-крупному.

Мы в полном дерьме. Лежим в разорванном женском платье на гребаном кусте и слушаем сентенции Тоула. Надо признать, в данном конкретном случае он недалек от истины.

Ты так обидела меня

Все, что мы можем сказать, это:

- Вы бы видели того ублюдка.

- Видели. Ребята все еще соскабливают этот кусок дерьма с тротуара.

Но ты оставила меня, и я теперь умру

- Босс, я... не бросайте меня... побудьте со мной... - хнычем мы не своим голосом.

- Помолчи, Брюс. Я здесь.

Тоул сжимает мне руку. Хороший он парень, Тоул, я всегда это говорил. Смотрит на меня с каким-то странным выражением, вроде того, что было в глазах моей матери, когда она умирала на больничной койке. Когда мы пытались сказать, что нам очень жаль. Жаль, что мы не такие, как все. Не такие, как Стиви. Она смотрела так, будто все понимала. И при этом все равно жалела меня.

Тоул хороший парень, но в его глазах та же жалость. Жалость, которую я ненавижу больше всего на свете.

(Я беспокоюсь о тебе Брюс. Приходится, ведь мы же одно целое. Выживание паразита зависит от выживания хозяина. Но дела у тебя идут не очень-то хорошо, друг мой. И у

это в то время, когда у меня появляются амбиции, когда я думаю о том, чтобы привести в свою жизнь Других. Пусть даже это означает борьбу за те скудные драгоценные питательные вещества, которыми ты соизволяешь обеспечивать меня, питаюсь сам. Какая ирония, Брюс! Я беспокоюсь о тебе, о том, кто лишил меня Другого, того, кто обладал прекраснейшей душой, того, кто был совершеннейшим из живых существ, пусть даже и примитивных. Линия раздела прочерчена. По одну сторону у нас мой милый Брюс и его друг доктор Росси, а по другую - ваш покорный слуга. Я чувствую начало нового химического наступления, ощущаю резкие сокращения кишечника, которые служат сигналом очередной рьяной попытки предать меня забвению. Что ж, мой

друг, воля моя крепка, и я твердо намерен удержаться и не попасть через твою драгоценную задницу в сумеречную зону канализационной системы славного города Эдины. надо постараться не шевелиться, проснись, Брюс, проснись. Ты можешь поесть? Нет, кажется, не можешь. ради всех нас, Брюс. есть. Может, наш дорогой Брюс и не самый славный

и либеральный из сынов Скотии, но судьба распорядилась, чтобы я обосновался именно в его кишечнике, и, сказать по правде, я здесь уже обжился. И переезжать не желаю. Нет, сэр. Как и ты сам, Брюс. Ты ведь тоже никуда не хотел уезжать до той первой из великих шахтерских забастовок последнего времени. Ты же помнишь ее, Брюс? Помнишь, как отец послал тебя и младшего брата Стиви воровать уголь у продавцов, чтобы было чем отапливать дом? Воровать тот самый уголь, который он собственными руками добыл из земли, но который стал потом собственностью других. Стиви. Ты был старше. Ты должен был присматривать за Стиви. Так заведено. Вы двое были всего лишь мальчишками, и вы оба ждали похода за углем, как большого приключения. Кроме того, ты надеялся, что сможешь наконец сделать нечто такое что понравится отцу. Вы легко проскользнули за проржавевшую железную ограду и оказались перед громадной горой угля. Давай заберемся наверх, предложил ты. Или это предложил Стиви? Кто полез первым, кто последовал за кем теперь это уже не важно. Просто два мальчугана решили поиграть. Обычная мальчишеская игра. Но вот ты слышишь, как он кричит: Я король замка, а ты грязный вор! Это Стиви кричит тебе, глядя сверху вниз, и ты видишь его личико, кривящееся в подражание жестокому деспоту. Младший оказался быстрее и опередил старшего. Он вообще лучше во всем. Более отзывчивый, более общительный, как говорят все, не то что другой, тихий и нелюдимый. Их и в поселке так называли: Стиви Робертсон и Другой Парень. Ты злишься на брата за еще одно унижение, еще одно напоминание о том, что он - Стиви Робертсон а ты - Другой. Ты ругаешься и толкаешь Стиви, и мальчик теряет равновесие и падает. Сначала летит вниз по крутому склону, потом постепенно замедляет движение и сползает к открытому люку бункера. Он пытается выбраться, но гора уже ожила, начинает сход, тебя охватывает странное возбуждение, смешанное с парализующим страхом. Уголь ползет, ползет и накрывает Стиви, сбрасывая его в бункер. Ты тоже оказываешься внизу, но не в бункере, потому что он уже заполнен. Тебя накрывает грязное, вонючее ископаемое топливо. Ты ничего не видишь. Ты стараешься не поддаваться панике и выкарабкиваешься из-под угля, туда, к свету. Густая черная пыль забивает нос, наполняет легкие, но ты все же кричишь: СТИВИ! Приходит ночной сторож, видит тебя, вылезшего из кучи, и гонит прочь. Но ты не уходишь, ты говоришь ему, что там твой брат. Ты снова лезешь в уголь, роешь и кричишь: Выбирайся на свет, Стиви! Ночной сторож тоже роет уголь.. Приходят и другие. Кто-то говорит, что нужна кислородная труба. Люди копают. Время идет. Настроение падает. Приходит отец. И как раз в это время вытаскивают Стиви, помятого, черного, неживого. Он опускается на землю рядом с телом сына и плачет. Матери еще нет. Отец поворачивается в твою сторону и поднимает руку. Все замолкают. Ты уже знаешь, что он скажет, поэтому его слова не становятся для тебя шоком, а возможно, ты уже в шоке, потому что все вокруг движутся, словно при замедленной съемке, и люди как бы отдаляются, и их голоса звучат глуше, чем обычно. Эта тварь убила его кричит отец, этот ублюдок убил его, это дьявольское семя убило моего мальчика! Ты смотришь на него в упор. В тебе борются два желания: опровергнуть обвинение и подтвердить его. Ты не мой сын! Ты никогда не был моим сыном! Мерзость! Дрянь! Он поднимается и бросается к тебе. Ты чувствуешь, как чья-то рука ложится на твое плечо. Какой-то мужчина

отводит тебя в сторону, пока другие удерживают твоего отца. Потом ты будешь работать с этим человеком и узнаешь, что его зовут Кроуфорд Даглас. Он отводит тебя к твоей бабушке, у которой ты отныне станешь жить. Теперь ты знаешь, что тот, кого ты считал своим отцом, на самом деле таковым не является. Новость не приносит тебе утешения. Все, чего ты всегда хотел, это быть частью большого целого. И вот Стиви больше нет. А ты не испытываешь по этому поводу никаких чувств.)

Это неправда Это не правда

РАССКАЗЫ ЛЕНТОЧНОГО ЧЕРВЯ

Меня выписывают. Жду такси.

- Неужели нет никого, кто мог бы отвезти вас домой? - озабоченно спрашивает медсестра.

- Нет, - говорю я.

Она смотрит на меня с тошнотворной жалостью и уходит заниматься другими делами. Вместо нее появляется какой-то недоделок с приклеенной к губам фиолетовой жестянкой. Передает банку мне. Делаю глоток, ожидая, что сейчас икну от пролившейся в глотку тягучей, сиропистой жидкости, но ничего не происходит.

- Я уже и не помню, сколько раз сюда попадал, - сообщает он. - Соскочил с иглы и подселют на это.

«Теннентс» не рекламируют фиолетовые банки. Это не пиво; они знают, что наркотик в них так же крепок, как героин или крэк. Они знают, что сильнодействующие наркотики не нуждаются в представлении. Отчаявшиеся всегда найдут их сами. После виски самый ходовой экспортный товар Шотландии. Приходит белый человек. Забирает у вас землю. Дает вам виски. А когда вы уже думаете, что можете спокойно вернуться к воде, он даст вам фиолетовую банку. Идет белый калидонский Ку-клукс-клан.

- Такси за Робертсоном. Еду домой.

Возвращается медсестра. От нее приятно пахнет. Не по-больничному. Не так, как пахнет от сброда. Не так, как пахнет от меня.

- Мне бы хотелось, чтобы вы находились под чьим-то наблюдением, - говорит она, дотрагиваясь до моей руки.

Вообще-то я никогда не бываю по-настоящему одинок. Но голоса замолкли. Временно.

Улыбаюсь и иду за таксистом. Мне бы тоже хотелось побыть с кем-то **(Ты отправился к бабушке в Пеникуик. Она не стала рассказывать тебе о твоём настоящем отце, упомянула только, что он болел и умер. Тот, кого ты называл отцом, тот, кто дал тебе свое имя, стал просто мистером Робертсоном. Он уже не был для тебя отцом, и ты думал о нем только как о человеке, за которого вышла замуж твоя мать.)** Фиолетовая жестянка уничтожит Америку, если только они надумают импортировать ее туда... уделаем мы и жалких русских попрошаек, оказавшихся с приходом капитализма на улице.

Уничтожим избыточную рабочую силу! Уничтожим с помощью фиолетовой банки! Не давайте им «экстази»! Не надо, чтобы они танцевали! Пусть умирают унылыми, шатающимися, отупевшими! Только сделайте покрасивше! Пусть фиолетовая банка смотрит на них с афиш и растяжек. Главное - держите подальше настоящее, то, что им действительно нужно.

(В Пеникуике тебе жилось лучше. Бабушка постоянно пребывала в алкогольном ступоре и была добра, иногда приезжала мать. Изредка она даже привозила с собой твою сводную сестру. Мистер Робертсон не должен об этом знать, повторяла она. Со временем непреходящее выражение жалости на ее лице начало вызывать у тебя такое отвращение, что ты даже подумал, не стоит ли известить Иена Робертсона о том, что ты видел его малыша.)

И белая калидонская раса пройдет по Земле, как колесница Джаггернаута... как та штука с альбома какой-то дерьмовой металлической группы... забыл название...

(Когда девочка подросла, мать перестала привозить ее с собой. Потом у нее родился еще один сын, и визиты стали реже, а потом и прекратились совсем. Для тебя это прошло почти незамеченным. В школе ты вел себя тихо, много работал, и учителя были тобой довольны. А вот с ровесниками отношения не складывались. Ты не мог дождаться, когда

же вырастешь. Ты хотел быть большим и сильным. Ночью приходили кошмары. Ты спал с включенным светом. Всегда. Однажды ты отправился с бабушкой в церковь, где признался священнику в своих грехах. Бабушка по-своему любила тебя, но с твоей матерью, своей дочерью, ладила не очень хорошо.)

Кэрол, ты стоишь там а я заряженный кокаином и алкоголем заламываю тебе пальцы и ты смотришь на меня большими глазами в которых уже нет страха а есть что-то другое что-то жуткое и я стараюсь вспомнить почему мне нужно остановиться и стараюсь вызвать в себе чувство которое бы заставило меня остановиться прежде чем до того как

до той пощечины

твой крик уже другой в нем больше отчаяния и боли я заставил тебя почувствовать а сам не почувствовал ничего

Как оно?

Но сделал это не я. Доля вины лежит на каждом из нас. Мы в состоянии справиться с пустотой. Слишком хорошо мы ее знаем, чтобы позволить ей выбить нас из колеи. Другое дело холод. Центральное отопление, похоже, вышло из строя. Контрольная лампочка лопнула. Кэрол знала, что делать в таком случае. Мы, я, мы прикидываем, не растопить ли камин, но это же столько возни: принести уголь, найти спички, приготовить щепу для растопки... Нет.

Пару раз мы подходили к двери Тома Стронака, однако на стук никто не отзывался. При этом Джули там - телевизор работал. Новогодняя игра. Стронак, конечно, на поле. Нет, в газетах сообщили, что его в состав не включили. Впрочем, он, наверно, все равно там. Мы решаем предпринять вылазку в «Сейфуэй». За продуктами.

Идем, глядя строго перед собой. Ворочать головой мы не можем из-за гипсового воротника.

В холодном воздухе слышно наше дыхание, глубокое, ритмичное. Оно вводит нас в состояние, близкое к трансу. Живем. Мы все еще живем. Мы в супермаркете. Дышим. Банки и пакеты на полках для нас всего лишь цвета и формы. Мы не способны распознавать продукты или читать этикетки. Если брать по одному предмету от каждой группы, то, возможно, попадется то, что надо.

Это.

То.

Это.

- Детектив-сер... Мистер Робертсон... Голос откуда-то сбоку.

Поворачиваюсь и вижу женщину. В ней есть что-то...

...на ее лице широкая улыбка. У нее красивые волосы и очень белые зубы. На ней джинсы и бежевый свитер-поло под коричневой кожаной курткой. В глазах грусть.

Кто она? Бессонница и голоса в голове, требующие внимания... уважения, совсем меня доконали, и я едва способен соображать.

- Здравствуйте, как дела? - говорю я, и это все, что я могу сказать.

- Так себе... не то чтобы плохо, но и не сказать, что хорошо. - Она невесело смеется. Мне хочется увидеть ее улыбку. Она такая красивая, когда улыбается. - Мне недостает его. Я скучаю. Почему так получается, что умирают только хорошие? - спрашивает женщина, спрашивает по-настоящему, глядя на меня так, словно я могу знать ответ.

- Э... я... э...

Только теперь она замечает, каков я на самом деле. Видит гипсовый воротник, оберегающий поврежденную шею. Видит шесть фиолетовых банок в моей корзине. Я и не заметил, как они там оказались. Такое впечатление, что запрыгнули сами, не спрашивая моего согласия. Она видит меня. Видит бомжа с четырехдневной щетиной, в потертом пальто и

залапанных штанах.

- С вами все в порядке? - спрашивает она.

- А? А, это. - Я смеюсь, оглядывая себя сверху донизу, и, наклонившись к ней, заговорщически шепчу: - Работаю под прикрытием.

- Не слишком ли экстремально для магазинной кражи?

- Ха! Тут дело не в магазинной краже. Мы расследуем крупномасштабное корпоративное мошенничество.

Я киваю в сторону офисов в задней части супермаркета.

- Понятно, - неуверенно говорит она, и тут к ней подходит мальчик, ее сын. - Помнишь мистера Робертсона? Полицейского, который пытался спасти твоего отца?

- Привет, - улыбается мальчишка, но, рассмотрев меня, делает шаг назад.

Представляю, как от меня несет. Я и сам чувствую вонючий запах прели.

- Все в порядке, сынок. Мистер Робертсон ведет расследование, он детектив. Ему пришлось переодеться бродягой. Это, должно быть, так интересно.

Мальчик принужденно улыбается.

- Привет. - Я улыбаюсь ему. На нем спортивный костюм с эмблемой «Хартс». Новый. Рождественский подарок. - Так ты болельщик? А вчера ходил?

Он уныло качает головой.

- Не-а...

- Раньше Колин... - начинает женщина.

- А кто твой любимый игрок? - спрашиваю я, ожидая услышать имя Нейла Макканна или Колина Кэмерона.

- Том Стронак, пожалуй, - с некоторым сомнением говорит мальчишка, - хотя он сейчас уже не тот, что раньше.

- Это же мой сосед! Надо будет попросить у Тома парочку пригласительных билетов на ближайшую игру. Ты бы пошел?

- Да, было бы клево.

- Говори нормальным языком, Юэн. - Его мать смотрит на меня. - Спасибо, вы очень добры, но...

- Никаких проблем. Честно.

Обмениваемся адресами и телефонными номерами. Они уходят.

- Какой добрый человек этот мистер Робертсон, - доносится до меня.

Ручки пластиковых пакетов едва не перерезали нам пальцы, но мы замечаем это, только когда приходим домой.

Кто мы?

Кто мы?

Открываем теплую воду, чтобы восстановить кровообращение. Из крана бьет ледяная струя. Поспешно отдергиваем руки. Какая дикая, до слез обидная ситуация: преступники живут в лучших условиях, чем мы. По телевизору все то же - праздники и куча долбаных

(почему бы нам не перекусить, Брюс? Меня немного беспокоит тот факт что ты почти не ешь. Не думаешь о себе, подумай обо мне. Разве в голове у тебя не звучат голоса, требующие внимания и уважения? Ладно, раз ответа нет, то мне ничего не остается, как продолжить твою историю. Тебя растила бабушка, выпивоха, обездоленная, но добрая женщина. После того как ее бросил муж, твой дедушка, в ее жизни появилась пустота, которую она безуспешно пыталась заполнить самыми разными мужчинами, ни один из которых так и не дотянул до предъявляемых стандартов. Одним из таких мужчин был Кроуфорд Даглас. Живя там, ты иногда думаешь о ней и о своем дедушке. Ты

представляешь его в этом доме, представляешь его и бабушку вместе. Ты размышляешь об оставленной им пустоте и о сохранившихся повсюду следах его пребывания. Ты думаешь о том, как она должна ненавидеть этого человека. Какой он, наверно, был ужасный, если ты до сих пор ненавидишь его, говоришь ты однажды, глядя на сидящую на диване бабушку. Она смотрит на тебя, потом отводит глаза и глядит в пространство. Ее голос звучит медленно и грустно, как будто принадлежит не ей, а кому-то другому. Нет, сынок, он был хорошим человеком. Но ушел. Уходят всегда хорошие, а остается мусор, дерьмо. Но так уж устроена жизнь, что больше ненавидишь хороших, которые ушли, чем плохих, которые остались. Тот, что замещал ушедшего хорошего в данный период времени, звался Джо Коуи и работал ночным сторожем в супермаркете. Джо появлялся в доме в пятницу вечером и оставался до воскресенья. От него пахло лосьоном после бритья и алкоголем, но у тебя он ассоциировался с запахом говна, следы которого всегда оставались на полотенце, которым он вытирал задницу в ванной. Присутствовал ли в том некий злой умысел или он просто плохо подмывался, ответа на этот вопрос ты так и не узнал и уже не узнаешь. Для тебя в этих следах экскрементов было нечто притягательное, ведь детей вообще влечет ко всякого вида испражнениям. Ты часами просиживал в туалете, стараясь втянуть назад выползшую из заднего прохода колбаску кала. Ты мочился на прикаминный коврик, заморожено наблюдая за тем, как ткань впитывает жидкость. Дом пропах мочой, и бабушка винила в этом кота и подкладывала под коврик страницы «Ивнинг ньюс», которые желтели уже через пару дней. Созерцая процесс высыхания, ты испытывал приятное возбуждение от опасности быть обнаруженным. В конце концов старушка выбросила коврик, выбросив перед этим кота. Билли совсем одичал, объяснила она. Грязное животное. Участь кота и коврика разделил и Джо Коуи. Она заподозрила его. Но не тебя. Тебя бабушка никогда бы не выкинула. Когда-то у нее был сын, умерший еще ребенком. Ты не знал, как это произошло. Ты лишь знал, что она винила во всем Бога и постепенно вышла из католичества. Иногда, когда ей было особенно тяжело или с перепоею, старушка, даваемая чувством вины, возвращалась в церковь, но потом, протрезвев, с ухмылкой заявляла, что ноги ее больше там не будет. Если бог есть, говорила она, он все равно не остановит зло. Если же его нет, то и беспокоиться не из-за чего. Алкоголь и бинго, бывшие некогда дополнением брака и религии, понемногу заменили их в ее жизни. Бабушка ненавидела набожность своей дочери, твоей матери, но по-своему любила ее сына.)

Смотрим телевизор. В какой-то момент к нам приходит Тоул. Что ж, по крайней мере он пришел сюда, а не заставил нас явиться туда. Некоторые поступили бы именно так. Ниддри, например. Официально мы числимся на больничном, нашу шею укутывает гипсовый воротник.

- Может, время и не самое подходящее, но все же с Новым годом, Брюс.

- И вас, Боб, с Новым годом, - произносят наши замерзшие, посиневшие губы.

Тоул объясняет, что мы сейчас как бы временно отстранены отдел в связи с проводимым внутренним расследованием.

- Не беспокойся, мы сделаем все от нас зависящее, - говорит он, оглядываясь.

Тоул не снял ни дорогое пальто из верблюжьей шерсти, ни кожаные перчатки и чем-то похож на футбольного менеджера. На того парня, что руководит «Уимблдоном», того, что играл раньше за «Шпоры». Слова сопровождаются струйками белого пара. В нескольких футах от него, в камине, лежит пепел сгоревшей рукописи.

Кивнуть мы не можем.

- Понятно, - робко говорим мы.

Тоул старается одновременно проявить твердость и сочувствие. Он должен показать нам,

насколько серьезно положение, но также и заверить, что есть надежда на лучшее. А мы уже и жалости к себе не чувствуем. Плохой знак. Думаем.

- Послушайте, Брюс, нам, очевидно, придется отложить ваше заявление на повышение. Полагаю, сейчас вам лучше не появляться перед аттестационной комиссией.

Мы понимаем, что говорит Тоул, но не утруждаем себя ответом. Они забрали у нас то, к чему мы так стремились, то, что было нашим по праву, однако ощущение утраты странным образом отсутствует.

Тоул с неприязнью оглядывает дом. Бардак еще тот: повсюду алюминиевые упаковки, пакеты из-под чипсов, пивные банки, тарелки с засохшими остатками еды, а в углу целая куча мусора.

- Послушайте, Брюс... - Тоул морщится, стараясь не обращать внимания на запахи, присутствие которых мы уже давно не замечаем, - так жить нельзя. Мы можем связаться с кем-то, кто присмотрел бы за вами?

- Нет...

БАНТИ ШИРЛИ КРИССИ КЭРОЛ

Кэрол. Единственная, кто мог бы дать нам все. Остальные умеют только брать. Нам нечего дать им. А Кэрол... Кэрол уже никогда не вернется.

- Уверены?

- Я сам разберусь, босс, - говорим мы Тоулу. Он с кислым видом смотрит на нас. - Честно.

- Хотелось бы, Брюс. Я позабочусь, чтобы к вам заглянули из службы социального обеспечения. Они в состоянии предложить профессиональную помощь. Знаю, все выглядит довольно-таки мрачно, но вы не первый попавший в такое положение полицейский и не последний. У Басби свои проблемы. У Клелла свои. Кстати, Клелл пошел на поправку. Брюс...

Похоже, он хочет что-то сказать, но не решается.

-Да?

- У вас есть друзья, - тихо произносит Тоул и нерешительно улыбается. - Мы не такие тупицы, какими вы нас считаете. Ваша жена... Мы знаем, что у нее было что-то с тем черным. Город у нас небольшой, Брюс, и очень белый. Как ни скрывай, люди все равно заметят. Но, как я уже сказал, у вас есть друзья. Мы заботимся о своих.

Его слова доходят до меня не сразу, а когда доходят, то чуть не сбивают с ног. Я ощущаю себя манекеном, которого проверяют на прочность.

- Вы хотите сказать, что знали... все это время... вы...

- Ничего не говори, Брюс, - твердо останавливает нас Тоул. - Я не должен ничего слышать.

Он отворачивается, раздвигает тюлевые занавески и смотрит в окно. Потом переводит взгляд на меня.

- Иногда лучше оставить все как есть. Репутации, моральный дух, карьеры... ставки высоки. Бывает так, что, выиграв мелочь, проигрываешь по-крупному. Мы, к сожалению, не способны предвидеть долгосрочные последствия наших действий. С другой стороны, у нас и других проблем хватает. Так что с этим можно и не спешить.

Он усмехается.

Правила для всех одни. Я пытаюсь улыбнуться, но лицо остается неподвижным, как будто мне перерезали все лицевые нервы и мышцы.

- Знали бы вы, Брюс, сколько времени я потратил на Джеки Трент. Эта таинственная особа просто не давала мне покоя. - Он смеется и качает головой. - Однажды в барс я услышал, как Боб Херли сказал вам: «Они все просто ебаные Джеки Трент». Я решил, что Джеки Трент реально существующая девушка, имеющая отношение ко всей этой истории. Чего я только ни делал, чтобы выйти на ее след. А потом выяснил, что Джеки

Трент - вымысел, речевая фигура, живущая только в профессиональном сленге полицейских.

- Да... Джеки Трент...

Слова отдаются эхом в голове и сами собой слетают с губ.

- Так или иначе, я сыт этим по горло. Кстати, Брюс, в отношении вас я ошибся. Видите ли, у меня пропал один документ личного характера. Из кабинета. Какой-то мерзавец украл рукопись и стер файл. У меня были определенные подозрения.

Он смотрит на меня и пожимает плечами. Мы знаем, что по нашему лицу ни о чем не догадаешься, потому что оно как будто окаменело.

- Боюсь, на какое-то время я поддался паранойе. Всех проверял, повсюду искал следы. Я имею в виду тот наш разговор по поводу Инглиса; вообще-то мне наплевать, какие у него сексуальные предпочтения. Но вы держались хорошо, надо отдать должное. Так или иначе, сам сглупил - такого рода вещи не стоит держать на работе. Я, знаете ли, писал кое-что в перерывах, когда выпадала свободная минутка. Иногда оставался в управлении допоздна, вечерами там тихо, не то что дома. Я думал, что, может быть, вы... ну... ладно, не важно. Видите ли, Брюс, я сочиняю сценарий, в основе которого расследование убийства на расовой почве. Разумеется, дело Вури служит лишь фундаментом, детали мне приходится придумывать самому. В моем сценарии расследованию препятствует коп-расист, у которого есть личные мотивы... оставить преступление нераскрытым.

- И как... чем все кончается? - спрашиваю я. Спрашиваю слишком быстро.

- О, полиция вешает убийство на местных бандитов. Хеппиэнд.

Я киваю.

- Так вот, поначалу я немного испугался, когда обнаружил, что документ украден, а файлы уничтожены. Мое первое подозрение пало... ну, не будем уточнять. Но я знал, что тот, кто украл сценарий, обязательно его прочитает и так или иначе выдаст себя. Разумеется, дома у меня хранилась дискета с копией, так что особых неудобств не возникло. Осторожность лишней не бывает, верно? Мне остается лишь дописать конец и отправить готовую работу в продюсерскую фирму. Иллюзий я не питаю, но кто не рискует...

- Да... хорошо... хорошо, что у вас такой интерес...

- Сказать по правде, Брюс, мне осточертела служба. Вот она у меня где... - Рука в перчатке делает неопределенный жест. - Клелл прав. Закон тратит слишком много времени и сил на то, чтобы запугать простых людей, которые всего лишь пытаются жить по-своему. Общество изменилось, а право отстаёт, вот и приходится нам насаждать то, что уже давно устарело. С меня довольно. В стране достаточно по-настоящему плохих парней, которым самое место за решеткой, а мы хватаем сопляков только за то, что они курят травку или продают приятелям таблетки. Нельзя зачислять людей в преступники на основании их потребительского предпочтения. С таким же успехом можно судить тех, кто ставит «Корнфлейкс» выше «Олл Брана». Чушь да и только. - Он качает головой. - Ладно, мне надо идти.

В груди поднимается волна беспокойства. Я хочу, чтобы он остался. Нет. Я хочу, чтобы он сказал мне кое-что. Мне нужно задать ему один вопрос.

- Босс, секунду. Что случилось с тем парнем в вашем сценарии... ну, с тем копом-расистом?

- До этого я еще не дошел, Брюс. Может быть, ты мне поможешь. - Он улыбается. - В общем, я пришлю к тебе кого-нибудь. А ты постарайся держаться.

Тоул уходит. Хороший парень.

Мы одни. Включаем телевизор. Смотреть нечего. **(Однажды ты любил. Еще до Кэрол)**

Нет. Мы любим только себя.

(Ты любил. Такое со всеми бывает) Нет. Только не с нами. Мы думаем о ком-то другом.

(Рона. Рона. Рона.)Рона.

Мы думаем о Роне, а вспоминаем охваченную ненавистью толпу. Сначала обитатели горняцкого поселка, потом Сеттерингтон и Горман, а между ними... Кто?

Нет, об этом лучше не думать.

(а почему бы и не вспомнить? почему бы и не вспомнить?)

потому что с этим покончено, потому что все в прошлом.

(тогда думай о еде, о чудесной, чудесной жратве)

никакого аппетита

(с тобой становится трудно иметь дело, Брюс. Слишком много «я» и явно недостаточно «мы». А ведь ты теперь должен есть за двоих! А если не можешь думать о Роне, то я тебе помогу, напомним. Рона. Рона была девчонкой, которую ты так по-настоящему и не узнал, но которая стала твоей первой любовью. Впервые ты увидел ее на спортивной площадке в школе. Помнишь, как она стояла там со своими подружками? Рона училась на класс младше тебя. В пятнадцать ты все еще оставался девственником, и гормоны бушевали в крови. У Роны был альбом «Мотт зе Хупл». Ты думал, как это круто, что она тоже увлекается музыкой. Тебе хотелось заговорить с ней. Наверное, того же хотелось и другим, но ни у кого не хватало духа подойти. Да, она выглядела так, что с ней хотелось разговаривать, но тебя отталкивало и смущало то, как она ходит. А потом ты сказал Дермоту, своему школьному другу, что подойдешь к ней и заговоришь. И подошел. Твое лицо горело, глаза слезились. Ты сказал ей ж что-то глупое, вроде: Она не так хороша, как «Все молодые чуваки». Она лучше, ответила Рона. Нет, не лучше, тупо возразил ты. Нет, лучше, стояла на своем она, и на этом все бы, наверное, закончилось, если бы она не добавила: Ты просто не так слушал. А у меня ее нет, сказал ты. Мы собираемся сегодня, верно? заметила ее подруга. Рона смущенно отвернулась, но ты не упустил свой шанс. А можно я тоже приду и послушаю? Приходи, если хочешь, ответила она.)

- Приходи, если хочешь, - говорю я, - просто приходи, если хочешь.

Кладу трубку на рычаг и только тогда ловлю себя на том, что даже не знаю, с кем разговаривал. С ней. Но с кем? Кто это мог быть? Банти? Крисси? Ширли? Женщина из соцобеспечения? Кэрол?

Нет, только не Кэрол.

Сижу и изучаю сыпь на ногах. Я взял фломастер и обвел границу пораженного этой дрянью участка. Таким образом можно рассчитать скорость распространения инфекции. Зная это, нетрудно определить, к какому времени я весь покроюсь сыпью.

Надо рассказать Росси. Выложу ему всю информацию и посмотрю, как отреагирует этот докторишка. Так вот и так, через три года, четыре месяца, двенадцать дней и шесть с половиной часов ваш пациент, детектив-сержант, уже не детектив-инспектор, Брюс Робертсон полностью покроется коростой.

А вы и не знали?

Спрашиваете, каким методом я это определил? Мой метод - это мой метод и только мой метод. Насрать.

Поднимаюсь и иду к окну. На западе собираются тучи.**(Ты витал в облаках, Брюс, однако в глубине души жило сомнение: не подставит ли она тебя, не ждут ли тебя очередные унижения и насмешки. И все же ты пошел. Гормоны - могучая сила, тем более гормоны Брюса Робертсона. Тебе было страшно, но ты пошел, к ней, в домик у реки. Все было отлично. Оказалось, что это так чудесно - сидеть в тепле и разговаривать о музыке, тем более с девушками. Вернувшись домой, ты вспоминал ее и мастурбировал. И как ни**

пытался ты не думать о ее калипере, как ни старался отделить его от ложившегося в голове образа Роны, проклятая железяка появлялась снова и снова во всем своем холодном, блестящем кожанно-металлическом великолепии. Потом ты чувствовал себя виноватым, но почему? Все молодые парни мастурбируют. Тебе хотелось поцеловать ее, Брюс. Тебе жутко хотелось ее поцеловать. На следующий день ты отправился к ней домой один. Вы снова слушали тот альбом. Ничего, если я тебя поцелую? спросил ты. Просто в щеку. Она рассмеялась. Нет, только не в щеку. Я хочу по-настоящему. Ты задрожал и сказал: Ладно. Твои губы и ее. Они были крепко сжаты, ты представлял их другими. Потом подумал о слюне и микробах. Но вскоре вы оба расслабились и вошли во вкус. Голова у тебя пошла кругом, а в штанах будто пружина распрямилась. Через пару дней ты снова встретил ее на площадке. Она улыбнулась тебе, а ее подруга сказала что-то. Ты подошел. Каждый раз, когда ты разговаривал с ней в присутствии ее друзей, кровь бросалась тебе в лицо. Но это прошло. Через некоторое время ты успокоился, и агрессия и зависть, исходившие от других парней, перестали тебе досаждают. Ты знал, что они собой представляют: при всех своих крутых разговорах большинство оставались девственниками. Они беспрестанно хвастали своими вымышленными победами, рассказывали о девочках, которых якобы перетрахали, но при этом ты никогда не видел их в компании с какой-либо птичкой. Прогулками с Роной ты бросил им вызов. Ты распалил в них злость. Ты чувствовал, что становишься сильнее, а они слабели на глазах. Тебе это нравилось. Ты упивался своей непохожестью на них. Ты не только ощущал себя другим, ты ощущал свое превосходство над ними. И тебе хотелось, чтобы именно таким тебя и видели. Оставалось только утвердить это отличие. Сильным тебя сделала Рона. Она так гордилась собой и тобой, что даже ходить стала иначе: с вызывающе поднятой головой, хотя все так же подволакивая ногу. Но вокруг было много людей, чувствовавших, что они пребывают в нижней части экономической и социальной структуры и не ждавших от будущего ничего, кроме унижения. Многие из них мечтали о красоте с калипером. Ты помнишь их, ухмыляющихся, злобных, завистливых. Помнишь и слово, летевшее тебе вслед: недоделок. Тебе не потребовалось много времени, чтобы расстаться с девственностью. Как и ей. Ты не мог сделать это ни в ее доме, ни в доме своей бабушки, а потому все произошло у опор старого моста. Было темно и тихо, от реки поднимался сладкий запах, когда ты вел ее через поломанные ограждения. Рона споткнулась, упала недовольно посмотрела на тебя. Перестань, все в порядке, подбадривал ее ты. Не могу, устало и раздраженно бросила она. Ты освободил больную ногу от проволоки и колючек, а потом обхватил девушку одной рукой и потянул к себе. Ты пронес ее через дыру в ограждении, и в какой-то момент она запаниковала, напряглась и вскрикнула, но ты держал крепко. Тебе нравилось чувствовать ее так близко, чувствовать тепло, запах волос, аромат духов, которыми она иногда брызгала на себя. Рона совсем выбилась из сил, и тебе пришлось прислонить ее к опоре моста, чтобы она не поскользнулась и не упала в воду. Ей была не по вкусу вся эта возня, поэтому ты не стал медлить: задрал юбку и спустил до колен трусики, чтобы она смогла освободиться от них, подняв здоровую ногу. Ты не стал снимать их совсем, а заткнул за ремешок калипера, чтобы они не упали в грязь. Вот уже и брюки спущены, но тут вы оба замерли, потому что по мосту над вами, хрустя колесами по гравию, проехала машина. Ты прижимаешься к ней, и она помогает тебе попасть, направляет своей рукой. Вы оба скрежете зубами, потому что все не так легко и гладко, и ты сознаешь, что надо было потрогать, погладить ее, дожидаться, пока она будет готова, но тебя подталкивает нетерпение опасение, что она передумает в последнюю минуту или вам кто-то помешает.

Второй раз похож на первый. А потом был тот, то ли третий, то ли четвертый, который стал последним. Ты не помнишь? Почему? Потому что не хочешь вспоминать? Последний. Такой же, как второй или третий. Ты думаешь, как бы было здорово трахаться на кровати, но пока тебе хватает и того, что есть. Ты просовываешь руку между ее ягодицами и шершавой бетонной колонной и начинаешь. Наверно, у тебя что-то получается, потому что она тоже заводится и шепчет: Еще... еще... Твой язык оказывается у нее во рту, а ее в твоём, и вы занимаетесь любовью, и то, что началось так неуклюже и неприятно, приводит вас в состояние, близкое к блаженству. Ты кончаешь первый и не можешь продолжать. Как и во второй и третий или четвертый раз. Ты чувствуешь, что она разочарована. Теперь, когда все позади, тебя охватывает сильнейшее желание убежать, бросить Рону. Ты вдруг начинаешь смотреть на нее другими глазами: ничего особенного, хромоногая калека. Но твой друг Дермам уверяет, что так и должно быть, что это нормально,

что так бывает у каждого, кто получил свое. Надо просто подождать, пока произойдет подзарядка. Да и в любом случае не убежал бы от девушки с калипером. Тебе кажется, что ты ее любишь. Ночью ты лежишь с

открытыми глазами, думая не о Стиви, не о черной мерзкой дряни, а о том, как было бы хорошо, если бы с ней могли пожениться. Не просто ради секса, а ради того, чтобы жить вместе под одной крышей и заботиться друг о друге. Понятно, что ее родители никогда не согласятся на это. Ты осознаешь, что твои чувства глупы и недостойны мужчины, но куда от них денешься. Потом обо всем узнала бабушка. Ее подруга Агнес видела, как вы с Роной целовались в парке на скамейке. Однажды ты приходишь домой, а она сидит перед телевизором с початой бутылкой виски и полудюжиной банок «карлсберга». Говорят, ты нашел себе подружку, бормочет старушка, пребывающая на продвинутой стадии опьянения. Да еще такую, которая и убежать-то не может! Хромоножку! Ты не обращаешь внимания на ее болтовню и спешишь в свою комнату. Все остальные играют в прежние игры. Тебя дразнят извращенцем, звериным отродьем и недоделком. Рона никогда не красится перед школой, поэтому выглядит совсем юной. Но вернемся к тому вечеру, вашему четвертому вечеру. Ты ведешь ее домой. И видишь перед собой Брайана Мелдрама и его шайку. С ними несколько парней постарше. Ты игнорируешь их оскорбления - они завидуют, что у тебя такая роскошная подружка. Самая красивая девчонка в школе, хоть и хромая. Пусть кричат, пусть злобствуют, пусть хоть на уши встанут - главное, чтобы не трогали Рону. Она этого не заслуживает, а кроме того, ты любишь ее. Может, срежем, пройдем через поле для гольфа? предлагаешь ты. Да, отвечает она, зная, что ты хочешь избежать столкновения с толпой. Она берет тебя за руку, сжимает пальцы и опускает голову. Как бы ты хотел стать сильным! Таким сильным, чтобы побить их всех, уничтожить любого, кто посмеет обидеть ее. Но они еще не заметили вас, они нанюхались клея и нализались дешевого вина, так что им не до вас. Вы сворачиваете дороги, перелезаете через проволочное ограждение и идете по полю. Довольный тем, что все обошлось, ты вытаскиваешь из земли металлический штырь и швыряешь как дротик. Тебе хочется порисоваться перед Роной, но она говорит: Не надо, Брюс, и обходит бункер. В небе гремит гром, и сразу вслед за ним начинается сыпать дождик. Затем еще один раскат. И вспышка. Рона издает странный вскрик, похожий на визг уколовшей лапу собаки, ты оборачиваешься и видишь ее в саване электрического сияния. В полутьме, под хлещущими струями дождя ты бежишь к ней. Ты слышишь только собственные прерывистые рыдания и даже не можешь позвать ее по имени.)

Рона!

Кэрол!
Стейси!

Достаю из ящика фотографию в рамке и ставлю па комод. Когда-то она носила скобки на зубах. И они ей действительно помогли - зубы выровнялись. Полезная вещь, хотя я поначалу был против. А вот на ноге у нее ничего не было.

На кухне вонища. Похоже, что-то испортилось. Открываю заднюю дверь. Холодно - на мне только трусы и расстегнутый халат, - но смотреть на выпавший снег все равно приятно. Как в фильме «Белое Рождество», где все выходят из гостиницы Генерала, а снег падает, и они начинают петь. Гляжу на вихрящийся снежный каскад и потягиваю из фиолетовой банки, тихонько напевая себе под нос: м-м-м-м... хуево Рождество...

В садике на земле лежит что-то...(ты смотришь на то, что лежит на земле, потом поворачиваешься, перелезаешь через ограду и бредешь, сам не зная куда. Те пьяные придурки, от которых вы убежали, кричат что-то, но ты не разбираешь слов. Ты останавливаешься и смотришь на деревья с розовыми цветами, запах которых так нравился Роне. Путь преграждает Брайан Мелдрам. Эй, Робертсон, я с тобой разговариваю, мать твою! Ты смотришь на него и думаешь, в каких жутких уродов добровольно превращают себя люди. Помнишь, Брюс, когда тебе в голову в последний раз приходили такие мысли? Ты думал о том что парень, сам того не сознавая, просто губит себя. Ну что, Брюс Робертсон? Оттянул хромоногую? И где же теперь твоя калека? Ее нет... Классная телка, говорит другой. Я бы и сам ее отымел. Отъебись, говнюк, смеется Мелдрам. Точно, замечает парень постарше, та еще куколка. Просто у вас кишка тонка предложить ей перепихнуться. А на ногу не хрен и смотреть. Главное в этом деле - фейс, плафоны и попка. Так что Рона в порядке, парни. Мелдрам все еще таращится на тебя. Что у тебя с рожей, Робертсон? Полез не туда, а? Он дышит на тебя перегаром, и это совсем не то, что аромат духов Роны. Дождь стучит по крыше автобусной остановки. Ее нет... она на поле... на поле для гольфа.. По очереди что ли принимает? спрашивает кто-то. Она на поле... Тебя уже бьет дрожь. Ты думаешь о ней. О том, что ничего не сделал. О том, что виноваты в этом они. Если бы вы не пошли через поле... Если бы не встретили их... На поле? В такую погоду? Пошли найдем ее! Они вытаскивают тебя из-под крыши, ведут через мост к воротам, и ты показываешь им то место, где она ждет. Ее там не будет. Что ей там делать, под дождем? говорит кто-то. А если она подвернула ногу? Надо отвести ее домой. Где она? Гроза уже прошла, но дождь не стихает, и ты промок до нитки. Там... за бункером, говоришь ты. Эй, крошка! кричит Мелдрам, подбегая к яме. Эй... - Он останавливается на краю препятствия. «Какого хуя... какого... ВЫЗЫВАЙТЕ ПОЛИЦИЮ, МАТЬ ВАШУ! Он со всей силы бьет тебя поддых, так что ты складаешься пополам и хватаешь ртом воздух. Что ты сделал с ней, ебанный урод? Ты оказываешься на земле, и тебя бьют ногами. Все. Ты плачешь, но не потому что тебе больно. Ты плачешь по ней. Прибывает полиция, и тебя отвозят в участок. Полицейские говорят, что не надо было бросать штырь, не надо было выходить на высокое место, потому что молния бьет по вершине. Получается, что это ты убил ее. Нет. Несчастный случай. Еще один несчастный случай. В полиции тебя никто ни в чем не упрекает. Все добрые. Все понимают. Ты и сейчас иногда видишь ее лицо, холодное и застывшее, с будто нарисованными веснушками. Оно, это лицо, совсем не похоже на лицо той Роны, которую ты знал, с которой разговаривал, которую целовал и которую трахал. Она была твоей первой любовью, но ты так и не узнал ее по-настоящему. Ей нравилась музыка, она была красивая и от нее приятно пахло, она носила калипер, и, если быть до конца честным, твое сердце замирало и замирает до сих пор каждый раз, когда ты думаешь о ней. Иногда

кажется, что оно не выдержит и лопнет, но помогают игры. Или по крайней мере помогали. Теперь уже нет.)

Что это? Мешок с углем. Находка.

Затаскиваю его в холодную, темную комнату. Медленно развожу огонь в камине. Уголь схватывается быстро. Сажу, заморожено глядя на прыгающие языки пламени - единственный в комнате источник света, если не считать то и дело вспыхивающий огонек автоответчика, бросающий тусклый красноватый отблеск на фотографию Стейси.

Поднимаюсь и нажимаю на кнопку, чтобы прослушать сообщения.

- Брюс, это Банти. Пожалуйста, позвони мне. Гудок.

- Брюс, снова Банти. Я беспокоюсь о тебе, дорогой. Мне сказали, что ты заболел. Звонила, но тебя не было. Позвони.

Гудок.

- Это Крисси. Позвони мне как-нибудь, ковбой! Гудок.

- Привет, Брюс. Это Гас. Надеюсь, все в порядке и ты скоро вернешься в строй. Звякни!

Гудок.

- Мистер Робертсон, это Хизер Сим, мама Юэна. Было бы прекрасно, если бы вы смогли взять билеты на матч с «Селтиком» на двадцать первое. Перезвоните, пожалуйста, по номеру шесть-один-два-семь-четыре-четыре-три. Еще раз спасибо.

Гудок.

- Брюс, детка, это Крисси, последняя из Великих Притворщиц. Ты не звонишь и не отвечаешь. Была поблизости от твоего дома. Знаю, ты там. Похоже, тебе давно не отключали газ. В чем дело, малыш? Боишься, что перегреешься? Позвони, как только отыщешь свои яйца!

Гудок.

- Кто-нибудь дома? Ладно, понял... Гудок.

- Брюс... пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, позвони мне. Позвони мне!

Гудок.

- Гас. Я пролетел, Брюс. Они отказали мне. Позвони. Я это так не оставлю. Ты знаешь, кто пошел на повышение.

Гудок.

- Алло... Гудок.

Хватит. Отключаю телефон. Что мне сейчас надо, так это побольше смотреть телевизор. Телевизор.

Нет. Каналы, голоса... везде эти ебанные голоса...

Стук в дверь. Я бы и не открыл, но тот хуй, кто бы он ни был, колотит и колотит, как будто вознамерился войти любой ценой. Так стучат полицейские. Открываю. Так и есть, он стоит передо мной, а я смотрю ему через плечо и вижу, как «БМВ» Тома Стронака выезжает со двора и сворачивает на дорогу. Зимнее солнце бьет в глаза. Метель. Она прошла. Вот же блядство.

- Я должен был прийти, Брюс, - говорит он нам. - Беспокоился о тебе. Ты, конечно, попал. В общем, я должен был прийти.

Мы предпочли бы закрыть дверь, но в данный момент, похоже, его легче впустить. Ничего не говорим, но проходим в кухню и садимся. Смотрим на сад - все мертво и заброшено. А когда-то там было мило. В саду работала Кэрол, я - никогда. Хотя я ценил ее усилия. Мне нравилось сидеть там с баночкой пива. Простые удовольствия. Качели... я поставил их для Стейси несколько лет назад. Сколько?

Рэй проходит за мной и садится напротив. Озабоченный гость.

- Конечно, Брюс, не мне тебе говорить, что хотя я и рад повышению, но... ну, ты понимаешь. Если бы ты не... ну, если бы не твои проблемы... конечно, это место досталось бы

тебе, приятель. Надо признать.

- Ладно, Рэй, как есть, так и есть, - киваем мы. Вот оно что. Вот что хотел сказать Гас.

Физиономия Леннокса установлена на осторожную улыбку, которая почти не затрагивает подтянутый рот; взгляд бегаёт, но как-то механически, и глаза остаются мертвыми. Сейчас он полицейский.

- Знаешь, в чем твоя проблема? - Рэй холодно смеется. - Проповедывал одно, а практиковал другое.

Мы не отвечаем.

Леннокс говорит так, словно заботится о нашем благе, а вовсе не пришел покрасоваться.

- Ты же сам мне говорил, Брюс. Помнишь? Вникни, какова линия партии, а уж потом трепли языком.

- Да, помню, - говорим мы.

- Так вот, Брюс, тебе придется выучить новую роль. Как ту чушь насчет равных возможностей. Мели, что хочешь, но делай это с убеждением. Вот почему такие, как Гиллман... - Он снисходительно усмехается и качает головой. Отрепетировал. - Никакого расизма, никакого женофобства. Ты же не первый день живешь, Брюс. Вся эта чушь про равные возможности началась с массовой безработицы. Нельзя же допустить, чтобы какая-то шелупонь отбирала работу у сынков и дочек богачей. Вот и появилась кучка привилегированных черножопых, чтобы демонстрировать перспективу для всех. А на самом деле хорошая работа всегда приберегается для буржуазии. Вводятся всякие требования по образовательному минимуму, о которых раньше и не слышали, и все такое прочее. На хуй перемены. В Лондоне черные будут время от времени получать дубинкой по башке от своих. Все должно оставаться по-прежнему. Ты и сам понимаешь.

- Да, верно, Рэй.

- Не хочу сказать, что ты динозавр, Брюс, но ты сам позволил этим мудакам представить себя в не самом лучшем виде. Держи карты поближе к груди, приятель.

- Верно, Рэй, я всегда тебе так говорил.

- В том-то и дело, что говорил.

Он оглядывает комнату и брезгливо морщится. Встает. Леннокс победитель - Робертсон побежденный.

Кто бы мог подумать. Наверное, только Леннокс.

- Ладно, Брюс, мне пора. И последнее. Когда получаешь повышение, возникает проблема, как строить отношения со старыми друзьями и все такое.

Он пристально смотрит на нас, как будто ожидает, что мы сейчас закиваем и скажем, да, конечно, понятное дело, Рэй. Но в наших глазах пустота. Нам нечего сказать.

- Мы с тобой оба профессионалы, Брюс, и наше дело - утверждать закон. Однако твои методы и мои методы - две очень разные вещи. У нас в прошлом были кое-какие общие делишки, но теперь с этим покончено. С коксом и всем остальным дерьмом. - Он снова смотрит на меня, и я впервые замечаю в нем уверенность, которой никогда не наблюдалось раньше. Уверенность человека, знающего, что за ним сила государства. - Усек?

- Конечно, Рэй.

- Как поется в песне, «что прошло, то прошло, и быльем поросло». Не забывай об этом, и все будет в порядке. О'кей?

- О'кей...

- И вот что, Брюс, без обид, ладно?

- Какие обиды, Рэй? Ты же меня знаешь, я никогда не держался за прошлое. Уверен, из тебя получится отличный инспектор.

Леннокс крепко сжимает мое плечо.

- Спасибо, приятель. Все, мне надо идти. Увидимся. У меня еще много дел.

- Да, разумеется, Рэй. Счастливо.

- И тебе счастливо, Брюс. Да, послушай... Я тут видел на днях Блейдси. В клубе на Шрабхилле. Пришибленный он какой-то. С ним, понятно, никто и не разговаривал. Потом Гиллман объяснил ему что к чему, по-своему. Сомневаюсь, что наш мистер Блейдс осмелится теперь заявиться в Ложу. Ну, все.

Рэй подмигивает, прищелкивает языком и уходит. Переключаю каналы.

(Ты вырос и стал работать на той же шахте, что и человек, которого. Ты ощущал его ненависть. Но теперь у тебя были друзья. Например, старый шахтер из Ская, Кроуфорд Даглас. Ты знал его еще с детства. Это он увел тебя от угольной горы и от поломанного тела Стиви в дом бабушки в Пеникуике. Вы с ним хорошо ладили. Одно время ладила с ним и твоя бабушка. Но потом они разбежались. Кроуфорд долго жил в Ньюгрейндже. Он недолюбливал твоего отчима, Йена Робертсона. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вы сошлись. Именно Кроуфорд привел тебя в древний и благородный орден свободных каменщиков. Однажды ночью, изрядно поддав, он поведал тебе подлинную историю твоего кровного отца. Оказывается, этот человек не умер)

Слушаю голоса и жму на кнопки пульта, переключаясь с канала на канат, но голос вес звучит. Все тот же настойчивый, мягкий, поедающий меня изнутри голос...

...переключаю каналы...

(Семья Молли Хэнлон в свое время перебралась из Ирландии в Шотландию, где нашла работу на шахтах Мидлотиана. Молли росла в Ньютонгрэйндже и там же влюбилась в местного парня по имени Йен Робертсон, молодого шахтера, работавшего с ее отцом. Йен не видел необходимости венчаться в католической церкви, но согласился ради невесты. В конце концов чего не сделаешь во имя любви. А затем случилось нечто ужасное, нечто такое, что стало настоящим испытанием его чувства.)

...переключаю каналы... фильм из Бондианы... На этот раз с Роджером Муром...

(Однажды, когда Молли высаживала цветы на могиле отца, на нее напал какой-то мужчина. Он избил и изнасиловал девушку. Молли смогла дать описание нападавшего, и его вскоре задержали. Насильника судили по обвинению в ряде изнасилований и сексуальных домогательств в отношении как женщин, так и мужчин. На суде выяснилось, что преступник страдал серьезными психическими расстройствами: острой шизофренией, депрессией, приступами истерии. Но настоящая трагедия началась тогда, когда было установлено, что Молли забеременела я насильника. Она обратилась за советом к местному священнику. Отец Райан сказал, что так как она католичка, то не должна препятствовать появлению новой жизни. Йен Робертсон, несмотря на все свое горе, остался с ней. Они поженились, а затем родился ребенок, которому дали имя Брюс.)

Переключаю каналы... мультфильмы... Диснеевский «Красавица и Чудовище»...

(Йен Робертсон не бросил жену, но каждый раз, глядя на малыша, он видел лицо человека, чья фотография была помещена на первой странице «Дэйли Рекорд» под заголовком ЛИК ЧУДОВИЩА. Ты знал, что не похож на него. Не похож на монстра. Но тебе пришлось доказывать это.)

Переключаю каналы... реклама... настоящие шотландцы читают «Рекорд»...

(Ты изучал его лицо. Микрофильм старой газетной публикации можно было найти в читальном зале Библиотеки Митчелла в Глазго. Ты часами смотрел на

это лицо, пытаясь обнаружить в нем хоть что-то человеческое. В свободное время ты отправлялся в Глазго, как паломник к святому месту. Иногда ты ездил туда даже в

рабочие дни. Отпрашивался, чтобы поехать и взглянуть на лицо Чудовища. Ты говорил себе, что между вами нет ничего общего. Но женщины. Ты хотел их. Ты всегда хотел их. Хотя такое же влечение испытывают все молодые люди. Это нормально.)

Переключаю каналы... повтор «Пожалуйста, сэр».

(Помнишь мисс Хантер, Брюс? ж Учительницу в начальной школе Пеникуика. Ты должен помнить, с какой жестокостью она к тебе относилась. Сухая как палка, она терроризировала тебя, и ее рвение выходило за рамки обычного садизма, практиковавшегося ею по отношению к другим ученикам. В ее ненависти к тебе было что-то личное. Иногда мисс Хантер отводила тебя в сторонку, встряхивала и шептала на ухо: «Я знаю, кто ты, Робертсон. Мне все про тебя известно, мерзкий негодник». Чем больше ты старался угодить ей, тем хуже она к тебе относилась.)

Телевизор выключается.

Я не знаю, день сейчас или ночь. Передо мной несколько пустых банок. В камине еще тлеют угли. Звонила женщина из соцобеспечения, но что сказала - не помню. Надо что-то сделать.

Одеваюсь и выхожу. Иду в сторону Колинтон-Вилидж. Единственный, кого я могу навестить, это доктор Росси. В приемной дожидаются очереди несколько вонючих старух, но сейчас я почти ничем не отличаюсь от них в своем старом пальто. Вы у меня получите, сучки недоебанные. Достаяю из кармана фиолетовую жестянку.

- Здесь пить не разрешается, - говорит дежурная. Машу перед ней удостоверением.

- Полиция. Работаю под прикрытием, - объясняю я бабулькам. Одна высокомерно поджигает высохшие губы. Так и хочется схватить шприц, закачать содержимое банки и впрыснуть дуре в сморщенные губы - то-то порозовели бы! - Пластическая хирургия. Современные технологии. Сейчас все могут себе это позволить.

Я поднимаю тост за технологии.

Дежурная называет мое имя, и я вхожу в кабинет доктора Росси. При виде меня челюсть у него отпадает, но мне-то наплевать. А если бы было не наплевать, то я сказал бы, что манеры у этого хмыря совсем не профессиональные.

Такие, как Росси, - это «Макдоналдсы» медицины, и диагноз они ставят быстрее, чем подают «Биг-Мак».

- У вас депрессия, мистер Робертсон. Ничего не поделаешь, придется прописать «прозак».

- Хорошо, - говорим мы.

Росси... Что-то в нем изменилось. Как будто до этого глухаря только сейчас дошло, что годы-то убежали, и вершины уже не достичь. Только и остается, что выписывать таблетки старым кошелкам и оставаться на уровне клерков, полицейских, учителей, социальных работников и т.п. От нашего обычно бодрого и жизнерадостного врачихи так и несет сломленным депрессняком неудачником, только что постигшем свои пределы. За последнее время мы привыкли к этому запаху, который сочится из каждой поры моего собственного больного тела вместе с сопутствующим ему поганым запахом виски. По дороге мы, я, мы комкаем выписанный рецепт и швыряем в реку у Колинтон-Делл. Потом идем в «Ройал Скот» пропустить пинту пива. Единственное лекарство, в котором мы нуждаемся, это залить обиду. А все из-за гребаного кокса, который подсовывал нам мудак Леннокс. Довел нас до своего уровня, а потом подсуетился и увел из-под носа нашу работу. Такой поворот надо было предвидеть, но... Но мы оказались слабы. Нужно стать сильнее.

Ночь не приносит сна. Мысли носятся в голове бесконечной каруселью. Наши жена и дочь машут нам с дурацких лошадок, а мы сидим, потягивая чай, на площади Принсис-стрит-Гарденс, вечно поглощенные своими мыслями, занятые планами мщения тем, кто преступил

законы государства.

Отвлечься не получается, круг не разорвать даже мастурбацией, потому что каждый раз, когда мы пытаемся вызвать в воображении образ той или иной женщины, перед нами возникают гнусные физиономии Леннокса или Тоула, а в таких обстоятельствах никакое сексуальное возбуждение невозможно. Впрочем, оно и к лучшему.

Тиски ужаса ощущаются почти физически; иногда они слабеют, но никогда не отпускают совсем.

Мы снова куда-то идем, через Делл, через длинный пассаж, напоминающий старый железнодорожный туннель. В этом туннеле есть одно место, один пункт, где пассаж поворачивает, и света не видно ни впереди, ни позади. Пара шагов вперед, и свет засияет; пара шагов назад, взгляд через плечо - то же самое. Но здесь, в этой точке - мрак, лимбо. Появляется ощущение, что если ты только задержишься здесь чуть дольше, останешься в этой точке забвения некое определенное время, то и сам растворишься в темноте, перестанешь существовать.

Мы не в силах сдвинуться с места.

(Дующий из полярных областей через негостеприимное море и попадающий прямоком в твои попорченные табаком легкие ветер настолько холоден, что внутри тебя как будто образовалось арктическое ядро. Я ощущаю его, Брюс, и мне это не нравится. Ты чувствуешь, как теплая человеческая плоть окутывает его подобно одеялу, впитывает его свежесть, пропускает его токи великодушия и доброты к органам тела. Дыши. Дыши. Нет, мне здесь не нравится. Выбирайся из туннеля, Брюс.)Туннель втягивает нас, как водоворот, вот уже видны каменные структуры, они проступают из мутной, пьяной темноты. Мы слышим голоса, но они не пугают нас, не заставляют напрячься.

Забвение не наступает. Мы даже не заметили, как покинули туннель, вышли из деревянного каньона, однако знаем, что это произошло, что мы выбрались на главную дорогу - на это указывают шум и огни редких машин.

Университет... сумерки... щебет птиц в парке на Гилмор-Плейс... и вот мы уже возле Королевского Театра. Стейси, Кэрл, подружка Стейси Селеста и мы на пантомиме «Матушка Гусыня» со Стэнли Бакстером и Энгусом Ленни из «Кроссрудс».

Мы были там.

Нет, не были.

Да, были.

Светло. Холодно, зуб на зуб не попадает. Какой-то попрошайка что-то хрипит в наш адрес; может, проклиняет, может, просит деньги. Мы шарим в карманах и обнаруживаем двадцатку и немного мелочи.

Подает двадцатку нищему; он видит боль в наших глазах и смотрит на нас с благодарностью, которая тут же сменяется разгоняющим алкогольную муть страхом. Он берет бумажку и бормочет что-то невнятно

(Вскоре после шахтерской забастовки, узнав, кто твой настоящий отец, ты уехал в Лондон и поступил на службу в полицию. Ты снова просиживал часами над газетными вырезками. Ты размышлял о собственных проблемах и возлагал ответственность за них на него, своего биологического отца. Его, самого ненавидимого и страшного из всех заключенных страны, содержали, заботясь о безопасности как его собственной, так и других людей, в отдельной камере. Его называли Чудовищем. И ты старался не думать о нем, ты гнал от себя тревожные мысли, ты продолжал жить. Ты был нормальным. Ты бросил шахту и поступил в полицию. Женился. Остепенился. У тебя родился ребенок. Ты был нормальным. Вот только приступы беспричинного беспокойства... Депрессии...

Желания...)

Мы движемся в противоположном направлении, туда, откуда пришли. В витрине видим густую темную щетину. Надо побриться.

Что еще делать, как не идти домой.

Домой.

ДОМ - ТЬМА

У меня нет фотографий. Только воспоминания. Я отчетливо помню, как поехал посмотреть на него.

На отца. Того, который никогда не изводил меня, никогда не заставлял есть уголь, никогда не называл меня дьявольским отродьем. И все равно я ненавидел его больше всех на свете.

Я привык бывать в таких местах по служебным делам. Я уже не замечал их. Но то место было трудно не заметить, трудно не почувствовать его гнетущую, тошнотворно-унылую мрачность. Громадная стена словно тянется по всей длине жуткой пустоты, заполненной дерьмовыми городишками, поселками, промышленными строениями и старыми шахтами, разбросанными между Эдинбургом и Глазго.

Внутри - запах. Пахнет дезинфектантом. Другого такого запаха нет. Он напоминает больничный, но намного более затхлый и вонючий.

Я уже трясся, когда тюремный сторож Джош Хартли от крыл мне камеру. Вся моя информация о нем ограничивалась нечеткой фотографией в «Дэйли Рекорд». Он представлялся мне воплощением зла. Действительность оказалась куда прозаичнее. Весь мой мандраж куда-то ушел, сменившись презрением и злостью, когда я увидел скрюченную старческую фигуру. Неужели это и есть Чудовище? Глаза. Они вовсе не были глаза ми убийцы, но вполне могли принадлежать какой-нибудь мерзкой карге, посвященной в грязную сплетню. Крючковатый нос, совсем не такой, как у меня - мой достался мне от матери. Мне хотелось швырнуть его на пол и растоптать ему башку, выбить из него жизнь, забрать се у него так же бездушно-грубо, как он когда-то дал мне мою. Я подумал о матери. Я презирал се за слабость. Как могла она позволить этому жалкому существу сотворить с ней такое? Как посмела не отбиться от него?

Хотела ли она этого? Хотела ли его? Хотела ли такого? Нет. Никогда.

Как могла она выносить в себе семя такой дряни, послушавшись поучений гребаной церкви, управляемой мудаками, которые и пизды-то не видели. Или даже голой жопы.

Это противоречило всем правилам.

Правила запрещают оставлять преступника данной категории наедине с офицером, а уж тем более с посторонним копом, но сторож служил в тюрьме не первый год. Он дал мне пять минут. Всего пять минут. Более чем достаточно, когда ты прошел школу скользких ступенек. Я думал, что скажу ему что-нибудь. Спрошу, потребую, обвиню. Но нет, такого желания не возникло. Зачем? Я просто молча шагнул к Чудовищу.

- Что тебе надо? Чего ты хочешь? - закудахтал он, чувствуя мою ненависть.

Когда сторож вернулся, мои руки сжимали шею Чудовища, а его голова отскакивала от стены.

Джош Хартли остановил меня. Вытащил из камеры. Чудовище и сейчас гниет в специальной тюрьме для психов. К побоям он привык - охранники спуску не дают, но я надеюсь, что тот раз запомнился ему как особенный. А может, и нет.

(Послушай меня, Брюс, ты не такой, как он. Он сделал свой выбор, ты сделал свой. Ты решил защищать людей от таких, как он, негодяев. Ты встал на сторону закона. Не будь слишком суров к себе. У тебя есть семья. Ты не такой, как У тот монстр. Все хотели, чтобы ты стал таким, как он; с самого начала ты был тем, кого пинали несчастные, запуганные людишки. Такую роль они отвели тебе. Но ты другой, Брюс, ты не похож на него. Забудь Рону. Была ведь Кэрл. У тебя была Кэрл. Кэрл была Другой. Ты влюбился в нее, и вскоре после возвращения из Лондона вы поженились.)

Переключаю каналы. Документальный фильм о Маргарет Тэтчер.

(Но импульсы не погасли. Импульс унижать и контролировать, чтобы заполнить внутреннюю пустоту. Ты думаешь о своем родителе. Ты отвергнутый и гордый. Потребность унижать, причинять боль и контролировать не слабеет. Посчитаться с ними. Ты думаешь о том, как было бы хорошо стать политиком. Как это должно быть прекрасно, начать войну. Послать на смерть тысячи людей. Ты преклоняешься перед Тэтчер после Фолклендов. Представляешь, какой кайф испытала она в тот момент, когда с ее губ слетело слово «ликуйте». Вспоминаешь, как в детстве, когда другие мальчишки воображали себя солдатами, ты мечтал сидеть за дубовым столом и отправлять умирать других. Ты репетировал речи, в которых клеймил врагов. Ты смотришь на свою работу и проклинаешь все ограничения, как личного свойства, так и наложенные извне. Учитывая обстоятельства, ты понимаешь, что не сможешь добраться до власти, не пройдя бесконечно утомительный путь. Но тебе необходима защита, потому что нормальные, желая защитить себя, упрячут тебя в тюрьму. Служба в полиции представляется самой верной ставкой.)

Переключаю каналы. Джуди Чалмерс исследует Большой Барьерный Риф...

(Задело. Австралия манит. Тебе нравилось в славящейся коррумпированностью полиции Нового Южного Уэльса. Но ты вовсе не был таким уж плохим человеком. При всех обстоятельствах ты всегда возвращался домой к Кэрол. У тебя была Кэрол.)

Выключаю телевизор.

У меня была Кэрол, но я ебал всех, кого только мог, без разбору: проституток, родственниц, случайных ночных пташек, коллег по работе. Сказать по правде, нравились мне совсем немногие, но я всегда находил причины не признаваться себе в этом. Я ебал их всегда и везде, при каждом удобном случае.

Кэрол сделала это только один раз.

Кэрол отомстила нам, когда легла под черного. Сказана, что любит его. Больше я ничего о нем не знал: только то, что он черный и что она сказала, что любит его. Нам ничего не оставалось, как только прикончить его. Это случилось, когда мы были с ней, переодевшись в ее одежду. Мы пошли в тот клуб в ее платье, в больших туфлях, сделанных по специальному заказу в Ньюкасле. Уделали черного те недоумки. Уделали на лестнице. Нам оставалось только прикончить его, причем мы даже не знали, тот ли это парень, с которым была Кэрол. Мы добились черного молотком-гвоздодером, который всегда носили с собой и который купили в Челмсфорде, возвращаясь от Тони и Дианы. Драммонд могла обшарить всю Шотландию и ничего не найти. Молоток был нужен нам позарез - на улицах всегда хватает ищущих приключений подонков.

Да, мы были у Джемми Джо и видели Эфана Вури. Он пил, танцевал и веселился. Мы попробовали заговорить с ним, но он отмахнулся от нас. И тогда мы подумали, что именно с ним и была Кэрол. Он не пожелал с нами разговаривать. Отринул нас, меня и Кэрол. Он никогда не любил ее, только использовал. Мы не могли спустить ему это. Принципиально. Любой бы сделал то же самое. Поквитался бы с ним.

Эстелла Дэвидсон смотрела на нас весь вечер. Она видела нас в женском туалете. Она навела на нас Гормана и Сеттерингтона с их бандой. И тогда нам пришлось уйти.

Мы ушли и стали поджидать их. Чтобы расплатиться.

Черный привлек их внимание. Это они уделали его на лестнице. Я только прикончил, а первыми до него добрались они. Не знаю, чем он им насолил, да мне и наплевать; может, просто болтал с их птичками. Это их проблемы. Мне ни до кого нет дела, кроме себя. Хотя это не так.

(Не делай этого, Брюс. Не делай этого. Не делай этого. Ты же лучше, чем они. Не делай этого.)

Мне есть дело только до себя, поэтому мне нет дела до всех остальных.

Она считает, что может поступать так, как ей хочется, но вот уж хуй. Она и ребенка настроила против нас, рассказывая девчонке всякую чушь. Сука! Это из-за нее все пошло не так. Ее требуется наказать, заставить заплатить за все.

Мы звоним ее матери и говорим, что всего лишь хотим увидеть ребенка, хотим просто поговорить. О разводе.

Ее голос совсем не похож на голос Кэрол. Той Кэрол, которую мы знаем. Мы не находим места для слов, тех слов, которых она так долго ждала, тех слов, которые мы не способны были произнести, тех слов, которые, возможно, могли бы все поправить. В отсутствие слов она стала блядью, пиздой, дыркой, тем, что ебут, тем, над чем дрожат. Ей придется делать то, чего в иных обстоятельствах никогда бы не пришлось делать. Стать секс-игрушкой. Удовлетворять мои... потребности.

Это не ее голос. Мне почти нравится эта женщина. Она говорит почти как Кэрол. Прежняя Кэрол. Хватит!

Теперь, когда мы приказали ей прийти, нам остается только сидеть и ждать. И готовиться. Готовиться к тому, чтобы уделат сучку. Раз и навсегда.

(Будь благоразумным, Брюс, не бывает так плохо, чтобы нельзя было поправить к лучшему может, не с ней, но впереди у тебя целая жизнь, пожалуйста, пожалуйста, не делай этого, это нечестно, нет)

Я приготовил и надел тенниску. На ней большими черными буквами написано ЭТО ИЗ-ЗА ТЕБЯ. Петля на шее слишком тесная. Мы смотрим на веревку, привязанную к балке на чердаке, и ждем, ждем, готовые выпрыгнуть из люка, как только она повернет ключ и откроет дверь. Мы упадем в прихожей прямо перед ней, и это навсегда останется на ее совести. До конца ее гребаной жизни. Шлюха и лгуня.

(Брюс, Брюс, Брюс, Брюс, Брюс)

Мы ждем, думаем, сомневаемся и ненавидим. Ну и как оно?

Все прочие чувства подавляет злость. Мы ненавидим себя за то, что не можем быть другими, не такими, какие мы есть. За то, что не способны быть другими.

Мы чувствуем злость.

Чувствам надо доверять. Нужно делать то, что они подсказывают. Кем бы ты ни был, приверженцем какой-то идеологии или сенсуалистом, ты следуешь стимулам, считая их указателями в землю обетованную. Ничего подобного. Они всего лишь рифы на твоем пути, камни, о которые ты обдираешь бока. И минувя одни, ты всегда видишь на горизонте другие. Но смотреть в лицо правде выше твоих сил, а потому ты заставляешь себя верить во всю ту чушь, которую несут люди, в которых ты инстинктивно чувствуешь лжецов, и повторяешь их ложь себе и другим, надеясь, что при частом и по мере возможности искреннем повторении ты и сам достигнешь того богоподобного статуса, которым наделяешь тех, кто еще чаще и с еще большим пылом произносит эту ложь.

Но тебе никогда не подняться до их высот, а если бы это и случилось, ты не ценил бы достигнутое, потому что понял бы, что в героев никто уже не верит. Мы знаем, что они всего лишь хотят сбить нам что-то, что по-настоящему никому и не нужно, и не дать то, в чем мы действительно нуждаемся.

Может быть, это и хорошо. Может быть, мы наконец-то понимаем себя. То, что мы всегда умираем в одиночку, страшно, но это не хуже, чем жить в одиночку...

(Брюс, Брюс, Не надо, Брюс) И вот я готов и слышу ключ в замке. Я прыгаю и падаю. Потом что-то дергает меня вверх. Я слышу хруст, но боли нет, а за матовым стеклом появляется фигура и это не она она слишком тоненькая это Стейси нет Стейси не открывай дверь не

открывай дверь... не... я не хочу...

...больше всего я хочу чтобы Стейси не было здесь чтобы она не видела это и я пытаюсь крикнуть Нет уходи и слышу ее крик Папочка и я хочу жить хочу помириться с ней и Кэрол я слышу ее голос ее крик Брюс и мне не безразлично мне не наплевать я победил я одолел ублюдков но какой ценой досталась победа

СТЕЙСИ господи пожалуйста пусть это будет

КТО-ТО другой, КТО-ТО другой...

(я выскальзываю из Хозяина вместе с кучей экскрементов и сползаю по его ноге. Я уже не в нем. Пронзительный крик... Кому-то больно ...как было больно Другому, когда Хозяин избавлялся от него... Другому, которого я любил... Теперь Хозяина нет, и я больше не могу... Не могу поддерживать жизнь вне тела Хозяина... подобно Другому, я ухожу, умираю с Хозяином, предоставляя другим, всегда другим, собирать камни).